

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

133

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 133

TRIMESTRIEL

I — 1981

I - 1981

ВЕСТНИК Р.Х.Д.

№ 133

LE MESSENGER

Périodique édité par l'Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редакционная коллегия:

Архиеп. Сильвестр, прот. Александр Шмеман, прот. Иоанн Мейендорф,
прот. Алексей Князев, прот. Кирилл Фотиев, О. Раевская. В. Аллой,
Н. Струве.

Ответственный редактор: Н. А. Струве.

ВЕСТНИК Р. Х. Д.

Условия подписки на 1980 год с целью поддержки	180 Фр. или 40,— \$
	250 Фр. или 60,— \$
цена отдельного номера	60 Фр. или 15,— \$

чеки выписывать на имя : **LE MESSENGER**

Подписчики, живущие во Франции, могут делать денежный
перевод также и на текущий почтовый счет:

ССР - LE MESSENGER 23-601-57 U Paris

ИЗДАНИЕ

РУССКОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Адрес редакции: Action Chrétienne des Etudiants Russes,
91, rue Olivier-de-Serres, 75015 Paris. France. Tél. 250-53-66.

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

133

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 133

TRIMESTRIEL

I — 1981

Copyright © Le Messenger. Paris 1981.

COMMISSION PARITAIRE
N° d'inscription 620 16

ДОСТОЕВСКИЙ, ПОЛЬША И НАШИ ДНИ

*Ты, принеший боль простому человеку,
ты, смеющийся над его болью, ты не дол-
жен чувствовать себя в безопасности.*

*Поэт помнит. Ты можешь убить его. Под-
нимется новый поэт. Дела и слова будут
записаны.*

Ч. Милош, 1950 г.*

У судьбы свои, иронические, пути. Столетие со дня смерти Достоевского совпадает с выступлением на историческую авансцену польской нации: польский Папа в Риме, польский поэт-эмигрант, лауреат Нобелевской премии, чей свободный стих выгравирован на первом в мире памятнике жертвам коммунизма, попытка всего польского народа высвободиться из-под гнёта тоталитарного строя.

Достоевский, провидевший весь ход истории на целый век (в его «пятикнижье» предугадано все: и торжество «коммуны» в России, и появление культа личности, и обоготворение нации, и смычка западного христианства с социализмом, все кумиры XX-го века), ошибался в частностях, отрицая за другими народами положительную роль в историческом действии. Непревзойденный гений в исследовании и постижении глубин человеческого духа, Достоевский на уровне современной ему политики сузил свой взор до бесплодного схематизма. К этой близорукости принадлежат его уничижительные оценки поляков и других народностей.

«Бесы» развернули картину того, чему полвека спустя суждено было сбыться в России, но не выполнили своей целительной функции. Предостережение не было услышано, оно не помешало шигалёвщине утвердиться в России... А политический публицист продолжал думать и писать, как будто роковой исход минует Россию и постигнет Запад. В ночном — художественном — сознании, Достоевский предвидел как Россия «себя губя, себе противореча» станет безликим орудием Сатаны, лжецерковью, в дневном мечтал о взятии Константинополя, об империи, несущей иссушенному рационализмом Западу свет Христов.

* Стихи Милоша, выгравированные на памятнике Гданска. На других сторонах памятника фамилии жертв, благословение Папы Иоанна-Павла II-го и стих из псалма в переводе Ч. Милоша: «Господь даст силу народу своему. Господь благословит народ свой миром».

Герои Достоевского — да и сам он — охотно говорят о «русском Боге». В этом выражении (кстати, впервые употребленном Пушкиным) нет ничего «еретического», если понимать под ним «личностное» восприятие Бога народом, ту народную душу, выплавленную веками в общении с Абсолютом. Нет живого народа без религиозной души. События сегодняшнего дня выявляют эту истину, провозглашенную Достоевским. Безбожный и бездушный социализм, распространяясь, наткнулся на сурового воинского Бога афганцев, споткнулся о закаленного в сопротивлении мятежного польского Бога. Отымите у афганцев имя Аллаха, которое они противопоставляют советским танкам, отымите у поляков их костёлы и моления, и оба эти народа рассыплются в прах.

Ленин, Троцкий и Сталин знали, что делали, когда «ниспровергали» русского Бога. «Изводя» и «пережигая Его на уголь» (Б. Слуцкий), они сознательно выхолащивали страну, лишали её личностного начала, способности быть самой собой. Прекрасно знал, что делал, и Хрущев, когда, расслабив по началу сталинский гнёт даже над «вынутым (во время войны) из бездны Богом», вдруг накинулся на Церковь со свирепостью первых революционных лет, испугавшись, как бы в раскрепощенной религии народ не обрел вновь живую, а тем самым и свободную душу.

Русское двадцатилетие (1958-1978), от присуждения Нобелевской премии Пастернаку, через «Архипелаг ГУЛаг» вплоть до «Гарвардской речи» и Нобелевской премии мира, данной Сахарову, всколыхнуло мир, но в самой России не произвело решительного толчка. В 1968 году от Солженицынского письма о цензуре загорелся огонь в Праге, но был затушен. Сегодня выступает польский народ. 7 (а не 35, как в России!) лет чужого, в основном, сталинизма с притеснением, но не искоренением религии, не успели умертвить душу народа, спаянную верностью и верой.

Русское двадцатилетие сменяется польскими годами. На смену и на помощь русскому освобождающему слову нескольких избранников приходит всенародный подвиг поляков. Привлекая к чествованию и постижению Достоевского польских писателей-мыслителей, сумевших проникнуть в сердцевину его религиозного гения, не прообразуем ли мы, вопреки Достоевскому, неизбежный союз двух народов, обреченных отстаивать, каждый в меру сил, свою неповторимую, божественную сущность?

Никита Струве

Богословие

ПРОПОВЕДИ НИКОЛАЯ КАВАСИЛЫ В ЧЕСТЬ БОЖИЕЙ МАТЕРИ

Перевёл с греческого, снабдив предисловием,
архимандрит Амвросий (Погодин).

Предисловие.

Николай Кавасила (ок. 1300-1370) был поборником Св. Григория Паламы, архиепископа Солунского. Он известен как большой православный богослов. С contemporaries Кавасилы высоко чтили его и отзывались о нём, как о человеке высокой духовной жизни, как с «мудрейшем и учёнейшем во всём и святейшем.»¹ Н. М. Зернов так пишет о нём: «Кавасила — один из самых мощных византийских писателей, и два его произведения: «Жизнь во Христе» и «Толкование Божественной Литургии» признаются классическими трудами в Православной Церкви. Он был мирянином, но его исключительная эрудиция и редкая богословская проницательность сделали его авторитетом по вопросу Евхаристии и признанным учителем духовной жизни.»² Католический учёный Верне (Vernet) говорит о Кавасиле следующее: «Николай Кавасила был человек образованный и даровитый, один из светочей Греческой Церкви в XIV-м веке и один из её наилучших писателей.»³ Фабриций пишет о Кавасиле, что это был «муж во всех отношениях учёный.»⁴ Итальянский профессор С. Меркати отзывался о Кавасиле, как о «знаменитом византийском мистике XIV века»;⁵ а немецкий учёный В. Гасс посвящает целую книгу разбору духовной мистики основного произведения Кавасилы «Жизнь во Христе», признавая в авторе большого и глубокого богослова.⁶ Мнср. М. Жюжи (Jugie), которому мы должны издание рукописи, содержащей три проповеди Кавасилы о Божией Матери, пишет о нём, как о глубоком и оригинальном богослове и совершенном стилисте.⁷

Два больших труда Кавасилы: («*De Vita in Christo*»⁸) и («*Interpretatio Sacrae Liturgiae*») — хорошо известны с давних пор и существуют и во французском и английском перево-

дах.⁹ Изданы также в сопровождении латинского перевода 5 проповедей Кавасилы: Похвала Преподобному Феодору Солунскому и Против ростовщиков,¹⁰ и в недавнее время: три проповеди в честь Божией Матери на Её праздники Рождества, Благовещения и Успения.¹¹ Между тем, как всё его огромное богословское и философско-юридическое наследие, а также все его письма (70) до сих пор не изданы. У Фабриция¹² и у Крумбахера¹³ находится перечисление известных им сочинений Кавасилы, которые до сих пор не изданы; среди них: толкование на видение Пророка Иезекииля Колесницы и Четырёх Животных, толкование видения Пророка Иезекииля о мёртвых костях и воскресении мёртвых; проповеди: о Господе Иисусе Христе, на Страсти Христовы, на Вознесение; панегирики: Св. Николаю Чудотворцу и Св. Великому ченику Димитрию; каноны, юридическо-богословские трактаты, речи византийским властодержцам; толкование слов Св. Григория Богослова, и т. д. Как бы обогатилось православное богословие и вообще христианская мысль, если бы эти труды были изданы и переведены!

Три проповеди Кавасилы в честь Божией Матери, несомненно, представляют собою уникум по мыслям, по силе выражения и красоте: это — произведение вместе и христианского философа и поэта; иногда представляется, что поэт в Кавасиле несколько переходит границы догматической осторожности прежних богословов и песнопевцев Святой Церкви.¹⁴ Три проповеди Кавасилы в честь Божией Матери — это гимн, выраженный в трилогии, восторженной и бесконечно любящей Божию Матерь чистой и прекрасной души. Быть может, там, где разум остановился в нерешительности, то было открыто чистому сердцу мистика? Некоторые мысли Кавасилы о Божией Матери похожи на мысли, высказанные и прежними богословами,¹⁵ Св. Григорием Паламой¹⁶ и последующими богословами.¹⁷ Однако, нельзя не согласиться с Мнср. Жюжи, что эти три проповеди Кавасилы в честь Божией Матери — достойны автора «Жизнь во Христе» и «Толкование Божественной Литургии» и достойны того, чтобы выйти на свет из рукописей XV-го века и быть опубликованными. «Никто в Византии», далее пишет Мнср. Жюжи, «не говорил лучше о Божией Матери, чем это сделал наш оратор (Кавасила). Мы далеки от тирад и бесконечных восклицаний первых византийских панегиристов. Здесь всё полно идей, исполненных догматическим учением. Это душа глубоко богословская, которая нам говорит и

оставляет нам плод своего размышления о величии Всенепорочной». ¹⁸

Все три слова представляют собою неразрывное богословское целое; это, как мы выше сказали, известная трилогия: одна мысль дополняет другую и восходит к вершине таинственного созерцания величия Божией Матери. В первой проповеди доминирует провозглашение личной святости Божией Матери и учение о достоинстве и назначении человека, которое осуществила в Себе Божия Матерь. Хотя Она произошла от человеческого рода, уже падшего и смертного, и хотя Она не получила в Своём естестве ничего больше того, что получили и все люди, однако, Она единственная, Своим личным подвигом, Своей любовью к Богу и нежеланием ничем нарушить Его волю, первая и единственная явила Собою ЧЕЛОВЕКА таким, каким Бог желал его видеть, т. е. потенциально могущего согрешить, но никогда не согрешившего; Своей прекрасностью Она явила, что Бог создал человеческое естество безгрешным и могущим не согрешать, и вина в грехе, таким образом, лежит на человеке. Далее, Своей прекрасностью Божия Матерь явила человеческое естество достойным того, чтобы с ним по-ипостаси соединился Бог и принял от Девы человеческую плоть. Во второй проповеди основной мыслью является провозглашение Божией Матери Сотрудницей Божией в деле спасения людского рода, а этим самым, и Благодетельницей человеческого рода. Если бы не было Её — Пречистой и Преблагословенной Девы, Которая Своей святостью и подвигом явилась достойной быть Божией Матерью, то Бог бы и не пришёл на землю и для людей уже не оставалось бы никакой надежды на спасение. В третьей проповеди изображается значение Божией Матери, как высшего Творения Божиего, самого прекрасного и на Небе и на земле, в силу Которой и вся тварь должна будет измениться в лучшее состояние и в бессмертие. «Она покрыла Собою всю человеческую испорченность и явила людей достойными того, чтобы с ними жил Бог, и сделала землю достойным местом для пребывания на ней Спасителя... Она не только устранила дряхлость в естестве и всем даровала некое возвращение к жизни, но и самое небо, луна, земля и звёзды, по причине Её, облекутся в лучшие тела, непричастные никакой тленности или разрушению», говорит Кавасила. Божия Матерь явилась благодетельницей не только людей, но и самих Ангелов, потому что в силу Её они возымели полное познание Бога, чего не имели прежде Его Воплощения и содержания спасения мира. Она явилась Участницей дела

Спасителя на земле: Она страдала вместе с Ним, и когда Он был распят Она сострадала с Ним. «Я думаю, что никому из людей не случилось когда-либо испытать скорбь, какую испытала Божия Матерь», говорит Кавасила. Проповедь кончается вдохновенным восхвалением Божией Матери.

Все три проповеди имеют несколько искусственное начало, но это — дань классическим ораторам. Кавасила повторяется, но опять же это — в духе времени византийских богословов 14-го и 15-го вв. Но эти повторения — не скучны, хотя выражают и ту же мысль: они подобны блеску алмаза, который каждый раз блеснёт по-иному. Творения Кавасилы требуют вдумчивого читателя. Нельзя не согласиться с Мнср. Жюжи, что стилистические обороты в писаниях Кавасилы, иногда некоторая неясность мысли и сложность выражения «*rendent le labeur du traducteur particulièrement difficile*».¹⁹ И всё же труд переводчика и читателя вознаграждается великолепием мыслей и необыкновенной, поражающей красотой писаний Кавасилы.

Если имя Николая Кавасилы Хамаеты хорошо известно, как крупного православного богослова, однако о жизни его очень мало известно. Известно, что он был сборником Св. Григория Паламы, о трудах которого дал официальный отзыв, как «о безупречных». Известно, что по распоряжению властей он безуспешно старался убедить Григораса, противника Св. Григория Паламы, склониться к учению Паламы.²⁰ И хотя в результате духовной близости Кавасилы к великому Солунскому Святителю²¹ мы, действительно, находим параллельные мысли и даже выражения у обоих, однако, Кавасила остался самостоятельным большим богословом, оставившим своё богатое наследие. До недавнего прошлого римо-католические богословы относили Николая Кавасилу к «противникам латинян».²² Не это основывалось на приписывании ему крупного полемического сочинения против латинян, которое, как выяснилось теперь, принадлежало не ему, а его дяде — Нилу Кавасиле, архиепископу Солунскому. Кавасила, действительно, порицает латинян за их литургическую практику в отношении освящения Св. Даров,²³ однако среди его многочисленных творений мы не находим какого-нибудь специального полемического сочинения против латинян; вероятно, самая полемика была ему чужда, хотя полемические сочинения против латинян были в духе того и более позднего времени.²⁴

Произвольно Николая Кавасилу возводят в сан архиепископа Солунского, как наследника кафедры своего дяди. Однако, нет сомнения, что он не только не стал архиепископом этого, второго по величине в Империи, города, но даже и священником не был, а жил и умер как мирянин. У Миня и у Фабриция Николаю Кавасиле приписывается митрополичий сан, хотя Фабриций и признаёт, что Николая Кавасилу путают с Нилом Кавасилой, митрополитом Солунским;²⁵ Хантер (Hunter) указывает также на то, что Николая Кавасилу смешивают с Михаилом Кавасилой, принимавшим большое участие в дебатах с Григорасом.²⁶ Вернее полагал, что Николай Кавасила унаследовал Солунскую кафедру после смерти своего дяди; при этом он ссылается на Монсиньера Л. Пти (Petit), выражающего мнение, что Николай Кавасила стал архиепископом Фессалоникийским в 1361 г., и, повидимому, не приняв кафедру, скончался в 1363 году.²⁷ Монсиньер Жюжи, как и все более поздние богословы, отрицают, что Николай Кавасила когда-либо стал архиереем. Действительно, 1) об этом нет никакого упоминания в тех 6 упоминаниях о нём, которые находим в «Историях» весьма дружественного к нему, царя Иоанна VI Кантакузена; 2) имени Николая Кавасилы не находим в синодике Фессалоникийских архиереев; 3) в заглавии сочинений Николая Кавасилы, в рукописях 15-го века, ему не приписывается никакого священного сана, что при пышности чинопочитания в Византии было бы невозможным, если бы, действительно, он имел таковой. Т. е. другими словами, он жил и умер как мирянин.²⁸ Правда, Николай Кавасила, известный своей учёностью и высотой богословия, был представлен в числе трёх кандидатов в 1354 г. на возведение в архиерейский сан. Но выбор пал не на него.²⁹ Церковь, видится, не нуждается в богословах.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См. заглавие сочинений Кавасилы в рукописи XV в.; это заглавие приписывается современнику и другу Николаю Кавасиле — царю Иоанну VI Кантакузену.
2. Н. Зернов. *Eastern Christendom*. 1961, p. 130.
3. *Dictionnaire de Théologie Catholique* t. 2 p. 1292-5.
4. Migne. P. G. t. 150 col. 358.
5. *Enciclopedia Italiana* t. 8 p. 194-5.
6. W. Gass. «Die Mystik des Nikolaos Kabasilas vom Leben in Christo». 1849.
7. *Patrologia Orientalis*, t. 19 p. 458.

8. Проф. Прот. Иоанн Мейендорф полагает, что Св. Отец Иоанн Кронштадтский название своего сочинения: «Моя жизнь во Христе» заимствовал от Кавасилы; см. St. Gregory Palamas and Orthodox Spirituality, p. 168.
9. В греческом оригинале оба труда см. у Миня, Патр. Гр. т. 150. Французский перевод: «La Vie en Christ» trad. S. Broussaleux. Paris 1934.
Английский перевод: «Life in Christ». St. Vladimir's Seminary Press.
«N. Cabasilas. A commentary on the Divine Liturgy», transl. by S. M. Hussey. London 1960.
10. Migne. P. G. t. 150.
11. Patrologia Orientalis, t. 19 p. 465-510.
12. Fabricius. «Bibliotheca Graeca» t. X p. 459, cit. apud Migne, t. 159 p. 357-62.
13. Krumbacher. «Geschichte der Byzantinische Literatur», t. II p. 158-59.
14. Об этой поэтической восторженности Кавасилы см. в статье Salaville'я в Dictionnaire de Spiritualité, t. 2, p.1.
15. См. напр. Проповедь Евфимия Патриарха Константинопольского на Зачатие Божией Матери, Patrologia Orientalis t. 19.
16. Слово на Введение Божией Матери во Храм. II-е Слово на Успение.
17. Нпр. Георгий (Геннадий) Схолярый. Слово на Успение. Patr. Or. t. 19.
18. Patr. Orient. XIX p. 458 et 465.
19. p. 458.
20. N. D. Hunter отрицает, что Николай Кавасила принимал участие в дебатах с Григорасом. См. New Catholic Encyclopedia t. II p. 1036.
21. О духовной близости между Кавасилой и Св. Григорием Паламой см. у Прот. Мейендорфа op. cit. p. 135.
22. Нпр. у Фабриция, cit. у Миня. Статья в Grand Larousse, и т. д.
23. Interpretatio Sacrae Liturgiae cc. 29, 30. Подробный разбор о сем смотрите у Vernet в Dictionnaire de Théologie Catholique t. 2 loc. cit.
24. Крупные полемические сочинения против латинских догматов и богослужебной практики находим у Св. Григория Паламы, Феофана, митрополита Никейского, у Св. Марка Ефесского, у Св. Георгия Схолария и других. Даже у императора Мануила II-го находим сочинение против «Filioque».
25. Fabricius apud Migne. P. Gr. t. 150 col. 357-8.
26. Hunter, loc. cit.
27. Mnsr. L. Petit. «Echos d'Orient», 1918 t. V p. 248-249.
28. Mnsr. M. Jugie. Patrologia Orientalis t. 19, предисловие к 12-й главе «Homélie's Mariales Byzantines». См. также Hunter, loc. cit.
29. Как упоминает об этом в своих «Историях», книга 6, гл. 38, царь Иоанн VI Кантакузен.

НА ПРЕСЛАВНОЕ РОЖДЕСТВО ПРЕСВЯТЫЯ ВЛАДЫЧИЦЫ НАШЕЯ БОГОРОДИЦЫ.¹

Прежде всего, призовём Бога, молясь не о том, чтобы достичь результатов равных и соответствующих предпринятой теме, — что выше человеческих надежд, — но, чтобы, в меру доступного, совершилось хваление, и чтобы, при наличии многих ораторов, нам не на много отстать от прочих. И это — для вящей пользы, — чтобы, проявив старание, мы приобрели известное освящение мыслей, как участники некоего священнодействия. Вот, об этом (освящении мыслей) я готов молиться, и знаю, что Восхваляемая больше всего этим угождается и этого, преимущественно, желает Своим воспевателям, а именно — пользы для их души; и этого ищет во всём: как в Её благодеяниях, оказанных нам, так и в наших восхвалениях, которые Она удостоивает принять от нас.

Затем, я считаю справедливым, чтобы тех воистину Блаженных,² которые дали этому миру Сие Общее Благо,³ мы нарочито творя память, не только воздавали должное им похвальными речами, но — тем, что подобающим образом светло совершаем их праздник, этим самым воздали долг и Пресвятой Деве. Потому что не годилось бы за юбщие благодеяния или совершенно не воздать долга, или (предложить) что-то минимальное, за благодеяния — за которые и весь мир, если бы слился в один голос, не довел бы (достойно выразить благодарение). Потому что, если при совершении успешных дел, необходимо чтобы сошлись служители — во всём отвечающие своей задаче, то тогда, когда Творец дела является, во-первых, мудрым и знающим всё, что надо сделать, а, во-вторых, будучи мощным, не испытывает никакого недостатка, то — какой похвалы Вы не были бы превосходнее, о, Блаженные Супруги, Вы, которых Бог удостоил использовать для дела от века самого прекрасного и величайшего, чудеснейшего из всех дел и общепольнейшего из всего, т. е.⁴ — приять плоть и родиться как Человек, прияв от нас Матерь Себе?!

2. Если необходимо, чтобы пришли бедствия и соблазны, однако — горе тем, чрез которых они приходят (Мф. 18,7), так, в равной мере, — благодетели (οἱ πρόξενοι), оказавшие человеческому роду помощь, должны быть увенчаны, воистину, всеми и заслуженными, общественными почестями; а среди таких благодетелей самые прекрасные и самые праведные из прочих, это —

Вы; и Вы настолько — превосходнее вождей⁵ и законодателей, священников и правителей государства, и всех тех, которые так или иначе заботились об общественном благе, насколько то, что от Вас произошло для людей, (по своей благотворности) было крайне неуместно даже и сравнивать со служением тех людей. Если ради сохранения у людей этой сущей тленной жизни и для спасения от всемирного Потопа общего естества, присущего в немногих телах,⁶ был избран наиправеднейший из числа живших в те времена людей муж; и если для освобождения Евреев (из египетского рабства) была нужда в некоем вожде, и то не кто-то из общей массы, а (именно) Моисей был почтён сей честью, который украсил свою душу подвигом во всей и любой добродетели и удостоился в бóльшей — по сравнению с другими — степени увидеть Бога и слышать глас Его; и если для водительства (Израильтян) в Обетованную Землю, довлел (лишь единственный) Иисус (Навин); а прежде них — Авраам приял награду за благочестие: выразившуюся в том, чтобы ему стать Отцом рода, наученного чтить Бога;⁷ и, вообще, если из числа всех, оказавших общую пользу (людям), нет ни одного, кто предварительно не явил свою душу созвучной и во всём соответствующей тем идеалам, в отношении которых затем стал примером и для других; — то, вот, когда пришло время освободить всю вселенную от насилия демонов и внести бессмертие в жизнь смертных, внедрить же ангельский образ жизни в души людей, и — выражая всё в сумме: сочетать землю с небом, — о, каковые должны были быть, представим себе, те служители, которых использовал Бог, даруя миру эту чудесную милость, — так чтобы они стали орудиями Его человеколюбия, или — сотрудниками, или следует ли назвать их какими-либо лучшими наименованиями?

Очевидно, что чрез лютых ангелов Бог посылал дурным людям ярость и гнев и скорбь, чем страдать им было справедливо; между тем, благие дарования Он давал чрез добрых; следовательно, самые большие благодетели Он сотворил чрез посредство наилучших людей. Отсюда вытекает, что и как хранители законов и как больше всех иных возлюбленные Богу, Вы своею праведностью превзошли и Моисея и Ноя, и Авраама и всех иных, полезными делами которых наслаждался мир; то, что до такой степени Вы возмogli у Бога и возвысились до такой удивительной чести, является ясным свидетельством того, что Богу были Вы возлюбленны больше всех иных людей; а то, что Вы в такой степени, больше, чем все иные люди стали близки Богу, опять

же, свидетельствует о том, что Вы больше, чем все иные люди, соблюдали Закон и в праведности превзошли всех.

Также следует указать на то, что Блаженная Дева является Вашим Плодом; Господь же говорит: «От плод их познаете их» (Мф. 7,18); а мог ли бы кто-нибудь найти нечто большее сего? — Она явилась Плодом не только Вашего естества, но и результатом ваших молитв и праведности. Если естество, действительно, и обессилило для такого преестественного рождения,⁸ Богу же всё повинуетя, и Бог сотворил по Вашим молитвам, то — следовательно — молитва возимела такую силу благодаря Вашей праведности; затем, если такое рождение, которое делает родителей Блаженными, является даром Божиим им, — между тем, как лицепрятие невозможно для Бога, Который «всё ставит на весы и меру», то, следовательно, на основании величия даров Божиих обнаруживается и качество тех, которые прияли их, как, думаю, можно оценить борца на основании венца (который он заслужил).

3. Однако, поскольку Благодать⁹ является завершением Закона,¹⁰ и знаем, что новое является плодом старого, плода же не бывает от того, что ещё не созрело, то, явствует, что Вами был воскормлен Плод совершенный во всём; потому что, если бы это было не так, Вы бы не принесли Плод Закона: ДЕВУ, Сокровище Благодати. Если же от Бога Судии достоин получить много тот, кто в малых вещах, как подобало, проявлял тщание, то не ясно ли это Вы показали (на Вашем примере): в великой мере сохраняя Закон и преимущественно пред всеми прочими почитав Скинию Свидетельства,¹¹ так что, на основании сего, Вам, единственно из всех было дано принести, или составить, истинную Скинию Божию,¹² Которой первая (ветхозаветная) Скиния настолько уступает, насколько тень или образ уступают истине? Как было не удостоиться Вам величайших дарований, когда и наималое Вы, как подобало, во всём исполнили? И как ни принять Вам истинное, если и принадлежащее тени Вы не оставили без внимания?

И как подобало, чтобы Спаситель, имея ввести новый Закон, сначала исполнил правду ветхого Закона, так и Вам, которые достигли 1. ск. самого крыльца нового Закона и предуготовали себя к приятию Храма Благодати, совершенно необходимо было сначала быть строгими хранителями Закона. Потому что Благодать — это исполнение Закона. Да и как могли бы Вы присовокупить недостающее, если бы оставались в долгу и в присущем? Как могли бы Вы водрузить кровлю Закона, если, бы прежде

прекрасно не построили весь дом? До какой степени Евреи были испорченными, явствует из факта сокрытия и сокрушения скрижалей, когда Моисей написанное в них не допустил до слуха пьяных, и каковые скрижали сам он получил, быв в трезвенном уме и при взятии на себя поста и многих трудов. Между тем, то, что Бог даровал Вам возвестить Деву и составить Сию Живую Книгу, Которая не просто Закон, но Самого Законодателя запечатлела в Себе, опять же, ясно свидетельствует о Вашей великой добродетели. И постившись, по образу Моисея, и призывав Бога, Вы, однако, получили не то же самое, что и он получил; но он, пребывая в молитвах, вскоре обрел Закон, имеющий придти к концу; Вы же явились непосредственно причастными Крови, написавшей Новый Завет, Крови, которую Сам Бог восприяв, «вниде единою во Святая, вечное искупление обретый», как говорит Апостол Павел (Евр. 9,12).¹³

4. Итак, может ли быть что святее тех уст, которые возмogli вознести к Богу такие слова? Есть ли что-либо равное душам тех, которые возрастили в себе таковую молитву?¹⁴ Каких жертв они не богоугоднее? Каких алтарей не священнее? — Потому что подобало, чтобы от **такого** Корня и **таким образом** Божия Матерь прияла Своё духовное тело, так чтобы этот Корень (от которого процвёл столь дивный Цвет) был (по праведности) более свойствен Богу, чем это могли дать все иные люди; что же касается того: **каким образом** (произошла Божия Матерь), то это было результатом силы молитвы (Её праведных Родителей); так подобало, чтобы таким образом и при таких соответствующих началах пришла в мир Та, Которая, примирив бывшую вражду, соединила людей с Богом и даровала молитвам путь в небо, разрушив бывшую на пути преграду, отделявшую небо от земли. Божия Матерь стала Украшением всего мира, и поэтому ещё с давних пор (чрез образы) Бог окружил Свою Матерь почестями, дарованными человеческому роду.

Но не одно и то же — то, что происходило в отношении оных людей, и — что произошло в отношении Всенепорочной, и даже не близко сходятся друг с другом, и не бóльшую имеют схожесть, чем тени и образы при сравнении с истиной и самыми вещами. Как и кровь (жертвенных животных) служила очищением грехов у людей ветхозаветного времени, прежде чем заняла место Великая Жертва (Христос), хотя в действительности различие между тем и другим настолько огромно, что только в образе и названии они имеют общее между собою: потому что и в том и в другом

случае говорится о крови и о жертве, и то — о жертве за грехи; так — и в нашем случае: потому что, правду сказать, только Она одна была результатом священной молитвы, Единственная, в Которой не было ничего недостойного,¹⁵ Единственная — достойный Дар Божий, достойный и Того, Кто Его даровал молившимся, и достойный того, чтобы быть принятым со стороны просителей, Дар, не имевший в Себе ничего несозвучного руки, как Даровавшей Его, так — и принявшей.

Согласно сему, естество ничего не могло внести для рождения Всенепорочной, но Сам Бог, призываемый в молитве, всё совершил; поверх законов природы, Он непосредственно, так сказать, сотворил Блаженную, как Он сотворил первого человека; так что действительно и в полном смысле слова, Дева явилась ПЕРВЫМ ЧЕЛОВЕКОМ, и первая и единственная явила человеческое естество (в его первобытном благородстве и красоте). Потому что дело обстояло именно таким образом.

5. Из числа многих дарований, которые Бог или уже даровал людям, или же намерен был дать, если бы они подвизались сохранить в себе эти дарования, главное, и то, что особенно выделяет человека из числа прочих тварей, это — дар чисто любить Бога и жить разумно, господствовать над страстями и не приобщаться к никакому греху. Дабы это было так и дабы мы были выше всякого греха, в нас, конечно, с самого начала была вложена Богом сила для этого; так, чтобы сначала, действительно, это было бы не без трудов, но связано с подвигом сохранять себя быть выше грехов; а, затем, после того, как мы бы явили и сделали всё, что было в наших силах, труды пришли бы к концу: и уже без нужды в подвигах, мы были бы благородными и пребывали безгрешными, вместе с нетлением тела приобретая и это. Иначе (т. е. если бы это было не так), человеческая судьба представится бессмысленной. — Если наше естество находится в таком отношении к греху, что несмотря на то, что бы мы ни сделали или что бы ни предприняли, оно не может быть совершенно чистым от своих ран, и зло, следовательно, в нас — неистребимо, то, во-первых, этим мы были бы хуже животных, у которых нет ничего дурного; а, затем, было бы невозможно не обвинить за это Творца: с одной стороны (утверждая), что Он — не совсем совершенный, ибо создал несовершенные вещи; а, с другой стороны, — что Он не во всём уважает справедливость, требуя от нас того, что Он не вложил в нашу природу, и взыскивая с нас за всякий грех, хотя

Он (предварительно) и не вооружил человека для борьбы с каждым грехом.

Опять же, если бы от начала Он нас связал со Своими благими энергиями, так, чтобы отнюдь ничего не сделав с нашей стороны, нам (было бы предоставлено) быть прекрасными, то, правду сказать, таким образом нельзя быть прекрасными; нельзя быть прекрасными без того, чтобы и самим от себя ни иметь побуждения к добродетели и к добру, а лишь быть толкаемыми, скорее пассивно воспринимая добро, чем действенно сотворив его. Затем (если бы у человека не было свободы выбора), на что нам была бы свобода воли, которую мы ради того и приняли (от Бога), чтобы она послужила причиной похвал и венцов для людей, возвышающихся над животными, джижущимися инстинктами, и единственных шествующих по собственному побуждению? Нет, никоим образом не отвечало Богу, чтобы человек — естество которого Он Сам почтил — не нашёл никогда успокоения от подвигов в добродетели, но без конца пребывал бы в борьбе, никогда не видя конца подвигам. Если бы это было так, то не было бы ничего более жалкого, чем человек, когда вся прочая тварь имеет и труды и заслуженный покой. Поэтому совершенно необходимо верить, что сила для борьбы со всяким грехом вложена в человеческое естество от Бога; с нашей же стороны, необходимо эту силу приводить в действие; и таким образом мы будем благородными по внутреннему побуждению и от самих себя; а, затем, Бог от Себя прибавит помощь, усовершенствует в нас добро и упокоит нас от подвигов и заботы. И какая иная причина того, что мы нуждаемся в подвигах, как не та, что наша добродетель, будучи несовершенной, не далеко отстоит от противоположных вещей, и нам необходимо остерегаться злого соседа? Когда же Бог, Совершеннейшее Благо, исполнит Собою целокупность наших желаний, не оставляя ничего не заполненным, тогда уже не будет никакой опасности, никакой — даже малейшей — склонности к греху.

И, вот, таковые — дарования, данные людям от Бога, и таковое имеют величие; люди же, таким образом, приняв из Его руки своё естество благородным, возымели бы его ещё более прекрасным, если бы сохранили прежде данные им дарования; но всё это мы бедственно свели на нет; так что ни сущими данными нам дарованиями возмogli располагать, ни преданными в наше распоряжение способностями пользоваться, как это подобало; ни тех — гораздо больших — дарований не получили, ко-

торыми впоследствии бы мы возобладали, если бы явили себя хорошими распорядителями прежде данных нам дарований. Тем не менее, сила сопротивления греху была вложена в наше естество и была всем присуща; однако, привести её в действие никто не мог и не было никого, кто прожил бы свою жизнь безупречно; но недуг, начавшись с первого из людского рода и овладев всеми людьми, всех покорил своей власти; так что представилось, что всё наше естество — дурно; и присущая естеству красота оказалась скрытой; и был ЧЕЛОВЕК в подобных друг другу миллионах людских тел — не явившим себя (ἀφάνης): потому что все люди употребляли свои душевные способности на зло, в то время, как никто отнюдь не явил в своей жизни — противоположное злу — добро.

6. Но Всенепорочная Дева, не на небе жившая и не от неба имевшая тело, но происшедшая от земли, равным образом со всеми, от того же падшего людского рода, — не познавшего благодетства своего естества, — ЕДИНСТВЕННАЯ из всех людей, — бывших от начала века и имеющих быть до скончания его, — восстала против всякого греха, и данную нам от Бога красоту воздала Ему неущербленной, и все способности и все возможности заложенные (Богом в человеческое естество) использовала для борьбы с грехом. Своей любовью к Богу и крепостью души и правостью ума и величием духа, Она обратила грех в бегство и взяла трофей над ним, хотя прежде Нее не было никого, с кого бы Она могла взять пример. На основании сего, действительно, Она в Своём лице явила ЧЕЛОВЕКА, каков он был в первобытном состоянии (безгрешности и славы); но этим самым Она и Бога явила людям и Его неизреченную премудрость, а также что Он — Человеколюбец. И Кого впоследствии, когда Он воплотился от Нее,¹⁶ Она представила глазам всех, Того Она прежде начертала в Своём лице образом Своей жизни: так, чтобы взирая на Нее — СИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ТВОРЕНИЕ БОЖИЕ,¹⁷ — люди по-истине возмogli заключить о Творце (как по прекрасному произведению художника, люди заключают о гении самого художника).¹⁸ И не столько Закон¹⁹ здесь возымел силу, ни языки Пророков, ни явленное искусство в видимых творениях, ни небо «возвещающее славу» Художника (Пс. 18,1), ни Ангелов заботы и промыслы (о людях), ни иное что из бывшего, не могли сделать столько для возвещения Божией благодати и премудрости (сколько сделала Она одна образом Своей жизни).²⁰ Потому что только человек мог по-истине явить собою Самого

Бога, если бы образ Божий — который он, конечно, и есть — явил незапятненным никаким подлогом. Но из всех людей, как бывших до Нёе, так и имеющих быть после, только Блаженная Дева возмогла это сделать и светлым образом (в Своем лице) сохранить Идею Человека²¹ чистой от всякого чуждого элемента. Потому что из всех иных людей нет никого, кто был бы чист ют скверны, как говорит Пророк (Иов 14,4). — Это превосходит всякое чудо и является предметом изумления не только людей, но и для Ангелов, и выше — всякого словопрения; и хотя, в то же время, Дева, будучи человеком, и не получила что-либо большее того, что было дано в общее участие всем людям, однако, Она впоследствии единственная избежала ющего (человечеству) недуга.

7. Как возмогла Она? Какими руководилась мыслями? Лучше же сказать: каким образом Она пришла к этой мысли и возжелала взять на Себя этот подвиг, о котором не слышала, чтобы кто-либо из Её сродников подъял?²² На каких вождей взирала? Кто обнадёжил Её победой? Откуда приняла отвагу? — Человеческое естество лежало поверженным в прах, и всё множество людей, как один, настолько совместно погрязли в негодность, что это и выразить нельзя; редко же было найти добро, и оно нуждалось в стойких людях; люди же до такой степени были далеки от того, чтобы (своим образом жизни) послужить (примером) на пользу другим людям.

Итак, ч т о это было такое, что принесло Деве победу, Ей — Которая ни прежде всех людей пришла в бытие,²³ ни своё естество приняла непричастным никакому недостатку,²⁴ ни явилась уже после пришествия Нового Человека²⁵ и происшедшего вследствие сего поворотного пункта (в истории человечества)? Ведь, не было бы ничего удивительного, если бы Адам победил искушение, поскольку он жил тогда, когда не было недостатка в вещах побудивших его к добродетели и, наоборот, могущих отвратить его от греха: потому что и образ жизни в месте исполненном всякого наслаждения, и жизнь свободная от трудов, и тело не знающее тленности, и душа ещё не вкусившая никакого зла, и ничто не обременяло Первоначальника человеческого рода; но непосредственно он видел Самого Бога и знал Его, как Отца природы, как Наставника и Законодателя, готового всегда к общению с ним; — всё это должно было сохранять в нём неугасимую любовь к Богу. Что же касается тех, которые были после (пришествия) Благодати²⁶ и примирения (людей с Богом) и Ю-

вой Жертвы и излития Духа и неизреченного возрождения в водах²⁷ и Страшной Трапезы,²⁸ то, если, насладившись такими бесчисленными и сверхъестественными средствами помощи, они уклонились от грехов, то в этом, опять же, нет ничего удивительного. И, вот, когда так тяжело и трудно было человеку решительно противостать греху, так что оный Первый Человек, в то же время, явился и первым, кто преступил Закон; и когда, несмотря на то, что быв снабжен такими возможностями в отношении добра и добродетели, человек сразу же пал, можно сказать — и без толчка; и когда, даже и после (крещальной) Купели и Благодарности, люди — я имею в виду старательнейших из прочих и достигших крайнего любомудрия — вникнув в себя, чувствуют, что они не совсем неповинны в грехах, и поэтому ежедневно нуждаются в постоянном очищении себя, то — при таком положении вещей — какой великий ум мог бы постигнуть? какой язык мог бы достойно воспеть тот факт, что Всенепорочная Дева, не имев нужды ни в каком помощнике и не имев никого из со-товарищей Ей, совершила это, хотя Она не пришла в жизнь прежде наступления общего недуга, ни — после пришествия Общего Врача, но пришла на свет в самый полдень (разгар) зла, в самый его расцвет; родившись в месте осуждения, в естестве, привыкшем ежедневно терпеть поражения, в теле же подвластном смерти, при наличии в большом изобилии всего того, что могло содействовать греху, и, в то же время, при полном отсутствии людей, умеющих бороться (с грехом), тем не менее, Она — Подлинный Человек — сохранила Свою душу чистой от какого-либо зла, на основании только Своего благоразумия?

Потому что, если прежде наступления общего примирения, прежде чем пришёл на землю Примиритель, Она Сама от Себя прекратила вражду в естестве, и отверзла небо, и привлекла благодать, и приняла силу для борьбы с грехом, то это является чудом выше всякого слова! Итак, ч т о это было такое превосходящее естество, принесенное Ею прежде, что могло соответствовать Великой Жертве (примирившей человечество с Богом)? И если, несмотря на то, что вражда в естестве существовала, любовь настолько превозмогла, что, несмотря на то, что преграда ещё существовала, Она стала близкой Богу, и стена, разделяющая земной мир с Богом, перестала существовать ради усердия единой души, то есть ли что, что было бы чудеснее этого? Потому что не заранее Бог Её управил к тому любомудрию и за равные с другими заслуги не предоставил Ей больших,

чем другим людям, средств помощи; но только используя те данные, которые были в Ней заложены, и которые были даны вообще всем людям, Она, употребив их на стяжание добродетели, одержала сию новую и превосходящую естество победу.

8. Потому что считать, что Бог вложил в нравы людей добродетель, как Он вложил некоторые другие способности, — во-первых, противно самому понятию добродетели, потому что она является проявлением доброй воли и дело нашего произведения. Ибо тем, что человек обладает свободой воли и умом, это и делает возможным то, чтобы, употребляя эти свойства на благо, он был моральным; потому что, без наличия сего, разрушается и понятие морали, как — необходимо прибавить — и понятие морального прогресса этим отнимается от нас; и — абсурд, если, признавая возможность добрых поступков, мы, при этом, искажаем понятие естества и самой сущности, отрицая свободу возрастания в добродетели. Кроме того, такое положение является началом бесчисленных несправедливостей: потому что из этого необходимо вытекает, что ни за какое преступление не должно быть какого-либо наказания, ни благие не заслуживают, по-справедливости, наград: потому что и те и другие не от себя поступают и не владеют своей волей; но даже и не допуская такую мысль, мы, тем не менее, этим признаём Бога за несправедливого, если Он, разделяя, одних награждает, а других подвергает крайним мукам, поступая нелогично и в том и в другом случае. Кроме того, можно было бы предположить, что у Бога имеется зависть к людям: потому что, если Он мог сделать всех людей прекрасными в моральном отношении и в равной мере удостоить их наград, и однако не пожелал бы этого сделать. Но, конечно, как бы это могло иметь место, когда Бог — нелицеприятен и хочет, чтобы все спаслись, и Сам есть наибольшее Общее Благо, открытое для всех, и настолько предоставляет иметь участие с Собою — гораздо большее, чем звёзды и свет и всё, что для всех людей предоставлено в общее обладание — насколько Он есть бóльшее и обильно изливающееся на всё Благо? Так что подобную мысль невозможно ни допустить, ни принять. — Ведь, совершенно очевидно, что Бог ВСЕХ людей удостоил величайшего содействия в отношении любомудрия (святости); и если ВСЕХ Он удостоил ВЕЛИЧАЙШЕЙ помощи, то это означает, что для всех она ОДИНАКОВО велика (потому что понятие «величайшее» уже не допускает градации). Потому что бóльшего блага и бóльшего побуждения к добродетели, чем жизнь Спаси-

теля во плоти и образ Его жизни, и смерть, и воскресение, и всё, проистекающее оттуда, — чему возможно всей вселенной наслаждаться в равной мере — и вообразить невозможно и вычислять было бы совершенно неуместно. Итак, если и, действительно, Он оказал Своей Матери помощь, то эта помощь не представлялась большей той величайшей из всех помощи, которая представлена всем людям вообще.

9. Таким образом, Всенепорочная, в силу СВОИХ заслуг и ЛИЧНО САМА ОТ СЕБЯ сплела Себе этот венец: от Бога, действительно, прияв то, что в равной степени дано и прочим людям, к этому Она прибавила от Себя, настолько превзошедши прочих людей, что не только Она явилась лучшей среди всех других, уступивших Ей (в добродетели), но до такой степени мощно одержала верх, что и это одно довлекло Ей для стяжания славы и почёта; излилось же это и на иных людей, как бы чрез Нёе все явились участниками победы. Потому что тем, что Она превзошла человеческий род, Она оставила его не худшим, а (наоборот) представила его в лучшем виде; не принудила его, как побеждённого (Ею), потупить очи, но (наоборот) явила его более величественным; ни тем, что Она была такой прекрасной, Она посрамила уродливость Своих единосверных, но (наоборот) придала им красоту; ни тем, что Своим примером довлеюще оправдав самое естество (явив в Своём лице на какую высоту оно способно взойти) и отчётливо перенесши вину в грехе на человека, как ЛИЧНУЮ его вину,²⁹ этим Она сделала для людей ответственность ещё более тяжкой, но (наоборот) до такой степени чудесно прославившись, Она, хотя, действительно, и устыдила и одержала верх над всеми, однако для того, чтобы постыждённых освободить от всякого зла; и таким образом, не только в Себе Самой, но — как это стало возможным — присущую всем людям, данную от Бога человеческому естеству, КРАСОТУ, Она сохранила незапятнанной от противных (сему естеству) вещей.

10. Если кто внимательно исследует дело, тот найдёт, что для этого было много и ясных причин. Во-первых, когда Богу было угодно снизить на Нёе, ничто не могло препятствовать сему; однако, Он не мог бы снизить, если бы существовала, препятствующая сему, стена между Ними; а это могло бы быть в случае, если бы в Ней обрелось что-либо греховное. Ибо Бог говорит: «Греси ваши разлучают между вами и между Мною» (Ис. 59,2). При этом, не следует предполагать, что такое пре-

пятствие, действительно, существовало, но Сам Бог, снисходя к Деве, разрушил эти стену; этого не могло быть, потому что ТО, ЧЕМ Он знал разрушить эту преграду, ещё не было на лицо; ещё не пришло; я имею в виду: КРОВЬ И СТРАСТИ (ХРИСТОВЫ): ибо только этим было необходимо разрушить грех; потому что даже и у живших в Законе (Ветхого Завета), у которых были образы Благодати, — «без кровопролития», как говорит Апостол, «не бывает оставления» (Евр. 9,22).

Затем, кто же не знает суждение Бога о Ней, которое объявляет, что Она — чужда какому-либо греху? — Потому что Сам Судья, Который «не на лица», говорится, «зрит» (т. е. не лицеприятен Лк. 20,21), судив, как в отношении общей матери людей (Евы), так — и в отношении Девы, первую, как согрешившую, предал испытывать скорбь; Деву же удостоил пребывать в радости. Из этого — ясно, что скорбеть — присуще согрешившим, а у тех, которым присуще радоваться, нет ничего общего с грехом. Вот, поэтому-то никого из прочих людей, бывших от начала века, Бог не призывал к радости; потому что ещё подлежа повинности, они все были участниками древнего и печального удела. Деву же Бог, чрез Ангела призывал к радованию: «РАДУЙСЯ, БЛАГОДАТНАЯ, ГОСПОДЬ С ТОБОЮ» (Лк. 1,28).³⁰

Для понимающих же становится ясным, что это (призывание Деве радоваться, переданное Ей чрез Ангела в начале Благовещения) было вместе с тем и приготовлением Девы к Тайне (Воплощения от Нее Сына Божиего). Потому что, когда Она спросила Архангела о чудесном образе Рождения, и как это будет и что случится с Ней, имеющей стать Матерью Божией, то Гавриил упомянул Духа Святого и Силу Вышнего; но в словах Благовещения не было никакого упоминания о разрешении Её согрешений и об отпущении грехов. Однако, именно, с этого и должно было бы начаться Её приготовление, если бы Она нуждалась (в отпущении грехов). Потому что, если Исаия, будучи посылаем только как возвеститель Тайны, которая ещё не сбылась, имел нужду в очищении, и то — огнём, то долженствующая стать Служительницей вещей уже наставших и принеся и душу и тело и всё, а не только — язык, не ясно ли из того положения, что Она не нуждалась в освобождении от грехов, что и, действительно, ОНА НЕ ИМЕЛА НИЧЕГО ТАКОГО, ЧТО ДОСТОЙНО БЫЛО ИЗЪЯТЬ?

Если же некоторые из священных Учителей говорят, что Дева была предочищена Духом, то надо понимать, что они ра-

зумели это очищение не в смысле очищения от грехов, а как — прибавление Ей благодатей (т. е. духовных дарований); они говорили, что таким образом «очищаются» и Ангелы, в которых нет ничего дурного.

Это самое, после неизреченного Рождества, Спаситель явно свидетельствует о Своей Матери, в словах сказанных в общественном собрании: «Мати Моя», говорит, «и Братия Моя, сии суть, слышащие слово Божие и творящими е (его)» (Лк. 8,21). Этими словами Он желал почтить не так тех людей, как — Свою Мать; потому что, именно, наименованием «Матери» и «Братьев» Он удостоил их за то, что Закон Божий юни имеют предметом своей заботы. Поскольку же Её Он не только почтил наименованием «Матери», и не только назвал Её так, но и указал на Нёе и В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ имел Её Своею Матерью, показало, что Она превзошла всякое превосходство святости.

11. Потому что, если тех, которых Он удостоил только наименования «матери»,³¹ Он знал, как строгих хранителей Закона, то Та, Которой Он судил и Матерью Его быть и родить Его, не ясно ли, что во всём согласовалась с Его желаниями и законами, и никогда ничего в Ней не было несогласного с ними? И настолько Её праведность превзошла праведность всех людей, насколько — в действительности быть матерью превосходит быть матерью лишь по имени, и насколько самые вещи превосходят названия их. Потому что, как невозможно было бы прекраснее родить Его, чем Она родила, или истиннее быть Его Матерью, чем Она, действительно, была и в родственности к Нему достигла крайних пределов, так и невозможно представить себе что-либо больше того благоволения,³² в котором Она прожила от начала и до конца. И, вот, явный знак того, что Блаженная Дева была свободной от всякого греха: — то, что Она вошла в священнейшую часть храма, которая и для самого первосвященника была недоступна, прежде чем он не очистится от всякого греха, согласно тому чину, как это было заповедано совершить очищение от грехов. И тем, что Она не была принуждена принести какую-либо умиловительную и очистительную жертву, Она явила, что не нуждается ни в каком очищении. Поэтому Она не только вошла во Святая Святых, но и с детства обитала там, пока не пришла в возраст; и не имела Она нужды в приношении жертв ни с начала, ни с достижением возраста; и что — чудесно, это — то, что никто из живших в то время, не видели в этом ничего несозвучного священному закону. Первосвященник, тот, трепе-

тал и страшился войти внутрь (Святая Святых), и то, это он делал не без наличия очистительной крови, и на это вхождение он дерзал только один раз в году; Дева же пользовалась Святилищем, как Своим местом жительства: здесь Она трапезовала, здесь предавалась сну и здесь проводила весь уклад Своей жизни; впрочем и в отношении тех вещей, которые необходимы — человеку для поддержки жизни, Она была участницей вещей, превосходящих человека: так, в отношении пищи Она не имела нужды в земной пище и в служении рук людей, но устроителем Её трапезы был Ангел; и, как представляется, не только для взора Невидимых (Ангелов), но и очам людей было ясно, что Она — выше всякой греховной повинности и чище того, чтобы иметь нужду в ветхозаветных (очистительных) обрядах: до такой степени явна была Её добродетель и настолько велика, что это не могло оставаться скрытым! И даже если бы Её возраст, происхождение и уклад жизни были бессильны явить присущую Ей добродетель, и особенно, среди тех, которые были слепы и погружены в глубокий мрак, — поскольку Солнце Правды ещё не воссияло, — однако, ничего не препятствовало тому, чтобы оный свет был явлен, и прекрасность Её души разрушила все препятствия и даже в слепых вложила ощущение воссиявшего сияния. И это — естественно. Потому что могло ли бы быть что-либо столь сильное, что было бы в состоянии затмить величие Её любомудрия, которое, по выражению Пророка, «покрыло самые небеса» (Авв. 3,3)? Потому что если Она настолько была выше всякой человеческой греховности, что Своим явлением немедленно и легко всю её упразднила, то ужели Она могла бы быть скрыта присущей греху мглою?

12. Поэтому, признавая в Ней величайшие из всех и превосходящие естество преимущества,³³ не свойственные никому иному, люди почтили Её тем, что было в их возможностях, поселив Её в наисвятейшем месте, которое принесли как начатки (лучший плод) всей земли и только Единому Ему посвятили его; и это место они дали Деве в обитание, посчитав, что оно должно быть вместе и храмом Божиим и домом для Всенепорочной, и тем самым долженствует и Богу угодить и Деву почитать; лучше же сказать: это было одно и то же: что быть Её домом и иметь Её внутри себя, или что быть Божиим храмом. Бог же, лучше зная Её, как взирающий на сердце и единый вѣдущий, что Она заслуживает получить от Него, и единый могущий даровать Ей это, украсил Её по-истине достойными Её дарованиями; и когда при-

шло время вывести Её из оных священных мест, привёл Её в Иную Скинию, покрывшую Её не облаками, а крыльями Ангелов или Архангелов, и сделанную не из какого-либо тварного и подвластного человеку³⁴ материала, но³⁵ Сам, Живущий в свете неприступном (1 Тим. 6,6), стал Скинией для Блаженной; «Сила Вышняго», Сам Владыка осенил Её, как возвестил священный Гавриил (Лк. 1, 35). Потому что Бог знал, что только Он может быть достойной Скинией для Нёе, как и Сама Она стала единственной достойной Бога Скинией.

13. Тем, что Он поселил Её в священном храме, этим не столько была честь для Нёе, сколько Бог желал прославить самое оное место; как и древняя Пасха пользовалась уважением в силу того, что Он имел Самого Себя принести в жертву; как и Иоанново крещение Он почтил ради имеющего наступить духовного Крещения; как и вообще иные образы почитались ради имеющих наступить истинных вещей. Если же иные образы относились к иным вещам, то Святая Святых надлежащим образом прообразовала собою Пресвятую Деву. Потому что тем, что Святая Святых принимали только Архиерея, и то только единожды в году, и то уже очищенного от грехов, этим предзнаменовалось Её неизреченное чревоношение, Которое принесло на свет Того, Кто, будучи безгрешным, единожды на все века единым священнодействием отъял (изгнал) весь грех (мира); что же касается того, что для людей, за исключением лишь священнойшего из них, вход во Святая Святых был недоступен, то это было знамением того, что в душу Блаженной Девы никогда не могло войти что-либо, что было бы не во всех отношениях священным. Вот, потому это место до такой степени и пользовалось уважением, что оно предназначалось принять Её внутрь своих стен, что видно и на том основании, что самые предметы, находившиеся во Святая Святых, ни с какой стороны не пользовались таким благоговением, как — самое место; так, ни один из этих предметов не пользовался таким уважением, чтобы сам по себе быть неприкосновенным для многих людей; так, один из этих предметов, именно — манну, можно было принимать руками, уносить домой и питаться ею; не большей честью пользовался и жезл, принесенный священниками и ради них процветший; Закон же, написанный на скрижалях, пользовался большей честью,³⁶ но и он, переписанный на дощечки, находился в руках у всех. Итак, какая же иная была причина, что Он до такой степени возвеличил самое это место, как не та, признаем, что оно было подобием Всенепороч-

ной и указывало на Нее? Поэтому, будучи недоступным для всех прочих людей, оно стало доступно для Нее; и как только Она явилась, Он отменил издревле бывший закон, показывая, воистину, и Своё уважение к Ней, и храня Себя только для неё одной, Он другим не допустил вход; это же для — того, чтобы Дева была выше человека и чтобы изначально Она даже понятия не имела о всей убогости человеческого естества. Мы это можем видеть на основании самых примеров: так, место, предизображавшее Её, было настолько священно-неприступным для всех, что, можно сказать, не имело ничего общего ни с людьми, ни со всей вселенной;³⁷ так, на основании меры меньших вещей можно познать грандиозность весьма великих (вещей).

14. Потому что, как самые тела в совершенстве представляют те черты, которые отражает их очертание в тенях или представляет образ, изображающий их, так, как бы в некоем неясном и туманном символе, чрез Святая Святых было предизображено отлучение Девы от всех людей и возвышение Её от земли, — ибо от неё Она ничего не имела взять, но должна была стяжать ум, неприступный ни для какого зла. И это отвечало принципу справедливости и подобающим образом следовало и соответствовало порядку вещей. Потому что, кроме того, что Мать Безгрешного и в этом отношении должна была быть Ему близкой, также было необходимо, чтобы и человек сам от себя — путём старательности и мужества — стал выше всякого греха; а для этого было много причин. Во-первых, необходимо было показать человеческую природу в таком виде, в каком она некогда была (создана Богом), дабы Художнику воздалась должная честь и слава; но ни в Начальнике человеческого рода (в Адаме), ни среди его потомков, испорченных грехом, невозможно было найти ЧЕЛОВЕКА. Второй же Адам (Христос), Который по Своей природе был также и Богом, Свою вторую природу — нашу, человеческую, — ещё не представил свободно видеть людям. Кроме того, у Него в отношении греха дело обстояло иначе, чем оно имело быть у людей в этой жизни. Он — безгрешный; но не на том основании, что имея власть на то и на другое, Он предпочёл добро злу; и не на том основании Он прибег к добру, что Ему возможно было быть и дурным; но Он — безгрешен потому, что Ему совершенно НЕВОЗМОЖНО СОГРЕШИТЬ. Поэтому (в поисках ЧЕЛОВЕКА) подобало явить такого человека, который ПОТЕНЦИАЛЬНО мог бы согрешить, и, однако, НИКОГДА НЕ СОГРЕШИЛ, именно — как Бог и желал, чтобы человек был

таким в своей жизни. Потому что, в противном случае, — если бы (человеческая) природа ни в одном человеке не представила того вида, который усвоить ей было у Художника целью, — это означало бы, что искусство у Творца, и то — в творении Его наилучшего создания, — потерпело полную неудачу. Затем, закон Божий не был бы полностью соблюден, но произошло (как казалось бы), что Премудрый слишком поспешно вынес законы, заповедал — а никого не будет, кто окажет повиновение; говорил — а не будет никого желающего послушаться; и, таким образом, Сущий Блаженный во всём, в этом потерпит неудачу; да разве это можно себе представить?!

15. Итак, на основании всего необходимо следовало, чтобы человек был во всём строжайшим исполнителем повелений Божиих, чистым же от всякого греха; но кто мог бы быть таковым, как не наилучший из всех людей? И, вот, таковым ЧЕЛОВЕКОМ была — по судьбам Божиим — БЛАЖЕННАЯ ДЕВА, Которую Он Сам избрал для Себя, как бы священный Храм, отдав Ей предпочтение перед всей вселенной; вообще же, поскольку было необходимо, чтобы хотя бы один человек явил человеческое естество в его чистом виде (каковым оно было и создано), между тем, как всем это оказалось не под силу, то это было оставлено стать уделом Всенепорочной. Поскольку же Бог вложил в нас силу — при нашей бдительности и усердии — господствовать над грехом, как я выше сказал, — будет же, что победивших (грех) Он учредит в совершенной незыблемости в добре, то и то и другое стало присуще естеству только благодаря Деве; первое — в результате Её личных подвигов; второе — в силу того, что Она стала Матерью Божией.

Потому что в ЕЕ ЛИЦЕ человек явил с приизбытком на деле ту силу, которая вложена в него для борьбы с грехом: трезвением ума и правостыю воли и величием образа мыслей избежав, от начала и до конца, всякого греха. И к тому же, и на основании неизреченно Родившегося от Неё, Она возимела особую почесть. И Он был безгрешным, победив грех не силою личного подвига,³⁸ но от начала был увечен как таковой, явившись Победоносцем, взявшим трофеи над врагами. И, конечно, не потому Он был безгрешен, что, имея ум, могущий согрешить, Он — при помощи духовной бдительности — сохранил его неповреждённым со стороны зла, но потому Он — безгрешен, что Его ум был незыблемым, невосприимчивым ни для какого греха,³⁹ как позднее и тело Своё Он принял от гроба непричастным тлению. И

вместе с порядком родственности шествовал и порядок милостей в отношении нас. Потому что и это Она осуществила, — я имею в виду: — то, чтобы, при помощи старания, быв безгрешной, стать и совершенно незыблемой в добре.

16. И таким образом, Божия Мать предварительно даровала человеческой природе её первичную чистоту; Сын же Её даровал ей вторую и ещё более прекрасную. А это, конечно, должно было приключиться Блаженной Матери; именно — чтобы относящееся к Сыну, согласно Его желанию, и Она также наследовала, и, уступая Сыну в добродетели, с Его помощью, возмогла на большее, и на основании сего, Сама стяжала Себе (ещё) более светлую славу. И таким образом, в этом мире, как будто это было бы в раю, Она явила чистого и неповреждённого (грехом) человека, такого — каким он был создан в начале и каковым ему следовало оставаться, и каковым, действительно, он бы и был затем, если бы тогда поборолся за своё благородие. Потому что, поскольку подобало, чтобы человеческое естество сшло с Божественным, и настолько тесно сочеталось с ним, что из двух естеств (Божественного и человеческого) была бы одна Ипостась, то сначала было нужно, чтобы и то и другое было явлено в совершенстве. И Бог, действительно, явил Себя так, как возможно было Богу явить Себя. Человека же явила только Дева; и таким образом, после того, как каждая из двух природ, из которых Он состоит, сначала явила себя в отдельности, явился Иисус — сущий Бог, ставший Человеком. И как Бог, привед в существование дух, затем, сотворив материальный мир, в-третьих, наконец, создал человека, как сочетание из того и другого элементов, — так, несмотря на то, что Бог существует изначально, человек же явился едва ли не при конце веков, только в последние эти дни явился Богочеловек. Поэтому, мне думается, что по той причине не раньше, а только в поздние времена, Бог стал участником человеческого естества, что Её — Пречистой и Преподобнословенной Девы Марии, имевшей стать Его Матерью — тогда ещё не было; ещё Она не пришла; и только недавно явилась.

17. Таким образом, Всенепорочная не сотворила человека, но нашла его погибшего; и не естество дала нам, но сохранила его; и не создала его, но к тому, чем мы были воссозданы, внесла от Себя, и этим явилась Помощницей Создателю, и вместе с Художником соделала изображение.⁴⁰ Потому что Она, действительно, вручила Ему оригинал, такой — каким он был первоначаль-

но; Он же, со Своей стороны, прибавил к нему то, чего тот не имел раньше; и не прибавил бы Он последующее, если бы сначала не нашёл первоначальное; и тот, кому подобало прибавить, т. е. — Адаму, единственной из всех живых существ помощницей была Ева; Богу же — в явление Его благостыни — единственная из всего существующего оказала помощь Дева. Потому что ничто другое, кроме человека, не могло быть участником Божественного естества, и поэтому не могло быть участником Его щедрот; и поэтому, не могло помочь Ему. И совершенный художник, как только найдёт инструмент, могущий быть употреблённым в деле всего искусства, творит свои произведения прекрасными и явно обнаруживает себя как совершенный мастер. Бог же, обрет Блаженную Деву, не только как Инструмент, во всём Ему соответствующий, но — и как благоприятнейшую Сотрудницу, (вместе с этим) явил Самого Себя. В течение всего прошлого времени, можно сказать, в величайшей мере Он был неизвестен, потому что не было никого, кто мог бы Его явить. После же того, как явилась Дева, и Сам Он стал полностью явлен; потому что, как самое солнце мы открыто видим только благодаря атмосфере, окружающей землю, — потому что само от себя, без наличия света, оно ничего не предоставляет взору, — так и Она ничего не имела, кроме чистоты, ⁴¹и того, что Первому Свету наиболее родственно.

18. Поэтому, светлые (радостные), с великим наслаждением светло празднуя, мы достигли сего дня, в который всё это прияло начало, дня — Рождества — не больше Девы, чем — и всей вселенной, дня, который увидел, первый и единственный, истинного ЧЕЛОВЕКА; после чего всем стало возможным во-истину быть людьми. Ныне «земля даде плод свой» (Пс. 66,7); земля, которая в течение всего прошлого времени вместе с терниями и колючками приносила это растение, происшедшее вследствие греха. Ныне небо познало, что оно было создано не напрасно, потому что явилось то, ради чего оно было создано, и солнце увидело то, ради видения чего прияло свет. Ныне всякая тварь почувствовала себя более красивой и светлой, с тех пор, как воссияло Общее Украшение вселенной. Ныне все Ангелы Божии восхвалили и воспели Господа своего гласом великим (Иов 38,7), и настолько — больше, чем тогда, когда кругом звёзд Он украсил небо, насколько ныне Воссиявшая превосходит всякую звезду и светлее и полезнее для всего мира. Ныне естество человеческое, ослепшее, восприяло зрячее Око, с тех пор, как достиг-

ло сего дня. Потому что, как позднее, встретив слепорождённого, Христос исцелил его, так Бог, найдя заблуждающее и спотыкающееся человеческое естество, сжалился над ним и вложил (в его пустое веко) Сие Чудесное Око;⁴² и, вот, человек увидел то, что многие пророки и цари желали видеть, и не возмogli (Мф. 13,17). Потому что, как в одном теле имеется много частей и членов, но, кроме глаза, ни один из них не воспринимает и не усваивает солнце, так из всех бывших людей только одной Деве был полностью вверен Свет, а чрез Неё — всем.

Поэтому Ей проистекает непрестанное хваление от той и от другой твари⁴³ и всякий язык единогласно воспеваеТ Ей хвалу, и непрестанный хвалебный гимн воссылают Матери Божией поистине все люди и все лики (хоры) Ангелов. Это и нами воспеваеТся и внесено в общий взнос; конечно, меньший, чем нам долженствует внести, и меньший, чем мы хотели бы воздать, и ещё меньше мы были в силах выразить, чем это было у нас на сердце. И так, наш долг — сверх возможности выплатить его. Свойственно же Тебе и Твоему человеколюбию возмерять милость не согласно нашему приношению, но — согласно Твоему великодушию; и, как Ты, быв избранной из общего (людского) рода в дар Богу, украсила Собою всё человечество, так и за эти, посвящаемые Тебе слова, осяти нашу сокровищницу слов и яви ниву нашей души неплодной ни для какого зла, — благодатию и человеколюбием Единородного Сына Твоего, Господа, и Бога, и Спаса нашего, Иисуса Христа, Которому подобает всякая слава, честь и поклонение, со Безначальным Его Отцем, и Пресвятым и Благим и Животворящим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Patrologia Orientalis*, t. IXX, p. 465-484.
2. т. е. Свв. Иоаким и Анна, Родители Божией Матери.
3. т. е. Божию Матерь.
4. В ориг.: «Я говорю».
5. Также может означать: «полководцев».
6. т. е. в немногочисленном населении, бывшем в те древние времена.
7. т. е. Авраам стал «Отцом верующих», по выражению Св. Апостола Павла.

8. Имеется в виду неплодство престарелых Родителей Божией Матери.
9. т. е. Новый Завет.
10. т. е. Ветхий Завет.
11. Ветхозаветные предписания и ветхозаветный храм.
12. т. е. Божию Матерь.
13. Фраза передана в свободном переводе.
14. т. е. молитва Свв. Праведных Иоакима и Анны о разрешении бесчадия и обещание Богу даровать их Плод.
15. ориг.: «ненавистного».
16. Ориг.: «Носящего тело».
17. Ориг.: «На основании Сего единственного Творения».
18. Фраза в скобках вставлена нами.
19. Ветхозаветный Закон.
20. Фраза в скобках вставлена нами.
21. «Идея» — в классической философии это — идеал чего-то, но только реальный и являющийся прототипом.
22. Латинский перевод: «за который, не слышала, чтобы кто-либо из знаемых Ей возымел победную пальму».
23. Как это было в отношении Адама.
24. Как это было в отношении первых людей прежде грехопадения.
25. т. е. Господа Иисуса Христа.
26. т. е. наступления Нового Завета.
27. т. е. таинства Св. Крещения.
28. т. е. таинства Св. Евхаристии.
29. Монсинёр М. Жюжи здесь делает следующее примечание: *Peccati causam in omnes transtulit Virgo, dum virtutem atque in innocentia perserverantiam homini, prout initio a Deo creatus est, possibilem, perviam que esse suo exemplo demonstravit. Etenim juxta Cabasilae doctrinam, Maria nihic amplius a Deo recipit quam ceteri homines, ut in bono perserveraret. Unde peccatores sua perversa voluntate a bono recessisse, Deum vero mali causam et auctorem non esse convincuntur.* (Дева перенесла вину в грехе на всех людей, поскольку Своим примером показала, что человеку, каковым он был от Бога и создан в начале, возможны и доступны добродетель и пребывание в безгрешном состоянии. Таким образом, согласно учению Кавасилы, Мария, для пребывания в добре, ничего большего не получила, чем и прочие люди. На основании сего, грешники убеждаются, что они отступили от добра по своей дурной воле; Бог же не есть причина или виновник зла).
30. Эта фраза вставлена нами. Эти мысли Кавасила широко развивает в проповеди на Благовещение, которую читатель найдет ниже.
31. Говоря: что сохраняющие слово Божие и творящие его являются «Его Матерью».

32. Благоволение: в смысле доброго устроения души и воли.
 33. лат. перевод: «привилегии».
 34. ориг.: «рабского».
 35. лаг. перевод: «элемента».
 36. разночтение: «наибольшей честью».
 37. лат. перевод: «со всей землёю».
 38. ориг.: «старательности», «усердия».
 39. См. эту же мысль в § 14 этой же проповеди.
 40. «Καὶ τὸ ἄγαλμα συνειργάσατο τῷ τεχνίτῃ»; латин. перевод: «et una cum artifice imaginem confecit».
 41. Здесь под «чистотой» имеется в виду полнейшая, первоначальная светлая чистота естества, не запятнанная ничем недостойным Бога.
 42. т. е. Божию Матерь.
 43. т. е. от людей и от Ангелов.
-

Б У Р И В Е В А Н Г Е Л И Я Х

«В нашу лабораторию, изучающую озеро Киннерет, обратился профессор Крузе из Университета Софии, что в Токио, с просьбой снабдить его сведениями о здешних сильных ветрах в связи с известными упоминаниями о подобных событиях в Новом Завете.

Ответить профессору поручили мне, так как последние года два я занимался как раз этим предметом. Размышляя над результатами наших наблюдений и сопоставляя их с рассказами евангелистов, я пришел к выводам, которые показались мне интересными также и для читателей «Вестника». (Из письма автора в Редакцию)

*
**

Прибавим от Редакции, что вопрос о буре на Тивериадском озере был поднят еще в конце третьего века неоплатоником Порфирием, который видел в евангельском рассказе «смехотворную выдумку».

«Те, кто знает это место, передают, что тут нет моря, но небольшое озеро, образованное рекой у подножия Галилейских гор возле города Тивериада. Небольшие челноки, составленные из одного ствола, легко пересекают его в два часа: на нем не бывает ни волн, ни бури. Марк значительно перехлестнул границы правдоподобия и рассказал смехотворную басню. По этим детским историям понимаешь, что все Евангелия лишь хитроумная инсценировка».

Так научное исследование через 17 веков отвечает одному из самых образованных и умных противников христианства.

Шесть евангельских рассказов содержат описание двух штормов на Тивериадском озере: Мф. 8,23 сл., Мк. 4,37 сл., Лк. 8,23 сл. и Мф. 14,22 сл., Мк. 6,47 сл., Ин. 6,17 сл.

В первом случае лодка с Иисусом и учениками шла «на ту сторону» — в землю Гадаринскую. (Мф. 8, Мк. 4, Лк. 8) Возможно, они шли под парусом: один из английских переводов дает sailing как эквивалент греческого πλεοντων. О гребле не упоминается. Это может означать, что ветер дул с запада. Время суток точно не указано, из Мк. 4,35 следует, что отправились они ближе к вечеру, но то, что Иисус спал, ни о чем не говорит, так как в нашем климате спят и после полудня.

Сильный западный ветер — довольно обычное явление на озере. С мая по август едва ли не каждый день внезапно задувает около полудня. Скорость ветра может достигать 10-12 метров в секунду, а бывает и до 15-ти. Ветер прекращается, часто столь же внезапно часов в 6-7 вечера или позднее, но, за редкими исклю-

чениями, не продолжается до полуночи. С натуралистической точки зрения поэтому вероятнее всего, что описанное событие произошло в летние месяцы. Описание выглядит очень естественным. Все путешествие должно было занять около трех-четырех часов. Оно могло начаться в 4.00-5.00 пополудни.

Второй случай — ночной шторм (Мф. 14, Мк. 6 и Ин. 6). Детали рассказа различны у Иоанна и у синоптиков. Согласно Матфею и Марку лодка с учениками шла на веслах к берегу Геннисарета, а по Иоанну — к Капернауму. Они отчалили, повидимому, еще до захода солнца, с побережья недалеко от того места, где произошло умножение хлебов. Где же это было? Упоминание о Вифсаиде ничего не проясняет: у Марка (6,45) она — на «том берегу», у Луки (9,10) — «недалеке» от места, где насыщались пять тысяч верующих. Мне известны три версии местонахождения Вифсаиды, см. карту. Селений с таким названием и в действительности могло быть не одно. (Вифсаида, вероятно, Бейт-цайда, то есть Дом рыбной ловли, Дом рыбака. Ср. Вифлеем, Бейт-леhem — Дом хлебов. По сей день существуют два Бейт-লেখема). Расхождение между источниками пытались разрешать, перемещая место умножения хлебов — а заодно и Вифсаиду — на восточный берег озера за Иордан, на Геннисаретский берег или даже (см. комментарий к Мк. 6 в «Новом Завете», 1965 г., Изд-во «Жизнь с Богом», стр. 417) самую Геннисаретскую равнину — на северный берег озера, к Капернауму.

Берег Геннисарета, от которого получило название наше озеро, начинается чуть южнее долины Арбель, близ вероятного положения древней Магдалы и простирается к северу немного за Вади Амуд, но не далее древнеханаанского города Киннерет, от искаженного имени которого, быть может, и возникло «Геннисарет». (Обычная версия: Гинносар — от «Ганей сар», «Сады правителя» кажется мне народной этимологией). Севернее идут холмы. Где бы ни находилась Вифсаида, Капернаум, во всяком случае, не на Геннисаретской равнине.

Я попытаюсь рассмотреть оба рассказа в предположении, что традиционная версия о месте умножения хлебов верна, и не прибегая к экстравагантной географии.

Церковь в память об этом чуде стоит с пятого века по Р.Х. немного выше Гептапегона, современной Табхи. Согласно синоптикам ученики должны были грести отсюда на юго-запад, по Иоанну — на северо-восток. В обоих случаях они имели возможность двигаться вдоль берега. «Противный ветер» поднялся после

захода солнца и внезапно прекратился с появлением перед лодкой Иисуса «в четвертую стражу ночи» (синоптики) или после того, как они прошли 25-30 стадий, то есть 4,5—5,5 километров. Таковы обстоятельства.

Указание на «четвертую стражу» довольно существенно. Ночные стражи отсчитывались от захода солнца и длились по три — три с половиной часа, в зависимости от времени года и организации караулов. Страж могло быть от трех до пяти. Летом третья стража кончается в 4.00 утра, когда уже совсем светло, небо всегда ясное, солнце восходит в 4.30-5.00. Поэтому летом четвертую стражу не выставляют. Весной и осенью четвертая стража заступает около трех часов ночи, зимой, смотря по тому, четыре или пять страж в обычае — не ранее 2.00 и не позднее 3.30.

Ночной шторм у нас — нечастое явление. Из всех наблюдений с 1970 по 1976 годы я смог выбрать только 21 случай. 19 из этих штормов происходили с ноября по апрель и лишь два — в летние месяцы, а с августа по октябрь — вообще не отмечались.

Такие штормы начинаются, в среднем, за полтора часа до полуночи и могут длиться от часа до восьми часов подряд. (Точные значения: начало шторма — 22 часа 23 минуты \pm 2 часа 11 минут; окончание — 02 часа 30 минут \pm 1 час 43 минуты; продолжительность шторма — 4 часа 20 минут \pm 3 часа 30 минут (максимальная скорость ветра в течение шторма — 10,45 метров в секунду \pm 1,04 метра в секунду).

Из 19-ти ночных штормов, происходивших не летом, пять окончились слишком рано — прежде четвертой стражи. Остается рассмотреть 14 случаев, соответствующих евангельским обстоятельствам. Нас интересует направление ветра. Южный и юго-западный ветер, который мог бы препятствовать продвижению от Гептапегона к берегу Геннисарета, отмечен только дважды. В 11-ти случаях ветер дул с северо-востока и в одном случае — с востока, мешая грести из Гептапегона к Капернауму, что соответствует описанию Ин. 6. В таком контексте более вероятной оказывается версия Иоанна, но не синоптиков. Распределение по месяцам было следующим: пять штормов в январе, по два — в ноябре и в марте, по одному — в декабре, феврале и в апреле. Указание Ин. 6,4 («Приближалась же пасха»), таким образом, не противоречит характеру наблюдений. Такой шторм мог быть и в марте.

Остаются, однако, неясными, помимо самого факта расхождений между евангелистами, следующие моменты. От Гептапегона

до Капернаума 12 стадий по прямой (километра два). Это расстояние можно пройти на веслах при безветрии за час. Между тем, ученики расстались с Иисусом тотчас после умножения хлебов (Мк. 6,45), до захода солнца, буря же началась, когда стало темно (Ин. 6,17-18). Что они делали в море, по меньшей мере два часа? Откуда взялись 25-30 стадий, которые тоже можно было бы пройти за два — два с половиной часа?

Я нахожу возможным предложить следующую схему событий. Иисус расстался с учениками за час — два до захода солнца, в 4.00-5.00 пополудни, а сам «отпустил народ» и «удалился на гору». Они условились, что апостолы отправятся сначала на берег Геннисарета (допустимо, что кто-то из учеников там жил — пошли отвезти товарища), а затем, на обратном пути, возьмут в лодку Иисуса и пойдут морем дальше в Капернаум. Плавание до Геннисаретского берега могло длиться два часа, так что они повернули назад к Гептапегону еще засветло. Шторм застиг их около девяти часов вечера напротив Гептапегона. Возможно, они некоторое время ждали здесь Иисуса (Ин. 6,17: «Становилось темно, лодку било волнами, а Иисус не приходил к ним»). Затем они гребли против сильного ветра шесть часов подряд. Иисус же мог видеть с горы, как началась буря (Мк. 6,48: «И увидел их бедствующих в плавании»), и отправился пешком к Капернауму, напротив которого, неподалеку от берега и произошла его чудесная встреча с учениками. (Ин. 6,21: «...и тотчас лодка пристала к берегу, куда плыли»).

Иоанн, будучи сам непосредственным участником события и к тому же рыбаком, описал историю точнее, чем синоптики, которые слышали ее в чьем-то изложении. Ничего удивительного, если Матфей и Марк пренебрегли какими-то подробностями, с их точки зрения малозначительными.

ВОЗРОЖДЕНИЕ МОНАШЕСТВА В ЕГИПТЕ

Я стала собираться туда после лекции в Оксфорде, посвященной возрождению коптского монашества, с показом цветных диапозитивов возводимого в Нитрии монастыря и его старца. До этой лекции не верилось, что Нитрия, прославленная двумя Макариями — Великим и Александрийским — Арсением Великим, Марком Подвижником и множеством других преподобных 4-5 веков, известных нам по святоотеческой литературе, могла пережить 13 веков арабского завоевания, насильственного насаждения ислама и периодического гонения на христианство, продолжающееся и в наши дни. Но она Божиим чудом выжила и начинает новый расцвет, чему мне довелось быть свидетельницей.

Я ехала в Египет, движимая неукротимым, давним желанием прикоснуться к истокам всемирного монашества в самом месте его возникновения. Не буду описывать, как, какими путями я попала в пустыню, имея о ней сведения, почерпнутые из святоотеческой литературы, при отсутствии каких бы то ни было связей с современной Коптской Церковью. На этих путях мне помогали люди разных христианских исповеданий, и я им глубоко благодарна. Итак, я выехала в Нитрию в конце декабря, когда у коптов, как и у нас, шел Рождественский пост, когда монастыри обычно закрыты для посетителей, но Божией милостью мне было позволено прожить в монастыре Св. Макария Великого две недели и прикоснуться к прошлому и настоящему этого уголка пустыни.

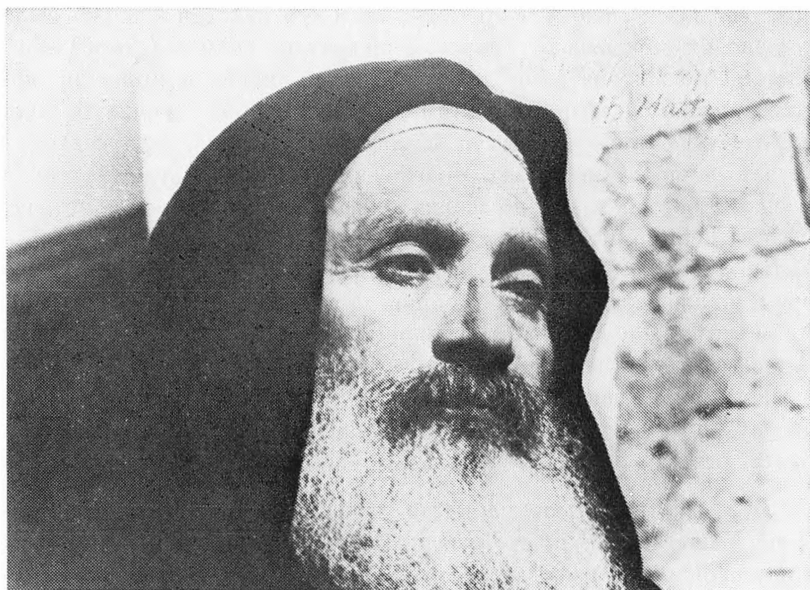

Монастырь преп. Макария. На переднем плане слева — развалины женской обители IV-V века.

Нитрийская пустыня (по-арабски Вáди-Эль-Натру́н) расположена приблизительно в 90 км к СЗ от Каира, в половине пути между Каиром и Александрией. Она входит в северо-восточную часть Сахары и представляет собой депрессию, лежащую ниже уровня моря. Это бывшая лагуна, с отложениями селитры и других солей, которые и сегодня разрабатываются. Невысокие мягко очерченные холмы, засыпанные мелким желтым песком, низкие плато, редкие оазисы по окраинам — вот ландшафт Нитрии. В далекие от нас времена, когда не было дорог, когда жизнь сосредотачивалась только по берегам Нила и его рукавов, Нитрия была хорошо изолирована от «мира». В недрах ее холмов («гор») процветало подвижничество, десятки тысяч монахов и монахинь наполняли ее монастыри. Об этом свидетельствуют сегодня бесчисленные обломки глиняных и стеклянных сосудов, покрывающих песчаную поверхность на много километров вокруг. Из всего множества монастырей до наших дней сохранилось всего четыре, расположенные по южной окраине пустыни. Это монастырь Барáмус (т. е. «Совещания», где во времена Макария Великого происходили совещания об общих делах монастырей пустыни), Аль-Сурьяни (т. е. монастырь Сирийцев, где подвизался св. Ефрем Сирин и его соотечественники), Аба Бишó (м-рь Аввы Псоа — разница произношения объясняется отсутствием в греческом языке звуков «п» и «ш») и м-рь Св. Макария Великого, о котором будет речь.

Первый монастырь на месте нынешнего монастыря Св. Макария был основан преп. Макарием Египетским в 360 г. и с тех пор никогда не пустовал. В наши дни, за период с 1969 г. по 1979 г., монастырь заново отстроен и намного расширен. Восстановителями, или лучше сказать новооснователями м-ря — не только его стен, но и его содержания — явились 12 отшельников, прежде подвизавшиеся в пустыне Райáн, расположенной в 50 км к ЮЗ от г. Фаюма (бывший Крокодилополис) и в 150 км к ЮЗ от Каира. Жизнь их там была подобна житию первохристианских подвижников, известному нам по святоотеческой литературе. Каждый проводил шесть дней в неделю в затворе своей кельи в «горé». По субботам отцы сходились к Старцу для исповеди и духовных бесед, совершали в ночь на воскресенье Божественную Литургию, причащались, разделяли общую трапезу (агапу) и, ещё наладившись духовной беседой, забрав на неделю продовольствие (в основном сухой хлеб и соль) и воду, расходились по своим кельям. Старцем, или Духовным Отцом, как его называют макариты, был

о. Матта Эль-Мескин (т. е. Матфей «Бедняк»), продолжающий и на новом месте духовное руководство братии. Суровость жития заключалась не только в скудости пищи и питья, доставляемых на ослах или верблюдах за два дня пути, не только в затворе в недрах земли без достаточного доступа света и воздуха. Отшельникам приходилось выдерживать вооруженные нападения бедуинов, наивно полагавших поживиться у тех, кто всё — и самих себя — оставили ради Бога. Но отцы пережили также замечательные моменты бла-

О. Матта-эль-Мескин

гочестия и милости со стороны простых феллахов (земледельцев) из стдаленных оазисов. С большим умилением они вспоминают феллаха, два дня и ночи по звездам шедшего к ним по пустыне с ослом, нагруженным провизией и водой. Он каким-то образом узнал о подвижниках и принес им подкрепление от плсдов рук своих. Этот феллах был магометанин. Вообще простой народ покоряла полная самоотверженнссть монахов: будучи университетски образованными, часто из хорошо обеспеченных семей, они ради Бога оставили и карьеру, и материальное благополучие, и любовь ближних. Было ли их искание Бога вознаграждено? Очевидно, да. И в большей мере, чем понесенные лишения и духовные испытания,

потому что они с большой печалью и неохотой покинули свои кельи, когда покойный Патриарх Кирилл VI попросил их перейти в Нитрийскую пустыню и заняться восстановлением ее разрушенных монастырей, в частности, монастыря Св. Макария. «Мы плакали, покидая ради послушания нашу пустыню» — вспоминают отцы. Теперь в Шайанской пустыне никто не живет: трудность обитания там оказалась не под силу другим. А те двенадцать, что вышли из Райана во главе с о. Маттой Эль-Мескином, овеваны особым духом и составили ядро новой общины, которая из года в год пополняется, стали ее старцами.

На развалинах Макариевского монастыря к моменту пришествия отшельников доживало шесть престарелых монахов, из которых теперь остался в живых только один 80-летний о. Матфей. За десятилетие число монахов выросло до 80. Большинство из них — молодые люди с университетским образованием, свободно владеющие достижениями современной науки и техники. Среди них есть врачи, учителя, агрономы, фармацевты, архитекторы и инженеры, находящие применение своим знаниям и опыту в обширной практической и научной деятельности монастыря. Говоря о любом аспекте монастырской жизни — будь то устав или разведение огорода, духовные ли каноны, эстетика построек или просветительская работа — приходится упоминать о вдохновителе всех начинаний и опытном, одаренном руководителе — о Духовном Отце макаритов, о. Матта Эль-Мескине.

По образованию фармацевт, о. Матта покинул любящий круг родных и друзей на 30-м году жизни; 10 лет провел в разных монастырях и пустынях, 10 лет подвизался в Раянской пустыне, и с 1969 г. подвизается в монастыре Св. Макария. Переселившись в Нитрию, он не оставил отшельнического образа жизни и живет в «горé» (внутри невысокого холма) на небольшом расстоянии от монастыря, приходя туда по нуждам братии и в воскресные и праздничные дни, когда совершается Божественная Литургия. Рядом с его кельей есть еще две, где тоже живут отшельники. Географическая удаленность старца от монастыря не препятствует его вниканию во все дела (вплоть до мелочей), которые предпринимаются не иначе, как с его совета и благословения. Суровые десятилетия, проведенные в сугубом подвижничестве, сорокадневные посты, когда братия знала, что он еще жив, по приоткрытому окну его кельи, тяжелое десятилетнее испытание — всё это подорвало здоровье старца. Большую часть времени он прикован к постели в своей «горé», но, как он сам говорит, болезнь его

имеет самостоятельное существование, не внедряясь в сферу подлинной жизни. Жизнь же его — постоянное созерцание, постоянное горение духа и творчество.

Будучи сам исключительно одаренным, он, однако, удерживается от влияния на монахов, предоставляя каждому найти свой духовный и творческий путь, действуя советом и убеждением. Полюбив и усвоив идеалы монашества, завещанные древними Св. Отцами, научившись от Духа подлинной духовной свободе, он и сам остается им верен и умеет сообщить другим любовь к ним. Поэтому характерными чертами макаритов является духовная свобода без дерзости, искренность, простота, исключительная доброжелательность без угодливости, любовь друг к другу и к миру и постоянное богоискательство. Посетителей монастыря прежде всего поражает мягкость и открытость монахов, причем особенной мягкостью отличаются старцы, как бы это ни казалось неожиданным, учитывая суровую аскезу прошлого, которую они вряд ли совершенно оставили. Попав в их мир, теряешь всякую идентичность: национальную ли, церковную, или самостную, оставаясь при этом тем, что есть, — идентичность, которую мы до крови отстаиваем из опасения быть раздавленными. Там же, с удивлением открываешь, каким бременем является эта идентичность и какая радость любить, как родных братьев, людей «чуждых» наций и религиозных толков, не различая «ни эллина, ни иудея».

Об уставе монастыря сказать нечего, т. к. его нет, как не было во времена его основоположника, преп. Макария Великого. Однако, существуют неписанные правила, выявляемые скорее в действии, чем в теории.

Условием принятия в монастырь является хотя бы однажды пережитый опыт встречи с Богом желающего принять постриг. О. Матта считает это необходимым признаком призвания, т. к. вся жизнь монаха направляется на искание и утверждение в этой встрече. Авва говорит, что собственно его роль духовничества сводится к помощи новонаначальному найти свое место пред лицом Божиим, найти свой духовный путь, привязать монаха к Господу, Как только Старец почувствует, что монах начинает обретать это место, он его предоставляет водительству благодати, поправляя и направляя лишь когда необходимо. Разумеется, такая задача под силу лишь особо одаренному духоводителю, способному увидеть личный путь другого и распознать волю Божию о нем.

Забываясь о привязании брата исключительно к Богу, Авва не позволяет привязаться лично к себе. Заметив начало такой

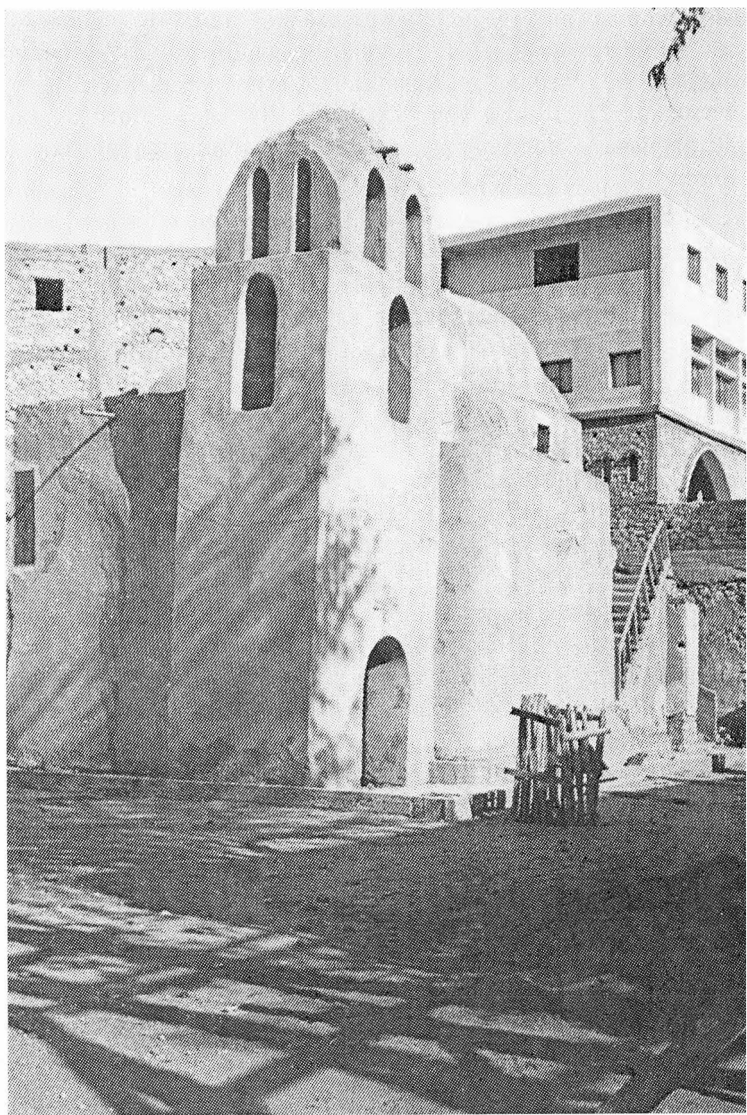
привязанности, он строго запрещает брату целый месяц показываться себе на глаза, помимо соответствующих внушений. Объясняется такое воспитательное «отчуждение» тем, что человек человеку не может служить постоянным, вечнотекущим источником насыщения. Полученное от человека быстро истощается, требует нового наполнения — и так без конца. Только в Господе обретается полнота и постоянство, и к Нему отсылается монах.

Учась самостоятельности рассуждения, главным образом о своих помыслах и поступках, монахи ведут своеобразный духовный дневник, который отдают Авве на прочтение и совет. Свое мнение, обосновываемое и подкрепляемое евангельским и святоотеческим словом, Старец пишет на полях.

Наказания, эпитимий, налагаемых извне, в монастыре не существует. Если провинившийся сам просит о наказании, Старец и тут предоставляет личный выбор быть или не быть наказанным (главное — сознание вины) и род наказания. Обычно провинившийся сам налагает на себя эпитимию на определенный срок (например, прибавляет 300 поклонов в день в течение недели), после чего спрашивает Старца, достаточно ли этого, и получает утвердительный ответ.

Духовная свобода включает в себя добровольное посещение церкви, а также образ и время личной молитвы. Старец дает совет и благословение, сообразуясь с личными особенностями каждого, его творческой одаренностью и практическим занятием в монастыре, причем последнее также направляется на духовное возрастание монаха. Монахи, достигшие в меру созерцания, исполняют молитвенное «делание» в келье и в церковь собираются по воскресеньям и праздникам, т. е. когда совершается Божественная Литургия. Литургия коптов представляет собой один из ранних вариантов литургии Василия Великого и носит его имя. В обычные дни, когда нет всенощного бдения, совершаемого вместе с Литургией с 10 ч. вечера до 6-7 ч. утра, в церкви поется коптская полунощница, состоящая из псалмов, гимнов и молитв (с 4 ч. до 7 ч. утра) и краткая вечерняя служба (с 5 ч. до 5.30 ч. вечера). На келейную молитву колокол будит в 3 ч. утра

Любой монах, желающий на время удалиться в затвор, сообщает об этом Старцу, который его благословляет, передав его послушание другому монаху. Кроме этой возможности удаления во «внутреннюю» клеть, молодые монахи, занятые активным трудом, особенно служащие посетителям и невольно развлекаемые,

Внутренний вид монастыря.
Здание с куполом — библиотека с церковью.

попеременно удаляются на монастырский участок на побережье, к западу от Александрии, где возделывают сад и строят кельи.

Внешнего послушания, дисциплинарных канонов, как и иерархического различия, в монастыре нет, им просто нет места, т. к. отношения покоятся на взаимной любви, уступчивости и доверия друг к другу. Иногда можно наблюдать трогательную картину «препирательства», когда два отца настаивают на выполнении воли один другого, или когда один старается выдвинуть другого. Однако существует уважение к духовному старшинству по благодати, и прежде всего к Духовному Отцу, к которому отцы питают подлинную, нежную любовь, свободную от человекоугодия и искаательства. Внешне это не выражается никак, отношения просты и почтительны, как со всеми. Но нет большего наказания для монаха, чем огорчить Духовного Отца. Причем, о. Матта официально (по собственному настоянию) даже не является игуменом, живя, как простой монах. Честь игуменства отцы вручили старому о. Матфею, последнему из той шестерки, которую застали райанские отцы на развалинах Макариевого монастыря.

Ответная любовь Аввы выражается разным образом, вплоть до мелочей. Можно привести примеры прямо материнской заботы о братии.

Испытав на себе, что значит для монаха (особенно ученого, «книжного») свет и воздух, он распланировал просторные, хорошо проветриваемые кельи, состоящие из двух комнат с балконом, небольшой кухни с водопроводом и душевой европейских кондиций. Внешне монастырь вырастает среди однообразия песков как крепостная стена округлых очертаний, с высокой колокольной-маяком. Вдоль стен, внутри которых расположены кельи монахов и помещения для посетителей, в два яруса идут круглые, как на кораблях, окна-иллюминаторы — символика корабля спасения, Ноева ковчега, а практическое их назначение — вентиляция и вид в пустыню. Внутренние, обширные, окна келлий выходят в сад. Все постройки отличаются простотой, изяществом и удобны по своему практическому назначению; новозаветная символика и образы древней веры египтян в их новозаветной интерпретации украшают церкви и фасады некоторых зданий.

От входа в монастырь к церквям ведет красивая и необычайно удобная мраморная лестница. На вопрос, не является ли она, как всё в монастыре, плодом творческой идеи Аввы, отцы ответили утвердительно. О. Матта объяснил удобство лестницы очень просто: в технических книгах стандартная ширина ступе-

ней рекомендована в 30 см, но он колебался относительно этого размера; тогда он попросил каждого отца измерить длину своей стопы и на основании этих измерений вывел удобную ширину в 33,5 см!

История колокольни-маяка тоже примечательна. В монастыре есть невысокая колоколенка, вполне достаточная для своей цели; но отцы усердно просили Авву построить внушительную колокольню, «как в других монастырях». Расходовать скудные средства на помпезное сооружение Старцу казалось нецелесообразным, однако хотелось удовлетворить желание отцов. В одно из озарений в своей «горé» он начертил идею колокольни, которая собственно колокольной будет служить нижним своим ярусом; верхний ярус будет служить водонапорной башней, где будет установлена цистерна; самый же верх колокольни будет венчаться крестом, светящимся в ночи, как маяк, который поможет заблудившимся в пустыне ночью или во время песчаных бурь найти путь в гостеприимную обитель.

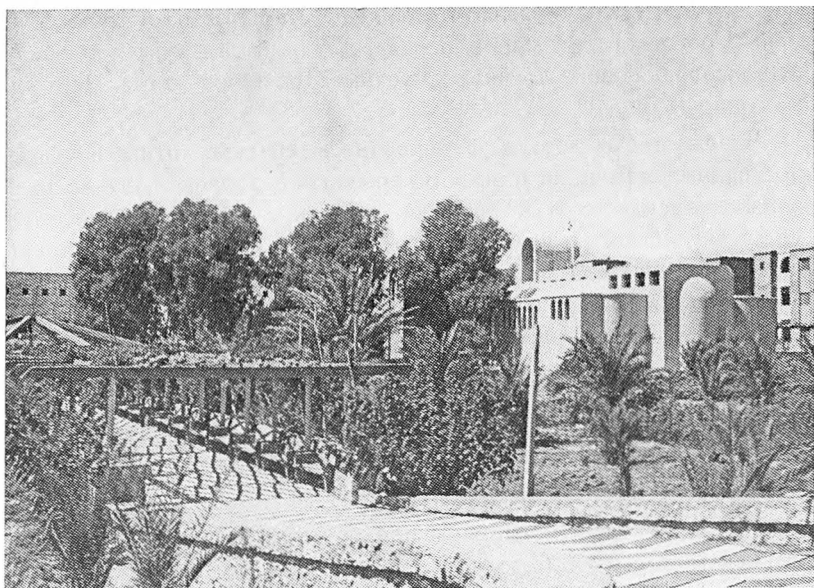
Агрономическая деятельность монастыря граничит с чудом. На большом участке, отведенном правительством (и по его просьбе), пустыня расцветает, «яко крин». Благодаря технической оснащенности и профессионализму некоторых отцов, благодаря христианскому отношению к труду, а главное — вдохновенному творчеству делателей, бесплодный песок изводит из себя финиковые пальмы, цитрусовые, инжир, маслины, миндаль, различные овощи и кормовые и технические растения. Для орошения используется грунтовая вода, просачивающаяся от Нила.

В целях получения дешевого органического удобрения разведено животноводство и птицеводство с подбором выносливых пород. В просторных чистых стойлах размещаются коровы, буйволы, овцы, ослы; в обширных вольерах оживленно суетятся тысячи кур. Количество и размеры плодов хозяйства огромны; лимоны достигают весом 1 кг, яйца — 110 гр. На базе животноводства устроено небольшое молочное хозяйство, оборудованное современной техникой.

Сельскохозяйственная и строительная техника подарена монастырю различными почитателями: коптами, немцами, шведами. Некоторые виды животных и растений получены из европейских стран и США. Денежные средства поступают как пожертвования главным образом от христиан-коптов. Рабочие нанимаются преимущественно в бедном Верхнем Египте, откуда они приезжают с целой стаей детей-подростков, которых монахи, помимо содер-

жания, обучают общим предметам, дают трудовую техническую подготовку, а детям-христианам — еще и религиозное образование.

Просветительная деятельность монастыря занимает важное место в его жизни. Помимо устных бесед с приезжающими за советом или утешением, духовное просвещение подается через ежемесячник «Св. Марк», издаваемый в типографии монастыря, оборудованной современным печатным станком и компьютером. В каждом номере помещаются статьи, проповеди и беседы о. Матты, который является плодовитым писателем. Им написаны сотни статей помимо пятидесяти крупных названий.

Внутренний вид: сад, кельи и библиотека.

Одной из очень популярных его книг, оказавшей влияние на многих молодых людей в выборе монашеского пути, является антология о молитве. В неё включены слова о молитве больших христианских писателей всех времен и народов. Большое место в ней занимают русские писатели: свв. Тихон Задонский, Серафим Саровский, Иоанн Кронштадтский, еп. Феофан Затворник, еп. Игнатий Брянчанинов. Эти писатели, как и некоторые наши современники Бердяев, Флоровский, митр. Антоний Сурожский, Старец

Силуан Афонский, с которыми монахи имели возможность познакомиться через переведенную литературу, пользуются у них чрезвычайным уважением. Более того, изыскиваются пути тесного евангельского общения с Русской Православной Церковью, как наиболее родственной по духу и исторически нейтральной в многовековых испытаниях Коптской Церкви.

Вообще макариты и другие представители Коптской Церкви выражают стремление выйти из исторической изоляции в широкий христианский мир, главным образом в православный, частью которого они себя ощущают. Сами утвержденные или утверждаемые в любви, они свободны от страха раствориться в иной среде, и потому с готовностью усваивают то положительное, что имеется у других. Отсюда происходит открытость и дружеские связи с богословским миром Запада, который сам учится у макаритов, сохраняющих древние духовные традиции, когда Церковь была едина.

Чтобы иметь доступ к мировой литературе, отцы изучают иностранные языки, которые им преподают добровольцы из различных консульств и учреждений в Каире. Постоянно ведутся курсы английского, французского и немецкого языка, и теперь ищут преподавателя древнегреческого, чтобы иметь возможность переводить подлинники древних текстов, вывезенные из Египта и хранящиеся в знаменитых библиотеках мира. Благодаря знанию европейских языков, некоторые отцы могли вести миссионерскую работу в африканских странах (вообще образованные копты посылаются в качестве миссионеров в глухие углы Египта, где население по безграмотности и отсутствию священников находится под сильным мусульманским влиянием).

На территории монастыря обнаружены и бережно собраны фрагменты построек и сосудов, датируемых 4-м веком и позже; на базе этих находок развивается археологическая деятельность и строится музей. К юго-западу от монастыря, в «горé», где обитают Старец и два других отшельника, недавно обнаружили и откопали келью самого преп. Макария Великого, с длинным узким ходом, ведущим во внутреннюю келью, куда он удалялся от наплыва посетителей. Таким образом удалось установить гору преп. Макария, упоминаемую в литературе. А к северу от монастыря видны развалины (еще ожидающие археологов) женской обители 4-5 веков, где под престолом церкви покоились мощи преп. Иларии, дочери византийского императора Зенона, которая подвизалась в Макариевом монастыре под именем евнуха Илария.

Но вся видимая деятельность, о которой здесь только упомянуто, является, по словам о. Матты, лишь «побочным продуктом» духовной, созерцательной жизни макаритов. И не перестает изумлять парадокс уживания духовности 4-го века в рамках деятельности 20-го века. Даже короткое общение с некоторыми из отцов могло бы составить продолжение «Лавсаика» или «Луга Духовного». Дух древних святых Отцов, чьи заветы благоговейно сохраняются, унаследован и творчески выявляется новым поколением монахов. И поистине Макариева широта, вмещавшая в себя столь разных людей, как ученый византиец, воспитатель царевичей (преп. Арсений Великий) и бывший предводитель разбойников (преп. Моисей Мурин), унаследована сегодняшними макаритами. Двери монастыря широко открыты для всех без исключения. Помимо щедрого и безвозмездного гостеприимства, отцы заботятся о том, чтобы у приезжающих группами инославных была возможность совершать свою Литургию. И если позволят обстоятельства, Нитрийская пустыня может заселиться монашескими обоего пола из разных народов, как было во времена Отцов, о чем сегодня свидетельствует название другого нитрийского монастыря, Аль-Сурьяни (т. е. м-рь арийцев).

Я ехала в Нитрию с желанием прикоснуться к ее прошлому, но ее настоящее оказалось не менее притягательным, как живое воплощение прошлого.

Е.Д.

Август, 1980 г.

ЕДИН ХРИСТОС И ЕДИНА ЦЕРКОВЬ

Отец Матта принадлежит к коптской (египетской) Церкви. Неприятие Халкидонских определений, краеугольных для истинной веры, было обусловлено в значительной мере недоразумением терминологического порядка, а также некоторыми опасениями перед имперскими замыслами Константинополя. В настоящее время, судя по всему, догматических разногласий между т. н. до-халкидонскими Церквами (Коптской, Эфиопской, Армянской, Сиро-малобарской) нет: все мы верим во Христа Богочеловека. Искать полного церковного единства с до-халкидонскими Церквами есть первый и наиболее срочный долг православной Церкви. Прим. Ред.

В веке, каким является наш, окрашенный сектаризмом, мы, произнося слова Символа Веры «верую во единую кафолическую¹ Церковь», склонны думать, что называемое здесь единство относится к определенной церковной группе людей или догме, разделяемой определенной группой христиан: восточно-православной, римско-католической или протестантской. Отсюда с неизбежностью вытекает, что кафоличность означает сектарное единство. Православный будет настаивать, что единство Церкви просто заложено в ее православии, причем ее кафоличность включает только тех, кто является членом Православной Церкви на земле. Таковы же будут притязания католика и протестанта. Именно в такой богословской концепции природа Церкви принимает особую форму для каждого христианина, как если бы ее единство было ограничено рамками догмы, которая в свою очередь ограничивает ее кафоличность, причем последняя понимается как частный аспект Церкви.

В таком узком понимании, цепко приставшем к образу мышления, и ограниченности перспективы теряется реальность безграничной природы Церкви, которая превосходит и человеческую землю, и человеческую мысль. Нет! Церковь несравненно больше человека. Она больше неба и земли, ибо человек никогда не смог и никогда не сможет наполнить ее, хотя бы весь мир со всеми его верованиями и умопостроениями был спасен — как в смысле перспективном, так и ретроспективном. Потому что только Хри-

¹ из двух синонимов, употребляемых в Русской Православной Церкви: «кафолическую» и «соборную» — здесь предпочтен первый. (примечание переводчика)

стос в состоянии наполнить Церковь. Потому что в Нем пребывает всякая полнота, могущая наполнить всё и вся: человека и его ум, время и пространство. Вселенная с ее землей и звездным небом никоим образом не могут вместить Церковь; но Церковь вмещает и человеческое небо, и человеческую землю. Ибо Церковь есть новая тварь: новое небо, новая земля и новый человек. Природа ветхой земли и ветхого неба поглощены природой этой новой твари настолько, что как бы более не властвует, и тленное — нетленным; и так всё становится новым, вечным и чистым. Новизна в этом отношении принадлежит **неизменному вечному целому**, тогда как ветхим является то, что постепенно, но неизбежно, удаляется, что вытекает из существенно изменчивой природы ветхого.

Итак, Церковь в отношении ее **кафолической** природы является больше человека и его концепций, его умопостроений и догм; она обширнее вселенной с ее необъятными мирами и земли со всем ее упадком — больше также всех ее временных событий от начала до конца.

Церковь есть новое Целое. Ее **целостность**, включающая в себя всё, присущее и человеку, и Богу через Воплощение, вытекает из природы Христа, образующей Церковь.

Церковь, отсюда, есть **целая** или, иными словами, **кафолическая**, ибо она соединяет в своем собственном теле — теле Христа её наполняющем — всё, что присуще и человеку и Богу, в единое целое: видимое и невидимое, конечное и бесконечное, бытие в пределах времени и пространства и метафизическую вечность.

Слово «кафолическая» — греческого происхождения этимологически состоит из двух слов: *καθ'* (в соответствии со словом *κάτα*) — полностью, всецело, совершенно; и *ἅλος* — что означает ЦЕЛОЕ, всё. «Целостность», которая здесь имеется в виду, превосходит всю суммарность ограниченного бытия. Это — неизменное, бесконечное, нерушимое, не поддающееся исчислению целое; это — **ОДНО** постоянное Целое, имеющее аналогию с постоянной, неделимой, несмесимой и неизменной природой Христа.

Вот что есть Церковь, во всем последующая Христу. Ибо, как Христос является единой Личностью, заключенной в Его природе, и как Он целостен в своем временном и вечном, в своем местном и универсальном бытии, так и Церковь является единой и кафолической. Отсюда следует, что тот, кто находится внутри Церкви, неизбежно и необходимо есть един в силу кафоличности Церкви. Или, иными словами, Церковь обладает божественной

силой, приобретенной чрез Христа, соединять каждого человека воедино с Богом. Тот, кто во Христе, есть от Бога и един есть с Богом.

Кафоличность Церкви осуществляется посредством таинств, через которые все верующие приводятся в соединение с мистическим телом Христа, становясь таким образом одним телом и одним духом; иными словами, они имеют доступ к природе **Единой Кафолической Церкви**, где тело Христово является тайной ее кафоличности, а Его Личность — тайной ее единства.

Значит, если верующие не достигают состояния единодушия и единомыслия, причащаясь одного Тела, и, затем, состояния единой любви, приобщаясь Личности Христа, царствующего над всем, — то тем самым таинства низводятся всего лишь к формальному существованию, что ведет к интеллектуальным и догматическим разногласиям. Сакраментальная и догматическая формальность несовместима с реальностью единого составляющего Тела, ядущие от которого будут жить им и будут едины в нем. Ибо в Церкви Тело Христово есть источник жизни и соединения: оно живо и живоподательно и способно устранить всякого рода преграды, возведенные временем и пространством, а также человеческим разумом и инстинктами: будь то социальные барьеры (во Христе Иисусе нет «ни раба, ни свободного»²), национальные или культурные («...ни эллина, ни иудея... варвара, Скифа»³), или барьеры пола («...нет мужского пола, ни женского»). Мистическое тело Христа в Церкви является источником той силы, которая способна собрать воедино и соединить всех внутри своей собственной **единой кафолической природы**.

Церковь есть новая тварь: ибо как Адам был главою ветхо-человеческой твари и единицей, от которой произошли все расы, народы, группы и классы человечества, так и Христос стал вторым Адамом и главою новой человеческой твари — стал Единицей, произведшей нового человека как единую избранную расу (разумея под ней божественную христианскую расу), единый оправданный народ (разумея под народом тех, кто соединен воедино праведностью Христа, а не своей собственной) и единую святую нацию, у которой одна мать — святое крещение, а не женская утроба.⁴

² Колос. 3:11

³ Гал. 3:28

⁴ и не этнико-географическая принадлежность (добавление переводчика.

Великая тайна силы Христовой объединять расы и народы и уничтожать все барьеры между людьми (церковная соборность) лежит в воплощении Божиим: в единстве Сына Божия и Сына Человеческого. Божественность Христа явилась причиной преодоления не только всякой расовости, но даже греха и смерти. Христово Сыновство по отношению к Богу дало Ему возможность собрать человечество в единое родство Богу. Тем самым, в том, кто приобщается Тела Христова, растворяются всякого рода барьеры вместе с грехом и смертью, делая его единым с каждым человеком. Как новый человек, заново и чисто созданный в подобие образу Христа, он становится сыном Божиим в пределах божественного Христова Сыновства. Таким образом, **кафолическая природа** Церкви зависит от божественной плоти Христа как заключающей в себе силу сорать и объединять человечество внутри единого сыновства Богу.

Кафоличность Церкви является кафоличностью Христа; она делает действенной природу Христа, собирающую воедино и человека с человеком, и человека с Богом. Другими словами, Церковь, в силу кафоличности своей природы, противостоит всякому роду дискриминации, разделения, изоляции; и более того: всему тому, что вызывает человеческие разделения, из чего бы они ни исходили: изнутри человека или извне его. И как Христос собирает рассеянные народы, племена и языки не только в один ум и одну веру, но и в одно тело в полном смысле слова, означающего сокровенную близость, понимание и любовь, так и Церковь, являясь мистическим телом Христа, с ее таинствами крещения и евхаристии, есть средоточие — и единственное средоточие — всего человечества, ибо в ней растворяются все преграды и разногласия. Всё таким образом осуществляется в одно великое чистое тело, в один дух любви и сокровенной близости — в единого примиренного человека, главою которого является Христос, вмещающий все племенные, национальные, расовые и языковые преимущества и дарования без умаления и дискриминации. То-есть, всё это как раз и есть то, что понимается под «кафоличностью» Церкви.

Что же касается причины, по которой Церковь на земле всё ещё не достигла своей кафоличности, или, вернее, по которой она не живет своей кафолической природой, долженствующей быть сущностью ее жизни во Христе, доказательством ее силы, тайной ее цельности или божественной целостности — она проста: Церковь на земле всё ещё не восприняла свою божественную

идейность как более чистую и превосходящую всякую логику и человеческую рассудочность; т. е. ее понятия всё ещё зависят от выражаемых и философских толкований, препятствующих ясному видению **кафолической природы Христа**, имеющей исключительную силу полного примирения и объединения различных положений способом, превышающем способности любой природы в себе (а не только идей, правил и догм), т. к. она основана на всепрощении, очищении, оправдании и даже освящении любого человека Кровью Христа, искупающей грех всего мира. Церковь как бы еще не открыла глубину силы, присущей Крови Христа, действенную возможность Его Тела и глубину Его любви и праведности.

Не подлежит сомнению, что все богословские понятия о Церкви — в смысле недостаточности — сами по себе непорочны. Несовершенство проявляется в их толковании и понимании, потому что тут человек подходит к Божеству — т. е. к простой и ясной природе Бога — с Адамовым умом и рассудочностью, а не с Христовым. Отсюда неизбежно получается несогласие, вытекающее из раскольнической природы Адама. Раскол, проявляемый в понимании и восприятии Христа, касается не только Его природы и ее кафоличности; он явился исключительно результатом раскола, присущего человеческой природе, ущемленной грехом и исполненной ненависти, подозрения, непонимания, суетности и разобщения. Таким образом, вина церковного раскола лежит не в природе Церкви, а в природе человеческого постигания и усваивания природы Христа и Церкви.

Следовательно, всякий концептуальный раскол относительно природы Христа и Церкви указывает на наш земной подход к Божеству, чрез падший ум — т. е. фактически недуховно. Всякий раскол, имевший место в Церкви, означает, что человек подошел к церковному делу с этноцентрическим (рассеивающим) умом, а не с церковным, не с кафолическим (объединяющим) умом.

Отсюда следует, что только для **нового** человека Христос остается нераздробленным, бесспорным и неизменным; только для человека, обладающего умом Христовым, Церковь будет одной, единой и кафолической для всех людей, православной в каждом суждении, свободной от какого бы то ни было сектантства и разделения; только для нового человека, принявшего природу Христа глубоко в своем сердце.

Только тогда, когда люди отрешатся от своей воли, начнет

действовать одна Христова воля; и если они откажутся от страстей и ненависти и подчинят тело и ум действию Святого Духа — только тогда выявится мистическое тело Христа и осуществит свое действие в Церкви по собиранию сердец, идей и понятий. И когда люди искренне предадут свои жизни Христу — только тогда станет явленной жизнь Христа в Церкви и Его Дух изольется на нее. Когда же каждая душа, включенная в Церковь, в духе, вере и искренности устремится к Богу через горячее покаяние, когда каждая Церковь станет таковой — только тогда благодатью Божией Церковь станет единой и церкви, силою Святого Духа, соберутся в одну Церковь, где Христос — единый Пастырь единого стада; Он и Его Дух будут управлять стадом, становясь источником его кафоличности и единства.

Не есть ли Церковь явление Христова воплощения на земле и Его непрерывного пребывания во времени? В ней верующие образуют новую человеческую природу, прославленную в Личности Христа, чрез Которого она воспринята Богом. Ибо как же иначе Христос может быть явлен в Церкви, как не через единство мысли, воли, желания и чувства общие у детей единого Бога, рожденных «не от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа»,⁵ но через человеческое и духовное единство? Как же можно доказать миру, что Бог один, как не через единство рожденных от Него? И как миру увериться, что Иисус Христос есть едиnorodный Сын, как не чрез единство сыновства верующих в Него, рожденных от Бога чрез Христову смерть ради них и Его воскресение вместе с теми, кто теперь соединен с Его Телом, с Его Кровью и с Его Духом — т. е. со всеми, кто сделались членами единого тела? И не очевидно ли поэтому, что кафоличность Церкви и ее единство есть ни что иное, как тотальность богословия, доказательство Христова бытия и действия и осуществление нового человеческого рождения водой и Святым Духом?

Отсутствие до сих пор целостности в отношении кафоличности и единства Церкви среди церквей мира требует от нас не пересмотра нашего богословия (ибо оно истинно и верно), но пересмотра самих себя в свете нашего правого богословия, так чтобы мы могли исправить наше видение Бога, как единого Отца всего человечества. Мы должны приучить себя видеть Христа, как единственного Спасителя и единственного Искупителя всех, кто призывает Его имя, чрез Которого всё человечество без различия усвоено Богом и Который тем самым обращает нашу лю-

⁵ Ио. 1:13

бовь к человеку — каждому человеку — в братскую любовь, даже если он враждует против нас и расставляет смертоносные сети.

Но при этом нужно, чтобы нас побуждало к церковной кафоличности и единению не богословское рвение, или идеализм, или даже раскаяние. Наше побуждение должно исходить из веры и любви, т. е. из нашей обновленности небесным возрождением, которое не может быть действенным в нас, ни мы не сможем осатся верным ему отдельно от кафоличности Церкви и ее единства.

Новый человек никогда не сможет жить раздельно от других, как отломленная часть целого, или в точке ненависти по отношению к другим частям единого. Новый человек должен быть ЦЕЛЫМ и ЕДИНЫМ, ибо он исходит из одной кафолической природы и одного Отца. Единая новая природа, с которой рождается в Церкви каждый человек, есть та, которая благодатью и духом творит **одного** от **целого**. Любовь здесь налагает свою божественную и кафоличную власть, и во образ Христа, единородного Сына, крешаются все те, кто рожден от Отца единственным отцовством.

Церковь, таким образом, кафолична, поскольку Сыновнее Тело, из любви принесенное в жертву за весь мир, суммирует в себе всё.

Церковь едина, являясь неделимым Отчим домом.

И ныне мы усерднейшим образом, с сознанием нового человека, со слезами, мольбой и надеждой ожидаем господства кафоличности и единства Церкви во всем мире.

(перевод с английского Е. Деминой)

АЛЭН БЕЗАНСОН

С М Е Ш Е Н И Е Я З Ы К О В *

Идеологический кризис Западной Церкви

V. ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Наш беглый обзор позволил нам выделить четыре переменных: 1. Проникновение романтических идей в христианскую мысль; 2. Разучреждение Церкви в современном обществе — одновременно и вынужденное, и добровольное; 3. Ошибочная интерпретация большевизма, пусть даже и подвергнутого осуждению; 4. Относительное забвение о еврейском народе при гитлеризме.

Остается показать, каким образом содействовали эти переменные тому, что сегодня зовется кризисом Церкви. Представляется, что ему содействовали все четыре фактора, но в очередности, обратной хронологической очередности их появления. Последняя из указанных переменных положила начало кризису, каковой не мог быть разрешен, так как три других фактора — сначала поочередно, затем все одновременно — стали воздействовать на ситуацию, препятствуя разрешению кризиса.

Все, что относится к окончательному решению, ввиду масштаба этого преступления и природы его жертв, приобретает исключительное значение и связано с неисчислимыми последствиями. Церкви стоило бы заняться проверкой совести в этом деле. Я удержусь от того, чтобы делать это вместо нее. Хотя я не имею возможности этого доказать, но интуиция мне подсказывает, что для Церкви подлинной катастрофой было не столько само «молчание» Пия XII и сопутствовавшие ему слабости, — ибо глупо было бы требовать от людей, чтобы они поступали иначе, чем поступают люди, — сколько то обстоятельство, что уже после происшедшего Церковь не посмотрела фактам в лицо и не поставила вопроса о раскаянии. Не сделав этого, Церковь оказалась в 1945 г. в тягостной ситуации человека, у которого в стенном шкафу лежит труп — шесть миллионов трупов.

Конечно, не только Церковь не пришла во время войны на помощь евреям в той мере, в какой это требовалось. Многие ев-

* Продолжение. Начало см. «Вестник РХД» №№ 131 и 132.

реи обнаружили ничуть не больше отваги и действенности. Многие организации в оккупированной центральной Европе могли поздравить себя со спасением стольких преследуемых, как Церковь. Капитальная ошибка заключалась в другом: свой долг по отношению к евреям Церковь рассматривала просто как долг по отношению к преследуемым людям и не замечала (и о том молчала), что нападая на еврейский народ, нацизм нападал тем самым и на Церковь. Храня молчание, Церковь — поскольку она была представлена престолом Петра — как будто вовсе не заботилась о своем корне и поступала так, будто она не связана с Синагогой общностью истока, природной общностью. Повторяемое вновь и вновь осуждение маркионизма теряло значение перед лицом колоссального утверждения маркионизма на практике. Политическое и социальное разучреждение Церкви, начавшееся более века тому назад, получало теперь свое завершение в разучреждении религиозном. Практический маркионизм поражал конкретную историю Церкви, ее память, ее «тело», понятое в теологическом смысле.

Возможно, отказ от этой солидарности и объясняет как раз эту поразительную черту современного христианства, которая заключается в нарушении солидарности внутри него — на этот раз солидарности христианских Церквей. В XIX веке даже легкие притеснения вызывали жалобы, стенания, громкие крики: «Вы достаточно знаете, какие беды, какие несчастья, какие бури осадили Нас с первых мгновений Нашего Понтификата; как внезапно Мы были брошены посреди бурь : ах! если бы правая рука Господа не показала своего могущества, вы увидели бы, как Нас, ставших жертвой ужасного заговора нечестивых, гложет скорбь... и т. д.». Так выражался Григорий XVI в 1832 г., как если бы он жил во времена Диоклетиана и говорил голосом святого Киприана Карфагенского. В течение последних сорока лет миллионы христиан, десятки Церквей подвергались мучениям куда бóльшим, чем во времена Диоклетиана, — и это не вызвало ни подобных протестов, ни подобной риторики. Когда древняя ливанская Церковь оказывается под угрозой уничтожения, значительная часть западного католического общественного мнения, особенно во Франции, принимает сторону «исламо-прогрессистов» против «христиан-консерваторов», к великому удивлению израильтян.

В тот самый момент, когда еврейский народ, в условиях испытаний, вновь обретал свое самосознание и мог потребовать Землю Обетованную, христианскому народу, отрезавшему себя

от своего корня, пришлось столкнуться с проблемой своего собственного самосознания. Оказавшись в состоянии неопределенности, обступавшей со всех сторон, он, тем самым, был лишен той точки опоры, которая позволила бы ему встретить лицом к лицу коммунистический вызов.

Во Франции, в Италии позиция коммунизма укрепилась, по сравнению с довоенным периодом, не только в материальном отношении, но, если так можно выразиться, и в духовном отношении. Во время войны коммунизм был анти-нацизмом. Он отверг антисемитизм. Он записывал на свой счет все устремления к социальной справедливости. По всем этим позициям Церковь ощущала свою ущербность или, по меньшей мере, неясную или острую виновность. Хорошо, что Церковь не «дала трещины». Нельзя не восхищаться, на этот раз, политикой Пия XII. Не отступая ни на йоту от осуждения коммунизма, он заключил теперь союз с либерализмом и демократией — против коммунизма. Его рождественское радиопослание 1944 г. «О демократии» является поворотом тем более замечательным, что он сумел совершить его, ссылаясь на своих предшественников и взывая к неизменной традиции. Это новое «соединение», на сей раз осуществленное вовремя, стало одним из благодатных факторов возрождения Европы, и возрождения под эгидой таких «католических» личностей, как де Гаспери, Аденауэр, Р. Шуман. Такого не было уже много веков. Но это удивительное восстановление не принесло исцеления от менее явных недугов, продолжавших точить Церковь. Напротив, оно способствовало тому, что распознавание и лечение этих болезней казались не столь настоятельными. Два последующих папы не были ответственны за внезапное усиление заболевания: они были не его виновниками, но лишь его современниками. Что касается собора, то он сыграл роль открытого окна, которое позволило тлеющему гриппу обнаружить себя в полной мере.

Коммунизму удалось навязать свое мировоззрение или, по меньшей мере, свою постановку вопросов в трех отношениях. Под его влиянием согласились с тем, что нацизм представляет собой частный случай фашизма. Коммунизм отделил «еврейскую религию», каковую он якобы уважает наравне со всеми прочими религиями, как частное дело людей, от вопроса об Израиле (или от «сионизма»). Наконец, он утвердил мнение, что сам он возник в ответ на социальную несправедливость, что его побуждением

является борьба против этой несправедливости, а его целью — ее ликвидация. Уязвимость Церкви заключалась в том, что по всем этим трем пунктам Церковь выдвигала такое толкование, которое, отличаясь, конечно, от коммунистического по духу и заключениям, было, тем не менее, ему изоморфно.

Но было еще одно обстоятельство, затруднявшее сопротивление коммунизму. В Церкви, отрезанной от своего корня, разучрежденной в истории и обществе, какая-то ее фракция могла поддаться искушению истолковывать учение Церкви применительно к своему новому положению. То есть истолковывать его как вневременную «весть», очищенную от истории, традиции, апостольской преемственности Церкви. Будто бы есть некий один **смысл**, который есть смысл Евангелий и каковой надо оттуда извлечь в его чистоте, чтобы сделать его понятным всему человечеству. Иначе говоря, перед лицом абстрактного коммунистического универсализма надо бы представить христианство как другой абстрактный универсализм, но уже «истинный».

Одна забавная история: после просмотра фильма о Моисее (во вкусе Сесилия Б. де Милля) на французской телевидении состоялась дискуссия с участием раввина, мусульманского законоучителя и христианского теолога. Последний, обращаясь к раввину и при полном согласии мусульманина, сказал: «Ваш Бог (Бог избрания и союза с определенным народом) слишком узок для четырех миллиардов людей». Раввин, когда ему было представлено слово, заметил этому священнику, — который, впрочем, не понял смысла этого замечания, — что говоря так, он разрушает учение о Воплощении (каковое сосредоточено на избрании и союзе с одним народом, прежде чем открыть его Народом).

Так что нет ничего удивительного в том, что после войны расцвели новые христианские разновидности гнозиса, нацеленные на то, чтобы извлечь искомый истинный смысл, и одновременно отвергающие — как совершенно устаревшую, несовместимую с современным умонастроением, непонятную «человеку сегодняшнего дня», «молодежи» и т. д. — древнюю герменевтику, хранителями которой авторы этих гнозисов должны были бы, в принципе, быть. Люди моего поколения еще помнят всемирный, хотя и недолговечный, успех Тейара де Шардена, работы которого по существу были восторженной переделкой ультра-романтического шеллингизма, обогащенного сильным влиянием дарвинизма. Серьезные богословы стремятся показать, что его работа не была несовместимой с основами веры, что если, по несчастью, она

и была несовместимой, то сам автор был образцом всяческих добродетелей. Но они пропускают действительную проблему, а именно удручающую, позорную посредственность результатов этой работы. С тех пор появилось много других произведений, столь же незначительных и не менее путанных, но намного более бесстыдных и отступнических, что не позволяет ставить их рядом с бесчисленными томами — в конце концов, довольно скромными и благочестивыми — доброго Тейяра. И всегда в них дело шло о том, чтобы «демифологизировать», «отфильтровать» веру, сделать ее доступной «современному», «научному», «взрослому» человеку, т. е. профессорам гуманитарных наук, престиж которых как раз в эти годы упал.

К несчастью, рынок гностических учений в значительной мере был уже монополизирован коммунизмом, если не считать небольшой части, уступленной психоанализу. Велик был соблазн искать общую почву, на которой два универсализма могли бы **законно** вступить в соглашение, а может быть и слиться воедино. Во Франции (как некогда в предреволюционной России), в русле этих исканий происходили собеседования между «богоискателями», пришедшими со стороны христианства, и «богостроителями», пришедшими со стороны коммунизма.

В этом отношении показательна эволюция персоналистского журнала «Эспри», прослеженная Мишелем Виноком. В тридцатых годах главный враг у Мунье — это индивидуализм. Затем — капиталистический режим, благодаря которому раскрываются зловещие следствия индивидуализма. Буржуазный дух, в который метит Мунье, — это, в последнем счете, «страх перед жизнью», «забота об удобстве», «мелочность замыслов», короче говоря — «доходящая до безумия любовь к безопасности и благополучию». Наконец, еще один враг — это либерализм. «Либерализм, всякий либерализм, внушает нам отвращение». «Век либерализма приводит нас к веку собственников». Все это темы, общие для социального католицизма определенной разновидности, для идеологии в духе Шарля Морраса, для фашизма определенной разновидности. Война в Испании отбрасывает Мунье влево. Коммунистическая угроза, пишет он, не является первоочередной угрозой, и, учитывая все стороны ситуации, следует отдать предпочтение «Церкви страдающей» (под коммунизмом) перед «Церковью, укрытой в тени меча». В 1945 г. «Эспри» хочет революции. «Главные направления этой революции известны: исключение власти денег,

упразднение пролетариата, установление республики труда, формирование и возвышение новых элит из народа». Но как это сделать, обходясь без коммунистической партии?

Обратимся к этой последней. В отношении к Советскому Союзу Мунье культивирует два чувства, две линии, никогда не доводимых им до рационального анализа, и не случайно. Прежде всего, коммунизм не столь ужасен, как его хотят представить. «Нетерпимо более, — пишет он в 1945 году, — чтобы коммунизм рассматривался, иногда даже с симпатией, но в том же самом плане, что нацизм». «Нет общей меры для стыда и надежды, для угрозы смерти и вероятности жизни». И в 1948 г., возбуждая традиционный «славянофильский» анти-американизм французских католиков, он пишет: «Русские пока далеко, зато кое-что мы знаем, кое-что у нас прямо перед глазами: это — тонны американских бумаг и американских идей, это — американские пропагандные брошюры в наших библиотеках, это — председатели Совета министров, обязанные повиноваться приказам из Посольства... и т. д.» «Пусть нас не шантажируют, взывая к христианской цивилизации. Цивилизация банков и трущоб, вечерних субботних газет и атомной бомбы не более христианская, чем цивилизация безбожников и ГПУ. Христианская цивилизация живет как в долгом и мучительном усилии русского народа, так и в том, что сохраняется у нас на Западе от нравов и жизнеспособности христианства». И кроме того, добавляет он далее, коммунисты «изменились». Так что «антикоммунизм — смертелен».

Но хотя этот фило-коммунизм побуждал журнал (вопреки его приверженности истине и свободе) долгое время цензурировать известия, приходящие с Востока и покрывать одно из самых страшных угнетений всех времен — этот фило-коммунизм вовсе не был лишен некоторых задних мыслей. В глубине души «Эспри» знает, чего он придерживается.

Доменак писал: «Оказаться, в итоге, в таком положении, когда ждать от коммунистической партии больше нечего, оказаться уже не в состоянии примыкать к ее измышлениям, одобрять ее оплошности... — все это чересчур тяжело». Говоря иначе, он приемлет тот факт, что он находится в мазохистской позиции по отношению к партии: он готовится страдать под ее властью. «Долгое и мучительное усилие» русского народа, которое выпадает также и на долю французского народа и всей Церкви, предпочтительнее, чем мир, каков он дан жизнью — мир банков, популярных журналов и демократического комфорта. В этих текстах мы улавливаем, как

в условиях политического вызова откатывается внезапно все это скорбелюбие, эта ложная эсхатология, этот экстремизм, вынашивавшийся в католицизме на протяжении века. В момент нацистского вторжения Мунье сказал Эдмонду Мишле: «Перейдем на сторону варваров». От этого намерения он отказался, поскольку речь шла о нацистах, но лишь для того, чтобы к нему вернуться и — поскольку дело шло о коммунистах, — на этот раз в нем упорствовать. Образ варвара — ложен. Ни нацисты, ни коммунисты не были варварами вроде тех, которые захватили Римскую Империю и которых Церковь цивилизовала, так как они стремились к цивилизации. Нацисты или коммунисты вышли из нашей цивилизации с тем, чтобы поставить своей целью ее разрушить. «Перейдем на сторону варваров» — таким образом, означало сотрудничество в этой работе разрушения. Идея тут всегда одна и та же: пусть умрут земные овцы, если возродятся они в овец небесных в Новом Иерусалиме, по отношению к которому коммунистический Вавилон служит папертью грозной, но уже озаренной его светом; паперть эта, таким образом, есть нечто более благородное, чем обитаемая земля. Знаменитая формула Мунье — «учрежденный беспорядок» — резюмирует одновременно и романтическое отвлечение, испытываемое беспочвенной сектой, и это устремление «неважно куда за пределы мира», каковое принимается за духовность.

К этому, надеемся, не сводится весь Мунье. Но этот интеллектуальный феномен, легко улавливаемый на примере одного журнала, обнаруживается также и в социологической эволюции духовенства. Хотя основная масса клириков в приходах и монастырях продолжает свои занятия и труды, два крыла духовенства отходят от этого и образуют другие типы социальной карьеры. Самая интеллектуальная, но отнюдь не лишенная восторженности часть клириков — особенно в ученых орденах — домогается стать интеллигенцией. Фактически она уже давно стала ею, но теперь она стремится быть таковой по собственному желанию. Во многих монастырях жизнь монахов начинается, в итоге, походить на ту, какую ведут люди в Национальном центре научных исследований, в высших учебных заведениях, с той лишь разницей, что здесь не требуется представлять ежегодный отчет руководителю исследований. Располагая временем по своему усмотрению — роскошь в наше время немаловажная, — располагая издательствами, эти монахи-исследователи обладают досугом и прочими условиями для того, чтобы в изобилии производить свои марксист-

ские, фрейдистские, структуралистские, марксо-фрейдистские, структурально-марксистские, структурально-фрейдистские экзегезы и экзегезы Писаний, теологии или «проблем» нашего времени. Так вносят они вклад в жизнь интеллектуального Парижа и в разработку католической версии переменчивой идеологической вульгаты.

Другая ветвь — клирики, менее одаренные в спекулятивном плане; они направляются просто и непосредственно по пути к политическому и профсоюзному активизму. Выявилось, что «корпоратистские» структуры довоенного «Католического действия», на которые в свое время влиял умеренный средиземноморский фашизм, могут быть прекрасной матрицей массовых организаций и приводных ремней коммунистической партии. В этой среде сохраняется презрение к либерализму, распространяемое и на реформистскую социал-демократию. Социализм, как его здесь понимают, — это ленинистский коммунизм с добавлением души. Иерархия поступит мудро, если поразмыслит, прежде чем позволит вовлечь себя в этом направлении. Заблуждаясь, иерархия может посчитать, что она окажется в большей мере «социальной», благоприятствуя коммунизму. Однако в этом случае она лишь доставит бедным — и, в первую очередь, рабочему классу — режим, провозглашающий подавление только по отношению к категории богатых, но вводящий на деле более беспощадное подавление самих бедных. Достаточно уже того, что Церковь винят в пассивном соучастии в уничтожении евреев. Подобное же безрассудство могло бы привести ее к соучастию, на этот раз активному, в закабалении и массовом уничтожении бедных и малых мира сего, защита которых является ее особым долгом. Не забудем священников, радостно приветствовавших «освобождение» Сайгона или Пном-Пеня.

Основная масса клириков не вовлечена в эти два крайних направления. Но они испытывают на себе их заразное влияние. Церковь всегда миметически воспроизводила в себе формы существующей власти: иначе и быть не могло. Имперская при римских императорах, она была феодальной в средние века, монархической при старом режиме. Сегодня, естественно, она принимает демократическую форму: форму партий, с конгрессами, кулуарами, борьбой тенденций, поцелуями Ламурета и резолюциями «негры-белые». Но в силу этого она подвержена подрывной деятельности, осуществляемой внутри нее ее же собственными фракциями, перешедшими в идеологию и стремящимися к власти. Последние

сумели организовать, проникнуть в аппараты управления, захватить средства массовой коммуникации, наладить свой **агит-проп**, развернуть свой политический стиль с заседаниями, коллоквиумами, оргниграммами. Они побуждают Церковь к оживлению ее древней наклонности трансформироваться в партию, на этот раз в партию № 2.

Конечно, надо иметь в виду, что это вторжение никогда не охватит целого. Природа Церкви не может измениться. Если верить самым недавним опросам, выяснившим предвыборные установки среди соблюдающих обряды евреев, протестантов и католиков, последние, в массе, обнаруживают определенно наименьшую восприимчивость к пропаганде социало-коммунистической «совместной программы», и это несмотря на интенсивную идеологическую бомбардировку, которой они подвергаются большинством своих газет и сильным меньшинством своего духовенства. Противоположные действия — пусть даже такие гротескные и нездоровые, как дело Лефевра, — показывают, что существует некий порог, который не может быть преи́ден. Но, быть может, к этому порогу уже подбираются в течение достаточно долгого времени. Церковь — особенно во Франции — находится в состоянии противоборства. Она пребывает в этом состоянии с первых дней ее основания, и, как всегда, борьба любо выглядит лишь в ретроспективе, в благоговейных хрониках, хранящих о ней героическое воспоминание. Вблизи и сиюминутно видны главным образом не самые славные стороны поля битвы. Имея в виду это состояние противоборства — противоборства, никогда не прекращающегося — я отмечу три его черты, которые в настоящее время, как кажется, очень характерны для жизни Церкви и которые представлены наиболее отчетливо именно во Франции.

Первая черта: Церковь отказывается иметь врагов или признать, что у нее есть враги. Странно, что эта установка рассматривается как более евангельская, как если бы не надо было отделять друг от друга, в интеллектуальном плане, эти две вещи: во-первых, разграничение между друзьями и врагами и, во-вторых, обращение с этими последними. Слова «Любите врагов ваших» как раз предполагают, что это разграничение уже совершенно. В том состоянии разделения, в котором находится Церковь, одна из ее фракций врагов имеет: таковыми являются все те, кто служит препятствием для ее революционной эсхатологии, а именно не только «реакционеры», но и все те, кто — где бы они ни находились — выступают хранителями мира, каков он дан жиз-

нию, хранителями его наиболее приемлемого порядка: экономического (это собственники), социального (это власти), интеллектуального и религиозного (это, например, теологи-традиционалисты). У этой фракции есть и друзья: это — те, кто в пределах Церкви, но особо за ее пределами, задаются целью перевернуть этот невыносимый порядок, это — революционеры, атеисты, «исламо-прогрессисты», террористы, авангардисты гуманитарных наук и т. п. Но поскольку у них нет пока власти в Церкви, им приходится довольствоваться задачей парализовать тех, у кого эта власть есть, — то есть иерархию, которая, будучи неспособной смело решать проблему, отступает на позиции универсального благоволения. Так будет сказано, что атеисты и революционеры славные люди, но что и благочестивые католики и собственники люди тоже славные и имеют какие-то права. Больше не будет ставиться вопрос о том, чтобы на кого-либо нападать, ни, следовательно, вопрос о том, чтобы кого-то защищать. Тем, кто так действует, хотелось бы процитировать ответ святого Фомы на вопрос о том, может ли религиозный орден видеть свою цель в военной жизни. Против такой цели приводились слова Писания: «А Я говорю вам: не противьтесь злу насилеи». Но, отвечает Фома Аквинский: «Существует два образа непротивления злу. Первый состоит в том, чтобы прощать обиду, нанесенную тебе лично. Этот образ действия может быть близок к совершенству, когда он подсказан заботой о спасении другого. Второй состоит в том, чтобы переносить, не испытывая беспокойства, обиду, наносимую третьим лицам. И этот образ действия определяется несовершенством или даже порочен, если ты находишься в том положении, в каком ты можешь противодействовать тому, кто наносит эту обиду. Поэтому святой Амвросий пишет: «Полностью справедлива эта сила, которая защищает на войне свою родину от варваров или охраняет в городе или оказывает помощь спутникам, на которых напали грабители. Напротив, если кто-либо не отстаивал бы то, что принадлежит другому и что на того возложено, он согрешил бы. Похвально отказываться от того, что наше, но не от того, что принадлежит другим. И еще менее мы должны забывать о том, что принадлежит Богу».

Примечательно, что этот отказ от врагов объясняется, в основном, смертельным характером самой борьбы. Начиная с известного уровня запуганности, как каждый знает, никто уже не в состоянии избличать своего врага, ни даже назвать или признать его таковым. Вот почему в католической печати сегодня так ред-

ко встречается слово «коммунизм»: речь идет всегда о социализме, или, еще лучше, об освобождении, о теологии освобождения. Так надеются превратить Эринию в Эвменида.*

Страх есть нечто достойное постольку, поскольку он — одно из человеческих чувств. Но он теряет это достоинство, если ищет маскировки. Скрывать свое бессилие под маской добродушия — несомненно дело извинимое; скрывать бессилие под маской милосердия — извинимо в меньшей степени. Покинуть стадо, отдав его врагам, в силу «любви» к этим последним, — действие, которое вряд ли может сойти за евангельское. Верно, что враги, о которых идет речь, — это, зачастую, братья по Церкви. Но может ли клерикальная солидарность выдаваться за милосердие, во имя какового властям были даны полномочия наказывать и каковое отнюдь не воспрещает эти полномочия осуществлять?

Идея борьбы, войны занимает такое видное место в христианских писаниях, что трудно понять, как это может быть скрыто. Мне сообщают, что во французских изданиях требника Псалтирь была очищена от наиболее воинственных и содержащих наиболее сильные проклятия стихов как несовместимых с «современным христианским ощущением». Это усекновение — столь типично маркионитское — должно, по той же логике, распространиться мало-помалу на весь Ветхий Завет, также как и на Новый.

Но здесь, быть может, мы еще раз обнаруживаем действие того антикосмизма и той ложной эсхатологии, «всходы которых мы уже неоднократно отмечали. Чтобы ускорить разрушение этого мира, лучше всего забросить этот мир, оставив его тем, кто работает над его разрушением, и уповать на то, что добрая воля, мягкость, бескорыстная духовность, о которых свидетельствует это воздержание от мира, послужат основанием для того, чтобы оказаться впоследствии среди тех, кто будет пощажён. В ожидании этого можно притвориться, что ты уже пребываешь в мессианском времени, где лев пасется рядом с агнцем, поскольку магическая отмена реальности способствует также и ее фактической отмене.

Конфликт действует подобно конкуренции на рынке (и тут, кстати, лучше понимаешь, почему рынок вызывает столько презрения), так как он позволяет сторонам осуществлять коррекции, исправления, возвращаться к реальности. Желать избавиться от конфликта во внутренней жизни Церкви — самое верное сред-

* То есть заменить устрашающее имя общепринятым эвфемизмом. — Переводчик.

ство ее заморозить и свести на нет. Нелепое дело Лефевра принесло пользу лишь в одном, но зато важном отношении: оно вывело наружу какое-то «дело», открыло какой-то конфликт. Жаль, может быть, что до сих пор не было удовлетворено ходатайство этого прелата о том, чтобы ему предстать перед судом. Но современные нравы Церкви уже не допускают дисциплинарного суда. А между тем, такой суд предоставлял возможность прояснять вещи и высказывать точку зрения закона. Напротив, поверхностное единодушие, установившееся во времена идеологии, освобождает место для деятельности манипулирующих **агит-пропов**. Чрезвычайно активные в клерикальной среде, они очень хорошо умеют перехватывать и незаметно использовать в своих интересах должное уважение к установленным институтам, могут взывать к послушанию перед иерархией, с тем чтобы господствовать благодаря этому послушанию, умеют пускать в ход все легальные процедуры, хотя в то же время и провозглашают «пророчески» о преодолении права.

Одновременно с дисциплинарным судом исчез и теологический спор. С какой растерянной почтительностью католические журналы пишут о доктринах, книгах, фильмах, против которых они еще перед войной не колеблясь метали громы и молнии отлучений! Лишь проговорив обязательное похвальное слово, дифирамб, осмеливаются, в конце статьи, попробовать высказать какие-то оговорки, начинают выражать некоторые колебания, приговаривают смущенно и робко какое-нибудь «да, но». Происходит это, однако, не от сознания того, что между искомой истиной и ее формулированием всегда сохраняется какой-то зазор. Это соображение никак не оправдывает сокращения зазора по отношению к тому, что полагается заблуждением. Асимптотически приближаться к первой — не то же самое, что асимптотически приближаться ко второму. Верно, что в последнем случае риск конфликта становится минимальным.

Другая черта — это рождение и универсальная циркуляция своеобразного католического **дубового языка**. **Дубовый язык** — выражение, обозначающее в коммунистических странах официальный жаргон прессы и речей, — есть наиболее верный признак власти идеологии. Он включает определенный словарь, определенную стилистику, риторику, дикцию. Он узнается всегда сразу. Достаточно прочесть несколько строк, услышать по радио несколько слов из речи, чтобы уже догадаться, что это — речь, проговариваемая на дубовом языке, и что произносит ее комму-

нист. Узнавание происходит даже еще до того, как будет понятно, о чем именно идет речь. Тот факт, что французский католический мир не принял уже готового дубового языка, но выработал свой собственный, указывает еще раз на то, что он находится в состоянии противоборства. Язык, который мы имеем в виду, широко распространен в католических газетах, проповедях и узнается сразу.

Этот католический жаргон выполняет разные функции, среди которых следует выделить следующую. Он есть знак **единообразия**, скрывающего отсутствие **единства** или подменяющего собой утерянное единство. Те люди, например, которые выступают в газетах как защитники «теологического плюрализма» — означающего, в действительности, плюрализм догматический или, точнее, анархическое разложение догмата, — являются одновременно и образцовыми носителями штампованной, единообразной, безличной и пустой стилистики.

Я не стану описывать этот сегодняшний католический жаргон. Наряду со словарем, пришедшим из восторженного и сентиментального XIX века, в нем можно отметить слои в стиле Пеги, Мунье, кое-какие термины из гуманитарных наук, но с фигурами и тропами, присущими самому этому жаргону. Избавиться от него — настоящая задача, поскольку он портит мышление, отдаляет от Церкви людей умных и людей со вкусом. Восстановление человеческой, личной, простой речи и, вместе с тем, культивирование определенных жанров риторики, законно присущих церковной речи, — кто станет сетовать на священное красноречие? — вот что будет признаком исцеления.

Третья черта — говорить о которой приходится с сожалением и грустью — это смесь, смесь невежества и глупости, тоже без труда распознаваемая. Она сегодня вошла в поговорку. У нее есть также извиняющее обстоятельство. Но это такое обстоятельство, злоупотреблять которым не следует. На вопрос о том, является ли глупость грехом, святой Фома отвечал, что она — грех, когда происходит от «забвения вещей божественных». Если вместо созерцания того, что должно созерцать, кто-то обращает свой взор к идеологии в надежде обрести таким образом интеллектуальное или социальное соображение, или если кто-то глупеет немного от слишком частого и самозабвенного чтения одной и той же вечерней газеты, то винить он может только самого себя. Что же касается вопроса о том, является ли грехом невежество, Фома Аквинский отвечал на него, проводя различие между тем,

что знать не обязательно, и тем, что знать необходимо, чтобы «правильно выполнять свой долг». Это постыдное невежество он полагал греховным и цитировал в этой связи слова Апостола: «Тот, кто не ведает, не узнан будет».*

Но откуда берется это невежество? Каким образом получилось, например, что в таком важном соборном документе, как Конституция «*Gaudium et Spes*», встречается столько мест не то что ложных, не то что прстивных вере, но просто-напросто слабых, вырванных как будто со страниц журнала «Экспресс» и начиненных очень устаревшей поп-социологией?

Можно указать и на ухудшающееся качество набора священников, кризис католического высшего образования, крах семинарий, отбор по принципу навывсвой, преобладающий в некоторых чинах во французской Церкви с тех пор, как началось дело модернизма. Конечно, это так, но в этой же Церкви можно насчитать немало превосходных умов, которые, будь им предоставлено слово, несомненно могли бы воспользоваться им с честью. Этот паралич ума, быть может, тоже является следствием противоборства, происходящего сегодня в Церкви. Вторжение идеологии не охватило целого, поскольку еще не произошло обращения, не совершено отступничество, которому каждый сопротивляется в меру своих возможностей. Но совместное влияние этой идеологии и старых навыков мысли, отдаленно родственных идеологии и порождающих столько слабостей, приводит к тому затемнению способностей, на которое жалуются или над которым смеются.

Тот факт, что так много католиков не может без труда выйти из этого положения — оставаясь тем самым последними на непригодных позициях, с которых все остальные уже снялись, — объясняется отчасти этим скорбелюбием, этим страхом перед благополучием, этой виновностью в связи со всякой формой социального успеха, на опустошающие последствия которых мы уже указывали. Часто, и вполне законно, выход из идеологии мотивируется желанием наконец-то насладиться любезностями существования. Погляди́м на этих «новых философов», еще вчера погруженных в коммунизм или маоизм, терпевших нужду, плохо одетых, безвестных. Сегодня для них — первая полоса газет, меж-

* «Celui qui ignore, on l'ignorera». В русском переводе Нового Завета (Деяния Апостолов, Послания Апостолов, Откровение Иоанна Богослова) не удалось найти эквивалента. — Переводчик.

дународные коллоквиумы, телевидение, большие тиражи. Как они довольны! Но среди них нет ни одного католика, каковой посчитал бы для себя нечестным распустить хомут самой безнадежной идеологии, если бы в то же время это сулило ему вознаграждение в виде более веселой и материально благополучной жизни. Не жили здесь дух янсенизма, из которого теперь выкраивается идеологический мазохизм? Как от него избавиться, когда леность ума превращается, благодаря мазохистской уловке, в некое достоинство? Однако, отсюда нет другого пути, кроме пути интеллектуальной работы, упорной работы ума.

Это *sursum corda** (в некотором роде *sursum intellectus***) возможно лишь в том случае, если конфликт объявлен и признан. Отказ от лжи, который, как это открыл Солженицын, является абсолютным оружием против идеологии, в том числе внутри Церкви, возможен лишь при этом условии. Но когда католики, ведомые неуместным желанием благопристойности, утаивают от самих себя существующее противоречие, воцаряется отнюдь не молчание, но, напротив, всепроникающая болтовня на дубовом языке, болтовня, которая хочет убедить всех в том, что противоречие снято, конфликт разрешен, и которая подменяет живое усилие мысли своими стереотипами. Хорошо известно, что усилие мысли, как это и должно быть, дело нелегкое. Но избавление от такого усилия с бегством в «пастораль» (пастораль чего?), в какой-нибудь каритативный активизм может иметь самые плохие последствия: если невежество и глупость становятся убежищем, где укрываются от нелегких требований здравого рассуждения, то обращение к активизму по соображениям лени еще дальше нагнетает невежество и глупость, что придает самому активизму еще более вредоносный характер.

Противоборство сегодня еще не окончено, исход его остается неопределенным. Вернемся здесь к тому, что мы рассматривали в начале как точку отсчета в нашем сравнении, — к русской православной Церкви, более опытной, чем французская Церковь, в этих же вещах. Можно заметить, что русская Церковь ищет исцеления не в «диалоге» с идеологией, но совсем на других путях. Напротив, требуя возвращения к наследию Церкви, пользуясь его благами, малая живая часть этой Церкви обретает вместе с тем и способность здравого суждения, и мужество. Она взрывает безжизнен-

* Возвышение сердца (лат.)

** Возвышение ума (лат.)

ность идеологического обмана, тщету ложных видимостей, незаконно требующих к себе почтения. То, что после стольких бед совершают в этой Церкви люди вроде Солженицына и Дудко — произойдет когда-нибудь и в католической Церкви. Кто знает, может быть уже происходит где-то? Для опасений за будущее этой Церкви нет оснований. Но я боюсь, скорее, за цивилизацию, которая куда более хрупка и с большим трудом поддается восстановлению. В этой цивилизации Церковь всегда была одним из ее опорных элементов, и цивилизация могла бы погибнуть, случись Церкви испытать порчу и закат.

К. НЕКЛЮЕВ

ВЛАДЫЧЕСТВУЮЩАЯ ИДЕЯ

Можно ли говорить о Достоевском в эпоху водородной бомбы? Все уже сжимается круг тем, на которые у человека остается время, так как скоро «времени больше не будет».

Все религиозно-философское знание, если оно в нас есть, мы носим не в книгах, а в сердце, так как в условиях точно фронтовой жизни современности книги носить с собой невозможно. А сердце, хоть и безмерно, но очень разборчиво: только действительно нужное вмещается в нем. Как быть с Достоевским?

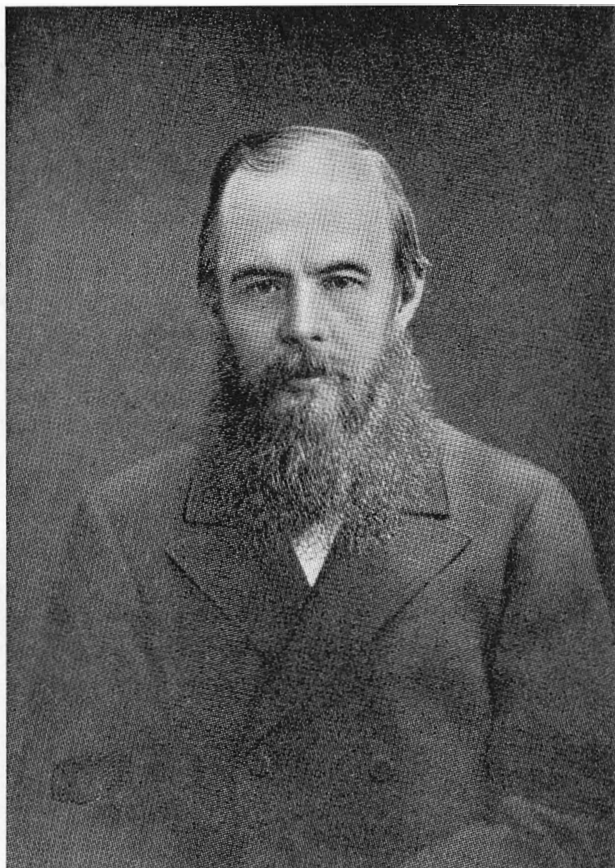
В вагоне американского метро, как рассказывает американский писатель Бредбери, среди гула пропаганды нейлоновых чулок, вдруг отчетливо прозвучали кем-то громко сказанные слова Евангелия. Парижская газета в феврале 1962 года сообщала о стихийном образовании во Франции новой партии, вся программа которой состоит из двух слов: «телевизор и холодильник». И вот в этом вагоне современной жизни многие слова Достоевского звучат с евангельской силой. Что это значит и как это может быть? Как объяснить тот факт, что по анкете одного французского журнала, опубликованной в марте 1957 года, на вопрос о любимом писателе из 500 парижских студентов 429 назвали Достоевского? Почему не Бальзака, Хемингуэя или Горького? Почему этот самый Хемингуэй поместил «Братьев Карамазовых» в список своих любимых книг? И почему Эйнштейн сказал, что «Достоевский дает мне больше, чем любой мыслитель?». Почему все эти люди нуждаются в Достоевском и тянутся к нему, как к «собирателю русского сердца», по выражению француза Вогюэ? Наше ухо научилось различать всякую фальшь и всякое бессилие религиозно-философской мысли. Мы знаем, что мы живем в эпоху этого бессилия, что все больше оскудевают святые в мире, что все дальше мы уходим от земли Первоначальной Церкви, не уклонявшейся от «простоты во Христе». В этой ее благодатной простоте была сила и власть, и вот — удивительное дело — мы ощутили ее — эту простоту — среди сложности, смятения чувств и темноты Достоевского. Впрочем, почему удивительно? «Дух дышит, где хочет», а Первоначальная Церковь во все века истории

сохранялась и будет сохраняться в том «монастыре в миру», идею которого нам передает Достоевский не только в «Братьях Карамазовых». Удивительно другое: многие этого или совсем не знают, или не умеют отделить основной христианский путь Достоевского от тех темных и трудных перепопутей, которые ему предшествовали, а в каком-то смысле и сопровождали его до конца. Открытая исповедь христианства в искусстве началась у него с 1864 года и после этого непрерывно продолжалась до смерти в 1881 году. Это эпоха «Преступления и наказания», «Идиота», «Бесов», «Подростка», «Братьев Карамазовых», «Дневника писателя» и переписки со всей Россией. Эта исповедь нам нужна: среди литературной пустыни это колодец студеной воды, полученный нами как драгоценное наследство. Многие в нем близко именно нам, нашей эпохе.

Над миром стоит зарево ненависти и разъединения. Невидимые скрепы, скреплявшие как-то людей, все больше ослабевают. В холоде абстракции расщепляется искусство, все более делаясь «дорóгой в никуда». Холод смерти проникает и во «внешний двор храма» церкви. Конечно, мы знаем, что кроме этого «внешнего двора» есть еще, как сказано об этом в Откровении, «храм Божий и жертвенник», но и мы чувствуем, из какого зияющего пролома в стене так потянуло холодом в церкви. Вера уже давно в веках перестает быть трепетным чувством сердца, делом подвига жизни, делом личной Голгофы и воскресения. Все чаще и торжественней международные христианские съезды и все меньше Христа в истории.

И вот, обращаясь к Достоевскому, мы видим в его темном лабиринте такую ослепительную «нить Ариадны», что лабиринт делается широким и безопасным путем. В плане неосуществленного им романа «Житие великого грешника» есть одна заметка («для себя»): «Владычествующая идея жития чтоб видна была, — то есть хотя и не объяснять словами всю владычествующую идею и всегда оставлять ее в загадке, но чтоб читатель всегда видел, что идея эта благочестива». Друг юности Достоевского — Шидловский в одном стихотворении о себе писал о живущей в нем «первоверховой идее Божества». У Достоевского была одна «первоверховная» или «владычествующая» идея — явление в мире Иисуса Христа. В нем была ясная личная любовь к Христу, живому и осязаемому. «Господь мой и Бог мой!»: это восклицание навсегда обрадованного сердца и ума можно проследить начиная с его каторжного периода и вплоть до смерти. В 1880 году

он говорил студенту Зеленецкому: «Я хотел написать книгу о Иисусе Христе, где намеревался показать, что Он есть чудо истории и появление такого идеала, как Он, в человечестве, в этом грязном и гнусном человечестве, есть еще бóльшее чудо».

Ф. Достоевский, 1879 г.

Все романы Достоевского после 1865 года это тоже, собственно, книги об Иисусе Христе. Именно в этих книгах современный читатель часто находит впервые слова о Христе любви и веры.

Достоевский называл Диккенса великим христианином, но сам он совершил несравненно больший подвиг исповедания Христа. Вся его власть над людьми именно в этом исповедании, как бы случайно облекшемся в драгоценную форму художественной прозы. Может быть, исповедания христианства в таком всемирном диапазоне, в такой открытости и распятии, мы больше уже никогда не услышим в искусстве. «Верую, Господи, и исповедую». Именно в этом все значение его и вся его сила, а не в пресловутой психологичности, как самоцели. «Меня зовут психологом, — пишет он в записной книжке последних лет жизни, — неправда, я лишь реалист в высшем смысле. При полном реализме найти в человеке человека. Это русская черта по преимуществу, и в этом смысле я конечно народен (ибо направление мое истекает из глубины христианского духа народного)».

Неверующим страшно хотелось бы как-нибудь затушевать веру Достоевского. Уж очень им обидно, что мировой писатель мог верить и любить Христа. «Достоевский принуждал себя верить» — убеждают они нас. Но ведь это выходит совсем по-евангельски: «Царство Божие нудится, и только употребляющие усилие достигают его» — так сказано в Евангелии о принуждении себя к узкому пути веры. «Горнило его сомнений было ярче его осанны» — уверяют они же, спясть, очевидно, не зная того факта, что у всякого истинно верующего его сомнения иногда бывают ярче его осанны, и что только в огне сомнений очищается золото веры. Исаак Сирий говорил: «не было бы искушений — не было бы и святых». «Верую, Господи, — помоги моему неверию!» вот как нас учит Евангелие осознавать свою веру. Не знают они того, что Церковь уже тысячелетия возносит «доброе неверие Фомино», его — «не поверю, если не вложу руки моей в язвы Его». И апостолы сомневались: «и увидевши Его, поклонились Ему; а иные усомнились». Истинная вера, вера не рефлекса, а сердечного ощущения, всегда опаляема противоречиями и сомнениями и всегда ищет преодоления их в том, чтобы вложить «руку мою в язвы Его». Ведь нам дано не только верить в бессмертие, но и ощущать его. Этой сердечной вере и учит нас Достоевский, со всеми противоречиями и сомнениями своего грешного ума. Впрочем, лучшим ответом на этот туман о его сомнениях будет факт укрепления в вере или приведении к вере множества людей именно через Достоевского. Уже одно имя его и в наше время все продолжает говорить людям о пути к Христу, одно имя его стало во всем мире каким-то благовестом веры.

В июне 1959 года в подмосковной больнице умирал один старый священник (о. Петр Шипков). За несколько дней до смерти, проснувшись утром, он перекрестился и сказал: «Господи, как хорошо жить на свете!» Затем, неожиданно, обратился к присутствующим с такими словами: «вам всем легко, — вы можете добрые дела делать, а священник чем оправдается?» В ответ на реплику, что священник может еще больше доброго сделать, он ответил: «есть, которые делают, а есть и такие, что и подумать страшно»... Потом прибавил: «а у Достоевского, помните, Мармеладов говорит (о страшном суде): «а когда кончит над всеми, тогда возглаголет и к нам: выходите пьяненькие, выходите слабенькие... И всех рассудит и простит, и добрых и злых, и премудрых и смирных... Тогда все пойдем и все поймут».

Вот как монолог в трактате, написанный сто лет назад петербургским литератором, отзывался в сердце умирающего священника. Истинно можно сказать, что всякое слово любви о Христе «живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого» и не имеют над ним власти ни время, ни неприязнь.

У Достоевского было время угасания веры — его первый литературный период 1845-1849 года, но, кажется, даже и в эти темные годы в нем как-то сохранялся нерукотворный образ Христов.

Вера Достоевского была верой Голгофы, а не гуманизма, верой трагической, т. е. стремящейся повторить в себе всю Евангельскую быль: христианство он воспринимал не как доктрину для добродетельного поведения, а как соучастие человека и человечества в жизни Богочеловека Христа, в Его смерти и воскресении. Отсюда единство его восприятия любви и страдания, столь пугающее многих. Вспоминаются слова одного монаха: «Любовь Христова есть блаженство, ни с чем не сравнимое, и, вместе с тем, любовь эта есть страдание, больше всех страданий. Любить любовью Христа — это значит пить чашу Его, ту чашу, которую Сам Он просил Отца «мимо нести».

Вера Достоевского была верой покаяния и любви, среди «невидимой брани» сомнений и соблазнов, при явном еще несовершенстве всей его жизни и мысли. В черновых материалах к одному роману у него есть такая фраза (характеристика персонажа): «он установился, наконец, на Христе, но вся жизнь — буря и беспорядок.» Это и есть Достоевский, и мы верим ему не как иконописному и неживому прорицателю, а, пожалуй, как разбойнику, тоже вознесенному на крест, как в Иерусалиме, и просвещенному

там божественным благоразумием. Но как сказал один француз: «никто так не понимает христианства, как грешник, никто, разве что святой», а мы бы добавили: и святой только потому, что и он есть кающийся грешник. Именно от слов такого Достоевского, от его русской веры в Христа-Царя небесного, идущего в рабском виде по земле, как сказал Тютчев (об этом с таким убеждением говорит Иван в «Карамазовых»), идет к нам ясный и яркий свет, точно вспыхнувший указатель в темноте современности. А что касается того, не поздно ли в наше время убеждать в чем-то людей, не слишком ли уже далеко зашел процесс дехристианизации человечества и формирования нового язычества, то я думаю, что об этом нам не дано знать. Мы должны делать свое дело исповедания христианства, а Господь знает пути свои и судьбу мира.

Незадолго до смерти Достоевский писал: «Да, конечно, настоящих христиан... ужасно мало. Но почему вы знаете сколько именно надо их, чтобы не умирал идеал христианства в народе, а с ним и великая надежда его... чтобы не умирала великая мысль» (Дневн. писателя 1880 года).

Москва.

ДОСТОЕВСКИЙ И ЗАПАДНОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ ВООБРАЖЕНИЕ*

К съезду славистов в Атланте, где в одной из секций должна была проходить дискуссия о религиозной мысли Достоевского, я подготовил короткий рефер, или реферат, и теперь мне пришло в голову, что стоит перевести его с английского и включить в то целое, которое я сейчас пишу. При случае объясню, что намерение мое — подбрасывать всё новые камушки в мозаику, пока, собранные вместе, они не сложатся в рисунок, так что и эта глава найдет свое применение. Недостаток этого текста — множество сжатых ходов мысли, оправданных тем, что текст был предназначен для специалистов. Но, может быть, дальше мне удастся то или другое разъяснить.

I.

Религиозная мысль Достоевского относится к ключевому моменту в истории той единственной цивилизации, которой удалось покорить всю планету Землю. Цивилизация эта, первоначально ограниченная малым западноевропейским полушарием, выработала свою философию и науку, подвергая переработке понятия христианского богословия. Начиная с XVIII века, она открыто повернулась против своих христианских истоков.

II.

Россию XIX века нельзя считать интегральной частью этой цивилизации, но русская литература, создание образованного слоя, была мутацией западной литературы. Ни один французский, английский или немецкий романист не совершил того, что Достоевский, использовавший форму романа для показа фундаментальной антиномии современного человека. В связи с этим встает вопрос о культурной роли центра и периферии.

* *От переводчика:* Так озаглавлен текст доклада, сделанного Чеславом Милошем на съезде славистов и включенного им в книгу «Земля Ульро». Поскольку дальнейшие рассуждения Милоша о Достоевском, входящие в ту же книгу, непосредственно примыкают к теме доклада, мы переводим всё под этим единым заглавием.

III.

Ввиду особой социальной структуры, русская интеллигенция внезапно, в течение нескольких десятилетий, усвоила идеи, которые на Западе созревали медленно, в ходе не менее двух веков. Подобно тому, как в случае некоторых болезней, не страшных для туземцев, но смертельных, когда ими заразятся пришельцы, дилемма: либо философия и наука, либо религия — приобрела в российских умах чрезвычайную болезненность. Так что, если необычайную смелость Ницше можно хотя бы частично объяснять его изоляцией и последствиями его неизлечимых физических страданий, отвага Достоевского скорее соответствует определенной культурной модели. Наличие православных крестьянских масс вводит в эту модель многочисленные осложнения.

IV.

Удивительно сегодня, почти через сто лет после смерти Достоевского, читать, как заново формулирует его центральную проблему Нобелевский лауреат генетик Жак Моно, лишенный каких бы то ни было религиозных склонностей. В «*Le Hasard et la Nécessité*» он говорит: «Ни одно общество не было раздираемо столь удручающими противоречиями, как наше. Как в примитивных, так и в классических культурах науку и ценности выводили из одного и того же истока, из анимистической традиции». И далее: «Как первоначальный «выбор» в биологической эволюции вида может стать решающим для всего его будущего, так и выбор научной практики, выбор первоначально бессознательный, направил эволюцию культуры на один путь — на путь, который, по мнению сциентизма XIX века, должен был безошибочно вести вверх, к зениту, к звездному часу человечества, в то время как мы видим перед собой лишь разверзающуюся бездну мрака».

V.

Достоевский записывал в 1875 году: «Наука в нашем веке опровергает все в прежнем воззрении. Всякое твоё желание, всякий твой грех произошел от естественности твоих неудовлетворенных потребностей, стало быть их надо удовлетворить. Радикальное опровержение христианства и его нравственности. Хри-

стос де не знал науки».* (Неизданный Достоевский. М., 1971, с. 446). Ранее, в своем знаменитом письме к Фонвизинной (1854), Достоевский говорит, что если бы он был должен выбирать между Христом и истиной, то выбрал бы Христа. Фраза, полная отчаяния и далеко идущих последствий. Я выдвигаю тезис о том, что религиозная мысль Достоевского сгущает, конденсирует принципиальные западные противоречия XVII-XVIII веков. В эту эпоху наступление на религию во имя так называемой объективной истины приобрело на Западе три основные формы: отвержение первородного греха; отвержение Боговоплощения; переработка христианской эсхатологии в светскую. Западные защитники христианской религии, которые старались отразить это наступление, использовали тактику, подобную той, какую позднее применял Достоевский.

VI.

Чтобы избавиться от понятия первородного греха, подчеркивали добрую и разумную природу человека. Защитники христианства, наоборот, говорили о полном убожестве человека и отождествляли грехопадение с победой себялюбия, этой причины бесчисленных человеческих несчастий. В этом направлении шел Блэз Паскаль (*le moi est haïssable*). В том же направлении шли два великих визионера XVIII века: Эммануэль Сведенборг и Вильям Блэйк. Причины космического зла Сведенборг усматривал в человеческом *proprium*; Блэйк считал Вселенную, как ее себе представляют люди, результатом грехопадения и приписывал эгоизму личности «спектральные» черты. «Записки из подполья» Достоевского — продолжение и кульминационная точка тех же рассуждений.

VII.

Вочеловечение Бога можно выразить только в языке символов и мифов. Когда привыкаешь пользоваться языком, якобы апеллирующим к действительности, Боговоплощение становится совершенно непонятым. Более того, образ бесчисленных планет, кружащихся в абсолютном ньютоновом пространстве, труден со-

* Мы воспроизводим здесь точную цитату из Достоевского. Но — важно отметить — Милош переводит на польский последнюю фразу как «Христос не знал науки», без значащего «де». *Примечание переводчика.*

гласовывался с верой в особые привилегии, которыми Бог наделил Землю. В то время как деисты превращали Бога Отца в абстракцию, «разумно» толкуемое христианство делало из Иисуса Христа оратора, произносившего возвышенные проповеди, и, в лучшем случае, нравственный идеал. Потому-то и вера христиан, всегда весьма антропоцентрическая, искала нового видения, противопоставленного атеистической идее человекобога, который должен был стать своим собственным искупителем. В XVIII веке некоторым приходит в голову необычайная идея, родственная, быть может, идее Адама Кадмона, извечного, докосмического человека каббалистов. По Сведенборгу, Бог в Небесах обладает человеческим естеством, следовательно, человеческое естество Христа — совершенное исполнение Божественного. «Человеческая Божественная Форма» и Богочеловек как единственный Бог были заимствованы у Сведенборга Блэйком. Эти два основных понятия: Божественного Человеческого и Человеческого Божественного — со временем так сблизились, что ныне некоторые исследователи ошибочно рассматривают Блэйка как нечто вроде поэтического Гегеля.

Достоевский был, позволю себе так выразиться, лишен Бога Отца, и единственной его надеждой было держаться Христа. Противоположность человекобога и Богочеловека отчетливо вырисовывается в его творчестве и знаменательна для его биографии. Принадлежа к кружку петрашевцев, он верил в человекобога, позже — поверил в Богочеловека. Однако он никогда не сумел преодолеть противоречия, содержащегося в его высказывании о выборе между Христом и истиной.

VIII.

Идея трех фаз в истории человечества: до грехопадения, после грехопадения и, наконец, возвращенной гармонии в Царстве Божьем — была заимствована из Библии светскими философами XVIII века и превращена в идею имманентного прогресса. Число три было сохранено. Этот динамизм, в свою очередь, способствовал жажде всё новых версий христианской историософии. В конце XVIII и в первой половине XIX вв. появляются многочисленные доктрины, гласящие Страшный Суд и скорое пришествие третьей эры, эры Духа. Достоевский тоже верил в три фазы («Неизданный Достоевский»): до цивилизации; цивилизация, т. е. переходная стадия; после цивилизации, осуществленная гармония. Ближайшее будущее его ужасало. Мы должны отнестись серьезно

к нему, пишущему в свою записную книжку: «Всё в будущем столетии». Мы должны также серьезно отнестись к свидетельству О. Починковской, которая работала с ним в редакции «Гражданина» в 1873 году: «Он стукнул рукой по столу, так что я вздрогнула, и, возвысив голос, прокричал, как мулла на своем минарете: — Идет к нам антихрист! Идет! И конец миру близко, — ближе, чем думают!»

IX.

Почему, как сообщает Надежда Мандельштам во «Второй книге», Анна Ахматова называла Достоевского «ересиархом»? Причиной его ереси были как любовь к России, так и тревога за будущее христианства. Если образованные русские сжали несколько веков западной интеллектуальной эволюции в несколько десятилетий, то они еще, пожалуй, и обогнали Запад и устами Достоевского поставили человечество перед дилеммой, которую Западу предстояло открыть намного позже. Дилемма эта была такова: либо социальная справедливость ценой террора, лжи и рабства, либо невыносимая свобода, невыносимая, ибо ее требует отсутствующий Бог и невмешивающийся Христос, как в «Легенде о Великом Инквизиторе». Достоевский был убежден, что вся западная цивилизация выберет веру в человека-самоискупителя и таким образом кончит рабством. Не называл ли он Папу Римского вождем коммунизма? В то же время, однако, он наблюдал, как русская европеизированная интеллигенция отвергает христианство. Припертый к стенке, он искал выхода из ситуации, которую сам оценивал как безвыходную. Он позволил себя увлечь своей эсхатологической страсти и признал русских мужиков-христиан единственной надеждой человечества. Его ересь, ересь о русском Христе, означала, что, устояв перед другими искушениями облегчить себе проблемы, он не смог устоять перед искушением мессиански-националистическим.

X.

Мы не можем сегодня рассматривать религиозную мысль Достоевского как всего лишь достойный почтения памятник прошлого. Ее осовременивают опасные последствия антиномии между наукой и миром ценностей. Многие из того, что в его время считали объективной научной истиной, обнаружило свои скрытые метафизические посылки, и наша цивилизация, кажется, стоит не перед выбором между верой и разумом, но между двумя комплек-

сами ценностей, вне зависимости от того, выступают они замаскированными или нет. Возможно, биологи, такие, как Жак Моно, заходят слишком далеко, выражая допущение, что «анимистическая традиция» вписана в генетический код нашего вида. Но, даже если забыть о генетике, история XX века, пожалуй, подтверждает правоту уравнения, вложенного Достоевским в «Легенду о Великом Инквизиторе». Печальное уравнение сводится к следующему: люди могут прилагать невесть какие усилия, но вынуждены делать выбор — а выбора почти нет.

Приведенный текст очень сжат, и почти каждая его фраза, собственно, требовала бы комментария. Ограничусь несколькими замечаниями. Цитируя Жака Моно, который получил Нобелевскую премию за открытие ДНК, я не хотел бы создать впечатление, что мои познания простираются на т. н. молекулярный онтогенез и тому подобные дисциплины. Я цитирую его, ибо редко встретишь ум ученого, столь радикальный в отвержении всего, что не находит научного обоснования. Под «анимизмом» Моно понимает отражение наших человеческих потребностей гармонии и цели (результата деятельности нашей нервной системы), отбрасываемое нами на природу, где господствуют исключительно случай и необходимость, — в силу чего мы оказываемся жертвами «антропоцентрической иллюзии». В «анимистическую традицию» он зачисляет все религии, а также системы, основанные на «провиденческой» эволюции, — такие, как диалектический материализм или теория Тейяр де Шардена. Последовательный материалист, принадлежащий к той линии, с которой сражался Достоевский, Моно в последней главе вышеназванной книги уходит в моралистику ученого, в высшей степени себе противореча или же просто невольно подтверждая свой тезис о том, что потребность оценки вписана в генетический код. Однако это уже не относится к моей теме.

Достоевский, принужденный выбрать между Христом и истиной? Весьма необычно, весьма ново и совсем не то, что старый, многовековой спор между верой и разумом. Те, кто наделял разума дьявольскими чертами, выбирали веру, ибо в ней покоится истина («Я есмь путь и истина и жизнь», Ио. 14,6). Другие (Симона Вейль, например) — и вкладом их не следует пренебрегать — возражали против того, что якобы может возникнуть конфликт меж-

ду верой в Христа и результатами исканий разума (если разум абсолютно честен, т. е. любит истину). У Достоевского «истина», против которой он защищается, значит то же, что научная истина у Моно: какая бы то ни было «снисходительность» вселенной, будь то сегодня или завтра, признана иллюзией, и человек сидит, с нуждами своего сердца, кричащего «нет», брошен в равнодушную машину, подобно паровому катку пресезжающую по всему, что живо. Сравнение Природы с машиной, частое у Достоевского, соответствует образу биологических организмов как живых машин у Моно. Это машины, способные реагировать благодаря записи в генах. Достоевского ужаснула картина Гольбейна, которую он видел в Базеле, ибо художник изобразил Христа в гробу как *cadaver*. Два интеллектуальных глашатая Достоевского, Ипполит в «Идиоте» и Кириллов в «Бесах», навязчиво говорят об этой победе Природы над лучшим существом, родившимся на Земле: если такой человек лишь заблуждался, обещая воскреснуть из мертвых, то мир — «дьявольский водевиль», и никаких ценностей не существует.

Я говорю о «Записках из подполья» и «Легенде о Великом Инквизиторе», ибо они — квинтэссенция мысли Достоевского и одно из величайших философских произведений всех времен. Рассказчик «Записок из подполья» хочет швырнуть в лицо людям истину, которая характерна тем, что и математически верна (дважды два четыре), и отвратительна. Его издевательства над общественниками (над Чернышевским), убежденными, что, апеллируя к хорошо понятой выгоде людей, удастся воздвигнуть «хрустальный дворец», напоминают насмешки Моно, ста годами поздней во имя данных биологии измывающегося над якобы заведомо уготованной прекрасной судьбой рода человеческого. Ибо у Достоевского воля каждой личности (себялюбие) и самоволие — сила разрушительная, любующаяся своей жестокостью по отношению к другим. В то же время личность хочет б ы т ь, однако с момента, когда она примирится с истиной, т. е. скажет, что делать нечего, трудно, дважды два четыре, — должна признать, что ее самой н е т. Вот болезнь раздвоенного сознания: «Я мыслю — следовательно, я существую» превращается в «я мыслю (объективный разум мыслит?) — следовательно, я не существую», т. е. я отдаю себе отчет в том, что я — статистическое, заменимое число. Потому-то рассказчик кричит «нет» миропорядку, но, поскольку ничего этому порядку он не может противопоставить, «Записки» целиком остаются на стороне «истины». Цензура вы-

черкнула главу, где Достоевский пытался создать ей «противовес». Что там было, мы не знаем, кроме того, что автор высказывался как христианин. В книжном издании он этого не восстановил, и глава затерялась.

«Записки» нагружены проблематикой, и, вводя один главный смысловой стержень, легко натолкнуться на упрек в произвольности. Однако такой подход допустим, ибо речь идет действительно о главном стержне. Подобным же образом и «Легенда о Великом Инквизиторе» может быть сведена к вопросу, кто был прав: искушаемый в пустыне Христос или искушитель? Легенда, поэма Ивана Карамазова (следует помнить об этом ее месте в структуре «Братьев Карамазовых»), отвечает на этот вопрос: прав был искушитель, Князь Мира Сего, Дух Земли. Заметим, что для Ивана Провидение и Царствование Бога Отца не существуют, раз Природа, машина, управляемая собственными принципами необходимости, нравственно неприемлема. Следовательно, изменение естественного хода вещей могло бы идти только от Христа, если Он был Сыном Божьим. Но Он не хотел превратить камни в хлеб, чем символически отдал заботу о хлебе для голодных земным властителям. Не хотел подтвердить свой Божественный авторитет, бросившись в бездну, т. е. ниспровергнув очевидность того, что, будь Он человеком, разбился бы. Наконец, Он отверг власть над земными царствами, которую, конечно, сумел бы использовать на благо людей. В поэме Ивана есть старые манихейские элементы: Бог Отец обвиняется в страданиях живой материи, и потому Его существование или несуществование становится безразличным, поскольку Он — нечто вроде низшего демиурга. Остается Бог Света, ходящий по земле, — однако и Он, к сожалению, отказывается взять в свои руки скипетр. Таким образом, Великий Инквизитор прав, организуя сообщество детей, которым надо лгать (это сон Ивана, русского интеллигента, о себе — диктаторе). У Великого Инквизитора есть своя тайна и свое скрытое страдание: вот он сознательно, из жалости к людям, выбрал сотрудничество с дьяволом, ибо «объективная» истина на стороне зла.

Почему «объективная» истина, истина науки, т. е., согласно Моно и его предшественникам, единственная, приобретает у Достоевского дьявольские черты? Человек из подполья показывает язык прекрасной очевидности ученых и, хоть знает, что дважды два четыре, говорит: а я не хочу. Ибо действительность, являющаяся человеку как жесткая необходимость, если судить ее человеческими критериями — неприемлема. Все бунтует в нас про-

тив бренности как боли и против смерти. Представляя себя как циника и эгоиста, человек из подполья является таковым не более, чем сочувствующий детским страданиям Иван Карамазов, и его протест против «дважды два четыре» означает то же, что знаменитая фраза Ивана о том, что он «возвращает билет на вход». При этом все равно не похоже, чтобы нашлось много решений, когда мы перестаем считать вселенную творением доброго Бога. Либо сидишь в подполье и кусаешь локти, либо решаешь хорошо организовать общество и становишься Великим Инквизитором.

Не я один считаю, что Достоевскому в «Братьях Карамазовых» не слишком удалось создать противовес рассуждениям Ивана, хоть он и старался. Такого мнения, например, Лев Шестов, выдающийся мыслитель, и в моей интерпретации я много беру у Шестова. Мне кажется, что в этом последнем большом романе, который, правда, является лишь первым томом, Достоевскому многое портит его религиозно-политическая ересь. Как обычно у славян, все кончается мессианизмом, т. е. коллективным спасителем, словно не мессианисты послали на смерть Иисуса Христа («...лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб», Ио. 11,50).

Западная религиозная мысль XVII-XVIII веков. Существенны не воззрения, а образы космоса, которые ставит перед своим взором человек, и поэтому я предпочитаю говорить о религиозном воображении. Участие науки в его формировании было огромным, участие послетридентского католицизма — небольшим, и, вероятно, я справедливо называю среди католиков математика Паскаля. В век Просвещения эта пограничная область, где мерялись силами религиозное и научное воображение, представлена различными вариантами религиозности вне исповеданий, а также «мистическими ложами», возникающими рядом с вольтерьянскими ложами, — т. е. всем тем движением, которое французский исследователь Вьят назвал *les sources occultes du romantisme*. Потому-то имена Сведенборга и Блэйка тоже уместны.

Я мог бы, правда, прибавить, что человеческое естество Божества, столь важное для обоих последних, не так уж далеко отходило от традиционных понятий христианства. В Шартре, на скульптуре, изображающей сотворение Адама, у Бога — лицо Христа, и он лепит из глины лицо Адама по своему образу и подобию.

Имя Достоевского часто возвращается под моим пером потому, что жизнь коротка и меня все меньше притягивает слишком литературная литература. В том, насколько литература не литературна, решающим является качественный вес философии данного писателя, т. е. ревностность, с которой он относится к сущностному, вызывающая огромное напряжение между мыслью и произведением. Нескольких имен мне хватает на всю историю европейской словесности с момента, когда дух оказался в краю отчуждения, в Ульро Блэйка, в стране, где человек превращается в заменимое число и, хуже того, для себя самого, в своем сознании, перестает быть чем-то большим.

Мицкевич, во многом старосветский, бывает и современным. Прения Конрада с Богом входят в определенный цикл, начатый французскими философами, которые составляли обвинительный акт, ссылаясь на ответственность Творца за массу страданий, выносимых смертными. В основном это относилось к страданиям отдельных людей, иногда к стихийным бедствиям, поразившим большое число людей. Случаем, закрепившимся в философских дискуссиях, было великое лиссабонское землетрясение 1755 г., когда погибли десятки тысяч людей. Конрад выставляет аргумент иностранных вторжений и целых порабожденных народов. Бросить в лицо Богу слова о том, что он не Отец, но царь, — это выглядит жестом непослушного ребенка или, самое большее, оскорблением престола. По существу, в игре участвует куда более высокая ставка — чтобы в этом убедиться, следует помнить о героях Достоевского, которых мучит та же проблема.

Несимпатичный, но гениальный юноша Иван Карамазов — отнюдь не какой-то атеист, это для него слишком примитивно. Он просто отменяет Бога в соответствии с нравственным принципом, поскольку порядок Творения нравственно неудовлетворителен:

«В существе проблемы Ивана Карамазова лежит какая-то ложная русская чувствительность и сентиментальность, ложное сострадание к человеку, доведенное до ненависти к Богу и божественному смыслу жизни в мире. Русские часто становятся нигилистами-бунтовщиками из ложного морализма. Русский устривает Богу процесс за одну слезу ребенка, возвращает билет, отвергает все ценности и все святое, не может перенести страданий, не хочет жертв. Но не сделает ничего, чтобы слез было

меньше, увеличивает число пролитых слез, делает революцию, которая вся стоит на бесчисленных слезах и страданиях» (Бердяев).

Недаром Иван Карамазов — в то же время автор «Легенды о Великом Инквизиторе». С момента, когда Бог «отменен», противостояние добра и зла, правды и лжи утрачивает всякий фундамент, и всемогущей оказывается Природа, подчиненная своим собственным законам. Иисус отверг три искушения преодолеть эти законы, потому-то Великий Инквизитор, который хочет осчастливить человечество («поправляя» Иисуса), решается действовать разумно, т. е. в согласии с законами Природы и человеческой природы. Однако эти законы управляются могучим Духом Небытия. И вот Великий Инквизитор (или сам любящий детей Иван Карамазов) вынужден относиться к тем, которыми правит, как к детям и как к рабам.

Если бы Конрад назвал Бога царем, он должен был бы признать, что вселенная идет своим собственным путем, без всякой Божественной опеки, т. е. повторил бы ход мысли, позднее ставший уделом Ивана Карамазова. Таким образом, ставка — либо вселенная как абсурд, либо вселенная как гармония. Конрад, верный польской традиции, особо сопротивляющейся пессимистическим решениям, выберет второе, что возможно лишь благодаря заступничеству или молитве других. Почти логическое следствие такого выбора — следующая поэма Мицкевича, «Пан Тадеуш», как своеобразная теодицея, или оправдание Творца, ибо Он Творец Земли-сада.

Окольное, через Достоевского, приближение к Мицкевичу позволяет забывать разные школярские банальности. Кто-то из русских заметил, что чувство всеисия в «Большой Импровизации» напоминает предэпилептические состояния, известные некоторым героям русского романиста: время тогда останавливается, эпилептик Магомет в одно из таких мгновений достигает самого престола Аллаха, прежде чем прольется вода из перевернутого кувшина. Можно отметить несоразмерность между вершинными секундами, которые переживает Конрад, и его монологом, растянутым на много минут. Интересно, что Конрад в своем монологе считает себя человекобогом, подобно предэпилептику Кириллову в «Бесах».

«Дзяды» были бы великой христианской драмой, если бы не вкрадывающаяся ересь, та же, что придает дурные черты публицистике Достоевского и изъязном ложится на некоторые главы его романов. Она основана на стирании границ между религией и

«идеей национальности». Шатов в «Бесах» заявляет: «Я верую в Россию, я верую в ее православие... Я верую в тело Христово... Я верую, что новое пришествие совершится в России...», но на вопрос, верует ли он в Бога, отвечает; «Я... я буду веровать в Бога». Только «буду». Тем не менее, Шатов у Достоевского оказывается спасенным, на основе несколько натянутого силлогизма: кто любит русский народ, обладает добродетелью *caritas*, или, тем самым, он уже способен любить ближнего и прощать ему, как прощает Шатов жене. Близкий ход мыслей там и сям обнаруживается в тексте «Дядюшки» и кульминирует в Видении ксендза Петра. От несчастья вторжения нетрудно всему помешаться в голове, но, уважая чей-то справедливый гнев, мы еще не приобретаем права удержаться от критической оценки. Коллективное тело, распятое на кресте и искупающее грехи человечества? А кто же этот «воскреситель нации», «наместник», «над народами и над королями вознесенный» потому, что любит свой народ? Возможно, намерение Словацкого в его прологе к «Кордиану» было сатирическим. Но прочитал он Видение ксендза Петра только так, как это бросается в глаза каждому, т. е. как переделку Откровения Иоанна Богослова, где сам Мицкевич выступает ни больше, ни меньше как Сын Человеческий, альфа и омега, или Логос. Иначе говоря, христианская драма, драма победы, превращается в драму поражения: экзорцизмами ксендза Петра дьявол изгнан из Конрада, но, проявив немалую ловкость, он вступает в самого экзорциста и диктует ему Видение — чего, к сожалению, не сознаёт сам поэт. Конрад хотел быть человекобогом, но вовремя отступил, укрепленный молитвами ближних. Кто же, однако, спасет самозванного человекобога, которого ксендз Петр прорицает в своем Видении?

Среди моих студентов не много таких, кто считает себя христианами. Большинство относится к христианству равнодушно, и, читая курс по Достоевскому, я всегда сознавал парадокс: некоторые из слушателей впервые на этих лекциях сталкивались с религиозной проблематикой, зато почти все были как та русская интеллигенция, взгляды которой наполняли Достоевского ужасом. Не дело профессора формировать студентов по своему подобию, но, по крайней мере, он обязан ясно указать, в чем состоит острота противостояний и что означает выбор того или другого тезиса, т. е. позволить им сделать выбор с сознанием того, что они в ы-

б и р а ю т. И только раз между ними и мной возник серьезный конфликт, когда я явно высказался за одну сторону и обнаружил перед ними свое убеждение в том, что существует добро и существует зло, — это показалось им суждением непереносимо реакционным. Для них было несомненно, что человеческое поведение зависит исключительно от социальных и психологических детерминант, т. е. что все ценности в высшей степени относительны. Точно так же русская интеллигенция переносила ответственность на «среду»: измени общество, изменишь человека, — и как раз это, как раз эта снятая с личности ответственность удручала Достоевского как доказательство дехристианизации русского образованного слоя.

Я не буду заходить с этой аналогией слишком далеко, ибо развитая техника, а также подчинение знания о человеке методам науки, т. е. развитие антропологии, социологии, лингвистики и т. д., вводят новые факторы. Это скорее атмосфера терпимости по отношению ко всем культам, взглядам, верованиям — при условии, что они достаточно расплывчаты и синкретичны, так что рядовой ум предается ни к чему не обязывающим мечтаниям, вне сферы религиозных или философских понятий, бессознательно перенимая определенные запасы культурного наследия. Так, например, почести, слагаемые «творчеству», — это поздний вариант хвалы искусству для искусства, хотя «творчество» становится скорей выделением для выделения, деятельностью столь соблазнительной, что уже пребывает вне правды и неправды, зла и добра, прекрасного и безобразного, т. е. результат творчества более или менее безразличен. Если бы можно было принудить так убегающий от себя ум хотя бы занять сознательную атеистическую позицию, уже и это было бы достижением.

Настоящий атеист, я думаю, птица редкая. Он преследует в себе пережитки давних верований и отбрасывает их один за другим. Явным пережитком является невысказанная вера в благодетельные последствия эволюции в Природе и в продолжающей эту эволюцию истории рода человеческого. Такая вера предполагает некий договор о перемирии, который, к сожалению, требует двух контрагентов: человечества и провидящей силы. Если после миллиардов лет эволюции человек появился на Земле в силу случайных мутаций, то какое бы то ни было признание добрых намерений за Вселенной должно звучать для него как вариант религиозных представлений. Иначе говоря, между сферой человеческих ценностей и неколебимыми законами Вселенной нет ни малейшей

связи, нет и оснований допустить действие тормозов, которые защищают человечество от бесповоротных катастроф и бедствий. Даже столь дорогая ученым страсть поисков истины совершенно необъяснима и ни на чем не основывается. Подлинный, радикальный атеизм в нашем веке сильно отличается от своих предшественников, и этому в немалой степени содействовала антропология в широком смысле слова, включающая историю религии и искусства. Дело-то в том, что, когда мы достаточно внимательно рассматриваем одиночество человека во Вселенной, его принципиальную «неестественность», прогрессисты-атеисты прошлых веков начинают выглядеть как продолжатели известной религиозной триады: Рай, потерянный Рай, возвращенный Рай — они просто-напросто переносили динамику Священной Истории в историю человеческих обществ. И какое бы то ни было постулирование гармонии человеческой жизни с Природой, космосом или универсальным Разумом стоит не больше веры в русалок и леших, т. е. является пережитком «анимистической традиции». Человек одинок — если же на каких-то других планетах есть существа, наделенные разумом, то они появились точно так же, в силу случайности, и точно так же чужды Вселенной. И эта особая отчужденность человека как носителя разума накладывает на нас чрезвычайные обязанности.

Поразмыслим. Самые возвышенные нравственные идеалы, самые совершенные произведения поэзии, живописи, музыки, архитектуры, самые сложные мыслительные конструкции, от религии и философских систем до математических операций, реализованных в технике, — все это идет только от человека. Так не должен ли он смиренно восторгаться этой своей гениальностью, но восторгаться также и братьями своими, и не только теми, кто в этой гениальности ведет других, но и теми, кто в ней участвует? А ведь он — противоестественное животное, внутренне раздвоенное, ссорящееся с животным в себе, больное, и болезнь его состоит в том, что он и вправду не может жить без средств, смягчающих само существование, как бы мы эти средства ни называли. Значит, наряду с восхищением, он заслуживает огромного сострадания, тем большего, что сострадать ему может только человек.

Настоящий атеист вынужден признать правоту за Достоевским, а не за прогрессивной русской интеллигенцией XIX века. Эта последняя ошибалась, считая, что с ниспровержением царского строя исчезнет гордыня, жадность, жажда власти, ложь, лакей-

ство, жестокость по отношению к ближним или равнодушие к их судьбе. Предостережения трагедий-моралитэ, героями которых являются добро и зло, будь то «Бесы» или «Братья Карамазовы», оказались диагнозом, который подтвержден временем. Также никакие теории об относительности этических норм ничуть не смогли уменьшить силу воздействия «Дядюв», происходящую именно из того, что зритель любит добро и ненавидит зло. Пусть добро и зло не имеют никакого метафизического обоснования — тем они дороже, поскольку они свойственны исключительно человеку, поскольку они — вызов, брошенный античеловеческой пустоте, и потребность их укоренена в человеке. Настоящий атеист, сознающий высоту ставки, не может считать понятия добра и зла «реакционными». Наоборот, он скажет с Гомбровичем: «Не делайте из меня дешевого демона. Я буду на стороне человеческого порядка (и даже на стороне Бога, хотя не верую) до конца моих дней и в самый момент умирания». И вместе с ним определит цель литературы: «...чтобы мог получить слово наш самый простой, самый обычный нравственный рефлекс».

Для настоящего атеиста обязательны правила самой жестокой логики, ибо его ближний не получит никакой посмертной компенсации, а во время своего короткого пребывания на Земле отдан на милость и немилость других людей. Ничто: никакие самые возвышенные лозунги, никакая истина, никакая отдаленная цель — не могут оправдать мук отдельного человека. Потому-то для настоящего атеиста русский коммунизм повинен в преступлениях воистину ужасных: как в физических пытках, которым он подверг миллионы беззащитных человеческих существ, так и в пытках духовных, в число которых входят страх и отречение, под воздействием страха, от обычных нравственных инстинктов и участия в религиозных обрядах. Именно преследуя религию, которая для атеиста является достойным восхищения созданием человеческого воображения и действенным средством, смягчающим тягости жизни и смерти, коммунизм проявил себя как античеловеческая система.

Однако настоящих атеистов так мало, что тому должны найтись причины. И они, действительно, есть. История, лишенная гарантии прогресса, Природа, не несущая в себе ничего похожего на установленную гармонию, не мать, но мачеха, противостоят нашим требованиям (генетическому коду?). Радикальное противостояние человеческого мира всему внечеловеческому постепенно превращается в другое противостояние: человек ощущает, что он

окружен не естественными, но злобными силами и законами, и некая дьявольщина начинает просвечивать из-за завесы непреклонного, а в то же время слепого и бессильного порядка.

Огромные количества христиан, бия в бубны, вздымая хоругви, под предводительством своих богословов, переходят и будут переходить в лагерь человекобога, не зная или не помня об обратном пути, пройденном некогда Федором Достоевским. Но это еще не означает победы Ульро. Земля — не сладкое место жительства, и нейтральное — не холодное, не горячее — притягивание сциентистских уравнений наталкивается на помехи, прежде всего, из-за одного беспокойного персонажа — Бога. Может быть, теперь уже видно, какие скрытые мотивы склонили меня приготовить курс лекций о манихеизме в то самое время, когда рядом, на так называемом Богословском Холме в Беркли, где находятся богословские академии разных исповеданий, клятвенно заверяли в гениальности Тейяр де Шардена и вообще накачивались социальным энтузиазмом. Это не значит, что я хочу выступать здесь как сторонник манихейства в его формах, известных нам из истории. Я только думаю, что некоторый манихейский элемент нам нужен, да и уклониться от него трудно.

(Перевод с польского Н. Горбаневской)

САВЛЫ, НЕ СТАВШИЕ ПАВЛАМИ

(Опыт посюстороннего христианства Достоевского)

Отец Паисий: «Если (церковь) « не от мира сего», то, стало быть, и не может быть на земле её вовсе».

Ф. М. Достоевский

Полное собрание сочинений, XIV, стр. 57.

Идеи не делают искусства, но и неотделимы от него. Русские мыслители, В. В. Розанов, Д. С. Мережковский, Л. И. Шестов, Н. А. Бердяев, о. Сергей Булгаков, творчески продумывали и осваивали идеи Достоевского, а после них мало что существенного было сказано о его философии. Правда, кое-что верно подмечалось, например, в истолковании Достоевского как экзистенциального философа, но настоящего диалога или полилога с ним не ведется, или очень редко, как в книге католического философа Романо Гуардини.

Литературоведы иногда (не часто) учитывают идейное наследие Достоевского, но «роскоши» творческой беседы с ним и с кем бы то ни было они избегают. Ими, несомненно, немало было сделано для изучения Достоевского-художника, но после М. М. Бахтина, кажется, никому не удалось охватить его искусство в целом, а не только отдельные приемы.

Никакого нового «слова» сказать о Достоевском не стремлюсь. Но в этом наброске хочу лишь напомнить о его главных верованиях, воззрениях, которые полностью прояснить нельзя. Если слово «гений» имеет смысл, то гений тот мыслитель или художник, который нас привлекает, мучит и остается не вполне разгаданным не только для других, но и для самого себя.

На камне веры Достоевского начертаны слова, вложенные им в уста Шатова: «...не вы ли говорили мне, что если бы математически доказали вам, что истина вне Христа, то вы бы согласились лучше остаться со Христом, а не с истинной».¹

Следовательно, высшая реалья Достоевского — не идеи (а у него были и идеи!), а живая личность Богочеловека.

Исходя из Христа воскресшего, Достоевский утверждал по-стороннее христианство, а не потустороннее, как это часто делалось. Он разочаровался в учении Фурье. Позднее в русских социалистах и революционерах он увидел бесов, но все потустороннее (метафизическое) его мало занимало. Правда, Достоевский говорил, что без веры в личное бессмертие жизнь лишается смысла и что нет нравственности без воскресения: здесь есть отрицание автономной морали в учении Канта. Но о том, что т а м, он мало задумывался. Достоевский не мистик, как и его праведники — старцы. Да, Алёша Карамазов в экстазе целовал землю, но, по желанию старца Зосимы, не остался в монастыре жить созерцательной жизнью, а ушел в мир.

Можно полагать: в жизни Федор Михайлович не боялся смерти (как Толстой, Леонтьев или Розанов) и, как верно, хотя и не очень вразумительно, писал Иннокентий Анненский, вопрос о смерти был для него чем-то второстепенным и не стал «основным моментом» его творчества.² Не слишком ли это парадоксально? Так, Достоевский «перебил» добрую половину населения в романе «Бесы», но ужасающую физиологию смерти не показывал, за немногими лишь исключениями. Это, например, худые синие ноги господина Прохарчина, торчащие кверху, как два сучка обгоревшего дерева.³ Ужасен и неподвижный кончик обнаженной ноги убитой Настасьи Филипповны.⁴ Или смутивший Алёшу Карамазова провонявший труп усопшего старца Зосимы (но это искушение Алёша преодолел, повторяю, когда с упоением целовал землю). По-настоящему, телом и душою, умирают герои Толстого — князь Андрей Болконский, Николай Левин или Иван Ильич (правда, увидевший какой-то просвет в самый последний момент агонии). А всегда спешащие, весьма разговорчивые и не работающие герои Достоевского продолжают свои безумные разговоры до конца жизни. В его романах явлено трагическое, но есть в них и упсительное перпетуум мобиле бытия. Это не значит, что у изображаемого Достоевским человека нет плоти, но у него, прежде всего, есть душа, одержимая и плотскими и духовными страстями. Отсюда не бессмертие, в внесмертие его героев.

Достоевский, отказавшись от безбожного социализма, стремился создать христианский эквивалент его. Это лучше всего сформулировал отец Паисий: «Государство должно кончить тем, чтобы сподобиться стать единственно лишь церковью и ничем иным более». И добавил: это не коммунизм, а единое во Христе.⁵ Но здесь только теократическая утопия или схема. Нельзя себе

представить, чтобы Достоевский одобрил современную теократию в Иране... Существенно же то, что герои-идеи Достоевского страстно хотели что-то сделать на земле — или благое, или злое.

Вера Достоевского прошла через «горнило сомнений». Имею в виду не столько его самого (о себе, в противоположность Толстому, он мало писал), а его героев. Князь Мышкин, странник Макар, епископ Тихон, отец Паисий, старец Зосима, как будто и Алёша Карамазов (о нем речь ниже) в своей вере не сомневались. Но, по общему впечатлению, его полностью верующие герои художественно менее убедительны и не динамичны по сравнению с маловерными, полуверами и неверующими. В князе Мышкине больше жизни, но он только слабый и, следовательно, неистинный «Христос», который никого не умудрил и окончательно сошел с ума в эпилоге романа.

Неуспокоенные трагические герои Достоевского страстно хотели верить. Фанатик Шигалев слепо верил в свою «шигалевщину», правда, без энтузиазма, тупо. Но, несомненно, энтузиастом был Петр Верховенский. Он карикатурен (у него язык рептилии), но чем-то человечен, и верил в Ставрогина — Ивана Царевича революции. Даже (не высшее ли это для него романтическое неприличие?) поцеловал ему руку. Есть бесовское и в Смердякове. Казалось бы, этот пошлый мещанин любит только деньги, удобства. Но и он верил в своего, тоже чем-то сказочного для него, барина — Ивана Карамазова. А когда в нем разочаровался — отдал ему награбленные деньги и повесился. Здесь есть настоящий трагизм, и это лжеверие как-то очеловечивает лакея Смердякова. А за бортом живой жизни (хотя бы и бесовской!) остаются только неисправимые пошляки Достоевского вроде Лужина, Ракитина или, классом повыше, Карамазова, Миусова.

От своего бесовства отказался горячий Иван Шатов, который верил в русский народ Божий, но так и не успел поверить в Бога, а «отец» бесов, прохладный Степан Трофимович Верховенский, эстет-болтун, но и энтузиаст, перед смертью поверил в деистического Бога...

Кириллов остается в бесовском сне, но в нем мало бесовства: он благороден, отзывчив, щедр, по-рыцарски мужествен. Христа он любил не меньше, чем Шатов и сам Достоевский. Но Кириллов не верил в Его воскресение: «...законы природы не пожалели и э т о г о, даже чудо свое же не пожалели...».⁶ Ему захотелось стать человекобогом не потому, что он так уж стремился проявить своеволие и доказать свое человекобожество, а

потому, что любимый им Христос не воскрес. Наконец, ему верилось, что после своевольного истребления самого себя человек переменится физически,⁷ время погаснет в уме, и всё это должно произойти здесь, на земле. Его человекобожество, отвергавшее Богочеловечество, остается посюсторонней верой.

Кириллов своего рода Савл. Христа он не гнал, а любил, но отверг, и поэтому не мог превратиться в Павла. Он же сомневающийся Фома Неверный. Но как обогатил бы он христианство, если бы обратился, поверил и стал бы Павлом. Кто знает: не больше бы он значил в христианстве, чем все успокоенные и не знавшие сомнений оптинские старцы.

У Достоевского немало других Савлов с чертами Фомы. Первый из них — Раскольников. Для него характерна — гордыня, осложненная сомнениями в самом себе, но не в Боге, о котором он впервые задумался под влиянием Сони, и как будто понял: своим двойным убийством он распял Христа. В Сибири Раскольников почти смирился, но повесть о нем обрывается, правда, с обещанием ее продолжить.

Студент Ипполит (в «Идиоте») спорит с Богом, в которого будто бы верит, но, допуская Его существование, он осуждает Его за жестокость. Но как хотел поверить этот умирающий энтузиаст, тянувшийся к слабому «Христу», князю Мышкину, и не суждено было ему стать Павлом.

Версиров — барин-эстет, обаятельный и болтливый «бабий пророк». Но Достоевский не без сочувствия пересказывает его золотой сон о счастливом, хотя и безбожном, смертном человеке. Скрытый в нем демон заставил его разбить икону, мешавшую его страсти к Ахмаковой. Это поступок Савла, но в Дамаск Версиров не поедет: он будет только мирно доживать свою бурную жизнь в семейном кругу. Но не стремился ли Подросток найти в своем блудном отце именно Павла?

«Бесы». Знаю многих читателей (включая самого себя), для которых Ставрогин остается обаятельным. Бердяев (не в книге о Достоевском, а в более ранней статье в «Русской Мысли») утверждал: как выиграло бы христианство, если бы поверил такой человек, как Ставрогин, т. е. стал бы Павлом. Недаром ведь его имя происходит от греческого слова **ставрос** (крест). А отцу Сергию Булгакову казалось: если бы Ставрогин занимался живописью, то стал бы он Пикассо до Пикассо — мастером бесчеловечного и безбожного искусства.⁸ Но явно Ставрогину не хватало стимулов для любого творчества. Правда, он раздавал

идеи Шатову и Кириллову, но сверхчеловеческая энергия, растрачиваемая им во зло, его утомила, иссякла и привела к самоистреблению. А как сам Достоевский лелеял замысел о покаянии великого грешника, как стремился обратить Савлов в Павлов и вернуть их деятельность в земной жизни.

Сам он еще в юности был влюблен в демонического барина-петрашевца, Н. А. Спешнева. Вероятно, кое-что увлекало его и в Ставрогине: иначе он был бы лишен обаяния для читателей... Но не хватило у него сил обратить Ставрогина. Даже раскаявшегося Шатова ему не удалось раскрыть в жизни. Достоевский их обоих «убил». К тому же, обращение этих и многих других героев Достоевского было неосуществимо из-за отсутствия соответствующего материала в эпохе. Может быть, и он сам не преодолел в себе и Савла, и Фому. Достоевский ездил в Оптину пустынь, беседовал со старцем Амвросием, который был одним из прототипов старца Зосимы. Он почитал оптинских старцев за их монашескую созерцательность, за наставления мирянам, но не этого он ждал от христианства. Хотелось ему здешний мир перевернуть, как и социалистам, но с Божией помощью, с верой в любимого Христа. Это активное христианство Достоевского, которое ненавидевший его Константин Леонтьев называл утопическим («розовым»), мерещилось ему добела раскаленным, и его всегда вдохновляло. Да и сам Леонтьев, апологет «черного» христианства, не удовлетворялся мудростью оптинских старцев. Ему, пессимисту и датерминисту (в истории), хотелось найти деятельных посюсторонних христиан, создающих православные ордена и проповедующих Бога впадшему в безбожие образованному обществу.⁹ Как это ни странно, столь разные писатели, как Достоевский и Леонтьев, в своем миссионерском рвении сродни католикам, но с этим они, конечно, никогда не согласились бы...

Братья Карамазовы. Иван — рационалистичен, расчетлив. У него меньше витальности, чем у его распутого отца, чем у других двух братьев, а по сравнению со своим присным — Смердяковым — он трус, не осознавший свою ответственность за убийство Федора Павловича. В споре с Богом, которого Иван только допускает (без веры), он только повторяет, но с большим блеском, аргументацию другого студента — Ипполита, и возвращает жестокому Богу свой билет. Иван чем-то родственен выдуманному им и им же как будто разоблаченному Великому Инквизитору с его лжехристианской церковью. Здесь же отмечу: по верному замечанию Бердяева Великий Инквизитор чем-то похож на

«великого социалиста» Шигалева.¹⁰ Правда, есть и разница: Иван заставил своего Инквизитора отпустить Христа, чего бы не сделали ни Шигалев, ни Петр Верховенский.

Явно: социализм мог возникнуть только в западно-христианском мире... Но, по незнанию, Достоевский свёл католичество к властному папизму и жестокой инквизиции. Он забыл о мирных, необлеченных властью католических миссионерах: будь то кроткий и чистый сердцем Франциск Ассизский и его братья, героический апостол Азии — Франциск-Ксаверий, или апостол Рима — радостный Филипп Нерийский, который как-то вырвал обреченную жертву у инквизиции.

Философия Ивана — гениальная, но сам он духовно да и душевно слаб. Иван — интеллект. У Мити — эмоция энтузиаста, вдохновенно читающего шиллеровский гимн «К радости». В его путаной эротике видятся ему равно прекрасные идеалы Мадонны и Содомы. Но Митя явно обратился, когда ему приснилось страдающее «дитё». Он скорее, чем Раскольников, найдет Христа на сибирской каторге. Но **Братья Карамазовы** дописаны не были, и этот темпераментный Савл не успел стать Павлом. А мог бы быть деятельным и, несомненно, посясторонним христианином.

Алёша — ангел во плоти, и во плоти не бесстрастной. Его чуть было не соблазнила Грушенька, севшая ему на колени, и он жених Лизы Хохлаковой. Его сомнения не разведали и он не был способен кого бы то ни было гнать. Старец Зосима послал его в мир, что едва ли бы сделал оптинский старец Амвросий. Он стал мальчишеским пророком. Но его христианский Тугенбунд не реализовался. Если верить А. С. Суворину, Достоевский сказал ему: «Он (Алёша) искал бы правду и в этих поисках естественно стал бы революционером».¹¹ И его казнили бы за совершенное им политическое преступление... Это, конечно, только предположение, но правдоподобное. Значит: и для Алёши Достоевский не находил, не мог найти в своей эпохе материал для лелеемого им действенного посястороннего христианства Каны Галилейской и Воскресения Христова. Итак, земное христианство Достоевского не удалось. Всё же, он пламенно верил, что оно может удался, и именно в России.

Достоевский оказал огромное влияние на русскую литературу. Забытый в наши дни критик А. Закржевский (хотя и недостаточно основательно) отметил его влияние на символистов — поэтов и прозаиков.¹² На Западе скольким был ему обязан Альбер Камю, которого иногда называют русским романистом, писав-

шим по-французски. Достоевский один из самых читаемых авторов в западном мире.

Бунин презрительно говорил: Достоевский совал Христа в свои бульварные романы... и мог бы добавить: также и в детективные...¹³ Но это-то и нравилось его многочисленным, но часто поверхностным подражателям и поклонникам на Западе. Таких, как Камю, было мало. У него заимствовали преимущественно приемы, русскую экзотику, но самой сути его не понимали (сомнений, совести, веры).

Наиболее плодотворно было духовное воздействие Достоевского на т. н. новое религиозное сознание или светское богословие начиная с Религиозно-Философских собраний в 1901-1902 гг. Очень по-разному, и с неодинаковым успехом, посюстороннее христианство утверждали Мережковский, Бердяев, Булгаков или талантливый, но себя почти не проявивший, Тернавцев. Правда, некоторые, например, Бердяев, видели в Достоевском преимущественно апокалиптика, а сам Достоевский хотел быть строителем христианского общества здесь, на земле. Ему хотелось активно бороться с бесами революции и одолеть их до пришествия Антихриста. Не был он апокалиптиком, как не был и мистиком, хотя и всегда ощущал связь с мирами иными.

Назовем и Розанова, который вышел из мира Достоевского и был отчасти сродни добровольным шутам Лебеву и даже Лебядкину. Розанов гениальный угадчик своей эпохи и человеческой души, и в самой своей сущности совсем не шут, а задумчивый странник (по верному замечанию Зинаиды Гиппиус¹⁴). Для Розанова мир прогорк во Христе, в Его будто бы исключительно монашеской религии. Деятельную посюстороннюю религию, основанную на крепких семейных началах, на «святом» сексе, он находил в Ветхом Завете. Он не знал или знать не хотел, что есть посюстороннее христианство — хотя бы в учении Иринея Лионского и Афанасия Великого о теосисе — обожении мира. Розанов, как и Достоевский, не заметил или не понимал Послания апостола Павла к римлянам (VIII, 19-21): «Ибо тварь с надеждою ожидает откровения Сынов Божиих, потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих». Какое здесь открывается великое земное поприще. Но, увы, обожение космоса во славу Божию до сих пор остается нераскрытым. Наконец, Розанов иногда готов был признать во Христе Утешителя, Спасителя, но не ведал Пас-

хальной радости, ибо не верил в Воскресение Христово. Не был он слеп к религии, заметил о. Георгий Флоровский, но был слеп в религии,¹⁵ и остался Савлом и Фомой Неверным. Такова была судьба этого посмертного героя Достоевского.

Закалили ли нас или только озлобили и утомили пережитые нами войны и революции кончающегося Двадцатого Века? Всё же, Достоевский, как и Федоров с его воскрешением земного христианства вместо воскресения, остается вдохновителем земного христианского дела. Динамические и в своей динамике вневременные или смертоупорные герои Достоевского не вымерли, но найдутся ли среди них Савлы, ставшие Павлами, и уверовавшие Фомы Неверные?

Упомянем здесь о так называемом социальном христианстве, намеченном лет полтора-два тому назад французским священником Ламенне. Очень активны т. н. современные богословы освобождения в Латинской Америке (Гутierrez и др.). Кое-кто видит в Христе социального реформатора, будто бы даже отчасти совпадающего с Марксом! Некоторые священники даже участвуют в революционной «герилье». Может быть, революция соблазнит какого-нибудь колумбийского или чилийского Алёшу Карамазова... Но Христос социальным реформатором не был, как не был и слугой Кесаря, которому возвращал Кесарево (налоги). Но историческое христианство часто подчинялось Кесарю, а теперь, впадая в другую крайность, солидаризируется с революционными бесами, которые, если верить Суворину, могли соблазнить и Алёшу Карамазова.

Христос взял на себя грехи мира, Христос воскрес, но не спас нас в истории, в мире. Христиане сами должны найти пути к спасению и к участию в Божием хозяйстве.

Бог дал человеку свободу, что, истолковывая Достоевского, всегда подчеркивал Бердяев. В жизни никакой другой религии не было такого злоупотребления свободой, как в христианской. Именно в христианском мире родилось и так распространилось безбожие (начиная с XVIII века). Ни в иудаизме, ни в магометанстве или буддизме не появлялось такое множество всякой нечисти, как в христианстве. Обитатели христианского мира доводят зло до предельной жестокости, до кошмарного абсурда. Надеемся — не иссякнут силы духовного сопротивления — силы новые и не подорванные, а умудренные страданием. Так думал и верил Достоевский, чуждый леонтьевскому пессимизму. Он апостол по-стороннего христианства Каны Галилейской и Пасхальной за-

утрени. Вопреки всем предчувствуемым и сбывшимся катастрофам, он пророк, взывающий к еще необращенному Савлу и еще не поверившему Фоме. Какое-то влияние оказал на него утопический социализм (Фурье), но он разоблачил революционных бесов и некоторых из них — самых ревностных — старался привести ко Христу (Кириллова, Шатова) или напоследок искушить бесовством.

Достоевский — великий художник, создатель романов-трагедий (как утверждал Вячеслав Иванов) или романов-поэм, как он иногда сам их называл. Он до сих пор увлекает миллионы читателей.

Достоевский — замечательный мастер слова или слога — комического в языке добровольных шутов, трагического в монологах бунтарей, или траги-комического в полилогах своих скандалящих героев. Но, как и Толстой, он ценил не свое искусство, а — проповедь. В этом смысле был он диалектиком, но не теплым, а одаренным пророческим глаголом, жгущим сердца.

Чего хотел Достоевский?

Достоевский искал, находил или старался найти точку опоры в ином мире, но не для того только, чтобы спасти душу в Царствии Небесном, а для того, чтобы, опираясь на Христа в жизни, — обратиться ко Христу этот мир и создать Церковь, которая поглотила бы государство.

Скажут — это теократическая утопия... Нет, это пророческое указание — историческая задача, которая полностью не будет реализована. Человек будет ошибаться до скончания веков, и все-таки он должен стремиться к высшим добровольно избранным целям.

22 июля 1980 г.

Амхёрст, Массачусетс.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ф. М. Достоевский, *Полн. собр. сочинений*, X (1974), 198. Почти то же самое Достоевский сказал в письме Н. Д. Фонвизинной (в феврале 1854 г., там же, XII (1975), 297.
2. Иннокентий Анненский. *Книга отражений* (переиздана в 1969 г.), 46-47.

3. Достоевский, там же, 1, 260.
 4. Там же, VIII, 503.
 5. Там же, XIV, 58.
 6. Там же, X, 471.
 7. Там же, 472.
 8. Отец Сергей Булгаков, *Тихие думы* (1918, переиздано YMCA-PRESS в 1976 г.), 38.
 9. К. Н. Леонтьев. Отец Климент Зедергольм (1882, переиздано YMCA-PRESS в 1976 г.), 105.
 10. Н. А. Бердяев. *Мировоззрение Достоевского* (переизд. YMCA-PRESS в 1968 г.), 201, 208-09.
 11. Цитирую дневник А. С. Суворова по статье А. А. Белкина «Братья Карамазовы...». *Творчество Достоевского* (1959 г.), 291.
 12. А. Закржевский. Подполье (1911 г.).
 13. И. А. Бунин. *Собрание сочинений*, т. IV (1966), 391 (в рассказе «Петлистые уши»).
 14. З. Н. Гиппиус. *Живые лица*. «Задумчивый странник» (1925 г., переизд. в 1971 г.), 9 и далее.
 15. Прот. Георгий Флоровский. *Пути русского богословия* (1937), 459.
-

ПОБЕДА БЛАГОДАТИ

(Из книги «Достоевский и 'проклятые вопросы'»,* Варшава, 1964)

Раскольников был исключительно сильно убежден, что его теория абсолютно верна. Сонина позиция кажется ему бестолковой: «...а пуше всего, тем ты грешница, что п о н а п р а с н у умертвила и предала себя. Еще бы не ужас, что ты живешь в этой грязи, которую так ненавидишь, и в то же время знаешь сама (только стоит глаза раскрыть), что никому ты этим не помогаешь и никого ни от чего не спасешь!» Пока он останется упрямо убежден в своей правоте, Соня будет в нем возбуждать, наряду с восхищением и жалостью, — отвращение. Даже на каторге он долго будет ненавидеть ее. Раскольников не хотел признать, что совершил преступление. Он упрекал себя лишь в слабости. Ему было противно сознавать, что он по-прежнему, как все остальные, «эстетическая вошь», которая брезгает «пролитой кровью». Он до конца считал, что расчет его был правилен.

«— Брат, брат, что ты это говоришь! Но ведь ты кровь пролил! — в отчаянии вскричала Дуня.

— Которую все проливают, подхватил он чуть не в иступлении, — которая льется и всегда лилась на свете, как водопад, которую лют, как шампанское, и за которую венчают в Капитолии и называют потом благодетелем человечества. Да ты взгляни только пристальнее и разгляди! Я сам хотел добра людям и сделал бы сотни, тысячи добрых дел вместо одной этой глупости, даже не глупости, а просто неловкости, так как вся эта мысль была вовсе не так глупа, как теперь она кажется, при неудаче... (...) Никогда, никогда яснее не сознавал я этого, как теперь, и более чем когда-нибудь не понимаю моего преступления! Никогда, никогда не был я сильнее и убежденнее, чем теперь!..»

То же мнение он сохранял и на каторге. Не найдя «никакой особенно ужасной вины в его прошедшем», он «не раскаивался в своем преступлении»: «Что значит слово злодеяние? Совесть моя спокойна. Конечно, сделано уголовное преступление; конечно, нарушена буква закона и пролита кровь, ну и возьмите за букву закона мою голову... и довольно! Конечно, в таком случае даже

* Печатается без ведома автора.

многие благодетели человечества, не наследовавшие власти, а сами ее захватившие, должны бы были быть казнены при самых первых своих шагах».

Теория Раскольникова была сверхверной и нерушимой, ибо — по выражению Максима Исповедника — она основывалась на «праве разума». Пока Раскольников «пользуется силлогизмом», закон Христов, *lex Christi*, для него не только неприемлем, но, прежде всего, непонятен. Ибо закон Христа, согласно христианскому нравственному богословию, превосходит силы разума — закон Его не столько понимаешь, сколько живешь в соответствии с ним.¹ А живешь тогда, когда по ниспослании Благодати подражаешь делам и помыслам Христа, когда ведешь «жизнь во Христе». Отречься от преступной теории, признать вину, принять «истину Христа» (обратимся еще раз к терминологии Максима Исповедника) — все это не может произойти путем рационального, разумного рассуждения. Достоевский много раз подчеркивал, что «силлогизм» никого не приводит к Богу. Поэтому очень легко понять, что «нравственное воскресение» Раскольникова не может быть результатом обдумывания, результатом нового логического расчета. Оно должно носить мистический характер.

Духовный перелом такого рода не мог наступить иначе, чем после нескольких лет каторги, — в согласии с «православной идеей» Достоевского, который считал, что покаяние ускоряется страданием. Эпилог «Преступления и наказания» — если писатель не собирался отказаться гласить свою «христианскую утопию» — должен был быть написан. И в то же время «обращение» Раскольникова не могло произойти в рамках принятой структуры романа, составляющей подробное описание нескольких дней жизни Родиона. Оно произошло на страницах эпилога, по прошествии времени, через несколько лет после совершения убийства. Последние слова произведения свидетельствуют, что Достоевский отдавал себе отчет в том, что полное описание «воскресения» Раскольникова требовало бы отдельного романа. Таким образом, духовный перелом главного героя едва очерчен, намечен.

Много раз писали о том, что эпилог «Преступления и наказания» слаб, бледен, неубедителен. Но он не мог быть иным. Нравственное возрождение или победа Иисуса не были для Достоевского предметом «доказательств» или аргументов. Они могли быть лишь делом чуда, которое Благодать совершает наперекор «разумной истине» рационалиста Нового времени.

Когда говорят о чертах мистического духовного перелома,

на первое место обычно ставят невыразимость переживаний и пассивность воли.² Человек, испытывающий мистические состояния, как правило, говорит, что никакими словами не может их описать, ничем не может выразить. Чаще всего он признаёт, что только ощущает, а описать свои ощущения не может. «Эта таинственность для души, — писал св. Иоанн от Креста в «Темной ночи», — так глубока, душа не может ее ни назвать, ни определить, ибо не находит ни способа, ни возможности выразить это возвышенное познание и тончайшее духовное ощущение. И хоть бы не знаю как она старалась и искала разные определения, чтобы его объяснить, оно всегда останется таинственным и невысказанным. Это внутреннее знание — очень простое, обычное и духовное, и оно не дано разуму в какой бы то ни было уловимой оболочке или же чувствам — в какой-либо осязаемой форме». Поскольку отсюда следует, что существенные свойства мистического состояния не могут быть даны или переданы другим, всякое описание мистического перелома — если уж за это описание берутся — вынужденно использует туманные, общие и неконкретные понятия. С помощью именно таких общих определений и неосязаемых внушений Достоевский опишет «нравственное воскресение» Раскольникова.

Существенная черта мистических переживаний состоит также в том, что все совершается в человеческой душе без участия разума. «Сначала, — писал великий знаток таких состояний св. Иоанн от Креста, — душа называет это темное созерцание таинственным. И справедливо, ибо, как мы уже говорили, богословы именно мистическое богословие называют тайным знанием. Знание это, по словам св. Фомы Аквинского, дается душе через любовь. Происходит это в тайне и во мраке, без участия разума и других властей. ... и душа сама не может понять, как это дается, и дает ему имя таинственного». Мистики восточной Церкви занимали подобную позицию еще в святоотеческий период.³

«Нравственное воскресение» Раскольникова совершается без участия, вне его интеллекта, «само собой». Еще в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Достоевский подчеркивал, что люди могут принять христианское учение только не ведая и «бессознательно». По-другому, он считал, это произойти не может. Он верил, что это — дело чувств, а не разума. И в «Преступлении и наказании» он отметил, что в случае Раскольникова «духовное возрождение» было делом Благодати, которая бдела над судьбой преступника.

В «Преступлении и наказании» использован весьма специфический композиционный прием — голландский русист Мейер назвал его «рифмующейся ситуацией».⁴ Речь идет о двух похожих, хотя не тождественных ситуациях, соотносящихся друг с другом. Например, во второй части романа Раскольников стоит на мосту и размышляет о самоубийстве. В подобной ситуации окажется Свидригайлов в шестой части. Мейер обращал внимание на то, что рифмующаяся ситуация усиливает вес определенных мотивов или проблем. Можно сказать, что она выделяет некоторые темы и останавливает на них особое внимание. Кроме того, она является специфической формой аллюзии.

Во время первого разговора Порфирия с Раскольниковым следователь, стремясь все время расставлять психологические ловушки, задает Родиону вопрос, верит ли он в воскресение Лазаря. Вопреки своим убеждениям, в согласии же — как кажется — с тактикой, Раскольников отвечает, что верит. С этой ситуацией соотносится другая. Входя к Соне, Раскольников замечает Евангелие, которое когда-то принесла сюда убитая им Лизавета. Совершенно бессознательно и случайно Раскольников, который в церковь не ходил, а Евангелие читал только в школе (и не знал, что истории о Лазаре нет в синоптических евангелиях), попросил Соню прочесть ему о Лазаре.

Сам Раскольников склонен считать свою просьбу иррационально-абсурдной. «Недели через три на седьмую версту, милости просим!» — комментирует он в душе свое бессознательное решение. И именно во время чтения этой главы Раскольников услышит слова Христа, которые определяют его судьбу: «Я е с м ь в о с к р е с е н и е и ж и з н ь; верующий в Меня, если и умрет, оживет» (Ио. 11,25). Раскольников не отдает себе отчета в том, что все эти случайности — по сути дела, проявления хранящей его Благодати.

Вопреки истине разума, не зная, собственно, зачем, без всякого внутреннего убеждения идет Раскольников «предать себя». Роль Сони в принятии этого решения, в принятии его наперекор разуму, неизвестно почему, — ключевая. Соня надевает Раскольникову крест на шею, под влиянием ее уговоров идет Родион поцеловать мать-землю и испросить у нее прощения. Послушный разуму, Раскольников считает свое поведение странным. Но каждый раз он исполняет эти полумагические жесты, принимает литургические символы, которые ведь — как веруют христиане — действуют на душу человека независимо от его воли.⁵

Окончательным проявлением Благодати следует признать пророческий сон, приснившийся Родиону на каторге. Он узрел в нем образ гибнущей цивилизации разума, которую сам когда-то жаждал пострсить. Образ конца света, когда люди, не умея различать добро и зло, принялись убивать друг друга из гордыни и чувства безнаказанности.

И вдруг, как это бывает в мистических переломах, не объяснимым рационально образом наступило «нравственное воскресение». Раскольников не сумел ни назвать, ни определить происходившее с ним: «...да он ничего бы и не разрешил теперь сознательно; он только чувствовал». Вдруг, совершенно независимо от своей воли, он покинул «сферу разума»: «Вместо диалектики наступила жизнь, и в сознании должно было выработаться что-то совершенно другое». Место истины разума заняла благодать жизни. Он потянулся к Евангелию. К тому самому, что принадлежало Лизавете, а после — Соне. К тому самому, из которого Сонечка читала ему притчу о Лазаре. Он ощутил, что эта «книга жизни» мудрее всех «истин разума». Так совершилось нисхождение Благодати, без которой — верил Достоевский — ни один человек не в состоянии спасти самого себя от зла, которое сотворил в мире разум.

Принимая взгляд, ведущий начало еще от христологии Максима Исповедника и утверждающий, что «истина разума» и «истина Христа» чужды друг другу и не сообщаются между собой, Достоевский решительно определил свое отношение к «современным идеям» Раскольникова. Глубина аргументации Раскольникова в романе поразительна и ничем не ослаблена. Сила этих аргументов действительно могла ужаснуть верующих. Отдельные представители православного духовенства не раз говорили о том, что творчество Достоевского не носит христианского характера. Достаточно привести высказывание священника о. Алексея, который бывал в доме Ю. Н. Опочинина. Опочинин (1858-1925), секретарь Вяземского, один из издателей капитальной серии «Памятники древней русской письменности», познакомился с Достоевским в 1879 г., в 1879-1881 гг. он виделся с писателем. Он вел дневник, в который записывал наиболее любопытные разговоры. Вот интересное высказывание о. Алексея, о котором мы ничего больше не знаем, приведенное в дневнике: «Вредный это писатель! (...) А самое плохое, что читатель при всем этом замечает, что автор вроде бы человек верующий, даже христианин. На самом же деле, он вовсе не христианин, и вся его глубина — только маска, скрывающая скептицизм и неверие».⁶

За корректный подход к рационалистической этике Достоевский расплачивался подозрениями в религиозном скептицизме. Впрочем, расплачивался он охотно, ибо что было для него важно — так это показать «темные тропинки» атеистической этики, нравственности без Бога. И если от православного положительно-го содержания Достоевского сегодня легко отмахиваются, снисходительно улыбаясь, то трудно без тревоги и ужаса пройти мимо рационалистической этической системы Раскольникова. Слишком близка эта система к нравственности человека XX века — как там, где разит метким теоретическим аргументом, так и там, где соскальзывает к преступлению. Раскольниковым начинается эпоха «атеистического трагизма», ставшего одной из главных проблем литературы нашего столетия. В конце концов для непоколебимо верующих в истину Откровения «расчет Раскольникова» не составляет существенного вопроса. Он мучает тех, для кого этика — только и исключительно дело разума. Поэтому роман «Преступление и наказание» стал книгой отчаяния тех лишь поколений, которые поняли и перестрадали антиномии нравственной системы без Бога. И все указывает на то, что и в дальнейшем, в любую эпоху, этот роман будет разрушать наивную убежденность в том, что атеистическая этика — система простая, радостная, не отягощенная грузом раздираемой совести и «проклятых вопросов».

Перевод с польского Н. Горбаневской

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Об этом пишет о. Бернард Хэринг (Bernard Häring) в книге «Учение Христа. Нравственное богословие» (с. 237-264 польского издания: Познань, 1962, т. 1). В этом случае католические и православные богословы согласно ссылаются на святоотеческую традицию.
2. О характере мистических переживаний ср. книгу В. Джеймса (W. James) «Религиозный опыт» (с. 344-389 польского издания: Варшава, 1958).
3. Псевдо-Дионисий Ареопагит утверждал, что мистическому созерцанию нельзя обучить, нельзя передать его человеческими средствами (R. Roques. Structures théologiques de la Gnose à Richard de Saint-Victor. Paris, 1862, p. 162). По мнению Григория Назианзина, человек, который жаждет соединиться с Богом, должен

выйти за пределы знания (gnòsis). Григорий Нисский считал, что мистическое единство достигается выше интеллекта, выше знания, даже выше созерцания (theoria) — в любви (agàpe). Подобные же замечания мы найдем у византийских исихастов и их русских учеников, особенно у Нила Сорского, который взял у Симеона Нового Богослова учение о превосходстве Света Фаворского над разумом. Тема Преображения Господня вообще занимала одно из центральных мест в трудах отцов Восточной Церкви и византийских богословов. В зависимости от истолкования природы света, который увидели апостолы на горе Фавор, где, согласно традиции, произошло Преображение, решались основные богословские проблемы: характер образа Божия, способ обожения человека и тип вечного счастья. Отсюда такое поклонение православных иконе Преображения. К шедеврам русского искусства принадлежит икона Преображения 2-й пол. XIV в., находившаяся когда-то в Спасо-Преображенском соборе в Переславле-Залесском (теперь в Третьяковской галерее).

4. J. M. Meijer. Situation Rhyme in a Novel of Dostoevskij. Dutch Contributions to the Fourth International Congress of Slavists. Moskow, Sept. 1958. The Hague, 1958, p. 115-129.
5. О христианских символах в «Преступлении и наказании» см. G. Gibian. Traditional Symbolism in «Crime and Punishment» PMLA vol. 80, 1955, № 5, p. 970-996. Однако автор считает, что они играют лишь полемическую роль по отношению к рационализму, — не заметив, что через них проявляется действие Благодати.
6. Беседы с Достоевским. Записки и припоминания Ю. Н. Опочинина. Публикация Ю. Верховского. — «Звенья». VI. М.-Л., 1936, с. 470.

Литература и жизнь

ЧЕСЛАВ МИЛОШ (Нобелевский лауреат 1980 г.)

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

в переводе Н. Горбаневской

ЧТЕНИЯ

Ты спросил меня, что за прок в греческом чтении Евангелий.
Я отвечу, что нам пристойно пальцем водить вдоль строк,
Где литеры вековечней, чем высеченные в камне.
А также медленно-медленно выговаривать гласные,
Познавая подлинное достоинство языка.
Прикованному вниманью увидятся те времена
Вчерашнего дня не дальше, хоть нынешних кесарей лики
Другие на динариях. Продолжается тот же эон,
Те же и страх, и жажда, хлеб, вино и маслины
Означают всё то же. И прежняя шаткость толпы,
Жадной до чудес. Даже обряды и нравы,
Свадебные пиры, оплакивание умерших
Отличаются только с виду. И в те времена, например,
Было полно таких, называемых в оригинале
Daimonizomenoi, то есть беснующихся
Или же бесноватых (ибо слово «одержимый»
У нас в языке укрепилось по фантазии словаря).
Судороги, и пена на губах, и скрежет зубовой
В те времена не считались знаком таланта.
Не было у бесноватых журналов или экранов,
Изредка лезли они в искусство и в литературу.
А все-таки притча о них остается в силе:
Владеющий ими дух может войти в свиней,
И те, пораженные столь внезапным столкновеньем
Двух различных натур, дьявольской и своей,
Прыгают в воду и тонут. Снова, и вновь, и опять.
Так на каждой странице неутомимый читатель
Видит двадцать веков, словно двадцать дней,
Устремленный к пределу давний и всё тот же эон.

ARS POETICA?

Вечно стремился я к форме более емкой,
что не была бы ни слишком поэзией, ни слишком прозой
и позволяла бы понимание, не обрекая
автора и читателя на высочайшие муки.

В самом существе поэзии есть непристойное нечто:
из нас возникает вещь, о коей не знали мы, что есть она в нас,
и мы моргаем, словно из нас выпрыгнул тигр
и стал на свету, хлеща хвостом по бокам.

Потому справедливы речи, что поэзию диктует некий дух,
но не стоит спешить с завереньем, что этот дух — ангел.
Трудно понять, откуда такая гордыня поэтов,
коли столь часто стыдятся, едва обнаружив слабость.

Какой человек разумный захотел бы стать вотчиной духов,
что им правят, как своим домом, из него кричат чужими языками,
а вдобавок, словно еще мало украсть его рот и руку,
своей корысти ради меняют его судьбу?

Ибо то, что болезненно, то и ценится нынче,
кто-то подумает: я, мол, шучу
или же изобрел еще одну манеру
превозносить Искусство с помощью иронии.

Некогда люди читали только мудрые книги,
помогающие перенести боль, а также несчастье.
Но это не то же самое, что перелистывать тысячу
творений, происходящих прямо из психбольницы.

А мир-то вовсе не тот, чем чудится нам,
и мы вовсе не те, что в нашем бреду.
Так-то вот люди хранят молчаливую вежливость,
завоевывая уважение родственников и соседей.

Польза поэзии в том, что она нам напоминает,
как нелегко остаться тем же, самим собой,
ибо наш дом распахнут, нету ключа в дверях,
а незримые гости ходят туда-сюда.

То, что я тут рассказал, не поэзия, да, согласен.
Ибо можно писать стихи только редко и неохотно,
по крайней нужде и с тою надеждой,
что добрые духи, не злые, выбрали нас инструментом.

МОЯ ВЕРНАЯ РЕЧЬ

Моя верная речь,
я тебе служил.
Что ни ночь подставлял тебе мисочки с красками,
чтобы дать тебе рошу, снегиря и кузнечика,
сохраненных в моей памяти.

Так прошло много лет.
Гы была моей родиной, ибо не стало другой.
Я надеялся, ты еще будешь посредницей
между мной и добрыми людьми,
хоть бы двадцать их было, или десять,
или даже еще не родились.

Теперь я, признаюсь, не уверен.
Временами жизнь мне кажется прошедшей впустую.
Ибо ты стала речью подонков,
речью неразумных, ненавидящих
себя чуть ли не больше, чем всех чужеземцев,
речью доносчиков,
речью помешанных,
заболевших своей невиновностью.

Но без тебя — кто я?
Школяр в отдаленной стране,
а success, без униженья и страха.
Ну, правда, кто я без тебя?
Философ — как первый встречный.

Понимаю, это мне в поученье:
ореол индивидуальности отнят,
Главный Лыстец подстилает ковер багряный
Грешнику из моралитэ,
и в то же самое время волшебный фонарь
отбрасывает на полотно картины людских и божеских страданий.

Моя верная речь,
может, это все-таки мне должно тебя спасать.
Так что буду и дальше подставлять тебе мисочки с красками,
по возможности чистыми и яркими,
потому что в несчастьи надобна какая-то гармония и красота.

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ

ПЯТНАДЦАТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

*Я был бы наверно военным
В любые былые года,
Да рубль потерял неразменный
Среди торосистого льда.
Я был неизвестным солдатом
Подводной подземной войны,
Истории важные даты
С моею судьбой сплетены.*

1

Послеужинный кейф —
Наше лучшее время,
Открывается сейф
Перед всеми.

Под душой — одеяло,
Кабинет мой рабочий,
По сердцу — карандаши
Днем и ночью.

Мозг работает мой,
Как и раньше — мгновенно,
Учреждая стихи
Неизменно.

2

Я веду себя как Змей:
Яблоком
 выманишь Еву из Рая.
Я из миллионов клубящихся змей —
Лучшую выбираю.

Пусть и Она не забудет меня
В маршах... совместных скитаниях...
Не забывает остатки пня,
Верит в совместную тайну.

3

Наверх выносят плащаницу,
 Весьма напоминающую стелу.
 Гусей целые вереницы
 Плывут над тем Христовым Телом.

Я занят службою Пасхальной,
 Стихи читаю в стихаре;
 Порядок мира идеальный
 По той, мальчишеской поре.

4

Между прочим полагается узнать:
 Столицей Ленинграду не бывать.

Показала та прошедшая война,
 Что смертельны Петербурга времена.

И не будет как последствие блокад —
 Голодающий Ленинград.

5

Португалов был слой общерусской культуры
 Без халтуры и макулатуры.
 Знал закон подмосковной натуры
 Был актер-профессионал.

В двух шагах от литературы он стоял.
 Был потомственным интеллигентом на традициях русской Зимы.
 Вот таким и шагал — до смерти момента.
 Никогда не забыл Колымы.

6

Грибоедов

Он автор «горя от ума»,
 Начала всех начал.
 Разрушена тем горем тьма
 И освещен — причал.

Неоднократный дуэлист —
Зачинщик многих ссор,
Судьбы не брал охранный лист;
А трусость — вот позор!

Талантливейший дипломат —
На шубе сей убит...
Всегда смертелен этот яд,
Смертелен этот быт.

7

Я не хочу прогуливать собак —
Псу жалко
Носить мое бессердие в зубах,
Как палку.

В раю — я выбрал самый светлый зал,
Где вербы.
Я сердце сунул — он понюхал зал,
Мой чербер.

Сердечный мускул все-таки не кость...
Помягче будет... И цена ему иная.
Так я вошел — последний райский гость —
Под своды рая.

8

Миллионы прослушал я месс,
Литургий, панихид и обеден, —
Миллионы талантливых пьес,
Так что опыт мой вовсе не беден.

Говорят, драматург — Демиург,
Я таким сообщеньям не верю, —
Не искал и не знал среди пург,
Среди бешенства белого зверя...

Совершив многослетний пробег
Леденящих дыханье движений,
Не прибег к покровительству нег
И подобных сему учреждений.

Я сражался один на один
С этим снежным клокочущим зверем,
И таким я дожил до седин,
До подсчета последним потерям.

9

Блок болен был цингой — лишь в этом было дело,
Единственный лимон его бы сразу спас,
Единственный лимон вошел бы в его тело
Дать витаминный, жизненный приказ.

Блок умер от цинги — диагноз ставлю смело,
Его сгубил сей авитаминоз,
И Царь Минос ощупал Блока тело,
Дал визу смерти — Царь Минос.

10

Ты прописан в Подмоскowie — жаль.
Оба мы — варить умеем сталь,
Я по центру мира — шел всегда,
Когда выковывалась
лира изo льда.

11

Лермонтов дал звуковые повторы,
Терек царицы Тамары воспел,
Демонов вывел целую свору, —

Хоть пополуночи ангел летел,
И тихую песню он пел.

Я — безбожник лермонтовского склада,
Был богоборец, а не аферист...
Он, как герои его «Маскарада»,
Был перед истиной чист.

Барса поэт поселил на Кавказе,
Хотя животных таких — там нет.
Если забыть эту глупую фразу,
Лермонтов был кавказский поэт.

12

Человеческий шорох и шум —
 Предваряя мое пробужденье,
 Разгоняя скопление дум —
 Неизбежен в моем положении.

Это, верно, сверчок на печи
 Запищал как когда-то...
 Как всегда, обойдусь без свечи,
 Как всегда, обойдусь без домкрата.

13

Я острижен под машинку —
 Голой головой
 Исследую картинку
 Под Москвой-рекой.

Я хочу добиться толку
 От своей судьбы...
 Здесь — мешают мне

и волки

И рабы.

14

Я учился на медные деньги
 Осыпающейся листвы,
 И поэзия Разина Стеньки
 На канале реки Москвы...

15

Я на бреющем полете
 Землю облетаю —
 Велика ль земли забота,
 Я и сам не знаю.

Мы силою не женской
 Устраняем думы,
 Мы не самосожженцы
 И не Аввакумы.

Примечание. Эти стихи продиктованы Варламом Тихоновичем Шаламовым (верне, *расслышаны* от него) в октябре-ноябре 1980 г., в Доме для престарелых и инвалидов, где он теперь находится. Лишне говорить о его состоянии и положении там, оно узнается из стихов, да кроме того, одно имя автора «Колымских рассказов» способно вызвать представление об этой жизненной судьбе, где главное — ее понятность во взаимодействии со временем, а вернее и точнее, со вселенской катастрофой, произошедшей во времени на пространстве и живом теле России. Понятая так, эта судьба взята на себя ее носителем уже сознательно, как художником и ответчиком, и взята с пропуском во все личное. Сегодняшняя ее линия прочерчивается не менее круто. Слепой и с почти полностью пораженной речью, Варлам Тихонович Шаламов продолжает быть «один на один»...

Чем бы ни объяснялось особое качество его новых стихов, их невероятная «компрессия» (отзыв медиков, не литературоведов, эти склонны говорить о «распаде», отказываясь их печатать), — читателей, верно, они не оставят равнодушными. Да и как забудешь теперь про верную Еву и про то, чем только может быть куплена (и искуплена) ее верность, как забудешь про Португалова, и по смерти шагающего по колымскому льду, и кого не охватит жуткий озноб перед встающим видением Царя Миндоса в стране «авитаминоза» — стране, над которой этот царь мертвых царствовал уже тогда, когда ощущивал своими холодными руками тело Блока. А в завершающем стихотворении мы подходим с Шаламовым к тому порогу сознания, как итогу начатого в 1917 году, о котором другой ответчик своего времени сказал: «Мы живем, под собою не чуя страны»... У Шаламова то же довлеющее чувство перенесено на протяжении 8-ми строк с исходного для него коечного пространства в планетарное измерение, и та невозможная свобода, с которой «я» в этом и других стихотворениях переходит в «мы», причем это «мы» начинается с обитателей сего Дома, несчастных сих, несчастных нас, — сама возможность такого перехода в наипростейшем и грозном виде — свойство Великого Духа, питающего Великую Поэзию.

А.М.

От Редакции: В. Т. Шаламову присуждена была французским Пэн-Клубом в марте 1981 г. «Премия Свободы».

*Из Узла III,
« Март Семнадцатого »*

1'

(Хлебная петля)

В ноябре 1916 сквозь великие сотрясательные думские речи, сквозь частокол спешных запросов, протестов, столкновений и перевыборов Государственная Дума всё никак не добиралась до продовольственного вопроса, да и слишком частное значение имел этот вопрос перед общєю политикой. В конце ноября назначен был какой-то ещё новый временный министр земледелия Риттих. Он попросил слова и почтительно извинился перед Думою, что ещё не успел вникнуть в дело и не может доложить о мерах. Его поругали, как всякого представителя правительства, но даже лениво, ибо сами ничего не ждали от собственной думской дискуссии, если она будет слишком конкретной. Да, продовольственный вопрос был важен, но не в конкретном, а в *общем* смысле, — и главное пламя политики уметнулось из Таврического дворца, скованного думской процедурой. Главное пламя политики, перебегая по обществу, взрывало то там, то здесь, даже больше в Москве. Там на начало декабря было назначено три съезда и все три по продовольствию: собственно Продовольственный съезд и съезды Земского Союза и Союза Городов. (Не говоря о многих других одновременных общественных совещаниях, — как шутили тогда: если немец превосходит нас техникой, то мы победим его совещаниями.)

О продовольствии говорилось с дрожью голоса, — и правительство не смею запретить Продовольственного съезда, хотя и ему и собирающимся было понятно, что не в продовольствии дело, продовольствование России и без нас всегда как-то происходило и как-нибудь произойдёт, — а в том дело, чтобы, собравшись, обсудить прежде всего *текущий момент* и как-нибудь порезче выразиться о правительстве, *раскачивая* обстановку. (Предыдущая революция показала, что её можно достичь только непрерывным раскачиванием обстановки.) Тоже всё это зная, правительство в этот раз набралось храбрости запретить два остальных съезда прежде их начала. Толпились на тротуаре Большой Дмитровки городские головы, зем-

Эта глава относится к роду обзорных глав ('), содержащих лишь подлинный исторический материал, без вымышленных действующих лиц.

ские деятели, именитые купцы, съехавшиеся со всей России, и полиция не пускала их в здание. Пока князь Львов составлял с полицией протокол о недопущении, земские уполномоченные перешушукались, утекли в другое помещение, на Маросейку, и там «приступили к занятиям», то есть опять-таки не к скучной продовольственной части, но к общим суждениям о *политическом моменте*. В подготовленной непроизнесенной речи князя **Львова**:

На самом краю пропасти, когда может быть осталось несколько мгновений для спасения, нам остаётся воззвать только к *самому народу*. Оставьте попытки наладить совместную работу с нынешней властью!.. Отвернитесь от призраков! — *власти нет, правительство не руководит страной!*

И похоже было, что — так. Как выразился в Государственном Совете Щегловитов, «паралитики власти что-то слабо боролись с эпиплептиками революции»). Всё более вырастающий в первого человека России, князь Львов, бурно приветствуемый, нагнал заседание своих земцев на Маросейке, и принятая там резолюция была ещё резче его речи. Съезд же Городского Союза и продсъезд, избегая разгона, собрались на частных квартирах — и полиция не сразу решилась нарушить неприкосновенность жилища. Когда же пришла, резолюции уже были приняты или голосовались тут же, при полиции:

...Режим, губящий и позорящий Россию... Безответственные преступники, гонимые суеверным страхом, готовят ей поражение, позор и рабство!.. ...Этой бессовестной и преступной власти, дезорганизовавшей страну и обессилевшей армию, народ не может доверить ни продолжения войны, ни заключения мира.

И правда, что ж оставалось власти? Либо тут же уйти (а пожалуй уже так было запущено и допущено, что хоть и уйти), либо все-таки эти съезды запретить?

А ещё собрался в декабре и съезд промышленных деятелей, и тоже обсуждать продовольственный вопрос. И на хвосте тех программных пылающих резолюций нашлось два слова для начинаний Риттиха:

новые меры правительства только довершают расстройство. Ибо *э т о* правительство никогда не найдет выхода ни в чём.

А скромный малоизвестный Риттих возмерился и взялся вникнуть в подробности и выход найти. С первых же дней вступления в должность он установил: что хлеба заготовлена одна двенадцатая того, что нужно: сто миллионов пудов вместо миллиарда двухсот; что все партии и вся печать уже отговорили, что хотели, о твёрдых ценах, и забыли о них, —но твёрдые цены нависли над хлебным рынком, заперли его, и торговый аппарат бессилён извлекать хлеб из амбаров; позднеосенний съезд сельских хозяев, где было много председателей земств, кооперативов и крестьян, настаивал на повышении хлебных цен — так, чтобы эти цены оплатили стоимость производства, труда и ещё провоз от амбара до станции, который по ценам Особого Совещания, деятелей Прогрессивного Блока Гро-

мана и Воронкова, предлагался нетрудоёмким и даже несуществующим, оплачивался так и быть за 20 вёрст доставки, хотя везли и 90 да по бездорожью.

Повышать цены этою зимой было уже упущено: деревня только ждала бы ещё более высоких. Гужевою же транспорт от амбара до станции Риттих сразу, с 1 декабря, взял на себя смелость оплатить («франко-амбар», то есть цена уплачивается у амбара), — за что был тогда же гневно разруган в Государственной Думе:

вы ломаете твёрдые цены!

Эта мера Риттиха заметно увеличила приток хлеба, но не настолько, чтобы, с прочным запасом, накормить русскую армию и русский тыл до лета 1917 года. Твёрдые цены оставались ниже рыночных, и когда по установившейся зимней дороге зерно вывозилось из деревни в город, оно тут же поворачивало назад в деревню и исчезало там. Частная торговля разыскивала там его, но — по высоким ценам. И призрак *хлебной повинности* или хлебной развёрстки заколыхался перед свежим министром земледелия. И у него достало решительности сделать этот шаг, уже не им одним пропрезаемый в русском воздухе.

Риттих вовсе не намеревался отбирать хлеб силою, это было бы по русским традициям святотатственно и для русского правительства позором: как же можно — не купить хлеб, а отобрать у того, кто его вырастил? Хлебная повинность — ужасная мера принуждения, не вмещаемая в русские умы. Нет, Риттиха

идея сводилась к тому, чтобы доставку хлеба перевести из области простой торговой сделки в область исполнения гражданского долга, обязательного для каждого держателя хлеба. Объяснить населению, что исполнение этой развёрстки является для него таким же долгом, как и те жертвы, которые оно столь безропотно несёт для войны.

В развёрстку вошли: потребности армии пуд в пуд, и рабочих оборонных заводов с их семьями, (как уже и снабжали на многих заводах). Крупные же центры и непроезжие губернии не были включены как потребители, ибо трудно было сообщить 18 миллионам хозяйств как гражданский долг — снабдить столицы и Север. По срочности и по горячности Риттих взялся сам, на первых же неделях своей деятельности, в декабре, сделать развёрстку по губерниям — на основании только что прошедшей земской переписи хлебного наличия и цифры среднего ежегодного вывоза из губернии. И полученные так цифры

Были понижены, чтобы развёрстка не оказалась по каким-либо причинам затруднительной для исполнения.

Полученную цифру губернские земства должны были разверстать между уездами, уезды — между волостями, а волостные и сельские сходы — между дворами. И что ж? раскладка пошла весьма успешно,

первоначально чувствовался, скажу прямо, патристический порыв. Эта развёрстка была увеличена многими губернскими и уездными земствами на 10% и даже более. (С просьбой о такой надбавке я обратился к ним, — чтоб избытком на-

кормить центры и Север.) Но сейчас же вослед в дело были внесены сомнения и резко критическое отношение к развёрстке *известного течения нашей общественной мысли.*

то есть либерального и радикального.

Сперва — равномерно ли сделана развёрстка? Эти подозрения, были скоро оставлены. Тогда всё внимание обращено, что развёрстка тяжело исполнима, что слишком много требуется от каждой губернии. Конечно, она тяжела, требуется очень много, но ведь, господа, и война тяжела.

Представителю ненавистного презренного правительства надо выражаться перед разгневанною общественностью мягко, оглядливо:

Всё же я думаю, господа, что те методы, которыми доказывалась непосильность развёрстки, являются едва ли правильными. Вслед за первым порывом земств проводить эту развёрстку всё внимание гипнотизировалось: достаточно ли после развёрстки будет обеспечено население? Это уже охладило порыв, который был к развёрстке, свело его с великой цели на расчёты мер и весов, сколько каждому оставить в запас, сколько можно уделить на нашу армию.

А у всех земских чрезвычайная чувствительность к местным интересам, они патриоты своего околотка. А вдруг будет неурожай, новые наборы, рук не хватит, хлеба не хватит, будьте осторожны, не везите лишнего...

А теперешний крестьянин — крестьянка, ей легко внушить: хлеба не везти, чтоб не помирали её дети.

И все губернии составили нормы потребления на 5-7 пудов выше, чем считались обычными в мирное время. Но при 150 миллионах человек это 900 миллионов пудов, то есть удержан весь внутренний оборот хлебной торговли. Губернии, всегда вывозившие десятки миллионов пудов, как Таврическая, оказались будто не могущими дать ничего, а в такую богатую как Екатеринославская, ещё, оказывается, надо ввезти 14 миллионов пудов.

Сомнение было посеяно и так задержало развёрстку, что не в две декабрьские недели, как рвался Риттих, но лишь в феврале 1917 она дошла до волостей... И некоторые волости выполнили её, другие даже превысили, а кто и отказался. Риттих, однако, *не решил применять реквизиций:*

Относительно нашего производителя уже слишком много принято понудительных решительных мер,
но —

собирать сход ещё раз, быть может его настроение изменится, указать, что это нужно Родине, обороне...

И на повторных сходах развёрстка часто принималась. Или обещали доверстать, после того как выйдут озими. Первый результат развёрстки был тот, что крестьяне принялись усиленно молотить свой хлеб, до того покинутый в зародах. Поступление хлеба очень увеличилось уже в декабре и январе:

за декабрь — 200% среднего месячного осеннего поступления.
за январь — 260%. И каждую неделю всё выше.

Пережили гипноз и земства: требуется — дать, а сами потеснимся и проживём. Хлебная проблема, безусловно, сдвинулась и начинала решаться. Риттих надеялся, что к августу 1917

великая цель развёрстки будет достигнута.

(Грозили голодом не ближние месяцы, весь замысел был — надолго.)

Тем временем подошло 14-е февраля и долгожданное открытие прерванных заседаний Государственной Думы. Русское общество с нетерпением ожидало взрыва, особенно от первого дня. Тем более готовились совершить такой взрыв лидер Прогрессивного Блока Миллюков и левый лидер Керенский: их уже заранее исторические речи должны были создать этот заранее исторический день Государственной Думы. С жаждою собралась публика на хорах Таврического дворца: какой оглушительный разгром ожидал правительство в ближайшие часы! И сам Председатель Родзянко предсказывал не хуже других, — но по деревянному уставу Думы не мог отказать министру, неожиданно попросившему слово. (Почти со времён Столыпина отвыкли, чтоб министры сами просили слово, — быют.)

Это был министр земледелия Александр Александрович Риттих, за 3 месяца почему-то ещё не сменённый, только что воротившийся из поездки по 26 хлебным губерниям (уже и доложивший государю о своих намерениях). Он вышел на трибуну с тоном примирения — совершенно, конечно, не в рост пылающим политическим задачам Думы и более, чем на час, сорвал её накал, да просто погубил исторический день и широкие принципиальные политические прения своей скудной продовольственной конкретностью — всем процитированным выше.

Несколько лет правительство ушмыгивало из своей думской ложи, министры избегали выходить объясняться с Думою — и это было плохо, и поносилось заслуженно. Но вот министр выходил с подробными объяснениями, терпеливо присутствовал на целодневных прениях, готовно поднимался давать новые и новые объяснения, — и тем более не угодил!

Александр Риттих, выпадавший из традиции последних русских правительств — отсутствующих, безличных, тёмных, сам из того же образованного слоя, который десятилетиями либеральствовал и критиковал, Риттих, весь сосредоточенный на деле, всегда готовый отчитываться и аргументировать, словно нарочно был послан судьбою на последнюю неделю русской Государственной Думы, чтобы показать, чего стоила она и чего хотела. Всё время её критика была в то, что в правительстве нет знающих деятельных министров, — и вот появился знающий, деятельный, и на самом ответственном деле, — и тем более надо было его отвергнуть!

Как ни смягчал он своим предупредительным, даже почтительным отношением к Думе:

Я подчеркиваю, что я решился на эти меры не сам, а по одобрению и согласию, которые представляются весьма ав-

торитетными: основания развёрстки были указаны Государственной Думой (*шум слева*), они повторены Особым Со-
вещанием, —

так тем обиднее, что он взял *нашу* мысль, но проводит её *не теми* руками! что он

искусно подставляет себя под знамя общенационального дела.

Риттих уже тем был нуден, что отсюда, с думской трибуны, рассказывал всем известное: как после тёплой сиротской зимы 1915-16 необыкновенно сурова зима 1916-17: с конца января почти три недели непрерывных мятелей и заносов, остановивших всякое железнодорожное движение и хлебный подвоз. И уж тем был особенно ядовит, что осмеливался не всю вину брать на обречённое бездарное правительство, которое одно только и мешало русскому счастью:

Но нет уверенности, что поступательное движение хлебных поставок сохранится. И не весенняя распутица страшна, она наступит не во всех местностях сразу, — опасно неуклонно отрицательное отношение к действиям министерства земледелия со стороны *известного течения общественной мысли*, такого крупного, что имеет способы внедрить свой взгляд в самую толщу населения. В с е меры представляются этой критикой как принятые правительством, не пользующимся доверием, и стало быть неправильные и обречённые на неуспех. Зачем же держать флаг недоверия к правительству во что бы то ни стало, не вникая в сущность, не дав себе труда проверить последствия? (*Шум слева. Голоса справа: «Дайте слушать, что это такое!»*) Хотя, чтобы в самой толще нашей деревни знали: не делайте этого, не везите хлеба, потому, что к этому вас призывает правительство. (**Шингарёв:** «Неправда!» *Справа: «Браво!»* **Воронков:** «Много смелости!») Меня упрекнули в смелости. А я — боюсь этой политики больше, чем всех распутиц, я боюсь, что она погубит дело. (*Справа рукоплескания.*) Крестьянский хлеб вы путём расчёта не получите: крестьянин сейчас не нуждается в деньгах. Вот если бы общественность внушала крестьянству, что этого требует война и родина, то хлеб пошёл бы вдвое и вчетверо быстрее. Где случайно не оказалось противодействующих сил, там мы видим результаты изумительные.

В некоторых губерниях хлеб так повалил, что половостной развёрстки даже не делали, например в Самарской: до 1 декабря едва закупили 4 тыс. пудов, а за декабрь привезли 19 миллионов.

Но там не проник этот яд: что это делается правительством, а потому не слушайте. Если бы мы все могли бы объединиться на почве простой искренности, не считаясь, кто к чему принадлежит, а только — желает ли своей родине добра...

А что предлагают критики? Реальных непосредственных мер не предлагают, а только — новые обсуждения, съезды. Недавно осенью был этот гигантский съезд, и только под-

резал и предпринял всю участь продовольственной кампании, теперь приходится отчаянными усилиями поправлять. Я со страхом смотрю на эту политику разъединения потребителей от производителей. Все земства признают меры правительства правильными, даже единственно возможными, и на всё ставится штемпель недоверия: это придумано правительством и может повести только к краху. Если, не дай Бог, этот крах случится, то, господа, *придётся разобратся, где его причина*. Неужели около этого громадного дела, которое имеет такое страшное значение для России, мы будем продолжать вести политическую борьбу? Я с волнением буду ждать ответа от Государственной Думы. (*Рукоплескания справа и в правой части центра.*)

(Этим и опасно было его ненужное выступление, что он отрывал от Блока его правую часть, которая шла не обязательно только принципиально *против*. Он срывал тактику Блока — слитное психологическое давление на власть!)

И — ждал, сидел в министерской ложе, у подножья ораторов и лицом к депутатам.

Но Прогрессивный Блок уж разумеется не стал обсуждать пустяковое заявление Риттиха, соотношением 2:1 Дума отодвинула это. А решили заслушать и обсуждать общее заявление Прогрессивного Блока. И хотя оно по видимости касалось опять того же продовольствия, транспорта и топлива, но — в *общем* ракурсе, в том смысле, что ни один из этих вопросов нельзя решать как таковой, но прежде

необходимо, чтобы люди, управляющие страной, были признанными вождями нации и встречали бы поддержку законодательных учреждений... Власть, которой бы каждый гражданин мог радостно повиноваться.

А пока это не так, без коренного переустройства исполнительной власти, нельзя даже обсуждать ни продовольствия, ни транспорта, ни топлива. И пусть эта ничтожная так называемая власть ответит:

Что будет предпринято для устранения вышеизложенного нетерпимого положения вещей?

И так — снова могло политься торжественное течение думских заседаний, и выдающийся умник России и лидер её либералов и центра получал возможность произнести свою общеполитическую возгласительную речь, — очень высокого и широкого значения, разумеется не о хлебе.

Отношения между правительством и Государственной Думой — единственный вопрос текущего момента.

Но **Милюков** не обошёл и Риттиха, чьи рассуждения

показали нам наглядно неспособность этих людей захватить вопрос во всей его широте и во всей его глубине. Самоуверенность, самодовольство, свобода обращения с фактами, неуважение к аудитории. Ни в одном намёке его речи не чувствуется понимания, что вопрос о продовольствии это не только...

не только... не только... о жевательных движениях зубов. Вопрос

о продовольствии это — и почему преследовали попытки Земсоюза и Горсоюза самим, без правительства, решать народно-хозяйственные проблемы? И зачем закрыли Вольно-Экономическое общество марксистов?..

А Милоков, как большой учёный, способен действовать и самыми строгими научными методами. Да вот, пожалуйста, — диаграмма, в его руках диаграмма и показывается всей Думе. Объяснений подробных он не даёт (без большой науки депутатам в это не вникнуть), но все могут видеть взлёт:

Вот кривая, которая высоко поднимается вверх после установления твёрдых цен. А вот когда она начинает падать, — когда появляется Риттих.

И отсюда все видят, что

твёрдые цены — вызвали хлеб на рынок!

То есть: пока выгодно было продавать — не продавали, а как стало невыгодно — тут-то все и повезли. Водопады падают кверху. И — не было «патриотического порыва», а раз Риттих предоставил такую выгоду, оплатил гуж до станции, то стало и выгодно сам хлеб продавать ниже стоимости. Наконец, разоблачил Милоков и цифры Риттиха, что в декабре-январе по сравнению с осенью заготовка хлеба возросла до 260%: так никто не считает, надо сравнивать с теми же месяцами предыдущего года —

и тогда заготовка упала в полтора раза и больше. Господи-ну! Риттиху верить не надо: он извратил идею

(жеванья зубами и насыщения желудка),

вырвавши её из связи, в которой она находилась. А её нельзя решить без решительного изменения внутренней политики.

(То есть: пустите нас к власти, сразу будет и хлеб, сразу и всё.)

А Керенский, в своей тоже исторической речи почти и не связывался с Риттихом:

этот господин, которого здесь в Думе многие называют «геннальным», этот первый ученик Столыпина свою школу прошёл на разрушении сельскохозяйственной общины

(тепло любимой и трудовиками и кадетами, хотя сами в ней состоять не предполагали), весь его «патриотический порыв» — это классовый сговор помещиков. И получалось в обычном сүмбуре Керенского, что свободная торговля так же плоха как и развёрстка, не-твёрдые цены как и твёрдые, экономический анархизм как и государственное насилие.

Тут ещё, при неполном зале, депутаты всё время сыпали в буфет, и нигде, кроме буфета, продовольственного вопроса не вспоминали, дискуссия шла только общеполитическая, самая принципиальная.

Риттих, как терпеливый ученик, смиренно высидел весь день, так и не услышав больше о продовольствии ни от кого из думского большинства, а только из меньшинства — от правого профессора **Левашова**:

Огромные запасы важнейших продуктов искусственно изъяты из употребления и преднамеренно скрыты в скла-

дах городских ломбардов, банков, акционерных товариществ и компаний — в ожидании более высоких цен.

И называет много городов и примеров — скрытые запасы спичек, мыла, риса в кавказских городах, мануфактуры в Старом Осколе, муки и сахара в Тургайской области, на 2 миллиона кож в Нижнем Новгороде, искусственный нефтяной голод от каспийских нефтедобывателей, — это только всё уже раскрытое, но тысячекратно же не раскрыто? Одни воюют, а другие?

Однако, в чём только власть ни понося, — либеральные думцы никогда не обвиняют её в потворстве промышленным компаниям и банкам.

Да им же надо голосовать теперь свой запрос:

Что будет предпринято для устранения нетерпимого положения?..

И надо же обсудить незаконность изменений в составе Государственного Совета!

И надо же запросить о незакономерных действиях относительно профсоюзов и рабочих организаций...

А 16 февраля, хоть день и будний — Дума не заседает.

А 17 февраля — надо вести прения по запросам. И вот старательный этот Риттих, аккуратно являсь снова к началу, просто уже раздражая думское большинство, пристраивается теперь как бы к ответу на запрос (поскольку там и о продовольствии упоминалось) — и нельзя не дать ему слова, — и вот он опять на трибуне и опять о своём. Он отзывается и на крохи, что за два дня были брошены по его вопросу.

Я никак не мог понять, какая это кривая, о которой говорит член Государственной Думы Милоков.

(Почтительно, а тот его — просто «Риттих», и без «господина».)

С нашим статистическим отделением я просмотрел и понял, вернее — догадался. Оказывается, господа, это хлеб *заподряженный*, но не находящийся у нас. Действительно, когда свободная торговля была совершенно изгнана с рынка, был заключён ряд сделок о поставке хлеба. Эти сделки имели бумажное значение, поступление плачевное, а заподряд — к весенней навигации. Говорить о поступлении хлеба, когда есть лишь бумага о хлебе, такими диаграммами занимать внимание Государственной Думы я не считаю возможным. (*Справа: «Совершенно правильно!» Центр и левая не поддерживают.*) Разумеется, я докладывал относительно того хлеба, который не в предположении, но реально получен в наши амбары, в приёмные пункты близ железных дорог, в склады близ мельниц, в сушилки.

И вот тогда получается: в результате убеждения и вопреки твёрдым ценам — 260%. Но если и так посчитать, как хочет г. Милоков, сравнивать месяцы не с осенью, а с прошлогодними, то всё равно получится рост: в декабре 196%, в январе 148%.

Он не говорит — Милоков глуп или нечестен,

Я не позволю себе объяснить это теми

мотивами, которыми член Государственной Думы Милоков объясняет мои слова и цифры. Я объясняю это простой ошибкой: кто-нибудь из секретарей... Что же касается заявления члена Государственной Думы Милокова, что твёрдые цены вызвали хлеб на рынок...

то на земских собраниях только бы посмеялись. Риттих ссылается и на члена революционной I-й Думы Жилкина, в те же самые месяцы, что и министр, объехавшего ряд губерний, он в газете напечатал: да, от твёрдых цен хлеб исчез, а с декабря появился, как расколдовало.

Прогрессивный Блок молчит. Если истина не на нашей стороне — пропадай и истина.

Вообще говорить, что твёрдые цены вызвали хлеб на рынок, это я понимаю в виде остроумного парадокса. (**Милоков:** «И это говорит министр!», слева: «И это министр говорит, поразительно!»)

В Самарской губернии после воззвания о нуждах армии вдруг обильно повезли хлеб безо всякой развёрстки — и что ж? *Общественность* кинулась предупреждать крестьян: «Не верьте, а то будете голодать».

Я считаю это очень близким к саботажу — та работа, быть может даже и общественности, не знаю, как её называть, разрушительная для интересов России.

К чему приведут крестьянские запасы, когда землю осквернит нога нашего противника? Быть может, сейчас решающий момент, и надо выбросить всё до последнего пуда, чтоб обеспечить успех. (*Рукоплескания только справа.* **Милоков:** «Надо иначе относиться к общественности».) Что же, участь войны зависит только от снарядов, а не от хлеба? Можно ли хотя бы на минуту откладывать решение? Нужно единодушное обращение к России, к крестьянству — всё отдать ради войны и победы!

А что предлагает общественность и её Союзы? Не оплачивать гужевую перевозку, остановить развёрстку, вести учёт, учёт, и конечно побольше совещаний и, конечно, комитеты, составленные не из крестьян.

При таких комитетах вы ни одного пуда зерна не получите... Еще внесли этот термин *аграрий*, покрывающий три четверти населения России. Я отлично помню обвинения, что спекуляция проникла в крестьянские классы,

и от этого спекулянта надо защищать городских потребителей. Непомерной защитой потребителя,

прямыми указаниями, что производителя надо сократить, — а его 18 миллионов хозяйств, — произвели этот страшный раскол, достигли, что главный производитель, крестьянин, вернулся со своими возами с базаров и перестал молотить хлеб, этот «аграрий» ничего не стал везти на рынок, и если мы прожили с августа по ноябрь, то исключительно благодаря хлебу помещиков, которые продолжали везти.

Очень это неприятное для Блока соединение, что в «аграрии» попали и крестьяне, не разделишь.

Тут были выпады против меня — первый ученик Столыпина, умоляю не поднимать меня так высоко. Я говорю: выход в том, чтобы вся общественность присоединилась бы к общему внушению крестьянам: везите всё до последнего! — и с волнением жду ответа, а меня упрекают в оптимизме. Но я безропотно снесу и буду счастлив, если всё обернется против меня, а не против дела. Я понимаю, что нужно открыть известный клапан, надо найти виновного вне самих критиков, надо рушить систему, чтобы найти виновного. Так пусть нападают на меня, а деревенской России не мешают вывозить хлеба! (*Рукоплещут только правые и правая часть центра.*)

Простая человеческая интонация, которую редко услышишь с думской трибуны, разве только от бесхитростных неумелых крестьян. Среди думцев не принято виниться, но — всегда оправдываться, но со страстностью и едкостью — перерывать, уничтожать других.

Что бы, правда, сейчас забыть партийные догмы, лидерские самодовольство, расчёты и счёты с врагами, очнуться: ведь Россия может погибнуть! И объединиться всем и единой грудью воззвать к деревенской России: спасайте, братья, нас грешных! мы тут передрались и напутали... Воздух недоверия можно сменить на воздух доверия — и в далёких волостях и рядом в столице, — так что булочных громить не начнут. И обойдётся.

Однако и Царское Село с гордо-закинутой женскою головой не может уступить ни зменки улыбки. И думские лидеры, затянутые инерцией вечных прений, возгласов с мест и голосований, возбуждениями, суждениями, разоблачениями и запросами, в этом тёмном закрытом зале, бывшем зимнем саду, не имеющем ни единого окна в Божий мир, а только мутно-стеклянный потолок, через который мерцающе проходят дневные отсветы, а в перерывах заседаний — ещё через восемь дверей, открытых тоже не прямо к свету, но в коридоры, — думские лидеры уже не могут остановиться, оглянуться, переродиться.

Рука власти разобралась в своём конце верёвки — тёплая рука Риттиха ослабила её. Но отдалённая равнодушная рука Думы по-прежнему уверенно тянет свой конец. И — стягивается хлебная петля на питающем горле России.

Конечно, потянула достаточно и рука власти. Следующие ораторы напоминают, как затягивал её и министр внутренних дел, задерживая поставки уже осенью, в решающие недели, своим проектом отобрать продовольствие у министерства земледелия и вернуть свободные цены. Левый **Дзюбинский** уверяет, что есть ошибки в развёрстке по губерниям (даже, по думской страстности: во всех губерниях ошибки!) —

Неумелость развёрстки в том, что она произведена именно без совещаний с общественными организациями.

И, конечно, есть злоупотребления в том, как развёрстка доводится до крестьян.

Только при строго-демократической общественности, когда всё население будет участвовать в комиссиях на строго пропорциональном представительстве...

(А на это нужны годы.)

Думаю, что исчезновение с рынка хлеба — только случайное совпадение с опубликованием твёрдых цен. Post hoc a не propter hoc.

(Уж где «хок», тут не пережогашь... Просто сам по себе хлеб почему-то исчез.)

Риттих нарушил твёрдые цены. Производителю подарено несколько десятков копеек на каждый пуд.

(Ты бы, мать твою за ногу, протащил груженую телегу девяносто вёрст по российской грязи — я б тебе сам подарил!)

Выпускают против Риттиха учёнейшего экономиста либерально-го лагеря **Посникова**, — и он в просторной лекции долго, учёно разъясняет Государственной Думе и порочному министру: надо больше и больше обращать внимания на техническую сторону развёрстки.

Развёрстка продуктов — дело крайне деликатное!

(Это нам скоро покажут продотряды),

она может

явиться крайне опасной для спокойствия страны, её можно вести только если на её стороне общественное мнение. А главное: как определить точные цифры, как рассчитать, сколько хлеба оставить для прокормления? Посников высмеивает вынужденно-поспешные, даже суматошные риттиховские сроки. И возвышенно объясняет нам, почему нельзя оплачивать крестьянского подвоза к станции: это не соответствует теории ренты и теории рыночных цен.

А ещё один многословный дотошный законник Прогрессивного Блока **Годнев** (через несколько дней — министр Временного правительства), добираясь все глубже к сути вещей, открывает нам такой корень зла: хотя Дума произвела закон, что скот можно убивать 4 раза в неделю, — вопреки тому Риттих самовольно разрешил в предрождественскую неделю ежедневный убой скота.

Вот и всё, что либеральные ораторы находят сказать против Риттиха. Левое крыло ошеломлено таким министром: со столыпинских времён с ними не разговаривали так убедительно и настойчиво. Неважно, прав или неправ Риттих по существу, но он — царский министр, и поэтому он обязан быть глуп, туп, бессловесен и пуглив, — а Риттих нарушил весь кодекс. И ораторы не стесняются говорить о нём, как если б не дали себе труда его слушать, тот же **Дзюбинский** беззастенчиво извращает только что говорившего, только что из зала ушедшего министра: Риттих де обвинил крестьянство в непатриотичности. (Он как раз наоборот, изумлялся его патриотичности.) Но в этом зале слева направо можно нести и соврать всё, что угодно, большинство глоток за оратора. Правый вскрикивает с места: «Передержка! Что он врёт?!» — но уже нет их сил протестовать и осуждать. Так и закрепляется ложь в стенограмме навеки.

А левый оратор взнёсся на трибуну даже не для того, чтобы путаться в продовольственных подробностях, но поведать нам:

Никогда общественная атмосфера не была так насыщена жаждой обновления внутренней политической жизни, никогда не были *нервы так взвинчены*, и в то же время страна окутана такою мглой. Острота речей и страстность, с которой они выслушиваются...

освобождает от обязанности говорить по делу. А вот: почему не шлют на фронт полицию? Разве крестьянам — нужна полиция?.. И как смеет министр земледелия призывать крестьян к патриотизму, если само правительство не *уходит*, как от него два года требует общество, — где же тогда патриотизм самого правительства?

Да вот и решение продовольственного вопроса: пока у нас *этот* режим — у нас ни в чём не может быть справедливости. Из-за режима крестьяне и хлеба не везут.

Истинный виновник — самодержавный строй. Правительство, которое не желает уйти — будет свергнуто по воле и желанию народа!

Савич. Он — земец-октябрист. Состоя в Блоке, он должен быть согласен с левыми о немедленной смене правительства и о многом другом. Но находит мужество возразить своим соблочникам, что по продовольственному вопросу

общественное мнение заблудилось. Очень мало лиц, которые разбираются беспристрастно и со знанием дела. И вопрос затуманен классовой рознью. Для блага государства надо найти среднюю линию.

Всё то, что происходило нынешней осенью, имеет глубокие и давние корни в психологии нашей страны и общества: издавна и правительство, и города, и наша интеллигенция привыкли смотреть на деревню, как Рим смотрел на свои провинции, как метрополия на колонии. Деревня — резервуар солдат и податей. Деревня должна дать возможно больше дешёвых продуктов и потребить по возможно большой цене городские товары. И правительство, и города хронически обездоливали деревню. Мы привыкли думать, что раз мы много вывозим за границу, раз мы имеем в городах дешёвые сельскохозяйственные продукты и дрова, то всего этого у нас избыток. Но это было заблуждение, а теперь оно стало колоссальной ошибкой. Никогда у нас чрезмерных запасов не было. Чтобы заплатить подати, которые из неё выколачивались, купить водку, к которой она привыкла, приобрести товары второго сорта по большим ценам, деревня вынуждена была отчуждать не от избытка, а от голодания. (*Слева рукоплескания: «Верно!»*) И создавалось мнение, что с нашей деревней церемониться нечего, она всё выдержит и даст. И война отозвалась на деревне неизмеримо тяжелее, чем на городе. Из деревни выкачаны все зрелые мужские руки.

(Левые начали с аплодисментов, не предусматривая, куда Савич повернёт. Стихли теперь.)

Процент призванных там гораздо выше, чем в городе; в промышленности лили капиталы, промышленности давали освобождение от повинностей — деревне не давали. От первых же затруднений с хлебом начались по отношению к сельскому хозяйству такие репрессии, которых промышленность никогда не испытывала: реквизиции по

ценам, подчас даже ниже себестоимости. (*«Верно!», неизвестно с какой стороны.*) И вот, сперва перестали торговать. Но ужас пошёл дальше: перестают с е я т ь. И у городов и у правительства мысли не было, что деревня может когда-нибудь оказаться не в состоянии д а т ь.

А осенью 1916 сельское хозяйство было добито психологически: началась большая травля против «аграриев», сведение политических счётов.

«Биржевые Ведомости» предлагали: *взять с аграриев контрибуцию*, понизив хлебную цену на полтинник. Ошиблись только в том, что крупное производство не может не выбрасывать хлеба на рынок, оно остановится тогда, а крестьянство — может без рынка и обойтись.

Полемика о ценах восстановила деревню против города. Многое испорчено. Деревня замкнулась. Она не имеет возможности ничего приобретать за деньги, и она от этих денег попросту отказалась. Будь цены немного повыше — и развёрстка прошла бы неизмеримо легче. *Правительство виновно в том, что слишком прислушивалось к тому гвалту, который был осенью по поводу цен.*

Но сейчас уже нельзя обойтись без развёрстки, потому что в обмен на продукты мы не в состоянии дать деревне товары, в которых она нуждается. Львиная доля того, что в стране имеется, идёт в города. Вы все получаете по карточке 3 фунга сахара в месяц, а деревня и фунта не имеет. И так во всём. Пусть Риттих сделал развёрстку не совсем так, как ему рекомендовали, но развёрстка есть хлебный налог, а сбор налогов нельзя основывать на одном патриотизме, нужна и власть. Теперь развёрстку надо выполнить силой власти.

(Стук сапог и прикладов... Неизбежность идёт на Россию... Что бы далее ни случилось — от этого вопроса России уже не уйти. Вся история хлебной повинности тем и поучительна, что когда подходит необходимость, её готовы проводить деятели самых противоположных направлений. Только не всем дана властность и жестокость осуществить её.) Впрочем,

это не должны быть военные реквизиции, то будет грабёж, но какие-то принудительные меры придётся... И — застраховать деревню от низких твёрдых цен в будущем. Дайте столько, чтоб сельское хозяйство могло не погибнуть. (*Рукоплескания в центре и в левой части правых. Кадетам и левым не нравится.*) Иначе скоро нельзя будет пахать, сеять, собирать. Если нам нечем будет работать, то и не требуйте, чтоб мы что-нибудь сделали. Низкие цены на хлеб ещё и

тем опасны, что гонят сельского хозяина трудиться в город, где он получит громадный заработок. А посевы — бросит.

Шульгин — Рабочие, приказчики, врачи, адвокаты, журналисты — они все могут без боязни отстаивать свои экономические интересы и оставаться патриотичны, но «аграрии» — ни в коем случае. И напрасно объединённое дворянство кровью своего сердца пишет резолюции

(против правительства);

напрасно гвардия укладывает свой офицерский состав в бесконечных атаках, — они *аграрии*, и этим всё сказано. Аграриям что нужно? Полтинник на пуд, и больше ничего.

В твёрдых ценах виновны мы все, потому что среди нас были люди, которые отлично понимали, куда мы идём. Но, аграрии, они не смели возражать, они должны были отойти и дать совершиться этой пробе. Они и свой собственный хлеб отдали по этим низким ценам. А вот крестьянство оказалось менее уступчивым. Я готов его за это осуждать, потому что я ведь не принадлежу к демократическим партиям, я вовсе не думаю, что *vox populi — vox Dei*. Но переупрямить ли миллионы людей, из которых добрая половина к тому же хохлов? Я думаю, наступило время отказаться от идолопоклонства перед твёрдыми ценами (*голоса: «Правильно!»*) и одобрить действия министра земледелия.

Выступает полтавец и предлагает: для производящих губерний (для своей!) указать норму потребления и понизить качество пшеничной и ржаной муки — более простой помол.

Аграрий предлагает жертву... Но сидят Милюков, Керенский, Чхеидзе — они, наверно, и не понимают, что это — жертва. Да они — знают ли, что такое *помол*?

Выступает правый, **Новицкий**. — Дело совсем не в прокормлении Петрограда и Москвы, о чём больше всего заботятся, это — мелочь по сравнению с общегосударственной задачей.

Продовольственное дело в корне было поставлено неправильно, в корне ведено преступно, это была величайшая ошибка партии кадетов: на совещание, определявшее твёрдые цены для земледелия, для России, состоящей на 91% из крестьян, послать делегатами Громана и Воронкова, у которых земля только на ботинках.

(Да ведь у всей кадетской партии так, кого же слать?)

А правительство не должно было так легко соглашаться на эти цены. Создать твёрдые цены на хлеб, обрабатываемый детьми на нетвёрдых ногах!.. Стомиллионное крестьянское население послало своих мужчин в первые ряды армии. Солдатка, обливаясь потом, варит, кормит детей и в это же время обрабатывает десятину. Три-четыре дня идёт на то, что доброму косарю на один день, а жнейкой в три часа. А в это самое время Громан и Воронков подают протест, жалкое создание маленьких городских людей, не

знающих земли, не знающих великой России, — протест, что цены на хлеб назначены слишком высокие.

А Дзюбинский не знает *дела*, я б ему и курицу не поручил выкормить. Не знают дела и думские уполномоченные по хлебу, уйти бы им.

Какое гнусное оскорбление! — и это передовым представителям общественности! это лучшим выразителям народных интересов! Да лидеру кадетов и за себя самого надо оправдываться, нельзя же, чтоб ловили на каких-то диаграммках-цифрах. Щёки не горят, но — надо. Выступает с личным объяснением **Милюков**. О диаграммке — ну, решительно ничего не придумать. Но с цифрами всё-таки можно попробовать извернуться: да, он говорил по сравнению с предыдущим годом, но это не значит в абсолютных цифрах и это не значит в процентах к прошлому, а в процентах к годовому поступлению, в процентах, так сказать, к будущему. Может быть, Риттих и добыл больше, чем в предыдущие месяцы, может быть больше, чем в такие же месяцы прошлого года, — но почему это не ещё-ещё-ещё больше? Вот как надо было понимать, и Риттих вводит Думу в заблуждение, а лидер кадетов безупречно прав.

А больше — сказать о продовольственном вопросе ему нечего.

Но теперь, разбережённые до нутра, полезли на трибуну *аграрии*:

Городилов (Вятская губ.) — Как крестьянин, живу в деревне. Твёрдые низкие цены на хлеб погубили страну, убили всё земледельческое хозяйство. Деревня сеять хлеба больше не будет, кроме как для своего пропитания. Кто же, господа, виновник? Закон о понижении твёрдых цен издала сама Государственная Дума по настоянию прогрессивного блока с участием Милюкова, Шидловского и Шульгина. Нас, крестьян, в Совещание не допустили, а сами кадеты жизни деревни совершенно не знают.

Вы, господа, обвиняете министров, а посмотрите, кто поднимает восстание в стране? Это прогрессивный блок. (*Справа голоса: «Браво!»*) Вы, господа, опять закрепили нас, крестьян, и заставили крестьянских жён и солдаток сеять поля и отдавать хлеб по самым низким ценам в убыток. За наш счёт хотят жить люди других классов. Все, кто сколько может с крестьянина взять, — берёт. Поэтому деревня ничего не стала продавать городу. Слава Богу, нужды не имеем, теперь, благодаря казённой монополии, которая прекращена.

Разве могут быть твёрдые цены только на хлеб? А — на железо, гвозди, ситец? За них берут, кто сколько хочет, для купцов и фабрикантов твёрдых цен нет, они только для одного несчастного крестьянина. Вы, господа кадеты и прогрессивный блок, с целью понизили цены на хлеб, а обвиняете во всём правительство. Из своей среды шлёте и уполномоченных для продовольствия по всей стране. Ужели у нас нет людей избрать на местах, которые бы правили этим делом?

(Молдавский помещик) — Хотел бы я видеть, как может центральное ведомство заставить многомиллионное кре-

стьянство собрать хлеб, если крестьянство убеждено, что хлеб от него берут недобросовестно, не по той цене, по которой этот хлеб крестьянству стоит.

(Пензенский) — Когда вините во всём правительство — на себя обернитесь сначала: вы сидели в Особом Совете по продовольствию, ничего не понимая, и только помеху оказали. Войдя в совещание, нельзя быть партийным. Мол, аграрии — такой класс, который надо давить, губить. А у вас мудрости нет, но претензий очень много. Те, кто в деревне не живут, этого не понимают, стыд один! Твёрдые цены — главнейшая причина нашей продовольственной разлуки.

На местных совещаниях, вырабатывавших цены, было по 5 городских обывателей на одного земца, и они слышать не хотели, что цена не может быть ниже себестоимости. По Воронкову: если крестьянин выручит за хлеб больше, то его хозяйство расстроится. По твёрдым ценам — хлеб *пошёл* на рынки?

Я удивляюсь, как могут приводить такие соображения люди, хоть сколько-нибудь знающие условия сельского хозяйства. Или эти люди близоруки или отстаивают самолюбие.

Возвысилась стоимость производства хлеба — и бросились охотно продавать его по низким ценам? Если хлеб и шёл на рынок, то по горькой нужде — расплатиться с долгами летнего времени.

Какой же это патриотизм — губить страну, делать разлад в продовольствии? Никакого патриотизма у этих господ нет вовсе. Люди из партии народной свободы лишены чувства народной свободы. Ч то делать — мы и все знаем, а вот укажите — к а к? Может быть потому они и не указывают, что если б указали — получилось бы вроде несчастных хлебных цен. Сколько я ни присматривался к господам с левой стороны — у них очень много критики, очень много шума, но никакого творчества не бывает.

И Риттиху возражает: ещё и сейчас не поздно повысить твёрдые цены — и по ним оплачивать развёрстку. Во всяком случае, эти цены будут ниже спекулятивных. А хлеб, оставшийся сверх развёрстки, — пусть продают по открытым вольным ценам, какие сложатся.

(Этот план в феврале 1917 излагает аграрий, зубр, помещик. И потому это — реакционный замысел, не приемлемый для вольнолюбивой интеллигенции. Но перечтём его глазами 20-х годов — и мы узнаем НЭП, приветствуемый как благословенная свобода.)

(Русский националист из Киева) — Не может русский гражданин всё время оставаться в состоянии высокого подъёма, когда дтям хлеба нет. А мы уже больше года слышим, что самый важный вопрос — это борьба с правительством.

За что ни возьмись, хотя бы *хвосты* разогнать — нужна борьба с правительством. А вот, мол, будет правительство доверия, — и сразу появится хлеб. Но кто проповедует правительство доверия? Те же самые группы, которые в 3-й и 4-й Думах не предвидели немецкой опасности, тормозили военные кредиты.

Фракция русских националистов давно предлагала отказаться от твёрдых цен. Не в том даже дело, что они установлены несвоевременно или неправильно определена себестоимость:

твёрдые цены вообще не имеют никакого основания, хотя бы потому, что в течение года растут цены на остальные предметы. Если кругом всё нетвёрдо, — как вы заставите быть твёрдыми цены на хлеб?

Разумные требования производителей понимаются как злые козни аграриев. А Блок предлагает непрактичные меры, не отвечающие здравому смыслу. Сейчас у нас продукты есть, мы лишь не умеем их доставить. Но может оказаться, что и продуктов самих не будет скоро.

(Курский помещик) — А в Курской губернии хлеб доставили, но лежит на станциях, а ведь он — сыромолотный, со снежком и льдом. При ненастной весне, при дожде — всё сгниёт. То собирали сухари на армию — и отдали крысам. То требовали скот на ж-д станции — и там он гиб от голода. Топлива нет, — а в Петрограде нисколько не сокращается освещение, вечерняя торговля, театры, кинематографы. А сколько в Петрограде праздного лишнего населения, — зачем оно здесь? Разгрузить бы столицу.

(Эта мысль кажется наглой: нам, столичным, самим судить, не курскому помещику указывать. Толпы беженцев, несчётные запасные полки — это всё армия свободы, Петроград сильно полевел, и никому уезжать не надо!)

(Депутат Воронежской губернии) — Мы достигли момента, когда уже нечего говорить о политике. И в Воронежской: станции забиты хлебом, а вагонов нет (а где хлеба нет — там вагоны есть). Государственная Россия мало знала хозяйственность, были уверены, что проживём без экономии, — а сельская Россия этой хозяйственностью жива. Когда поезда заносит снегом, — женщины, подростки и старики безропотно идут с лопатами отрывать их. В Саратовской губернии триста быков умерло от голода, потому что не дали сена, стерегли его «для армии», будто быки не для армии. Берегите деревню!

— Де-ревню??? — изумляется **Керенский**.

Помогать д е р е в н е, забывая о городе? Но ведь мы то живём для городской культуры, ведь без города деревня не может ничего совершить! город — артерия государственного творчества!

Так доказано, что твёрдые цены — плохо? **Скобелев** (с-д) и так повернёт:

Если правительство спокойно шло на твёрдые цены, то лишь для того, чтобы демонстрировать на спине страны их несостоятельность.

(Вот и урок, как уступать.)

Тарасов (Вятский крестьянин, трудовик) — Что получили по твёрдым ценам мы, крестьяне? Керосин, железо, кожевенные товары, ситец, сахар? Ничего.

В каком кругу живут те мародёры, которые так обирают крестьян? Ввиду послабления власти мародёры взяли всё народное богатство в свои раздутые карманы. Для нетрудящихся масс в городах и столицах я бы не обещал вам хлеба по твёрдым ценам. Но у нас его взяли — и накормят мародёров тоже. И тех, кто в театрах и кинематографах веселится перед народным плачем. У них раздаются разные там песни, танцы. Вот почему жаль давать хлеб по твёрдым ценам кому-нибудь, кроме армии.

Макогон (Екатеринославский крестьянин) — Кого вы видите в деревне? Одних старух с детьми в летнее время, да много домов пошло на развал. Кого вы увидите в поле? Седовласого старика 60 лет, кому время только на покой, со внуками и женщинами. И от этого старика вы хотите, чтоб он прокормил не только армию, но и всю Россию?

А в городах? Все дома заняты, молодые люди и средних лет, толпа праздных, заведующие и командующие, хоть отбавляй. И сколько же получили все отсрочки от воинской повинности?

Крестьянские дети сложили кости в боях — а эти? Крестьяне в последнее время поняли, что наших всех забрали, — а кому-то дали отсрочки. И какую ж они цену заплатят тому старику за кусок хлеба — твёрдую или повышенную? Они получили цену жизни, остались на месте и спаслись.

Кто пострадал — крестьянин или помещик, различать не надо. Заплатите вы всем — и получите хлеб. Разве можно отдавать, когда за пуд ячменя вы не купите полфунта гвоздей? Крестьянин боится будущего и страшного голода. Если и дальше твёрдые цены — пойдут посевы на сенокосы.

Один министр твёрдо сказал, — а мы ему опять препятствия? У нас голос маленький, мы не можем сказать, нам мало верят. Но правду вы должны понимать, и если всё в дальнейшем не будет усмотрено, — то может выйти плохим отражением.

Конечно, в думских стенограммах пропорция изложения другая: каждый такой серый — на двух страницах, а кадетские профессора — на десяти и пятнадцати. Конечно, всех этих серых учёные думцы слушают брезгливо, все доводы мужичьи — как серая вода. То ли дело — свой Милюков, свой Посников, теория ренты. Это так говорится — Государственная Дума, молодой русский парламент, а на самом деле 80% думского времени проговаривает всего 20 человек, — и этих 20 случайных интеллигентов, очевидно, и надо понимать как истинный голос России.

И счастье, что среди тех двадцати есть Андрей Иванович **Шингарёв** — никак не случайный, но сердце сочащее, но умница, но закланец нашей истории.

Однако же, если ты в двадцати, — то тебе надо живо поворачиваться и отвечать часто. А если ты в кадетской партии, — то не перестать же быть кадетом, но строгать лишь по той косо́й, как надо твоей партии, и защищать своего лидера, и свою повсегдашнюю правоту. Не забывать сверхзадачу своей партии и своего Бло-

ка: в конце концов важен не хлеб сам по себе — важно свалить царское правительство. И если замычали с трибуны, что надо б отменить твёрдые цены — откликнуть с места:

Сами не знаете, что это вызовет! С огнём играете!

А если лидер не сумел оправдаться в проклятых цифрах, так помочь же ему — надо выходить на трибуну: да, хотя поступление хлеба при Риттихе увеличилось, но можно считать, что оно уменьшилось — по сравнению с потребностью, сколько нам стало надо. Чтобы свести к ноллю весь успех министра: он

не сообщил самого интересного — что предпринимается для будущего сельскохозяйственного сезона? Где забота министра о расширении посевной площади, доставке семян, машин?

(Ах, Андрей Иванович, э т о т бы сезон пережить, э т о т месяц, э т у неделю, даже сегодня до первого перерыва заседания, как придут вести с Петербургской стороны... Для критики поля неограничены: а говорил бы министр о будущем сезоне, — можно бы разносить его, что не говорит о сегодняшней нужде.)

Министр не сохранил спокойствия, необходимого для государственного руководителя. Не такого выступления мы ожидали. Политика мешала ему делать священное дело продовольствия. Неосторожно, господин министр. Винил в неудаче твёрдые цены, Громана и Воронкова, печать... Да, конечно, прошлые ошибки были, и трудно представить, чтобы в огромном государственном деле не ошибались люди, им управляющие,

(Но тогда чего же не может Блок простить правительству?)

или не ошибались бы критики со стороны. Ну, были назначены низкие твёрдые цены. Я не буду возвращаться к этому моменту. Возможно, что отдельные исчисления были неточны.

(И этот истинный сострадатель русского мужика, 14 лет назад ещё не член к-д, написал «Вымирающую деревню», где подсчитывал сотые доли копейки крестьянского бюджета.)

Но несравненно более серьёзная ошибка, что не было государственной власти, которая проводила бы продовольственное дело планомерно. Передали продовольствие какому-то Вейссу. Да кто такой Вейсс? (Голоса: «Дурак! Немец!»)

Там, где Шингарёва ведёт партийный долг, он мельчится, а может быть и кривит. Изю всех сил защищает все виды общественных комитетов, особенно Земгор, приводит комичные заслуги каких-то дуто-научных сборников земских старателей, льготно-освобождённых от воинской службы. Не замечает, как противоречит себе:

Что это за недоумение, будто где-то можно обойтись без политики? Господа, ведь ваше собрание — политическое, вы — не продовольственный комитет. Политика — это существо государственной жизни. Если вы устраните политику — что же у вас останется? Величайшее заблуждение,

что с каким-нибудь государственным вопросом можно и нужно не связать политику.

И тут же, изломно противореча себе, отражательно возвращает правительству укор:

Не вводите вашей безумной политики в продовольственное дело! У нас диктатура безумия, которая разрушает государство в минуту величайшей опасности.

Но и в партийные минуты нет в его речах высокомерия и злобности, как у других лидеров оппозиции. Он выговаривает все эти партийно обязательные фразы, — а слышится его грудной голос, придыхательно взволнованный русской бедой. Он указывает и подлинно слабые места у Риттиха: торопливость в переоценке российских возможностей, поспешливость убедиться в торжестве патриотического порыва — там, где, может, развёрстка была слишком легка, а вот Тамбовская никогда не вывозила больше 17 миллионов пудов, а на неё наложили 23 — и придётся сдавать с десятины по 30 пудов, а в Воронежской по 40...

Он сам в эти цифры вслушивается, всматривается, хмурится (их запомнить не худо б и нам, скоро придётся сравнивать), — он ощущает эти неоглядные просторы, застрявшие жизненные массы амбарного зерна, и тёмное (и разумное) мужицкое недоверие к городским обманщикам — да не предчувствует ли смутно Шингарёв, что всего через 4 недели это о нём же, подавляя своё сердце, и будет вырабатывать хлебный закон, куда жесточе, чем у царского правительства: все места хранения объявить, скрытые запасы отбирать, и за вычетом на едока, на лошадь и на семена — всё будет объявлено ко взятию по ценам, ниже сегодняшних?..

И вдруг, как очнясь, свободную голову выбив из партийной узды, он объявляет опешившей Думе:

Министр прав, когда говорит: помогите и вы! Да, господа, хлеб надо повезти. Если отдавали своих детей, последних сыновей, то надо отдать и хлеб, это священный долг перед родиной.

А беспокойный, невиданно деятельный, неутолчимый в спорах министр земледелия — снова вьётся, взвинчивается на трибуну. Но Дума не желает больше слушать его, и вся левая часть дико шумит, требуя перерыва.

Родзянко — Покорнейше прошу занять места. (*Шум. Голоса слева: «Перерыв!» «Перерыв!» «Это — неуважение к Государственной Думе!»*)

Родзянко еле успокаивает. Первые слова речи **Риттих** произносит несколько раз:

Господа, с величайшим... (*Слева шум: «Перерыв!»*) Господа, я буду очень краток. Я с величайшим... (*Слева шум: Я с величайшим удовлетворением, скажу прямо (Слева шум: «Постановление Думы!»)* с величайшим удовлетворением, прямо с радостью выслушал ту часть речи члена Думы Шингарёва, где он так искренне говорил о призыве к народу, о гражданском долге. Министерство земледелия готово дать все объ-

яснения в сельскохозяйственной комиссии Думы — как не допустить сокращения посевных площадей. Но, господа, я с величайшим смущением выслушал всё остальное из продолжительных речей членов Думы Милюкова и Шингарёва. Ведь вот второй оратор выходит из той партии, и что же нам приходится слышать? Член Думы Милюков обвиняет министра земледелия то — в преступном оптимизме, то уже — в пессимизме, не помню — преступном ли. О чём они со мной спорят, всё время доказывая, что я виноват? Тут и предмета спора нет: я чувствую себя неизмеримо более виноватым, чем они стараются доказать какими-то цифрами. Да, господа, днём и ночью меня гнетёт мысль, что я не сделал даже тысячной доли того, что должен был в эту страшную историческую минуту. *(Справа рукоплескания.)* К несчастью я простой смертный, а в это время Россия должна была бы выдвинуть людей титанической силы. Я виноват, что такой силы у меня нет.

(Беспристрастно: ну, отчего бы таким тоном не говорить и лидерам оппозиции? Тогда б и столкнуться не мудрено. Но титаны оппозиции кричат:

Аджемов: «Уходите!» **Милюков:** «Земля не клином сошлась!»)

Риттих — Да можем ли мы размениваться сейчас на чисто личную политику? Ведь это прямо ужасно. Господа, я мечтаю, что сюда выйдет не оратор, а просто человек, до самозабвения любящий Россию... Мне кажется, и быть может, все это чувствуют, мы переживаем торжественную историческую минуту. *Может быть последний раз рука судьбы подняла те весы, на которых взвешивается будущее России.*

Но у нас-то суббота и воскресенье, заседаний нет. То — умер член Думы — некролог, траур, панихида, три дня деловых заседаний нет. Только 23 февраля в полдень, когда на Петербургской стороне началось т о с а м о е, да никто в мире ещё не понимает, — опять открывается рядовое заседание Думы с обсуждением надоевшего хлебного вопроса.

Уже громят петроградские булочные, толпа останавливает трамваи, теснит полицейские посты. Кем-то принесенные смутные слухи доходят до думцев в перерывах.

Но в беззаконном электрическом зале с ранней ночью под стеклянной потёмкинской крышею всё выступают знатоки и эксперты либерального лагеря, уже и 24 февраля после полудня — снова Посников, Родичев, Годнев, и, конечно же, каждый день Чхеидзе, и каждый день Керенский, и, наотмашь выплываясь из этого надоевшего бесплодного вопроса, взывом рук и возгласов — не верить этому Риттиху!

Родичев — И да будет с ним покончено с сегодняшнего дня!

Чхеидзе — Господа! Как можно продовольственный вопрос в смысле чёрного хлеба поставить на рельсы?.. Единственный исход — борьба, которая нас привела бы к упразднению этого правительства! Единственное, что остаётся в наших силах — дать улице здоровое русло!

Так заканчивался двухсотлетний отечественный процесс, по которому всю Россию начал выражать город, насильственно построенный петровскою палкой и итальянскими архитекторами на северных болотах,

НА БОЛОТЕ, ГДЕ ХЛЕБА НЕ МОЛОТЯТ, А БЕЛЕЕ НАШЕГО ЕДЯТ, а сам этот город выражался уже и не мыслителями с полок сумрачной Публичной библиотеки, уже и не быстрословыми депутатами Государственной Думы, но — уличными забияками, бьющими магазинные стёкла оттого, что к этому болоту не успели подвезти в завал хлеба.

ПАМЯТИ Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

О ПОСЛЕДНИХ ДНЯХ НАДЕЖДЫ МАНДЕЛЬШТАМ

(из частного письма)

Я сегодня дежурю у Надежды Яковлевны.

Чистое, почти прозрачное лицо на подушке. Я уговариваю ее поест, она нехотя соглашается, но отведав японских спагетти, ест их с удовольствием, приговаривая: «Вкусно готовят, проклятые буржуи...» Потом я даю ей черничный компот и мы тихо беседуем, одни в квартире.

— А что, если я сегодня умру? — Не допустим, Н. Я., на то мы и дежури́м около вас, как жандармы. — А я возьму и на-
до́у вас... — Не выйдет, не старайтесь, мы хитрые...

Так мы шутим в привычном для нас тоне, шутка без улыбки, и я про себя удивляюсь чистоте этого старого, почти бесплотного тела. И ела она удивительно чистоплотно, осторожно. Страшная худоба лишь обострила, но не изменила черты ее лица. В последние дни во время еды или разговора, она вдруг выпускала стон с выражением внезапного испуга, почти ужаса, но на мой вопрос почему она стонет, она давала ответ уклончивый и рассеянный. Иногда мне казалось, что она боится оставаться одна в комнате, она поминутно звала нас из кухни, и на вопрос что ей нужно явно придумывала предлог: дайте папиросы, спички, или же говорила с подкупающим смирением: посидите со мной.

В девять часов пришла Вера, мы с ней поговорили на кухне, и потом, поцеловав Н. Я., я ушла с необычно тяжелым сердцем. По дороге корила себя, зачем я запрещаю звать нас из кухни, напрягая голос и тратя последние силы, когда на столике около нее колокольчик. Однажды она в этот вечер долго звонила, а я в кухне не связала этот непривычный для меня звук с ней. Она меня кротко упрекнула.

Пошла ее последняя ночь. Н. Я., по словам Веры, вставала, даже посидела на стуле, как советовал врач, немного читала. В какой-то момент, она сказала Вере: «Ты не бойся...». В другой: «Мне страшно...». В последнем разговоре помянула Блока с укором за его пристрастие к духам: «Дыша духами и туманами...».

Отошла она уже под утро, тихо, в полусне, словно в обмороке.

А я в это утро поехала в десять часов в библиотеку, сидела там, читала, и странным, странным образом в ушах тихо-тихо звенел тот неслышанный мною тогда на кухне мелодичный колокольчик. Едва я вошла к себе, как раздался звонок по телефону и мне сказали, что Н. Я. скончалась. Вскоре я поехала в Черемушки с подружкой. Мы нашли ее уже лежащей на столе, в углу под иконой горела лампадка. Она вытянулась во всю свою длину-высоту и лицо ее меня поразило. Ушли боль, страх, стеснение, раздражение. Лицо умное, просветленное, исполненное достоинства и спокойного сознания: я прожила трудную жизнь, но я донесла до дела свой дорогой груз. Мы тихо просидели до вечера, и сменяясь у ее гроба кто-то все время читал псалтырь. Было её ошущимое присутствие.

На следующий день во вторник 30-го декабря под вечер мы подъехали к дому Н. Я. и на лестнице увидели двух милиционеров, и не сразу связали их присутствие с квартирой № 4. Но когда мы вошли, мы застали человек пятнадцать друзей, растерянных и расстроенных: из милиции звонили и предложили освободить квартиру. А как же быть с покойной? Покойную мы вам поможем вывезти, мы не можем опечатать квартиру, пока она там. А куда вы её повезете? Куда? Найдем куда. Зачем? Таков закон, а вдруг у нее спрятаны миллионы, объявится законный наследник и нам придется отвечать. Наш врач Юра пошел разговаривать с начальством. А мы в это время метались по квартире, вынужденные предать ее, отдать ее в морг, оставить одну. Кто плакал, кто сердился, кто доказывал, что надо вызвать свидетелей, другие не хотели взломанных дверей и прочего срама перед смертью, перед покойницей. Выражение на ее лице словно изменилось и преисполнилось высокой иронией: «не суетитесь, мои милые, судьба-злодейка не отпустит меня пока не уйду под землю, она так и дотопает со мной до самого конца». Ум, свет, высота, ирония, уж освобожденные от «земных уз», от страха, от прислушивания к чужому звонку, от многого, многого.

Юра вернулся и сказал, что таково правило, когда умирают одинокие люди, что ничего сделать нельзя, но что они хотят взять ее на носилках без гроба, так как гроб не умещается в их машине, а это уже совсем недопустимо. Но машину «пригнати издалека» и считаться с нами не собирались. Когда вошел шекспировский, слегка под мухой могильщик с невероятно уродливыми

носилками и предложил, чтобы мы вынули ее из гроба, мы все сразу закричали и вытолкнули его криком. Он попятился и вышел, захватив носилки. Долго шли переговоры, милиционеры то и дело ходили звонить начальству, и так оно длилось около часу, пока не пришел разъяренный начальник и не предложил немедленно «освободить помещение». Тогда наши мужчины бережно вынесли от-

Похороны Н. Я. Мандельштам в Москве.
Вынос тела из церкви Знамени Божьей Матери

крытый гроб и отдельно крышку, которой закрыли его после установления его в машине, где он все-таки уместился. Машина сразу двинулась к моргу института морфологии. Мы не торопясь выходили, милиционеры косились на сумки, но только один раз у одной из нас спросили, что она уносит, она огрызнулась и прошла. Вера вынесла Библию и отказалась отдать ее. Выносили мелочи

личные, заветные. Что касается архива, Н. Я. задолго отдала его, кому завещала им заняться. Надо признать, что оба милиционера, стоявшие на лестничной площадке, вели себя спокойно, с каким-то крестьянским уважением к смерти. Господ «в штатском» я как всегда, принципиально, не видела. Белые пятна в глазах у меня на них. Начальник шумел, но не злобно. Могли бы ведь начать обыскивать, не уносим ли «миллионы», ведь все делалось ими «для защиты интересов возможного законного наследника»... Нет к ним претензии. Претензии к «злой судьбе», назовем ее так.

Похороны Н. Я. Мандельштам на Троекуровском кладбище

Потом я узнала, что Юра чуть не договорился о месте на Ваганьковском кладбище, где могила брата Н. Я. В последний момент переговоров позвонили по телефону «сверху». Некто «дал указание» не предоставлять места для захоронения Мандельштам. Не устраивать же в самом деле паломничество клеветников к могиле, так близко от центра города. Внимание распорядителей сверху было вероятно привлечено сообщением о смерти Н. Я. западными радиостанциями буквально в день смерти, а то когда бы удосужились.

1 января в 15 ч. мы увезли ее из морга в церковь на Фестивальной улице, где на следующий день было отпевание. Хор пригласили прекрасный, профессиональный, он поразил меня вы-

соким качеством, отсутствием обычной безличной прохлады. Маленькая церковь была наполнена до отказа, кто-то насчитал около 500 человек. Стояли люди и около церкви, кто не сумел войти, и те, кто обычно не бывает в церкви и пришел из уважения к вдове поэта. Были и такие, кто воспринимал ее религиозность, как одно из ее чудачеств. Лица все без исключения интеллигентные, лица, которые обычно выделяешь из толпы, лица с печатью индивидуальности, освещенные снизу свечками, сосредоточенно внимали пению. Аристократия духа собралась почтить автора самой замечательной книги о нашей жизни, почтить высоту, достоинство, с которым она прожила и пронесла для России забытую было поэзию Осипа Мандельштама. Глубокое внимание и волнение публики словно еще больше одушевляло поющих, и как-то сама собой возникла удивительная эстетическая атмосфера и почти праздничная приподнятость.

На двух или трех автобусах и многих машинах все поехали на старое Троекуровское кладбище. Шел легкий снежок, очень украсивший это кладбище, стоящее под старыми соснами и обжитое белками и птицами.

Очень узкой — трудной, как жизнь Н. Я. — тропой пронесли на плечах дорогую ношу, и под высокой сосной опустили ее в землю. Могильщики заработали лопатами. Потом мы покрыли могилу цветами и зажгли свечи. Люди медленно, нехотя проходили, уступая место другим. Запорошенное снегом кладбище, цветы, свечи и лица, лица...

январь 1981, Москва. Н. Н.

Мое эпистолярное знакомство с Надеждой Яковлевной, которым я обязан одной студентке-француженке, ставшей впоследствии православной монахиней, началось в 1964 г. и продолжилось до самой ее смерти. Но, к сожалению, оно так и осталось все эти 16 лет заочным. Получить Надежде Яковлевне визу в Западную Европу казалось совершенно нереальным. Потом, годы и болезни уже не позволяли и мечтать о путешествии, и уж тем более, об эмиграции. В Москве ее окружали любовь и повседневная забота многочисленных друзей и почитателей, к ней приходили на поклон десятки профессоров и студентов из всех стран мира.

Письма свои Надежда Яковлевна посылала, пользуясь редкими случаями; часто, боясь подвести путешественника, она ограничивалась устной передачей. По почте она писала, и то только начиная с 1969 года, лишь деловые записки, большей частью на английском языке, с жалобами на здоровье и просьбами лекарств для больного брата и для других близких ей лиц.

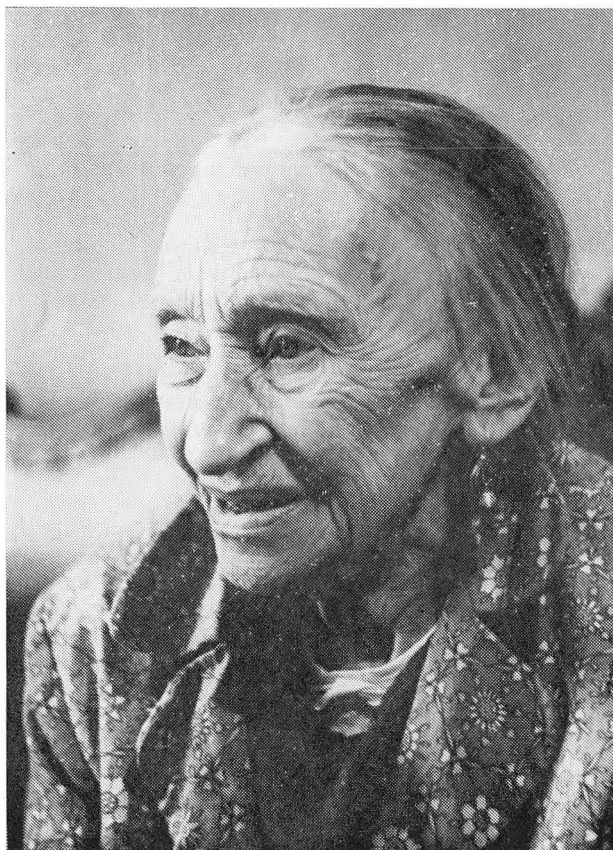
Наша связь укрепилась после выхода в свет третьего тома «Собраний Сочинений», где в вводной статье изложенные мною тезисы о Мандельштаме пришлись ей очень по душе (хотя она и считала, что я недостаточно уделяю места эллинизму).

В 1970 г. Надежда Яковлевна поручила ИМКА-ПРЕСС издание второго тома ее «Воспоминаний» (первый вышел по-русски в новом «Чеховском» издательстве). Оба тома — не только книги о великом поэте, но одна из самых проникательных попыток осмыслить все советское пятидесятилетие. Во второй книге, озаглавленной по-английски «Потерянная надежда», Надежда Яковлевна, не надеясь больше на изменения в России, дала волю своей «литературной злости»: суровых суждений не избежала даже Ахматова, верный спутник всей жизни. Психологически Надежда Яковлевна жила, прикованная к воспоминанию о гибели Осипа Эмильевича, Ахматова же дожила до второй волны славы, вплоть до заграничных поездок. Эта разность в судьбах и запечатлелась в оценках, содержащихся во «Второй книге».

Когда была издана по-русски и во многих переводах «Вторая книга», когда на Западе «Собрание Сочинений» вылилось в трехтомное издание почти академической полноты, когда наконец случилось чудо, и пусть изуродованный, но томик Мандельштама вышел и в России, Надежда Яковлевна почувствовала, что она свое земное назначение исполнила. Она стала ждать смерти... Люди, знавшие ее близко, когда-нибудь расскажут о ее духовном пути... «Православная еврейка в третьем поколении», она пришла сознательно к вере, как и Пастернак, в послевоенное время, при переосмыслении всего происшедшего. Характерно, что в письме от 1964 г. она еще отрицала за фактом крещения Мандельштама в 1909 г. какое-

либо религиозное значение, а недавно, в письме к владыке Иоанну Шаховскому, противореча самой себе, переосмыслила это событие в свете собственной эволюции.

В 1936 г. Мандельштам писал из ссылки Пастернаку: «Тем, что моя «вторая жизнь» еще длится, я всецело обязан моему единственному и неоценимому другу — моей жене». Но и своей посмертной судьбе, своей «третьей жизни» Мандельштам обязан в значительной мере, если не целиком, «другу и жене».

Н. Я. Мандельштам (недавний снимок)

За свою верность Осипу Эмильевичу, Надежда Яковлевна была вознаграждена. Свидетельствуя о нем, она выросла в свидетеля всей эпохи, и вошла в русскую литературу не только как сохранившая наследие мужа, но и как большой, самобытный писатель-очевидец.

Никита Струве

июнь 1964 г.

Уважаемый Никита Глебович!

(Вы не написали своего отчества и я его дарю вам наугад? Внук вы или сын?).

Я постараюсь вам кратко ответить на поставленные вопросы и очень огорчаюсь, что нельзя посидеть рядом и поговорить по существу. Ответы мои будут поверхностны. Ведь это наш первый, а может и последний разговор.

Вы не ошиблись, что у О. М. была астма. По ритму стихов («Я это я, явь это явь...»). Это часто слышно. Но это не одышка Фета. Что-то другое.

О. М. был крещен где-то в Финляндии. Это был самый заурядный практический шаг и никакого отношения к его мировоззрению (безусловно христианскому) не имел. В молодости у него был интерес к католицизму (до меня; мы сошлись, когда ему было 29 лет, но он мировоззренчески был совершенно зрелым человеком). Гораздо существеннее его внутреннее отношение к христианству и к философии. Впрочем, говоря о нем, правильнее было бы говорить не о мировоззрении, а о мироощущении. В католицизме, мне кажется, его интересовали организационные формы, авторитет, система мысли. Если хотите, архитектурное целое. О православии он сказал сам в стихах об Исаакии. В философии плохо переносил системы и, пожалуй, ближе чувствовал русскую, не говоря уже о Чаадаеве, и Киреевском, и Хомякове, и т. д. Кстати, О. М. сознавал себя евреем и русским поэтом, и это умещалось в нем очень спокойно (в Пастернаке — нет).

Из лингвистики он вынес скорее общее представление (курс в Унив., семинары Шишмарева); во всяком случае легко угадывал в разговорах с языковедами и филологами (напр. с Усовым) последователей Соссюра.

Языки изучал непрерывно, необыкновенно быстро и легко. Читал последние годы и по-испански, и по-итальянски. Возился с армянским. Имел общее представление об индоевропейском. Но его толкал к изучению языка тот или другой поэт или слой литературы (армянские древности, Моисей Хоренский и т. д.). Переводов в руки не брал. (Впрочем, Хемингуэя читал в переводе).

Вообще об умственных увлечениях О. М. в размерах письма

говорить трудно. Для него характерна непрерывная умственная деятельность и страшное любопытство к различным формам познания, но как-то он все понимал в каком-то единстве и цельности; Поэтому я и говорю о мироощущении, а не о чем другом.

С Белым была встреча летом 33 года (когда О. М. писал «Разговор о Данте»). Был большой интерес к нему. Смерть Белого поразила О. М. эмоционально. Но я как-то спросила его (когда шло «он кажется дичился умирания») почему столько панихидных стихов? Он ответил: а может это я себя хороню...

Что касается до комментария к стихам, мне кажется, что если знать прозу (с записными книжками, статьями и т. д.) они часто становятся яснее, потому что все исходило из какой-то центральной мысли (или ощущения, или чувства). Положение О. М. было таким, что те, кто его любил, не мог о нем писать (Лозинский не писал). Надо было для этого дожить до наших дней, да и то и сейчас не так все просто. Вот Ахматова дожила. Другие ее современники, кто мог бы о нем сказать, не дожили или выжили из ума. Выжили из ума (если были «в уме») и младшие. Мне иногда попадаются воспоминания разных людей и я поражаюсь их ничтожеству. Кстати, большое влияние чисто журналистской (анекдотической) трактовки Эренбурга на этих воспоминателей (даже самых дружественных). Эренбург все строит на противопоставлении: «боится сырой воды, а не боится ничего» и тому подобное. Даже рост понадобилось уменьшить: маленький, но большой... Щуплый, хилый и тому подобное. Всего этого не было. Но этот тип «легенды» очень подходит средним людям. Тут ничего не сделаешь. Большая душа в хилом теле — это журналистская мура.

До фотографий мне сейчас добраться трудно. Они не у меня (так надо). Но я найду способ отпечатать для вас несколько. Их мало. Две юношеских; очень хорошая та, которая в невероятно искаженном виде была напечатана в «В. [оздушных] П. [утях]» (23 лет), затем через десять лет — старик с бородой; и 2-3 воронежских. Они кое у кого у вас есть. Он снимался редко и вообще принадлежал к числу писателей, которые «не смотрятся в зеркало» (это я цитирую Розанова).

Мне очень жаль, что это спешно написанное письмо заменяет нам простую беседу.

Н. М.

Сейчас и у нас люди, читающие стихи, очень чувствуют и понимают О. М.

Многоуважаемый Никита Алексеевич!

Пишу второпях — надо нынче же кончить. И поэтому смогу сказать очень мало. Спасибо за книги. Вы сами понимаете, какая это для меня драгоценность. Сейчас я на даче. Хотела прислать фотографии, но их здесь нет. Думала о Скрябине и обрадовалась, найдя эту статью напечатанной. Это клад; сохранился только этот обрывок.¹

Что за письмо из лагеря в архиве Фадеева? Я такого не знала. На чье имя? Из лагеря было одно письмо брату (Александру Эмильевичу).² Про меня он думал, что я тоже там. Если б это случилось, ничего бы не сохранилось...

Голос О. М. был действительно записан Сергеем Игн. Бернштейном, но все эти записи были уничтожены.³ Писать о том, как он читал, трудно. Многое я помню, пробовала протонировать, как это делает фонетист, но ничего не выходит — этот вид записи ничего не дает, кроме повышения и понижения. Этого очень мало.

В «Разговоре о Данте» есть несколько слов о дирижировании при чтении стихов. Это, конечно, самопризнание, как и почти весь «Разговор...» Он представляет собой поэтику О. М., и главное зрелую.

Спасибо за предисловие к Скрябину и стихам. Все, что вы пишете, мне очень близко (Я не говорю об оценке — это принадлежит, так сказать, не мне. Я только верила в О. М., и мне в этом во все годы брака помогла Анна Андреевна — друг всей нашей жизни).

Есть ли «юмор» в «Четвертой прозе»? Думаю, что юмора нет. Это неистовство. «Египетскую Марку» я считаю неудачей — момент смятения духи, колебаний и неверия... «Четвертая» положила конец этому неверью.

«Бытовой боязливости» у него не было. «Устриц боялся» — подросток.

Стилизация («хохолок» и прочее)... Масса анекдотов идет от Волошина. Из него делали Виллона, петушка с могучим голо-

¹ Впервые статья о Скрябине и Пушкине была напечатана в «Вестнике РСХД», № 110.

² Это письмо пришло на Запад как бы из архива Фадеева.

³ Как выяснилось недавно, часть записей сохранилась.

сом, глупого и робкого чудака... Вероятно, он был не по зубам. Кстати, Маковский выдумал про мать все от начала до конца. О. М. при жизни знал это и очень огорчился. Мать отнюдь не еврейская торговка. Она музыкантша (давала уроки музыки). От нее музыкальная культура. Семья описана в «Шуме Времени». Отец и мать люди разной культуры и разной жизни.

Сейчас много выдумывают легенд — и про жизнь и про смерть. В воспоминаниях Всеволода Рождественского выдуманы целые речи (по типу «акмеизм»).

Николай Чуковский в журнале Москва № 8 (если пройдет) пишет, например, что О. М. был похож на Пушкина и знал это, и пришел одетый Пушкиным на костюмированный вечер. На Пушкина он похож не был, имени Пушкина все же не упоминал, и в Пушкина не рядился... Кстати, все даты у Чуковского перепутаны и сведения фантастичны...

Кстати, где-то у вас появилась еще одна легендарная история смерти (столкновения с уголовниками)... Я собрала груды легенд о смерти и картина получилась неслыханно страшная, но другая. Видела и говорила с несколькими, кто был с ним. Умер он 27 декабря 38 года (дата официальная и поэтому сомнительная). Последняя легенда — умер на пароходе на Колыму и сброшен в океан. (Нет...)

Попал он в блатные песни, но с эренбургским костром и Петrarком... Значит, через Эренбурга.

Книга Celan'a⁴ у меня есть.

Вероятно, этой зимой сяду за «Труды и дни». («Возможна ли женщине мертвой хвала» — Ольге Ваксель. Ей же — «Жизнь упала, как зарница»).

Очень интересен мне план вашей книги. Дай то Бог, чтобы она осуществилась. И вопрос о ключевых метафорах очень существенный. Но как определить общее мироощущение, ту «основную идею», которая делает человека человеком? Что это христианская идея, это несомненно. Но важна конкретизация... Философское самоосмысление.

Когда издавался однотомник, не напечатали статейку из «Накануне» на тему «Куда мы входим», где мера истории — человек.⁵

Это было временем надежд, и тут у О. М., раньше чем у других, появилось беспокойство. Для нас это существенная статья.

⁴ Немецкий поэт, поклонник и переводчик Мандельштама, покончивший жизнь самоубийством.

⁵ Она напечатана во втором томе.

Случится ли когда-нибудь, что мы увидимся? Вероятно, нет. Мое время подходит к концу: мне уже 64 года, но никогда нельзя знать...

Н. М.

Может, вам нужны книги от нас...

Пишите по почте тоже...

В Воронеже была высылка (жил свободно, в городе).

(Сначала приговор — Чердынь, тут же изменен на Воронеж (минус 12)).

Кончилась в мае 37; в мае 38 второй арест и смерть в пересылке.

3.

[осень 1965]

Мне нужно о многом вам написать, и я постараюсь быть толковой.

Мое отношение к мемуарам Одоевцевой и прочих, и к использованию их в первом томе. Одоевцеву я читала только в одном номере. Там зловредного вранья нет — просто видно, что она совсем не знала О. М. (ручка течет — я наверное не умею с ней обращаться⁶). Николай Чуковский тоже не знал и тоже насочинял и напутал, и я сознательно не исправляла — пусть видят, кто пишет. Рождественский заставил О. М. говорить сентенции, разоблачающие акмеизм как глупую и эстетскую школу. Сделал это во славу постановления. Г. Иванов это просто желтая пресса. Он открыто признался, что врет (бал у Каменевых), и эту пакость умиленно перепечатали. Да еще обвинили О. М. чорт знает в каком хвастовстве и вранье: Манд. якобы сам «присочинил», что по его просьбе обещали расстрелять кого-то. Понимаю, что автор статьи не мог разобраться во всей этой истории, но его комментарий привел меня в бешенство (...) И кстати, это значит ничего не понимать ни в Мандельштаме, ни в этой истории, которая была протестом против расстрела и благодаря которой удалось спасти человека. Или «красочный» рассказ Маковского о приходе в редакцию «Аполлона» еврейской торговки с жиденком. Что это брехня, догадаться было легко (вопрос, зачем она понадобилась Маковскому) — стоит вспомнить, что отделом поэзии в «Апол-

⁶ Мной посланная через Ахматову во время её пребывания в Париже.

лоне» ведал Гумилев, а не Анненский, с которым Гумилев был близок. (Познакомился О. М. с Гумилевым в Париже — 1907? 1908 ?) Именно Ник.[олай] Ст.[епаныч] привлек О. М. к участию в журнале. Кстати, О. М. знал этот рассказ Маковского и был возмущен им. (Не мешало также автору статьи, специалисту по русской культуре, знать, что такое Тенишевское училище, куда мать отдала О. Эм. Если она бы предназначала его в торговцы, вряд ли она послала бы его учиться в Тенишевское уч., в Париж и в Германию...).

Что-то не то... Знание музыки (спросите Лурье) у О. М. от матери. Никакой он не самородок, открытый умным Маковским. Между прочим, печатался он до «Аполлона», и многим обязан Гиппиусу (Владимиру), своему учителю в Тенишевском.

Неужели окончательно исчезло критическое отношение к источникам? Жаль, потому что и там, и здесь пишут всякую дурь: создается полная безответственность, потому что всё уже давно находится в ненормальном состоянии — нет настоящей комиссии по наследству, людей, знавших О. М., почти не осталось, а спрос на мемуары о нем есть... К тому же Ос. Эм. был не по плечу своим современникам. Мало кто мог бы о нем рассказать в полную силу. Всегда предпочитали анекдот. Это пошло еще с Эренбурга и Волошина. Каким-то образом второстепенные поэты как бы компенсировали себя за свою второстепенность, находя смешные черты и рассказывая анекдоты про О. М. Доходит это до идиотизма: маленький рост, хилый, мамаша не та, компенсирует себя за то, чего ему раньше не хватало в разных салонах... (А чего ему не хватало? Денег?) Что за чушь!

Что с этим делать? Думаю, что ничего. Просто игнорировать, пока это не попадает в собрание сочинений. Вы понимаете сами, какое у меня ложное положение, если такое собрание выходит без моего ведома и там еще обсуждается вопрос, был ли это счастливый брак или несчастный — по-моему, такие вопросы ставятся после смерти вдовы, а я еще пока жива. Кстати, об университете, О. М. закончил последний курс, но не пошел сдавать (госэкзамен). Экзаменов не переносил.

Теперь, к стихам и к поэту. Мне кажется, что О. М. это один из немногих людей целостного мировоззрения, и в каждой строке оно как-то отражено (как и в жизни). Чтобы вылущить главное: это кое-что в статье о Скрябине и в «Утро акмеизма». Здесь я думаю существенны слова о том, что символисты были плохими «домоседами» и рвались в потусторонний мир, из этого

— трехмерного, где мы находимся, для того, чтобы строить. Если исходить из этого, то понятие «вещи» углубляется, кроме того есть понятие «утварь» — т. е. то, что окружает живущего — вещь для человека, культура... Бергсона он знал (чуть-чуть), даже где-то упоминает. Флор.[енского] знал. Одно время это была его настольная книга. Вообще, русскую философию понимал лучше, чем классическую.

Ваша мысль об иудейско-христ. отношении О. М. к «вещи» мне интересна, но не совсем ясна. А вот к вопросу о символике и о ключевых понятиях. Важно, чем отличается символ у символистов и у О. М., у Блока (ключевые слова) (и у О. М.). У Бердяева есть о двух видах символизма и это существенно для О. М. У О. М. это всегда понятийно и имеет определенные источники. Например, мышь (№ 195) — символ времени в индуизме. Вторая ассоциация — пушкинская. Обратили вы внимание на то, что у Эллиота есть тоже поиски потерянного слова и чиркающий череп! Поэты друг друга не знали, но область случайностей (далеко не случайных) весьма обширна.

Что могу я вам рассказать в письме о О. М.? В сущности ничего. Его письма ко мне есть у Вадима.* Возьмите и прочтите... В них виден человек. Воспоминания А. А.[хматовой] очень искажены в печати. А вот письма Ос. Эм. к Вяч. Иванову совершенно не интересны. Это А. А.[хматова] не права. Это несколько записочек при посылке стихов. Замечательное есть мальчишеское письмо (оно в архиве В. В. Гиппиуса), совсем не похожее на портретик, нарисованный Маковским. Вообще, мальчишкой он уже имел наглость вести себя, как власть имущий. Что касается до издания, то в нем напутан порядок, но тексты в общем сносные. Стихи про «Тетушку» принадлежат О. М. — это одно из шуточных. О Маргулисе сведения ложные. Об избиениях его уголовниками слухи видимо ложные, а если и было, то к тому, что он брал чужую пайку, это отношения не могло иметь. Где и когда в лагерях может где-то лежать пайка хлеба? Ее можно только вырвать изо рта. О том, что он не ел, боясь отравления, верно. От этой же болезни умер Зошенко, превратившийся перед смертью в свою тень.

О восьмистишиях. Они не к людям, а к наукам, понятиям и способам мыслить и познавать. Только «преодолев затверженность

* Вадим Андреев, сын Леонида Андреева, поэт и беллетрист, живший в Женеве, но печатавшийся в СССР.

природы» связано с циклом Белому. Но почему вам пришло в голову, что стихи «когда уничтожив набросок» могут относиться к Фаворскому? Здесь ведь речь идет о «периоде» — понятии чисто словесном. А в восьмистишии (это восьмистишие, как и пер-

Н. Я. Мандельштам (Хазина), 20-ые годы

вые два, о том, как работают в «ремесле словесном») «Скажи мне чертежник пустыни» — «иудейские заботы» относятся к ветру. То, что делает ветер. Это мелкие борозды, поверхностные изменения по сравнению с общим замыслом «чертежника» и «гео-

метра пустыни». Я люблю восьмистишия, особенно «бабочку» и «Шуберта». Может мы поймем их, как нечто философическое? Кстати о текстах: в одном стихотворении вместо «будет губить» напечатано «будет будить». Выходит очень смешно. Санаторий около станции Чарусты («Саматиха») был обычного типа, отнюдь не нервным.

Видели ли вы публикацию стихов Осипа Эм. в журнале «Простор», который издается в Алма-Ате. К сожалению там тоже куча опечаток. Такая уж судьба ...

(Да! перевод из Гейне не принадлежит О. М. Почему не посмотрели инициалы?) (Переводчик Исайя Бенедиктович Мандельштам, упоминаемый в «Четвертой прозе»).

Еще раз о двух важных вещах: О. М. всегда, даже мальчиком, вел себя, как власть имущий. Прочтите статью о «Собеседнике»: ведь ее писал желторотый юнец. Или статью о Чаадаеве, которую нужно печатать по тексту журнала, а не книги...

И второе: это поведение было непонятно окружающим его случайным людям, вроде Иванова или Маковского, не говоря уж о тех, кто пришел в последующие годы. Поэтому к мемуарам надо относиться с большой критичностью. В частности Тагер очень мало знала его: в редакциях, куда он приходил, его обычно окружали люди, она наверное там его пару раз и видела. Женщина она была хорошая и наивная. К тому же, время тогда работало против Ос. Эм. и его миропонимания и поэзии. Сейчас оно работает «за» к великому удивлению старших поколений (Перцов!!), для которых это явилось ударом и полной неожиданностью.

Что же касается до меня, то в жизни я, кажется, сделала всё, что могла, и пора сворачивать манатки. Есть еще мелочь, которая мне очень любопытна; почему, издавая О. М. в разных изданиях — коммерческих и не коммерческих — забывают о том, что даже по нашим законам я наследница и все это принадлежит мне. Хотя конвенции нет, многим — кому хотят — платят. Мне бы это очень упростило жизнь, но никому это в голову не приходит. Очень жаль. Кстати, я не только наследница, но я еще всё сохранила, что было не так просто. Кстати, кто-то ответил по такому же поводу Анне Андреевне, что закон на стороне издателей... Мне это известно...

А теперь о том, что мне действительно нужно. Это пастель (голландская — пейзажная, т. е. интенсивная). Моя невестка, с которой я когда-то училась живописи, работает техникой гуашь с пастелью. Она одна из лучших наших художников (а такие

были и опять возникают), и я не перестаю всех умолять о постели.

Если у меня есть друзья, я очень прошу их именно о постели.

Я слышала, что вы хотели бы приехать. Я была бы очень рада. Но возможно ли это?

Н. М.

4.

14-2-69

Дорогой Никита Алексеевич!

Ахматова когда-то дала мне ваш адрес, и я обращаюсь к вам за помощью в тяжелую минуту. Тяжело болен мой брат, Хазин Евг. Як., и мы ищем югославский биотик «пятнок» (он был на югославской выставке, но у нас его нет). Это может помочь. Если можете, помогите.

5.

Февраль [1969]

Милый Никита! Страшно обрадовалась вашему письму. Отвечаю сначала на вопросы о стихах. В стихотворении про Виллона 8 строк (две строфы) — «украшался»... и «ладил с готикой»... От длинного варианта О. М. отказался (акмеизм!). Александр Герцович сосед по квартире (у Ал. Эм.) на Старосадском переулке. Он брэнчал с утра до ночи. (Фамилии здесь нет — имя, отчество).

Винтовка Чапаева «захлебнулась», т. е. потонула. Это действительно первая озвученная картина, кот. он видел, кроме того у него была впечатлительность семилетнего мальчика и его можно было подцепить на любой эффект. (Оська у меня был дурак...) В картине Васильевых их полно. (Картошки, бритва, папироска в зубах)... Я была в Москве, когда он в первый раз видел этот фильм. Он встретил меня задыхаясь от восторга и сразу (на извозчике домой) рассказал и в тот же вечер потащил в кино. Меня не взял. Интересно, что на Эйзенштейна он не клевал — всегда понимал жестокость его красивых картин. (Знаменитая коляска — чистый садизм). Васильевы хитрее Эйзенштейна и они трагичнее — обе дерущиеся стороны погибают. (Так всегда бывает и так будет).

О. М. очень любил детей и верил, что младенец «что-то знает» (в то время очень распространенная мысль, не только у Белого). Он действительно видел пеленашку (сына Кретовой) и поразился

улыбке. (Дети ведь специалисты по улыбкам). Последних строф много вариантов, и все о космическом знании «младенца». Кроме того младенец воспринимает мир л е ж а и все как бы обступает его своей громадностью. (Это уж от Белого). Для него космос — детская комната. Космос для О. М. — материк и океан. Ведь у него детское конкретное мышление. (Какой у меня был чудный дурачок!).

.....

Я очень ценю Элиота («Четыре квартета» и «Ash-Wednesday»). Жаль, что несколько абстрактен. Но статья о культуре — ничтожна. В. Иванов во всех статьях нелеп. Был он властный и злой и подготовил в «элите» (мерзкое слово!) много дурного.

6.

Дорогой Никита!

Спасибо за письмо. Оно было огромной радостью. Отвечаю вам на некоторые вопросы (проблема — т. к. вы ничего не спрашиваете).

— Пускай по-итальянски будут сокращения. Важно только русское издание. И еще очень важно — деньги. Мое наследственное право вот-вот кончится, а всего оно дало мне рублей 500. Хоть на старости иметь два гроша, чтобы не думать о деньгах и помочь близким. Кому право первого издания? Может, в Голландии. Там есть какое-то издательство, которое заботится о наших гонорах. Только присылать их надо как подарки.

— Что я кусаюсь в начале (вас смутил Вяч. Иванов? Элиот?) Это ничего, хотя на меня в бешенстве за Волошина (толпы женщин) и за В. Иванова. Что касается Ахматовой, то эти признания мне самой тяжело дались. Я предпочла бы написать хвалу красоте и уму. Но надо, чтобы было только один раз про старую Ахматову (насчет «Поэмы» пусть остается).

«...губ людских» (Тут не только аллитерация — улитка, вылезшая из раковины, становится длинной, как и губы удлиняются в улыбке).

О переводе — хороший подстрочник лучше мнимого поэтического перевода, не правда ли! Я предпочитаю... Переводы наши

никто не читает. Это пирамида для стихотворцев. Черный труд. «Нюрнбергская пружина» в игрушках. В «шелкунчиках», например (Город романтиков). Это до фашистов.

Символ ли материк? Это реальность младенца. Может, буфет или ближайший холм, видный из сада. Влезьте в пеленки и полежите на спине первый год жизни. Осыка влез.

Фаэтонщик действительно он. Дело происходило в Шуше. Мы могли убедиться в тщетности богатства (бездушный кокон). Этот город был сожжен и разграблен мусаватистами с восточной жестокостью. Большой город каменных богатых особняков, сохранивший улицы и внешние формы домов, каменную оболочку — наружные стены. Внутри все уничтожено. Город призрак.

Как будто все. Я очень довольна издательством. Считаю, что это лестно. «Вторая», конечно, даст гроши. Вся надежда на первую...

Я уже месяц лежу — сердце.

Н. М.

(Нет ли пластинок с православной службой? Достаньте мне таких пластинок. И еще — древнее католическое богослужение (григорианское).

7.

1971 (?)

Милый Никита! Завтра я, вероятно, отправлю вам это письмо, но сегодня так устала, что не могу собраться с мыслями. Сказать надо много, но от сознания, что встречи не будет, язык присыхает к гортани. Одно помню, — антологий⁷ я не получила. Надо ее еще раз послать через кого-нибудь. Хотела бы ее видеть...

... Спасибо за пластинки. Большая радость. Старость очень чувствуется. Усталость. Полное отсутствие мысли.

Н. М.

⁷ Речь идет о моей двуязычной антологии русской поэзии XX века.

(перевод с английского)

Милый Никита,

.....

Я очень слаба и больна (сердце). Вряд ли долго продержусь, так я надеюсь. Я не боюсь смерти. Боюсь жить слишком долго, стать немощной. Это — судьба женщин. Недавно одна старая женщина умерла после того, как упала у себя в квартире и сломала себе бедро. А сын ее тоже недавно умер во сне. Это хорошая смерть, но я хотела бы умереть в сознании, чтобы причаститься. Мой священник мне говорит, что нужно нести свой крест до конца. Я смертельно устала, но знаю, что он прав. И крест — тяжел. Время его не делает более легким. Чужие несчастья я стала переживать как свои собственные. Но хватит жаловаться, я должна крепиться до конца, не правда ли?

.....

Н. М.

(перевод с английского)

Милый Никита!

Я смертельно устала, с трудом живу. Пришлось отказаться от приглашения в Оксфорд, я уже не в силах путешествовать. Анну [Ахматову] сопровождала Аня [Пунина-Каминская], это ей и позволило поехать. Мне этого никогда не разрешат (если вообще разрешат поездку). Я потому и отказалась от предложения. Оно пришло слишком поздно. Мои 74 года сплошная неожиданность. Никогда не думала, что так долго буду жить. И это были тяжелые года, заполненные тяжелой работой. В институте, где я работала, я преподавала 30 часов в неделю, и все

теоретические предметы — историю германских языков (английского и древне-немецкого), лексикологию, теорию грамматики, и все в том же духе... А также теоретическую фонетику. И без «субботних» выходных годов, как принято у вас. И летом даже не отдыхала. Это был действительно тяжелый труд без передышки. Но я была счастлива иметь работу. Я держалась за эту работу, хотя ненавидела преподавание, но у меня не было выбора. Те семь лет, что я получаю пенсию — результат этой работы. За покойного мужа я не получила бы ни копейки.

Имейте в виду, что вышедшая у нас книга стихов [Мандельштама] очень плоха. Та, что издана вашим дядей, куда лучше. Дурень Харджиев думает, что поэт не знает что́ хорошо, что́ плохо, и поэтому он поступил очень вольно с текстами, скрывая это от меня. Кое-что он изменил после выхода «Второй книги». К примеру, он не говорит, что «Улыбнись ягненок гневный» с о г л а с н о м о и м с л о в а м навеян Сикстинской Мадонной...

Если можете купить для меня несколько экземпляров нашей книжки, вы меня страшно обрадуете. Я получила всего 12 экземпляров, мне этого мало. Продается ли она в Париже? Надеюсь, что да. Скажите Вашему дяде, чтобы он с ней не считался. (Разве что: «Еще не умер т ы, еще т ы не один»), Все остальное — ерунда.

Поедь я в Оксфорд, мы бы встретились.

Но, увы, это невозможно. И я не могу бросить брата, ему 80.⁸ Слишком поздно для нас расставаться. Смерть не за горами.

С любовью

Н. М.

⁸ Брат, Евгений Яковлевич Хазин, написал несколько книг по русской литературе. Его этюд о Достоевском «Все позволено» вышел в свет в издательстве ИМКА-ПРЕСС.

НЕЖДАННЫЕ ВСТРЕЧИ В УЛЬЯНОВСКЕ

(о А. Любичеве и Н. Мандельштам)

В мае 1948 г., я с сыном, в группе 32-х репатриантов из Франции, на электроходе «Россия» прибыла в Одессу, а затем мы жили в Ульяновске, где мой муж, приехавший за полгода до нас, уже работал инженером на заводе, изготавливавшем электроаппаратуру. И, случилось так, что живя в пятидесятые годы в Ульяновске, городе, который никогда не слыл особым интеллектуальным центром, я познакомилась сперва с Надеждой Яковлевной Мандельштам, а года через полтора и с Александром Александровичем Любичевым. Профессор Любичев тогда возглавлял кафедру биологии в Ульяновском Пединституте, а Надежда Яковлевна преподавала историю грамматики английского языка на факультете иностранных языков; а зиму 1948-1949 гг. я работала в этом же институте, где вела три группы — одну немецкую и две английских на первом курсе.

Осенью 1949 г. меня без предупреждения сняли с расписания лекций иностранных языков... А ровно через три недели, 20-го сентября, чины МГБ арестовали моего мужа, Игоря Александровича, и я осталась на целых пять лет одна, с сыном, которому тогда только что исполнилось пятнадцать лет, без всякой работы, больше того, без всякой надежды когда-либо ее получить.

Но это, конечно, «другая история», хотя, без нее, я верно с Любичевым никогда бы и не познакомилась; с Надеждой Яковлевной знакомство произошло еще в Пединституте, как-то совсем просто: я однажды между лекциями села в коридоре старинного пединститутского здания на чугунную скамейку немного отдохнуть, и не сразу заметила, что она сидит на другом конце.

— Простите, верно вы вдова поэта Осипа Мандельштама?

— Да, — ответила Надежда Яковлевна, — а что?

Я почувствовала в ее голосе несколько резкую, испуганную нотку, и поспешила ей объяснить, что зимой 1918-19 г. мне пришлось два раза встретить Осипа Мандельштама в петроградском «салоне» тех времен и слышать, как он читал свои стихи... Знакомство завязалось тут же, вероятно, в эти годы во всем Ульяновске не было второго человека, когда-то видевшего и слышавшего самого Мандельштама!

С Любичевым вышло посложнее, тут было некое предначертание судьбы. Провидение меня толкнуло неожиданно взять и пойти к совершенно мне незнакомым людям, кажется, это один раз в жизни со мной случилось. Вполне вероятно, что если бы я в этот день с Любичевым не познакомилась, то и я и мой сын погибли бы от черной нужды и морального одиночества... Это было осенью 1951 г. Положение наше было достаточно скверное, сын принужден был уйти из школы и поступить на завод учеником, в 16 лет стать рядовым токарем, а учение продолжать в Вечерней Школе Рабочей Молодежи. У меня случались иногда неожиданные заработки — переводы или занятия с отстающими школьниками или студентами; я уж продала все что было возможно, наконец удалось выхлопотать в МГБ разрешение на продажу кой-каких еще имевшихся вещей — ведь все наше имущество было описано при обыске и под угрозой возможной конфискации. Вот я и продала отрез шерстяной материи, еще что-то, и получилась некая сумма, верно рублей 1.600 (т. е. теперь это 160 рублей) и задумала купить пишущую машинку, чтобы начать как-то, что-то дома подрабатывать. Конечно, никакой пишущей машинки ни в одном магазине Ульяновска в те годы не продавалось, а надо было искать купить с рук, что, кстати, тоже было опасно, и я пошла посоветоваться в Пединститут. Там была секретарша, милая женщина, от нее можно было что-то узнать; она и направила меня к Любичеву, объяснив, что его жена опытная машинистка-стенограф и лучше всех даст совет как быть.

Любичевы жили совсем близко, в старинном двухэтажном каменном доме, где до 1918 г. помещалось Губернское Епархиальное Управление, а потом долгие годы Ульяновская ЧЕКА, — теперь этот дом звали просто «архиерейский дом». Там внизу была громадная пединститутская столовая для студентов, а в верхнем этаже библиотека института и, рядом с ней, квартира Любичева. Ольга Петровна, жена Любичева, приняла меня вежливо, внимательно, дала на мой вопрос точный ответ: нет, пишущую машинку нет никакого смысла покупать, т. к. все равно всякий частный заработок запрещен, а получать заказы на переписку от каких-либо учреждений мне, конечно, не удастся, там уж есть свои люди.

Я встала, поблагодарила за совет, извинилась за свой неожиданный визит и пошла к двери, Ольга Петровна меня вдруг окликнула:

— Простите, повторите, пожалуйста, вашу фамилию — я плохо расслышала. — Я ей ответила четко:

— Нина Алексеевна Кривошеина...

Она невольно всплеснула руками и воскликнула: «Господи!»

На следующий день ко мне в дверь постучала незнакомая пожилая дама, полная, круглолицая, с классическим серым со-

А. Любищев

ветским беретом на голове, старшая сестра Любищева, Любовь Александровна, которая у них постоянно жила. Она меня пригласила на следующий день к ним обедать, и с этого дня и вплоть до смерти Александра Александровича продолжалось это знакомство, вылившееся в тесную дружбу. Впервые, в Ульяновске, я попала в семью, где все были приветливы, не озлоблены, не

жестоки и, редко бывает, счастливы и между собой в полном ладу и мире. Любищеву тогда было шестьдесят два года, его жена года на два его моложе, оба были вдовы, случайно после войны встретились в Ленинграде и поженились, жили сперва во Фрунзе в Средней Азии, а теперь уж год как переехали в Ульяновск.

Александр Александрович был высокого роста, костистый, лицо некрасивое, нос крупный, длинный, глаза небольшие, светлые, но удивительно пронзительные, и, хоть вырос он в обстановке подлинного богатства и даже роскоши, к удобствам жизни относился свысока, мог пообедать просто и картошкой с солью; то же было и в одежде — лучше всего он себя чувствовал в старом изношенном костюме, в котором ходил в свои экспедиции по лесам и полям, надевал тогда старый черный берет, изношенный дождевик, ранец на плечо, старые бутсы на ноги — вот так как он изображен на единственной фотографии, которая у нас сохранилась.

Любищев был из весьма богатой петербургской купеческой семьи, отец его торговал лесом с Англией; у него были в Архангельской губернии громадные «лесные дачи», — предки Любищева были крепостными Аракчеева, и прадед его начал торговать, будучи еще крепостным. Природный оптимизм — одно из основных качеств всех Любищевых, он был и у Александра Александровича — редко помню его сумрачным, он всегда был в «хорошем настроении», всегда всем интересовался. Вот его «неравнодушие» к людям чрезвычайно в нем важно, когда бы к ним ни притти, сразу попадаешь в другой мир, а тот, страшный, уродливый — оставался за дверью; часто я там встречала Надежду Яковлевну, или милейшего Иосифа Давидовича Амусина, знатока рукописей Мертвого моря, аспирантов-биологов и т. д.

Любищев родился в 1890 г. в Петербурге, где окончил университет, и где, в 1930 г., защитил докторскую диссертацию. С присвоением звания у него тут получилась неприятность — «свыше» ему не хотели давать докторскую степень и дело тянулось несколько месяцев, но... внезапно главный его противник скончался, и он, получив диплом, попал в Таврический Университет. В Симферополе в эти годы были блестящие сотрудники, геолог Обручев, физики Френкель и С. Тамм, братья Палладины и А. П. Гурвич, которого Любищев чтил, как своего учителя, всю жизнь.

Любищев неустанно был занят изучением и классификацией

насекомых, и особенно вредителей злаков. Среди них главное место было отведено неким «блошкам»; он их и сам собирал или ему присылали из других институтов готовые препараты на стеклянных пластинках.

Когда ни придешь к Любищевым, если нет лекций или собрания в институте, Александр Александрович сидит за столом в большой комнате, микроскоп крепко в левом глазу, в квартире тишина и надо беседовать с дамами потихоньку. Он выходит в столовую к обеду или к чаю и часто объявляет довольным голосом: «Ну, сегодня план уж выполнил!» О, знаменитый план! — он его крепко держался: сегодня такое-то задание, и вечером отмечал в дневнике, сколько исполнил, или же чем иным в этот день занимался. Также подводил итог в конце года, например:

1937 г. — 1840 часов

1938 г. — 1402 часов

1940 г. — 1560 часов

и так абсолютно педантически всю свою жизнь! Таких дневников — отчетов он оставил несметное количество. Живя в Средней Азии во время войны, изучал там фауну и флору Иссыккульского района и руководил экспедициями в Тянь-Шань — а это как раз в те тяжкие годы, когда погиб его сын в Сталинградской битве.

За свою жизнь Александр Александрович опубликовал около семидесяти пяти научных статей, постоянно вел и обширную переписку с коллегами или с друзьями — не ответить на письмо считал неприличным,* он и на чтение находил время. Но есть и другая сторона разнообразных интересов Любищева, это его статьи литературные, исторические, критические, и чего тут только нет! — у него были статьи о Достоевском, Гоголе, Лескове, о Марии Стюарт, Иване Грозном, Марфе Борецкой; под влиянием своего близкого друга, академика В. Н. Беклемишева, увлекся он Дантом и Платоном. — Некоторые из этих статей я читала сама, а подчас он мне сам их пересказывал! Часто он возвращался к образу Базарова, когда-то, в юности, это был его любимый герой, также и к Марфе Борецкой; это уж был его конёк,

* По поводу переписки — маленький экскурс в будущее: когда в 1957 г. мой сын Никита был арестован в Москве и потом отбывал срок в Мордовских лагерях, Любищев ему туда постоянно писал прекрасные письма. Но и в сталинское время, когда я еще жила в Ульяновске, он не боялся вести переписку с своим другом, долго сидевшим в лагере — тогда редко кто на это решался.

он любил говорить, что большим несчастьем было для России уничтожение Новгорода и его вольницы. Может показаться, что Александр Александрович и разбрасывался — можно было писать писем поменьше или не читать всего Дарвина или Тейяр-де-Шардена (книги последнего мы ему посылали в Ульяновск позже, когда уж сами жили в Москве), но если бы он ограничился одними «своими» отраслями науки — энтомологией и таксономией, образ его был бы беднее, неполный, да и эти его разнообразные работы были ведь для него отдыхом.

Можно ли сейчас, через восемь лет после его смерти, сказать о Любичеве, что он был «диссидент»? — нет, это выражение не подходит, да и тогда, в сталинские-ждановские времена какие могли быть диссиденты? Однако, тот факт, что он никогда не уступил ни в чем, ни в каком важном для себя вопросе не поступился, сразу как бы его выделяет из среды советских ученых в те годы; конечно, он был не один такой, но... сколько их было, кто сумел устоять против Лысенко, и при этом не лишиться кафедры и не погибнуть в лагере? Любичев был «морганист», и никогда этого не только не скрывал, но когда нужно было, обязательно о себе так и заявлял. В 1952 г. осенью на него была целая атака, ряд статей в Ульяновской Правде, весьма жестких и злобных; вел эту кампанию директор Ульяновского Сельскохозяйственного Института, со смешной фамилией Красота. Но Красоте так и не удалось погубить Любичева, а вскоре и смерть Сталина и... будто все и изменилось; но вопреки всем ожиданиям, Лысенко не был отстранен, Любичев, где только мог, продолжал неустанную борьбу против него, и даже в 1954 г. специально поехал в Москву, подать в ЦК подробную записку «о злодеяниях Лысенко в советской агробиологии».

Любичеву вообще было неведомо чувство ненависти, но Лысенко он именно «ненавидел» всеми силами души.

Независимость поведения Любичева сказалась и в его отношении ко мне, подробности я уж узнала позже по секрету от сестры Любичева — Любови Александровны — перед самым своим отъездом из Ульяновска, летом 1954 г. В тот день, когда вернувшись домой из института, Александр Александрович узнал от Ольги Петровны про мое неожиданное у них появление, он сразу побежал к Надежде Яковлевне, чтобы все разузнать про нашу семью, вечером же был сумрачным и отказался есть ужинать, а потом, на уговоры хоть немного поесть ответил: «Нет, пока я буду знать, что рядом с нами живет женщина с сыном и

в городе, где всё есть, не могут ничего купить, я за стол не сяду!» «Что же делать?» спросила Ольга Петровна. — «А вот ты их накорми, чтобы они не голодали, а уж как это сделать — сама решай».

В Любичеве было много привлекательных черт, так он, например, мог спонтанно чему-то обрадоваться, придти в некий восторг. Так было, когда в 1953 г. я, услышав по Би-Би-Си (тогда в Ульяновске удавалось эту станцию слушать только по-немецки), что новозеландец Хиллари с своим шерпой Тензином за день до коронации нынешней английской королевы — взошел на верхушку Эвереста, то я, думая, что Любичеву такое событие будет интересно, — сразу же к ним побежала и уж при входе сообщила, что услышала. Как же Александр Александрович обрадовался, и тут сразу начал кружить по комнате, даже подпрыгивать, махать руками, и при этом все восклицал: «Ах! как чудесно! Вот какие люди! спасибо, спасибо, что так быстро сказали мне!». Такие приступы восторга с ним бывали, правда, чрезвычайно редко — казалось, что он, как ребенок на ёлке... Но он также мог внезапно заплакать: так, он как-то за обедом завел разговор про Пастера, очень любил о нем говорить и считал его одним из самых замечательных людей на свете, и оказалось, что я никогда не читала завешание Пастера. Он быстро достал его биографию, где это завешание было приведено целиком, и начал мне вслух читать... и вот внезапно в конце заплакал. «Что это вы, Александр Александрович?» — я была несколько смущена. «Да вот, — ответил он, — не могу опокорно такие чудесные слова читать... Да и сразу вспоминаю покойного сына... а ведь это мне на всю жизнь». И быстро встал из-за стола и пошел к себе за рабочий стол.

Верно, через год после нашего знакомства, его как-то вызвали в партком института и беседовали с ним: «Как же это вы, Александр Александрович, такой видный человек у нас в городе и принимаете у себя евреев, ну... и Кривошеину, какая же это для вас компания?» Он помолчал, пожал плечами и ответил: «а ведь правда, многие мои друзья евреи, а я просто никогда об этом не задумался, ну, а что касается Кривошеиной... да нет, я всегда принимал у себя кого хотел, так и дальше буду». — Это он мне сам рассказывал.

Был ли этот добрейший и высокой морали человек — верующим? Не думаю. В вопросах православия был он чрезвычайно осведомлен, прекрасно знал св. Писание, хранил у себя старин-

ную семейную Библию на славянском языке, однако в церковь никогда не ходил. Атеистом он тоже не был, а сам про себя говорил не раз, что он близок к «виталистам». Он не раз отказывался принимать участие в собраниях, где пришлось бы вести материалистическую или атеистическую пропаганду, и, как-то, рассказывая мне об этом, добавил: «А я им сказал, что же, давайте — я согласен, а вот оппонента вы мне дайте церковника».

Он скончался в 1972 г. в г. Тольятти на Волге, куда поехал читать ряд лекций заочникам в тамошний Биологический Институт. Его похоронили в ограде института, там было свое довольно старинное кладбище, там его могила и сейчас. Его жена, Ольга Петровна, пережила мужа всего на четыре месяца.

Я звала про себя Александра Александровича «последний русский Паганель» и даже как-то шутя ему про это сказала — он тогда подумал, посмеялся и сказал, что «вполне принимает такое сравнение — это очень даже почетно!» В данное время слава и легенда Любищева многими воспринята, и осталась о нем живая память: Московское Общество Испытателей Природы ежегодно устраивает чтения в его честь, посвященные проблемам биологии, которыми он занимался; последнее такое чтение проводилось в 1980 году, в апреле в Геологическом институте — геологи тоже всегда ведь были его почитателями.

Надо еще обязательно сказать и про жену и про сестру Александра Александровича, — конечно, решение взять на себя мою судьбу шло от него, но... дальше вступили они обе, и вся помощь и поддержка поступала уж исключительно через них, — недаром все были Любищевы и... филантропы! Милейшая Любовь Александровна и сама прожила эти страшные годы только благодаря брату, муж ее скончался в начале войны, единственный сын был «далеко от Москвы», где-то за тысячи километров (судьба почти всех попавших в плен в войну). Вот она была истинно верующей и церковницей, ходила на все службы в церковь — неуклюжее деревянное здание — когда-то евангелическая модельня. Была она и умна и образсванна и сама доброта. Из всех Любищевых, она чаще всех приходила ко мне в зачумленную бывшую кухню, где я тогда жила, и всегда умела меня подбодрить, брата своего она боготворила и часто вспоминала, как они когда-то жили в Петербурге «у папочки». Что касается Ольги Петровны, то она была иная — достаточно властная, весьма решительная, прошла всю войну на фронте — имела и чины и ордена — она умела и привыкла работать — я всегда восхища-

лась тем, как она ровно и неумолимо стучала на машинке, но она была и организатор — дом свой вела крепко и незаметно. Она-то как раз и осуществляла всю помощь, которая шла от Любимцевых ко мне, и удивительное дело, ни разу за те два с половиной года, что такое положение длилось, (и можно было предполагать, что конца ему просто не предвидится!) мне не пришлось о чем-либо ее попросить. Казалось, она уж вперед угадывала, что нужно. Она же мне устроила небольшой, но вполне законный заработок, — чтением к двум слепым студентам; — студенты эти, девушка и молодой человек (которые, кстати, окончив институт, поженились) приходили ко мне на дом. Читать приходилось много, иногда и пять и шесть часов сряду, и было очень утомительно. Но...это было что-то, в каком-то смысле все же нормализовавшее мое положение. А в ноябре 1953 г. я тяжело заболела — в Ульяновске разразилась как-то молниеносно страшная эпидемия дизентерии, я пролежала три недели в заражном бараке, и каждый день Ольга Петровна приходила туда, на конец города, меня навещать (кричали друг другу через стеклянную дверь), приносила мне книги, гречневую кашу (это была тогда редкость), пакетики настоящего чая, трехрублевки для раздачи няням, уборщицам и на кухню.

Но вот наступило время «реабилитаций», мой муж тоже был реабилитирован и в июне 1954 года покинул Лубянку и «Круг Первый», т. е. Марфино под Москвой, где из пяти лет отсидки он провел почти три года. Получить прописку в Москве удалось только через год, и в сентябре 1955 г. я окончательно покинула Ульяновск. А Любовь Александровна несколько ранее меня уехала к сыну в Карагандинскую область — и ее я уж больше так и не видела, хоть вечно вела с ней переписку. Что касается Надежды Яковлевны, то ей пришлось покинуть Ульяновский Пединститут во время дела кремлевских врачей, когда внезапно, как-то неожиданно, вспыхнула волна антисемитизма, ловко поддержания с верхов, а в глухомани, каким был тогда Ульяновск, это дело приняло совсем уж уродливые формы. В Пединституте быстренько устроили собрание преподавателей факультета иностранных языков, Надежду Яковлевну об этом собрании даже и не известили, и только к вечеру она, случайно зайдя в институт, узнала от какой-то секретарши, что отстранена от преподавания...

В этот день я как раз была у Любимцевых (это все произошло в декабре или в январе), все были настроены нервно, нельзя было себе представить, что будет дальше, и вдруг звонок, и вхо-

дит Надежда Яковлевна и, с трудом произнося слова, рассказывает, что вот только что узнала в Пединституте... Когда она уж немного успокоилась, то сказала, что уж по дороге из института твердо решила немедленно уезжать, и верно поедет в Читу, где есть вакансия по преподаванию английского языка. И действительно, через неделю она Ульяновск покинула, а уж после Читы переехала в Псков и там что-то два года работала и уж оттуда сперва ездила на каникулы к брату, на дачу под Москву, а потом уж и переехала тоже совсем в Москву и жила у своей приятельницы Василисы Шкловской в маленьком закуточке, где с трудом помещались раскладушка, столик и табурет... Но там был телефон, и мы начали перезваниваться, контакт снова налачился... Но ведь это все был очень медленный процесс — еще раз наладить наново жизнь после волны террора 1948-52 гг. Мы с трудом переехали из маленькой комнаты в однокомнатную квартиру в 1961 г. — мой муж в Москве занимался исключительно техническими переводами с русского на французский, спрос был большой и переводы хорошо оплачивались. Конечно, первое, что мы сделали — вернули Любищевым всю сумму денег, которую они мне в Ульяновске передали, но... не без труда, — Александр Александрович твердил, что он никак эти деньги «в долг не давал».

Думаю, что Надежда Яковлевна получила небольшую отдельную квартиру в Москве тоже около 1962-64 гг. — точно не скажу. Но это было ужасно далеко от нас, более 40 километров, и встречи были не частыми, но всегда интересными — речь у нее была совсем особенная, свой, очень точный лексикон, красочный, — память прекрасная, но про этот её особый дар, конечно, многие знают, — а меня это всегда поражало: уж если она что рассказывает из бывших лет — значит все абсолютно точно и... ничего не забыто. Она никогда не простила, что её мужа, про которого она знала, что это один из великолепнейших поэтов нашего века, так ужасно, так бессмысленно загубили и потом бросили его тело с биркой в общую яму в лагере... Да и многие стихи Мандельштама мы сейчас знаем только потому, что она годами и годами повторяла их про себя наизусть, чтобы не забыть...

Когда Надежда Яковлевна получила свою отдельную однокомнатную квартирку на Юго-Западе Москвы, то месяцами, открывая утром входную дверь, находила на площадке букеты цветов, зеленые растения в цветных горшках, конфеты, письма, всякие наивные и трогательные сувениры; частенько в дверь звонили мо-

лоденькие девушки, предлагали ей помочь по хозяйству, пойти в лавку, сготовить обед... Ей даже пришлось передать по кругу просьбу прекратить эти знаки внимания — она всегда опасалась, что эта молодежь, так горячо высказывавшая ей свое почитание, может за это пострадать... А про себя она как-то мне сказала:

Н. Я. Мандельштам

«Ну, а для себя самой я больше ничего не боюсь, ведь если уж захотят меня повесить вниз головой, то и повесят, конечно!»

Я слыхала, что она тихо скончалась, заснула... а все-таки ареста так и не избежала, и её уж мертвую «уташили», в морг, все те же люди...

Последний раз Александр Александрович был у нас в Москве в 1971 г. проездом в Ленинград из Ульяновска — он уж тогда ходил с костылями, упал год до этого на кухне, сломал себе шейку бедра, починить по-настоящему ему ногу в Ульяновске не сумели. Он провел у нас целые сутки, и днем пригласил к себе двух молодых ученых. Я всех угостила крепким чаем, и хотела уйти на кухню, чтобы не мешать, но Александр Александрович попросил меня остаться — «у нас секретов никаких нет, а я хотел, чтобы и вы послушали». Вот так и вышло, что в течение чуть ли не четырех часов я слушала некий страстный монолог Любищева, а молодые люди поняли, что он хочет им сказать многое, для него самое важное, и не мешали ему неуместными вопросами. Что он говорил? повторить это сейчас уж совсем не могу — как жаль.

Когда молодые люди ушли, я все же Александру Александровичу заметила: — «А вы ведь говорили, что они придут с вами проконсультироваться по биологии, а вы им прочли целую лекцию о высшей человеческой морали. Вы не думаете, что они не это от вас ожидали?»... — «Верно, верно, — ответил мне Любищев, — но это не так уж важно, а вот, вдруг решил высказать им как бы мое завещание, это не задумано у меня было, но, раз уж так вышло, решил пусть послушают — ведь я чувствую, что видел их в последний раз»!

Париж

Январь 1981 г.

ДВА ПИСЬМА А. ЛЮБИЩЕВА к Н. МАНДЕЛЬШТАМ

1.

Дорогая Надежда Яковлевна!

В последнем письме О[льге] П[етровне]* Вы меня послали к черту за то, что я до сих пор не реагировал на присылку записок Осипа Эмилиевича по поводу натуралистов, в частности, Дарвина. Я бы не возражал от знакомства с чертом, так как люблю говорить с умными людьми независимо от их моральных качеств, а если судить по Фаусту, то Мефистофель там самая умная персона (сравните с дурацким хором ангелов в прологе). Но старая техника вызова черта утрачена, а адреса Вы не сообщаете, поэтому воспользоваться Вашей любезной путевкой я не в состоянии.

Я задержался с ответом из-за моей переписки по поводу моего одного письма, где я высмеял БСЭ, и, как это ни странно, получил от одной сотрудницы БСЭ, давней знакомой Ольги Петровны, приглашение написать статью в философскую энциклопедию «Биология». Конечно, думать, что мою статью поместят там, было бы дико, но для вправления мозгов молодежи я написал статью «Философия и наука» объемом около двух печатных листов. Вчера закончил, сейчас Оленька ее переписывает, и потому я приступаю к ликвидации моих корреспондентских долгов.

Замечания О.Э. «Вокруг натуралистов» и «Заметки о натуралистах», конечно, очень любопытны для суждения о том, как преломляются биологические теории в умах поэтов и писателей, наукой специально не занимавшихся. Записки не датированы. Если они написаны после того, как О.Э. познакомился, например, с Б. С. Кузиным (он был, кажется, довольно близко знаком), то непонятно, почему биологические взгляды Б. С. Кузина, весьма оригинальные, как и все у этого нашего общего друга, совершенно не отразились на этих записках. Вероятно, они мало говорили о науке, а больше о поэзии. А Кузин весьма критически относился к Дарвину, у О.Э. же к Дарвину необыкновенно восторженное отношение. Нельзя отрицать, что как тип ученого, Дарвин необыкновенно привлекателен. Исключительная любовь к науке, честность, самокритичность, огромное трудолюбие, позволив-

* Жена А. А. Любичева.

шее ему преодолеть очень слабое здоровье, полное отсутствие карьеризма, нетерпеливость в подготовке работ, исключительная наблюдательность и благородное отношение к возможным соперникам. Ему вполне под пару его соратник по обоснованию теории естественного отбора, Уоллес. Вы, вероятно, знаете, что я далеко не поклонник Чернышевского, но приходится с ним согласиться, что звучит странным парадоксом, что два этих гуманнейших человека были основоположниками теории, достойной Торквемады. Правда, Уоллес, как известно, не распространял эту теорию на человека (при переходе от обезьяны) принимал сверхъестественное содействие. Обычно это считается дефектом теории Уоллеса, но этот «дефект» гарантирует от расизма. Поэтому, хотя в теории естественного отбора Уоллес шел дальше Дарвина, предвосхищая Вейсмана, к нему упрек Чернышевского относится в гораздо меньшей степени.

Хотя я давно сделался антидарвинистом, но облик Дарвина до сих пор не потерял для меня своего обаяния. Но это — область эмоциональная, а не рациональная. В науке же от эмоций мы не отказываемся, они являются мощным стимулом, но должны подчиняться голосу разума. И вот О.Э., как и большинство других писателей, даже самых выдающихся, не разбирается достаточно в мотивах работы ученых. Поэтому высказывания крупнейших писателей о науке показывают обычно полное непонимание духа науки. Возьмем нашего Тургенева: несомненно, (это) был очень умный человек. И возьмите его коротенький рассказ из стихотворений в прозе «Истина и правда». Рассказ, коротенькая сущность его: «Истина не может доставить блаженства. Вот правда — может: это человеческое, наше земное дело...» Если хотите, можно представить много данных, чтобы показать, что именно наслаждение в открытии истины является одним из самых мощных стимулов научной работы. Вам, конечно, известны легенды об Архимеде: «Эврика!» и «*noli tangere circulos meos*».

Возможно, что они не соответствуют исторической действительности, но тогда, значит, тот, кто выдумал эти легенды (летописец или народ) гораздо лучше понимал дух великого ученого, чем Тургенев, живший в 19-м веке. Известно также про одного из математиков, Бернулли, что когда он открыл свойство логарифмической спирали (что эволюта ее есть тоже логарифмическая спираль), то он пришел от этого в такой восторг, что завещал выгравировать эту спираль на своей могиле, как символ воскресения. Тургенев не говорит в этом рассказе, может ли красота

доставить блаженство и можно ли умереть за красоту, но надо полагать, что, будучи представителем чистого искусства, он это допускает. Иначе, если нельзя умереть за Истину, нельзя умереть за Красоту, а можно за Правду (т. е. справедливость и добро), то, значит, единственным достойным стимулом нашей деятельности является этический. Но ведь это как раз утверждают все противники чистого искусства и чистой науки. На самом же деле искреннее стремление к Истине и Красоте без всяких иных стимулов чрезвычайно широко распространено и очень почтено, и следует думать, что истинные ученые стремятся только к Истине, а художники — к Красоте. Эстетический элемент играет огромную роль во всех науках вплоть до математики (мой учитель математики любил говорить: «математика — это красота»), а искусство, конечно, не лишено познавательной роли. Достаточно назвать два имени — Леонардо да Винчи и Гете: в основном они были художники, но какую огромную роль в их жизни играло стремление к истине чисто научного характера.

Чем же отличаются в биологии те две категории натуралистов, о которых пишет О.Э.: тех, которых он презрительно называет кропателями и составителями каталогов, и Дарвином. В сущности, надо различать не две, а три категории, а вернее — четыре, смотря по тому, какой основной стимул руководит ученым: 1) разум — стремление постичь тайны природы; их можно назвать естествоиспытателями; 2) эстетическое чувство — натуралисты; 3) мода — случайная примесь и 4) карьера и практические потребности. Если стремление к практике совмещается с искренним стремлением к чистой истине, то получаются величайшие ученые типа Архимеда и Пастера, если же практика является единственным побуждением, то в огромном большинстве случаев получают шарлатаны. Вот неумение различать эти категории и приводило и приводит даже умных и честных писателей (я не говорю уже о современных «инженерах человеческих душ») к досаднейшим ошибкам.

Вы, конечно, знаете, что Свифт в Гулливере подверг осмеянию чудаков-ученых. Кого же он осмелял: членов Королевского общества во главе с великим Ньютоном! О.Э. пишет, что «Пиквикский клуб» Диккенса есть сатира на естественно-научное дилетанство. Я не так давно перечитал Пиквика, но этого элемента я даже не заметил. Что среди коллекционеров-любителей было много бездельников, занимавшихся собиранием коллекций по моде или просто от скуки, это, конечно, верно, но значительная часть

были искренними натуралистами, работа которых была необходима и для выросших из их же среды естествоиспытателей, к которым принадлежит и сам Дарвин. Ведь Дарвин в течение восьми лет потратил много труда на составление четырехтомной монографии об усконогих раках в стиле «кропательства и каталогизации». Сам Дарвин в автобиографии пишет, что писатель Э. Литтон-Булвер, несомненно, вывел Дарвина в одном из романов под видом профессора Лонга, написавшего два увесистых тома о ракушках. А ведь Дарвин напечатал своих «Усконогих» в 1894 году, когда он был уже крупным ученым (вероятно, уже в то время — членом Королевского общества), известным своими путевыми заметками, теорией коралловых рифов, геологическими исследованиями и проч. Это чрезвычайно характерно для писателей (если они только писатели) всех времен: высокомерная оценка труда тех ученых, работа которых им кажется скучной и не имеющей практического значения.

Дарвин по своим стремлениям не был принципиально отличен от столь презираемых систематиков. Всё дело в том, что к его времени назрела необходимость пересмотра теоретических основ биологии, и на такой пересмотр требовалось затратить очень много сил. И не следует думать, что Дарвин был первым выдающимся естествоиспытателем. Аристотель уже был очень думающим человеком; таковыми были, конечно, Линней, Кювье, Ламарк, Сент Илер, Бор и проч. Дарвин просто разрешил одну из очередных крупных задач, но в своем решении оставил в тени другие крупные задачи биологии, и сейчас нам во многом приходится возвращаться к идее Кювье. Например, книга моего друга В. Н. Беклемишева: «Основы сравнительной анатомии беспозвоночных животных» (кстати, получившая даже Сталинскую премию) возрождает понятие плана строения в кювьеровском понимании; наш общий друг Б. С. Кузин стремится внедрить в систематику понятие типа в смысле Гете.

Никакой революции в описании животных Дарвин не произвел. Просто для разных целей требуются разные формы описания. О.Э. восхищается художественной формой описания жуков, сделанной Палласом, где «насекомое костюмировано и загримировано под китайский придворный театр, под крепостной балет». Всё дело в том, что Паллас использует прежде всего цветовые признаки. Это и сейчас делают и тогда описывают в духе Палласа. Если же это делается всё реже и реже, то дело вовсе не в том, что «искусство дворянско-феодалной миниатюры Палласа пришло

в упадок», а потому, что пользование цветовыми признаками имеет два недостатка: 1) очень часто они вовсе не могут быть использованы, так как близкие виды сходны по окраске; 2) в других случаях цветовые различия непостоянны, почему Линней придавал цветовым различиям ничтожное систематическое значение. Что же касается эстетического восприятия насекомых, то тут часто имеет место лицемерие. Энтомологи, в частности, искренне восхищаются своими объектами, но стыдятся в этом признаться, так как считают, что для ученого эстетика противопоказана. Писатели сумели убедить таких ученых, что наука обязательно должна быть скучной, и многие ученые всерьез обвиняют выдающихся натуралистов и естествоиспытателей, что они пишут недостаточно скучно. Например, такой выдающийся наблюдатель, как Фабр, писал очень свободно, не стараясь писать так называемым ученым жаргоном. Некоторые ученые педанты считали, что это недостойно науки. В этом же обвиняли нашего талантливейшего энтомолога Шевырева.

Но есть блестящие исключения. Крупный и очень думающий австрийский энтомолог Brunner von Wattenyl написал даже статью: *Die Farbenpracht der Insekten*, где разбирает окраски насекомых с откровенно эстетической и полиграфической точек зрения. Я считаю эту статью выдающейся, но большинство отвергает ее, как явно «идеалистическую», антидарвинистскую: это совершенно правильно, но это не означает, что она неверна.

Не следует думать, что Дарвин первый ввел функциональную зарисовку (шелкун, потом почему-то говорится о кузнечике), просто способы описания различны: когда речь идет о физиологии — описывают с физиологической точки зрения, в систематике — без учета физиологии, тогда Дарвин (вопреки мнению О.Э.) выписывает весь длинный «полицейский паспорт животного или растения». У О.Э., очевидно, получилась переоценка Дарвина в силу контраста. Он пишет (зам. о натуралистах, стр. 2), что с детства приучил себя видеть в Дарвине посредственный ум, так как его теория казалась подозрительно краткой: естественный отбор. Но, познакомившись с его сочинениями, О. Э. резко изменил свою оценку. Конечно, теория Дарвина не исчерпывается словами «естественный отбор», как правильно заметил критик Дарвина Данилевский. Дарвинизм — это не научная, а философская теория, хотя сам Дарвин, сознавая, что его теория будет иметь философское значение, недостаточно ясно сознавал, что главное значение будет именно философское. Это объясняется прежде всего тем, что он вовсе не был «величайшим эрудитом своего века». Гораздо

большей эрудицией отличались, например, Иоганнес Мюллер, Гельмгольц, Пастер. Если к словам «величайший эрудит своего века» прибавить слова: «среди представителей неточных естественных наук», то это будет более или менее справедливо, но в области точных наук Дарвин был вовсе не сведущ, и философски его кругозор был крайне ограничен.

№ 12 заметки о натуралистах — ссылка на «Философию зоологии». Это заглавие основной работы Ламарка, человека гораздо более широкой эрудиции, чем Дарвин, но не сумевшего изложить свои идеи в достаточно убедительной форме прежде всего потому, видимо, что они пришли к нему слишком поздно. Если бы они пришли к нему раньше, и его идеи, как это принимается, были сродственны идеям французской революции, то он написал бы «Философию зоологии» не в 1809 году, а раньше.

Ни Ламарк, ни Дарвин, по существу, Линнеевскую систематику и не тронули. Способ описания остался совершенно тот же самый. Изменилось только понимание в толковании системы.

Вот те мысли, которые мне пришли в голову при чтении заметок. Я думаю в этом году написать первую часть большого труда, это будет аксиоматика дарвинизма, но это, вероятно, будет только к концу года.

Вероятно, я в апреле-мае совершу турнэ в Киев, Минск, и Ленинград, и Москву.

Пока всего лучшего, спасибо за присылку этих заметок. Оленька сняла копию, оригинал возвращаю с письмом. Был бы рад Вас повидать, если будете в Москве — сообщите, может быть, удастся свидеться.

Искренне к Вам расположенный

А. Любичев.

Ульяновск,
18 марта 1958 г.

2.

Н. Я. Мандельштам

Чебоксары, ул. Ворошилова 12,
кв. Павловой.

Дорогая Надежда Яковлевна!

С огромным удовольствием прочли Ваше теплое и умное письмо и постараюсь на него кратко ответить.

В отношении того — составляют ли систему мои высказы-

вания, ответ дан в длинном письме к Жеке, копию которого Вам пересылаю. Я думаю, что сейчас все мои работы связаны друг с другом и обусловлены логической цепью обоснования и защиты новой биологии. Это вместе с тем отчасти и объясняет то, что я не стремлюсь расширить многих своих эстетических запросов. По-видимому, Вы были очень довольны, что некоторые стихотворения Вашего покойного мужа мне нравились. Верно, что одно или два я почувствовал. За это время у меня было еще и другое новое эстетическое переживание. Будучи в «Борке», я первый раз с чрезвычайным удовольствием прослушал действительно высокую музыку. Там я слышал на долгоиграющих пластинках «Крейцерову сонату» Бетховена. Весьма возможно, что если бы я стал посвящать больше времени чтению стихов и слушанию хорошей музыки, я, может быть, и понял бы самые высокие произведения, но это не входит в мою систему и поэтому я удовлетворяюсь теми стихами (скажем, А. К. Толстого, Лермонтова, Жуковского, Некрасова и др.), которые мне приятны, не делая попытки подыматься в более высокие сферы, которые я вполне уважаю, но считаю, что необъятное объять невозможно. Я резервирую только за собой право считать, что необязательно непонятные для меня стихи и музыкальные произведения выше того, что я понимаю. Наряду с действительно очень высокими непонятными для меня произведениями, вероятно, непонятно для меня и многое такое, которое просто относится к иному канону, вовсе не более высокому, чем тот канон, который мне нравится. И вот для обоснования этого могу использовать опять то же слушание «Крейцеровой сонаты». Что существует такая соната, я в свое время узнал только прочтя повесть Льва Толстого под тем же заглавием. Это было очень давно. Так как тогда я был полным нигилистом, музыкой не интересовался, то и полагал, что «Крейцера соната» написана Крейцером. Из самого чтения повести я сделал два вывода: 1. что написавший «Крейцерову сонату» Лев Толстой никак не мог быть счастливым в семейной жизни, и в этом я был, оказывается, прав; 2. что эта самая «Крейцера соната» есть какое-то исключительно развратное, возбуждающее чувственность, произведение, если Лев Толстой, который большинством людей признается великим художником и великим знатоком разных видов искусства, избрал это произведение как символ господства животного начала над человеческим. Когда узнал потом, что «Крейцерову сонату» написал Бетховен, вообще более, чем другой крупный композитор, для меня доступный, то я усомнился во втором толковании, а когда я прослушал эту сонату в хорошем исполнении,

то убедился, что, очевидно, Лев Толстой в настоящей музыке ни хрена не понимает. Более нелепого толкования, чем дал Лев Толстой, дать невозможно. Совершенно для меня ясно, что сам Лев Толстой был крайне обуреваем чисто животными стремлениями, это он сознавал и с этим старался бороться, но почему Бетховену попало — это уже дело чистой физиологии, а не разума. Из воспоминаний Софьи Андреевны видно, что она когда-то увлекалась Танеевым. Л. Толстой, очевидно, сильно ревновал, и так как, возможно, С. А. вместе с Танеевым исполняла «Крейцерову сонату», то у Л. Толстого и образовался условный рефлекс, установивший связь между его ревностью и таким величайшим произведением, каким является «Крейцера соната». Вы знаете, что наш общий друг Б. С. Кузин, у которого я гостил десять дней, резко отрицательно относится к Л. Толстому (между прочим, это не столь редкое явление). Я не являюсь восторженным поклонником Л. Толстого, считаю, что большинство его философствований (кроме суждения о Шекспире) чрезвычайно невысокого уровня и ставлю его гораздо ниже А. К. Толстого или, например, Лескова, но всё же я считаю его крупным писателем и не мог понять такого резко отрицательного отношения Б. С. Теперь я понимаю, и хотя своего отношения к Толстому не изменил, но этот случай с «Крейцеровой сонатой» прибавил мне еще один резкий аргумент для моего критического отношения к нему.

Ваше замечание о сравнении Энгельса и Ленина, по-моему, очень метко. Для Ленина философия была целиком подчинена его политической деятельности, и это было причиной написания его книги «Материализм и эмпириокритицизм» со всеми вредными последствиями. По ряду последующих замечаний Ленина, в конспектах на «Историю философии», можно догадаться, что если бы у него было больше времени, он мог бы исправить сделанные им ошибки, которые сейчас книжниками и фарисеями используются во вред культуре. Об этом у меня намечено написать в «Философских письмах», но до них я доберусь, вероятно, не скоро, вернее, до соответствующей части «Философских писем».

Теперь очень трогательны Ваши сомнения о своевременности моих писаний. Выражаясь Вашим языком, «позвольте, сказал Ал. Ал. и полез разговаривать...». Эта фраза мне очень понравилась, и согласно с ней я сейчас и лезу.

Вам кажется осложнением, что я, будучи рационалистом, в значительной части своих боковых высказываний — моралист, и потому я могу попасть на крючок. Хотя тут же Вы возражаете себе. Что я рационалист, это, конечно, верно. И мой рационализм

распространяется целиком и на область морали. Поэтому я моралист не вопреки тому, что я рационалист, а именно потому, что я рационалист. Тут я вовсе не оригинален, тут я следую великой традиции Сократа, Платона, Аристотеля, Спинозы, Канта. Начиная с Сократа, развивается положение, что разум есть не только высшая, но и единственная подлинная добродетель человека и что неразумный человек быть подлинно добродетельным не может.

Ваше рассуждение о моменте и времени вполне справедливо, и я вполне понимаю разницу между пеной и течением. Вы пишете, что течение других изученных областей мне не поможет. Эту область я очень внимательно и давно изучал. Я никогда не принимал участия в политике, но всегда ею интересовался, и поэтому я, пожалуй, лучше разбираюсь в ходе событий, чем многие лица, обвиняющие меня в наивности и оторванности от жизни. Поэтому я полагаю, что никакой крючок мне не угрожает.

Живем мы сейчас прекрасно. Дела у нас обоих столько, что не до скуки. Супруга моя чувствует себя гораздо лучше. Волнения последних лет уже прошли, она очень довольна за Кумочку, которую мы все любим, и сейчас у нее появилась опять любовь к систематизированию и обработке наших мемуаров. Я сейчас ей диктую раз в неделю воспоминания о Перми (по просьбе Пермского университета, которому на будущий год исполняется 40 лет), а затем мы решили каждую неделю часа 2-3 посвящать записыванию под диктовку моих воспоминаний. Это и ей доставляет удовольствие и мне тоже.

Материальное положение у нас сейчас улучшилось в связи с отъездом Любочки и амнистией ее сына, так что, очевидно, на пенсию мы сможем жить, не нуждаясь в дополнительном заработке. Так что будем заниматься только тем, что для нас представляет интерес.

Целую Вас, нашего общего милого друга.

Ваш А. Любичев.

Ульяновск,

15 октября 1955 г.

Судьбы России

ИСТОКИ ДУХОВНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ ВЛАДЫКИ СЕРАФИМА (ЗВЕЗДИНСКОГО) (1883—1937)

Святитель Серафим родился при единоверческом храме во имя Святой Троицы. Отец его был священником. Обратившись из беспоповских раскольников, в юных годах Иоанн Звездинский принял в Петербурге сан. Оставив тайно своего родителя — начетчика беспоповской секты, Иоанн Звездинский стал ревностно призывать своих заблудших братьев присоединиться к Христовой Церкви. Его ревностное слово нашло многих себе последователей. Родные братья вскоре стали единоверцами, а в Москве раскольники тысячами присоединялись к Православной единоверческой Церкви.

7-го апреля 1883 г. родился у о. Иоанна сын. Имя новорожденному было дано в честь святителя Николая. На втором году своей жизни он потерял свою кроткую и многомолитвенную мать.

Оставшись сиротой, младенец Николай жил под наблюдением отца, доброй няни и сестры. Ночью, к утрени, водили младенца в храм, где он засыпал детским сном. Но отец строго смотрел, чтобы дитя никогда не оставалось дома. «Пусть спит, да в храме», — говаривал он воспитателям.

Строгие уставные единоверческие богослужения привили Николаю любовь к неленостному, неукоснительному посещению богослужения, научили его песнопениям, а затем и клиросному пению и чтению.

Малютка Коля читал у аналая. Встав на скамеечку, он заглядывал в псалтырь, чисто и громко читал словеса пророка Давида. Однажды младенец через царские двери вошел в алтарь, где увидел стоящего у престола своего отца. Молящиеся не пришли в смущение, но увидели в сем Божие указание, что младенец сам будет священнослужителем и предстателем у престола Божия.

Окончив начальное училище близ своего единоверческого храма, Николай был переведен в Заиконоспасское училище на Никольской улице в Москве. На пути до Никольской улицы встре-

чалось множество часовен со святынями Московскими и юный ученик со своими сверстниками не проходил мимо их. Они заходили во все часовни, прося себе успеха в науках. На свои копейки, данные на завтрак, он ставил с усердием свечки перед чудотворными образами: Всеблагой Скоропослушницы; Пантелеимона великомученика в часовне; или Владимирской Божьей Матери

Еп. Серафим Звездинский

у Владимирских ворот, или преподобному Сергию у Ильинских ворот, или же святителю Николаю на Никольской улице.

Учился Коля успешно, но терпел немало от шустрых учеников, которые, видя его тихий и кроткий нрав, отнимали силою у него завтрак или те денежки, которые отец давал ему на ученические расходы и питание.

Окончив училище, Коля пошел в семинарию, имея сверстниками своими двух будущих епископов Гавриила Красновского и Никанора Гудучи.

Уже юношей Коля расположился сердцем к тихой отроковице-сиротке, как и он сам, воспитываемой без матери, няней — дочери соседних фабрикантов, мнящих себя выше детей священнослужителей. Коля не сближался с Таней и только издали любовался ею. Таня была недоступна для его любви. Здесь Господь посетил Колю Своим чудным посещением. Коля заболел воспалением лимфатических жалаз. Лимфаденит унес в могилу его одноклассника и за ним должен был отойти в иную жизнь и отрок Николай. Тяжело страдал юноша от нестерпимой боли. Уже два месяца он не мог заснуть. Температура была высокая. Врачи объяснили скорбному отцу, что общее заражение крови неотвратимо и средств для спасения жизни нет.

Лишившись супруги и стоя у одра возлюбленного своего младшего сына, отец неутешно рыдал, прося Господа спасти жизнь его сыну. Господь услышал его молитву.

К о. Иоанну часто наезжал Саровский игумен по делам обращения раскольников, которых было множество близ Сарова. На этот раз игумен привез с собой изображение Саровского угодника Божия старца Серафима, начинающего своими чудесами прославляться по всей Руси.

«Отец протоиерей! — сказал игумен, — не отчаивайтесь в жизни вашего сына, старец Серафим творит прославленные дела и силен свою молитвою перед Богом исходатайствовать вашему Коле исцеление. Просите его, он вас утешит!»

Растроганный отец подошел к постели страждущего сына Коли и сказал ему: «Вот, Коля, тебе врач, проси его, он исцелит тебя!»

И умирающий отрок тихо и крепко обнял своей рукой посетителя старца Серафима и со слезами стал просить о помощи и исцелении. Молитва его была принята. Он не спал уже два месяца и тут в слезах тихо-тихо уснул мирным сном. И, о чудо! Проснувшись, он не чувствовал ни малейшей боли, все было мокро около него от вытекавшего гноя.

«Что это? Я исцелился?» — пронеслось у него в голове. И он ощутил небесную сладость во всем своем сердце и ясно почувствовал себя избавленным от тяжкого недуга.

Тут же было послано известие в Саров о чудесной помощи по молитвам старца Серафима.

ИСЦЕЛЕНИЕ НИКОЛАЯ ЗВЕЗДИНСКОГО,
СЫНА ПРОТОИЕРЕЯ МОСКОВСКОЙ ТРОИЦКОЙ
ЕДИНОВЕРЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

«Его Высокопреподобию, Настоятелю Саровской пустыни, игумену Иерофею. Ваше Высокопреподобие, глубочайший игумен Иерофей! Тайну Цареву добро есть хранить, а дивные дела Божии проповедати преславно есть, сказует Писание.

Имею честь сообщить Вашему Высокопреподобию следующее событие в моем семействе: сын мой Николай, 18 лет, воспитанник III класса Московской духовной семинарии, прошедшего января 12 сего 1902 г., заболел опухолью под правой мышцей (воспаление лимфы). Врач советовал сделать прокол и выпустить гной, но больной на это не соглашался. 25 января 1902 г. Вы осчастливили меня Вашим посещением; в это время я сообщал Вам о болезни и страдании моего сына. Болезнь его с часу на час усиливалась, больной сильно изнемогал, стали делаться обмороки; так продолжалось до 28 января. В этот незабываемый день через посланного Вашим Высокопреподобием в 6 часов вечера я получил книгу «Житие старца Серафима» и образок его на белой жести, я этот образок принес к страждущему сыну; попросил его перекреститься и с верою приложиться к образу преподобного; он с трудом перекрестился, поцеловал образ и приложил к больному месту... О, дивное чудо! болезнь утихла, страдания прекратились, больной успокоился. Ночью, сидя в постели, он молился и несколько раз целовал образок. В 5 часов утра он впал в забытие и уснул; через час просыпается и приглашает сестру, говоря: «Я весь мокрый, должно быть, сильно вспотел», — но она увидела, что нарыв прорвался, белье и постель вся покрыта гноем. В настоящее время сын мой совершенно поправился.

Такое милосердие Божие, оказанное моему сыну Николаю за молитвы святого Старца Серафима, свидетельствую я и дети мои своею подписью и приложением именной печати. Вашего Высокопреподобия сердечно благодарный сомолитвенник и покорный слуга протоиерей Иоанн Звездинский, благочинный Единоверческих церквей, Московской Единоверческой Троицкой церкви.

Июля 30 дня 1902 года № 144, Москва. Николай Звездинский, Михаил Звездинский, Анна Звездинская».

Означенное исцеление является тем более чудесным, что, как выяснилось на расследовании, к больному призываемы были пре-

емственно два врача — аллопат и гомеопат. Оба они в своих показаниях свидетельствуют трудность положения больного. Но средства, данные ими, пользы больному не принесли, и сами врачи в своих показаниях целительного значения этим средствам не усвоят. Очевидцы сего события и сам больной с твердой верой считают это исцеление делом Божиим по молитвенному заступлению угодника Божия Серафима.

Врачи под присягой дали показания о чудесном выздоровлении юноши.

Синод, приняв извещение, возбудил ходатайство перед императором об открытии и прославлении святых мощей старца Серафима, непрерывно источающих чудесную помощь всем с верою к ним притекающим. Получив желаемое, синод предписал протоиерею Иоанну Звездинскому составить службу угоднику Божию преподобному Серафиму Саровскому чудотворцу, что и исполнил отец Иоанн со всем усердием, проявив чудный дар и теплоту веры и любви к старцу Серафиму.

Тропарь и кондак составлены отцом Иоанном в благодарность за спасение жизни своего сына.

Юноша Николай, исцеленный телом, исцелен был и душою. Сердце уже не болело так о Тане, оно горело любовью к Богу и своему милостивому исцелителю, горело желанием отдать свою чудесно продленную жизнь во славу Бога.

Вскоре он получил в семинарии степень чтеца и стал проповедывать во славу Святой Троицы.

Его пламенное слово жгло сердца людей, его слушатели загорались его любовью к Богу и церкви Христовой. Архипастыри, преподаватели и учащиеся дивились глубокому содержанию его слов. Особенно пламенно проповедовал он о святом причащении.

Юноша — ученик, еще не священнослужитель, окончив семинарию одним из лучших учеников, Николай Звездинский перешел в Московскую Духовную Академию.

На третьем курсе Коля потерял своего отца, скончавшегося 6 января 1908 года. Родительский дом был занят заместившим по службе другим настоятелем Троице-Введенской церкви, сестра жила с супругом, няня выехала в деревню. Господь послал Николаю отца духовного, заменившего ему его отца.

Близ Свято-Троицкой лавры в тихой Зосимовой пустыни жил затворник иеросхимонах отец Алексей. К нему-то и привели пламенного боголюбивого студента.

Отец Алексей со всем сердцем обнял молодого своего духов-

ного сына, взял его всецело под свое руководство и стал ему старцем. Коля чувствовал, как силою молитвы святого затворника от него отошло все земное и зажглось духовное сердце. Явилось усердие к чистой монашеской жизни. Вместе со своими друзьями по академии, двумя студентами, Коля дал обет у раки святого Сергия посвятить всю жизнь Богу в сане монашеском.

Первый студент принял постриг и стал в будущем архиепископом Филиппом Астраханским.* Второй изменил клятвенному обещанию, увлекшись одной девицей. Он перед самым венцом, одеваясь, упал неожиданно мертвым. «Бог есть, Бог ревнитель», — отозвался ректор Академии в своем надгробном слове. Юноша, давший клятвенное обещание Богу обручить себя Ему, не был допущен Богом изменить Ему, и Господь-ревнитель взял его к Себе прежде, чем он Ему изменил. Скорбная невеста решила посвятить себя Богу за своего обрученника, приняла постриг и строгим исполнением монашеских обетов старалась искупить перед Богом свою вину за увлечение юноши на иной путь, чем данные им обеты.

Юный Николай Иванович исполнил свой обет, данный у раки преподобного Сергия.

26 сентября 1908 года свершился его постриг. Враг сильно борол подвижника, не хотел допустить его до монашества. Ночными страхами ко всему духовному нападал он на его душу. Когда все это не подействовало, он воспользовался той девицей, которую так долго и нежно любил Николай Звездинский. Неожиданно она стала искать его. Но, хотя готовящийся к постригу молодой студент и почувствовал в сердце своем расположение к ней и земному счастью, но, призвав Бога на помощь, отверг это искушение и ускорил свои шаги к старцу Алексею, который в затворнической своей келии благословил его не медлить с постригом.

26 сентября за всеушным бдением в академическом храме, посвященном Покрову Пресвятой Богородицы, был совершен постриг студента третьего курса Николая Звездинского ректором академии Евдокимом.

Громко во всеуслышание давал иноческие обеты подвижник. Его облекли во все монашеское. Лицо его сияло неземной светлостью и Дух Святой играл своим неземным светом на его подвижническом лице.

* После многих лет заключения возглавлял Астраханскую кафедру с 1946 по 1952 г.

После пострига новопостриженный монах Серафим был отвезен на семь дней в Гефсиманский скит, где в церкви во имя Успения Божией Матери в молитве и посте проводил время.

Но вскоре враг ополчился на воина Христова. Жуткость, страх, тоска, беспроглядный мрак, уныние одиночества подкатились к его духу. Ад подошел к его сердцу... затем страшный грохот, рухнул храм, провалившись вниз в нижний этаж, иконостас с грохотом рассыпался в щепы. Дрогнув монах, перекрестился и вдруг страшный хохот завершил страхование. Очнувшись подвижник — все стоит на месте, храм цел, тихий молитвенный полумрак и теплота благодатная наполняет храм.

Летом 1909 года, в день празднования иконы Казанской Божьей Матери, иеродиакон Серафим принял сан иеромонаха.

Весной 1910 года иеромонах Серафим окончил Духовную Академию со степенью магистра богословия. Как лучший проповедник и известный подвижник, он оставлен был митрополитом Московским Владимиром в Московской епархии преподавателем в Вифанской семинарии.

В духовной семинарии отец Серафим покориł сердца учащихся своим примером и словом.

Юноши были восхищены умом и сердцем на пути служения Христу Богу и горели подобно своему наставнику желанием быть верными служителями престола Божия до смерти.

Но враг не дремал. Он пожелал изменить доброе мнение учеников о своем наставнике. Враг подослал жену-блудницу высокой телесной красоты, высокого звания, тонкой лести. Под видом духовной расположенности она стала подкупать к себе монаха-подвижника, задаривая его ценными подношениями и подарками. Но воин Христов зорко глядел внутрь себя и не склонился на лесть и хитрость сатаны. Он понял его тонкие сети и оградиł себя затвором недоступным для женского пола. Богатых ее подношений не принимал. Все осуждали ее, его же искренне жалели. Дьявол, хотевший господствовать и в учебных заведениях, не мог терпеть отца Серафима, образца кротости, правил веры, воздержания, учителя. В своих скорбях отец Серафим находил себе отраду под кровом Чудовской обители, где тихим светом сиял в то время его отец и друг архимандрит Арсений Жадановский.* Всегда погруженный в молитву, смотрящий вглубь себя, добрый пастырь многочисленного стада монашества, отец Арсений был

* После многих лет заключения и подпольного служения церкви, умер в 1945 или 1946 г.

единомыслен во всем с отцом Серафимом. После шумной светской семинарии, отец Серафим находил здесь себе сродную по монашеству среду подвига и молитвы.

Судьбы Божии еще во времена студенчества привели Николая Ивановича Звездинского в Чудову обитель. Отец Арсений сразу его обнял, как своего друга, а старец отец Герасим — Чудовский игумен, тогда еще предрек Николаю Ивановичу, что он будет настоятелем Чудовской обители.

Наступил 1914 год. Отца Арсения посвятили в епископа Серпуховского. Нужен был настоятель для Чудовской обители в Московском кремле. Выбор пал на отца Серафима, хорошо известного своими пламенными проповедями в стенах сей обители.

13 июня отец Серафим был возведен в сан архимандрита и стал настоятелем Чудова монастыря. Владыка Арсений видел в нем своего верного помощника, сомолитвенника и друга; братия — доброго управителя и высокий пример монашеского жития; прихожане — чудовского утешителя, наставника и учителя.

Искусительница-Ева пришла и сюда, она старалась настроить отца Арсения и братию против настоятеля, смутить всех своею особою, всегда появляющуюся близ архимандрита Серафима. Но Бог хранил своего воина. Все видели его непорочность.

Грянул с небес страшный гром, изменения коснулись и церкви.

Вскоре пришел приказ всем оставить Чудову обитель. Часы грозной бомбардировки священного кремля, братия Чудовской обители и представители высшей иерархии местного собора в 1917 году проводили в подземелии Чудовского монастыря, где 300 лет назад тоился столп православной церкви святитель Ермоген — один удержавший собой православие во всей Руси. Здесь шла непрестанная молитва православной церкви о спасении православного Отечества. Все плакали, постились, говели. Сюда был принесен в простом белом гробе святитель Алексей, своими мощами как бы вместе молившийся за паству свою Российскую...

В августе 1918 Чудов опустел...

Отец архимандрит запечатал драгоценные останки святого Алексея своей настоятельской печатью, как бы желая сохранить драгоценное сокровище от врагов его, слезно простился со своим начальником — основателем обители и одним из последних оставил ее.

Братию перевели в Новоспасский монастырь, но помещения им не дали. Владыка Арсений и отец Серафим думали остановить-

ся в Зосимовой пустыни, но их здесь испугались, как бы и их обитель не закрыли ввиду приезда известных кремлевских лиц. Пришлось им уединиться в маленьком домике Серафимо-Знаменского скита женско-покровской общины под заботливым уходом матушки игуменьи скита Фамари. Здесь в лесу стоял один лишь нежилой домик и в нем домашний храм во имя преподобного Арсения Великого.

Владыка Арсений ежедневно совершал литургию, а отец Серафим был за певца, воспевая дивные словеса святых песнопений. Молящихся никого не было.

Так два друга молились здесь за всех своих чад, за православную Русь, за всех и за вся.

Вскоре стали посещать их Чудовские духовные дети.

Отец Серафим в это время никого не исповедовал. Владыка Арсений был для всех духовником. В глухой сей обители отец Серафим подражал своему небесному покровителю Преподобному Серафиму. Он посвятил себя молитве, читая в неделю четыре евангелия, а также апостольские послания — все как описано в житии преподобного Серафима. Занимался и трудом: рубил сучки для топлива, делал угли для кадила. Так готовился он, сам того не думая, на высокий апостольский подвиг.

В октябре 1919 года святейший патриарх Тихон вызвал его к себе. Преосв. Евдоким Нижегородский просил патриарха Тихона дать согласие на посвящение отца Серафима Звездинского в епископа Арзамасского.

Не был ли то зов Преподобного Серафима к себе своего сына?

Если и был, то только предвещением будущего приглашения к себе. Но на этот раз переезд в Арзамас был недоступен. Учреждения всюду отказывали в проезде.

Тогда святейший патриарх Тихон избрал его к себе в помощники, и отец Серафим остался в Москве. «Ты мне нужен», — сказал патриарх Тихон и назначил епископом Дмитровским, Московским викарием.

Хиротония была назначена на 21 декабря. 20 декабря в день священномученика Игнатия было наречение отца Серафима. Трогательно, глубоко душевно совершалось оно в Московском епархиальном доме. Речь отца Серафима была произнесена пророчески: он живописал путь Христов архиерея великого. Его наречение, его Голгофскую кафедру, его терновую митру и багряное облачение.

«Батюшка, что же вы сказали такое скорбное слово в день столь знаменательный и радостный в вашей жизни?» — сказали ему духовные чада. «Так скорбно и будет», — уверенно заметил готовый к страданиям отец Серафим.

21 декабря в Троицком подвории патриарх Тихон и другие иерархи рукоположили отца Серафима во епископство. Стекла дрожали от голоса протодиакона Розова, когда он громогласно провозгласил: «Приводится благоизбранный архимандрит Серафим, поставляется во епископа богоспасаемого града Дмитрова». Твердо, уверенно читал символ веры новопоставляемый иерарх и твердо, громогласно давал обещание посещать свою паству и умереть за святые каноны православной церкви.

После литургии патриарх Тихон, указав на память святого Петра первопрестольника Российского, выразил желание видеть во владыке Серафиме подобие ему: «Как святитель Петр был утверждением граду Москве, так будь и ты утверждением граду Дмитрову».

Противившись со своим другом владыкой Арсением, преосвященный Серафим выехал в свой город Дмитров. Патриарх Тихон, отправляя его на епархию, дал ему такой завет: «Иди путем апостольским, не смущайся неудобствами жизни, недостатками нужного, терпи все, что встретит тебя».

Еще за обедом во святой хиротонии митрополит Сергей, (будущий патриарх) намекал новопоставленному владыке, что узы и темница ждут его.

Тесен был путь до Дмитрова; мороз был трескучим. Владыка прибыл в частный дом. Как строгий монах, он тяготился мирской обстановкой. Вскоре, взяв управление своею епархией, обрел себе место, где и устроил домовый храм во имя Преподобного Серафима и создал молитвенный чин и условия достойные его сана.

Торжественные, подобно Московским, архиерейские службы привлекали народ во множестве. Слова, озаренные любовью к пастве, преданная любовь к Богу, поднимали души молящихся.

Дмитров зажил жизнью во Христе.

Где только служил владыка — там все его чада.

Верующие стояли с утра до вечера Великим постом и, не чувствуя усталости, боясь расстаться со своим отцом даже на час отдыха. Они провожали его до архиерейского дома, пели, славили Христа и никак не могли отойти, пока, наконец, дверь дома их учителя не закроется за ним.

У дома владыки ежедневно толпятся духовные чада: здесь и духовенство по делам церкви, здесь и больные за молитвенной помощью, здесь скорбящие за утешением в горе, здесь девы за укреплением любви ко Христу, здесь юноши за поддержкой их нравственности, здесь старцы за отрадою в их лишениях. Всю жизнь, все время отдает владыка пастве; ему — только утро самое раннее для богослужения ежедневной литургии, для молитвы о пастве.

С утра прием по делам и скорбящих, а у владыки свыше ста церквей в епархии, триста человек священников, 250 диаконов, три обители иноческие — он всем отец, всем утешитель, всем пастырь.

Прошло тридцать лет его изгнанического отсутствия, а его слова слышатся еще из уст в уста. Кто помнит его проповедь наизусть, кто рассказывает случаи из его жизни в Дмитрове. Нет дома, где бы его имя не было известно и почти всюду его лик на портретах.

Враг выждал момент, чтобы схватить и отнять у овец доброго пастыря. Господь не попускал сего, пока святитель за три года не обратил всех отклонившихся в обновленческий раскол овец своих ко Христу.

Иерарх крепчайшей веры вступил на путь исповеднический.

В конце ноября 1922 года владыка был заключен в глубокое подземелие московского заключения. Здесь его утешал один Господь, пребывавший с ним в темнице. Ничего не вкушая девять дней, святитель укреплял свою душу и тело святыми тайнами причащения. Затем его перевели в бутырское заключение на пять месяцев. Здесь он испытал страдания подобные первым мученикам христианских веков. Насекомые так источили его тело, что кожа отрывалась хлопьями, было одно обнаженное мясо. Заключенного поместили в больницу. Сердце стало сдавать, но Господь хранил его жизнь как нужную для церкви Христовой и его любимой паствы, которая неумолчно молилась за него со слезами. Передачи заключенному были столь обильными, что со святителем питались множество заключенных. А он и там не переставал уловлять души любовью ко Христу. Отошедшие от Христа Спасителя, по тридцать лет не приступавшие к Святым тайнам, соединились здесь вновь со Христом. Ему исповедовали они грехи.

Прошло пять месяцев заключения. Приговор был дан на два года в Зырянский край в изгнание. Святителя вели по этапу. Многочисленной толпой проводили своего архипастыря до вокза-

ла и долго лежали чада его на земле, отдавая ему свой последний земной поклон, пока не скрылся поезд. Две инокини сопровождали изгнанника, помогая ему в пути передачей пищи и заботясь о его одеянии. Святитель, будучи в темнице, почти все свое одеяние отдал неимущим, заключенным с ним.

Почти месяц святитель был в пути. 16 мая прибыл в Усть-Сысольск, где проживал маститый иерарх, митрополит Кирилл Казанский. Повидавшись, святители утешились взаимной беседою.

Вскоре владыка Серафим был направлен в еще более глухое место пребывания. Скромное село Визича приняло святителя в свои пределы. Здесь близ безграничного лесного океана в простом крестьянском доме поселился святитель и с ним две его спутницы.

Вскоре была устроена домовая церковь. Ежедневная уставная служба поглощала все свободное время. Святитель-изгнанник предавался молитве за свою паству.

«Только здесь в спасительном изгнании узнал я, что такое уединение и молитва», — писал он своему другу Арсению.

Сюда ему его чада присылали питание и одеяние, писали о своих скорбях и нуждах. Владыка отвечал им письменно, утешая, не давая обновленцам гнездиться в его епархии. Так протекли два года.

В день Благовещения Пресвятой Богородицы владыка был обрадован освобождением из ссылки, и на другой же день был глубоко опечален известием о смерти патриарха Тихона.

Путь от изгнания до Москвы был полон тревог и опасностей.

Заехав к своему старцу отцу Алексию в Сергиев Посад для исповеди, владыка 4 мая 1925 года прибыл в Москву.

Москва была в горестном расположении дел церковных. Недавно принявший монашеский сан митрополит Петр, назначенный патриархом, не внушал доверия архиереям и пастырям Москвы, и маститые иерархи смущались подчиняться только что из мира вышедшему архиерею. Но чистый сердцем владыка Серафим принял митрополита как самого достойного заместителя патриарха Тихона. Он знал, что патриарх Тихон много утешался преданностью к себе, верностью и любовью митрополита Петра. Поддержав назначенного местоблюстителя своей преданностью, владыка Серафим много облегчил московское духовенство. Раз владыка Серафим с митрополитом Петром, то духовенство не усомнилось быть там, где владыка Серафим. Владыка своим авторитетом все уладил, все смирились, полюбили и предались сыновне

митрополиту Петру. По примеру владыки Серафима злоба и хитрость были посрамлены. Митрополит Петр встал твердою ногою на стражу Христовой церкви.

Много нападений делал враг на первосвященника, хотел лестию его прельстить, но ничего не уловило Христова ученика. Тогда враг сделал решительный удар: он заключил в темницу первопрестольника русской земли и вскоре удалил его туда, куда никто не мог проникнуть, приблизиться к страдальцу — изгнаннику.

Владыку Серафима митрополит Петр назначил управлять Московской епархией за себя вместе с другими викариями. В нем митрополит был уверен, что он не предаст церковь Христову.

Владыка Серафим выехал в пустынь. Здесь в дремучем лесу Звенигородского уезда в 20 верстах от станции Кубинки на хуторе Аносиной пустыни был дом с домовым храмом в честь преподобного Саввы Звенигородского. Тихая молитва успокаивала душу архипастыря, он ясно понимал, что враг не даст больше управлять первоиерарху Христову. Чтобы сохранить свою независимость, святитель уединился, приводил на память первые времена христианства, когда апостолы не имели учреждения, управляли независимо паствой и миром, прилагал положение церквей в подобные условия.

Но вскоре стало известно, что заместитель Петра вошел в соглашение с теми, кто желал взять церковь в свои нехристианские условия, пошел в согласие с ними и строит новые условия правления. Владыка Серафим не примкнул к нему, он вскоре отошел от правления, а затем ему было объявлено, чтобы он немедленно выехал из московской области в Дивеев.

Неожиданно было путешествие в Дивеев к Преподобному Серафиму, к тому, кто столь являл чудесной помощи своему сыну в его подвижнической жизни. Прибыл сюда 5 июля 1926 года. Боязливая мать игуменя побоялась приезда столь популярного святителя, стала теснить его помещением, не давала совершать богослужения. Долго страдал святитель-молитвенник, пока, наконец, своим смирением и молитвою склонил мать игуменя к своему прошению. В подвальной церкви Божией Матери Утоли Моя Печали, владыка стал ежедневно при закрытых дверях совершать литургию, молясь за обитель и за свою осиротевшую паству. Ежедневно он проходил после литургии по канавке и сразу сердцем принял правило Преподобного Серафима читать полтора раз Богородице Дево радуйся ежедневно.

Каждый день он молился в пустыне Преподобного Серафима. 19 июля владыка служил в Сарове. Тысячи богомольцев участвовали в торжестве. Вскоре был дан приказ владыке в Сарове не бывать. Как первое саровское торжество Преподобного Серафима было связано со Иоанном и сыном его будущим владыкой Серафимом, так и последнее архиерейское служение в Сарове совершил владыка Серафим 15 августа 1926 года.

В марте 1926 года мощи Преподобного Серафима были увезены с места своего упокоения. Весну и лето Дивеев еще простоял.

«Куда вы хотите ехать?» — спросили архипастыря-изгнанника. «Хочу только в свою епархию», — ответил святитель. «Это невозможно!» — ответили ему нежелающие славы Христовой.

9 сентября было последним днем владыки в Дивееве. Ночью ему было велено собраться неизвестно куда, а затем его под проливным дождем вместе с другими лицами Дивеевской обители повезли в Арзамас. Поздней ночью сырые и мрачные стены Арзамасской тюрьмы приняли под свой кров измученных душой и телом узников-изгнанников. Наутро сопутствующие инокини принесли им сухую и чистую одежду. Вскоре узников отправили в Нижний Новгород, где подвал грозного учреждения скрыл архипастыря от любящих его глаз. В тяжелых испытаниях обострилась болезнь камней печени и по болезни его отпустили на поруки любящей его приемной дочери — инокини, а затем приказали явиться в Москву.

Необычно вежливый прием встретил его в Москве. Предложено ехать в свою епархию, но все делать согласно данному указанию. «Я морально не способен делать то, что хотят нелюбящие Христа Спасителя», — был ответ мудрого исповедника.

Ему было приказано явиться к митрополиту Сергию в надежде, что тот склонит его на свою сторону.

«Согласитесь с предложением, — говорил митрополит Сергей, — а то вы будете не только за полярным кругом, а второе страшнее ждет вас участь, чем митрополита Петра».

Владыка Серафим вынул свое прошение об увольнении его на покой, высказывая тем самым то, что он не может подчинить сан и совесть нелюбящим Сына Божия и славу Его.

Сергий, пораженный решительным отходом архипастыря, ото всех скрыл решение епископа Дмитровского Серафима, чтобы и другие не последовали его примеру и не отошли от правления.

Немедленно было приказано оставить Москву и выехать в Меленки, где и началась его новая уединенная жизнь.

Пять лет он не выходил из дома, где обитала молитва строгая, уставная. Приезды верных пастырей из Москвы за разъяснением, что им делать, как поступить, духовных чад за утешением, восполняли маленький садик, где только птицы давали отраду полужатворнику.

В 1932 году в Вербное воскресенье вихрь унес исповедника в Московское заключение. Три месяца пробыл больной и слабый святитель в заключении. На день памяти Преподобного Серафима его доставили из Бутырок в вагон, где ждала его дочь-инокиня для этапа в Алма-Ату. Приговор — высылка на три года в Казахстан. Алма-Ата была переполнена. Два месяца святитель был без дома. Он помещался на крылечке в чуланчике у доброго старца нищего. Не успел еще отдохнуть в сарайчике, наскоро переделанном под жилище, как его снова повезли за семь тысяч километров через Сызрань, Пензу, Саратов, Уральск, в Гурьев. Невыносимая Каспийская жара совсем расстроила здоровье пастыря-изгнанника, а через семь месяцев его опять перевезли по жестокому этапу в Уральск. Здесь в низенькой мазаночке приютился страдалец. Жестокая малярия чуть не лишила его жизни. По болезни его перебросили в Сибирь в шестидесятиградусные морозы.

Изгнанник, больной, без средств и крова приехал в г. Ишим. Поселившись у старичка со своими спутниками, владыка предался молитве, чтению священного писания, принимал приезжавших к нему своих чад в его далекое изгнание.

Не прошло и двух лет, как конечный вихрь унес страдальца в еще более далекое и неизвестное место.

Последнее утверждение основано на письме, которое получили близкие: в 1937 году осужден на 10 лет и сослан в Дальневосточные лагеря без права переписки. Как ныне мы знаем, формулировка «без права переписки» означает, что в этом году владыка был расстрелян.

О ПОСТРИГЕ

Дорогой, родной мой брат!

Христос посреде нас!

Только что получил твое теплое, сердечное письмо, спешу ответить. Та теплота, та братская сердечность, с которыми ты пишешь мне, до глубины души тронули меня. Спасибо тебе, родной мой, за поздравления и светлые пожелания. Ты просишь, чтобы я поделился с тобой своими чувствами, которыми я жил до времени пострижения и в последующее святое время. С живейшей радостью исполняю твою просьбу, хотя и нелегко ее исполнить. Как выражу я то, что переживала и чем теперь живет моя душа, какими словами выскажу я то, что преисполняло и преисполняет мое сердце. Я так бесконечно богат небесными, благодатными сокровищами, дарованными мне щедродарительною десницею Господа, что правда и не в состоянии сосчитать и половины своего богатства. Монах я теперь. Как это страшно, непостижимо и странно! Новая одежда, новое имя, новые, доселе неведомые, никогда неведомые думы, новые, никогда не испытанные чувства, новый внутренний мир, новое настроение, все, все новое, весь я новый до мозга костей. О, какое дивное и сверхъестественное действие благодати! Всего переплавила она меня, всего преобразила. Пойми ты, родной, меня, прежнего Николая (как не хочется повторять мирское имя!) нет больше, совсем нет, куда-то взяли и глубоко зарыли, так что и самого маленького следа не осталось. Другой раз силишься, силишься представить себя Николаем — нет, никогда не выходит, воображение напрягаешь до самой крайности, а прежнего Николая так и необразишь. Словно заснул я крепким сном... Проснулся, и что же? Гляжу кругом, хочу припомнить, что было до момента засыпания, и не могу припомнить прежнего состояние, словно вытравил кто из сознания, на место прежде него втиснув совершенно новое. Осталось только настоящее — новое, доселе неведомое, да далекое будущее. Дитя, родившееся на свет, не помнит ведь своей утробной жизни, так вот и я: пострижение сделало меня младенцем, и я не помню своей мирской жизни, на свет-то я словно только сейчас родился, а не 25 лет тому назад. Отдельные воспоминания прошлого, отрывки, конечно, сохранились, но нет прежней сущности, душа-то сама

другая. Я-то мое другое, дух другой, уж не я. Расскажу тебе, как постепенно благодать Божия вела меня к тому, что есть теперь. Это воспоминание полезно и мне самому, ибо подкрепит, ободрит и окрылит меня, когда мир, как говоришь ты, соберется подойти ко мне. Я писал тебе, что внутреннее решение быть иноком внезапно созрело и утвердилось в душе моей 27 августа. 4 сентября я словесно сказал о своем решении преосвященному ректору, оставалось привести решение в исполнение. Решение было — не было еще решимости — нужно было подать прошение. И вот тут-то и началась жестокая кровавая борьба, целая душевная трагедия. Подлинно было «стеная и трясущся» за этот период времени до подачи прошения. А еще находятся такие наивные глупцы, которые отрицают существование злых духов. Вот, если бы пришлось им постригаться, поверили бы тогда. Лукавый не хотел так отпустить меня. И — о, что пришлось пережить, не приведи Бог! Ночью неожиданно проснешься, бывало, в страхе и трепете. «Что ты сделал, — начнет нашептывать мне, — ты задумал быть монахом? Остановись, пока не поздно». И борешься, борешься... Какой-то страх, какая-то непонятная жуть сковывает всего, потом в душе поднялся целый бунт, ропот, возникла какая-то бесовская ненависть к монахам, к монашеским одеждам, даже к Лавре. Хотелось бежать, бежать куда-то далеко, далеко... Борьба эта сменялась необыкновенным миром и благодатным утешением — то Господь подкреплял в борьбе. Эти-то минуты мира и благодатного утешения я и назвал в письме к тебе: «единственные, святые, дорогие, золотые минуты», а о минутах борьбы и испытания я умолчал тогда. 6 сентября я решил ехать в Зосимову пустынь к старцу, чтобы испросить благословение на подачу прошения. Что-то внутри не пускало меня туда, силясь всячески задержать и остановить. Помолился у Преподобного... и поехал. Беру билет, и только хотел садиться в вагон, вдруг из одного из последних вагонов выходит Т. Филиппова и направляется прямо навстречу ко мне. Подумай, никогда, кажется, не бывала у Троицы — индифферентка, а тут вот тебе, приехала и именно в такой момент! Я не описываю тебе, что было со мною, целый рой чувств и мыслей поднялся в душе: хотелось плакать, одна за одной стали проноситься светлые, нежно-ласковые картины семейной жизни, а вместе с тем и мрачные, страшные картины монашеского одиночества, тоски и уныния... О, как тяжело, тяжело было! И был момент, когда я хотел (с болью и покаянным чувством вспоминаю об этом) отказаться от своего решения, подойти к ней и поговорить. И, о, конечно, если бы не

благодать Божия поддерживающая, я отказался бы от своего решения, ибо страшно было. Но нет — лукавый был посрамлен. Завидя, что Т.Ф. подходит по направлению ко мне и так славно, участливо посматривает на меня, я поспешил скорее войти в вагон и там скрылся, чтобы нельзя было видеть ее. Поезд тронулся. В Зосимовой пустыни старец много дивился и не велел больше медлить с прошением. «Иначе, — сказал он, — враг и еще может посмеяться». Так с помощью Божией я одержал блестящую победу в труднейшей борьбе. Теперь глупостью непролазною, пустяком, не стоящим внимания, кажется мне то давнее увлечение. 10 сентября я подал прошение. 26 сентября назначен день пострига. Быстро пронеслось время от 10 до 26. В этот период времени я так чувствовал себя, как будто ожидал приближения смерти. Со всем мирским прощался и со всеми прощался и со мною прощались. Ездил в Москву на один день, прощался с нянькой и со всеми знакомыми. Словом, все чувства умирающего: и тревога, и недоумение, и страх и в то же время — радость и мир. И чем ближе становился день пострига, тем сильнее замирало сердце и трепетала и тревожилась душа, и тем сильнее были благодатные утешения. Знаешь ведь: «Чем ночь темней, тем ярче звезды», так «чем глубже скорбь, тем ближе Бог». Наконец, настал он, этот навеки благословенный и незабвенный день, 26 сентября. Я был в Зосимовой пустыни. В 5 часов утра я должен был ехать в Посад. В 4 часа я вместе с одним Зосимовским братом вышел из гостиницы и направился на конный двор, где должны были заложить лошадей. Со мной ехал сам игумен пустыни о. Герман. Жду... кругом дремлет лес. Тихо, тихо... Чувствуется, как вечный покой касается души, входит в нее, и душа, настрадавшаяся от борьбы, с радостью вкушает этот покой, душа отдыхает, субботствует. Вот показался и великий авва, седовласый, худой, сосредоточенный, углубленный, всегда непрестанно молящийся. Мы тронулись. Так подъехали к станции, и поезд понес нас в Посад. В Посаде был я в 7 часов утра. Пришел к себе в номер (не в больнице теперь, а близ ректора) немного осмотрелся и пошел на исповедь. Исповедь самая подробная — всё, вся жизнь с 6-летнего возраста. После исповеди отстоял Литургию, пришел к себе, заперся и пережил то, что во всю жизнь, конечно, не придется уже пережить, разве только накануне смерти! Лаврские часы мерно, величаво пробили полдень. Еще 6-7 часов, и все кончено — постриг. О, если бы ты знал, как дорога мне была каждая минута, каждая секунда! Как старался я ни одной минуты не потерять — напрасно, а или заполнять время молитвой, или

размышлением, или чтением св. Отцов. Впрочем, чтение почти не шло на ум. Перед смертью, говорят, человек невольно вспоминает всю свою прошлую жизнь. Так и я: картины одна за другой потянулись в моем сознании: мои увлечения, моя болезнь, папа ласковый, нежный, любящий, добрый, потом припомнилось: тихо мерцала лампадка... Ночь... Я в постели — боль кончилась, исцеленный сижу я, смотрю на образ Серафима. Потом, потом... Так же мерцала лампада, больной лежал родной отец, умирающий, а там гроб, свечи у гроба, могила, сестра, ты, всё, всё всплыло в памяти. И что чувствовал я, что пережил... О, Богу только известно; никогда, никогда, ни за что не поймет этих переживаний гордый самонадеянный мир. В 3 часа пришел ко мне ректор, стал ободрять и утешать меня, затем приходили студенты, некоторые прощались со мною, как с мертвецом. И какой глубокий смысл в этом прощании: то, с чем простились они, не вернется больше, ибо навеки погребено. С 4 часов началось томление души, и какое ужасное это томление, родной мой, страшно вспоминать! Какая-то сплошная тоска, туча, словно сосало что сердце, томило, грызло, что-то мрачное, мрачно-беспросветное, безнадежное подкатило вдруг, и ни откуда помощи, ни откуда утешения. Так еще будет только, знаешь, перед смертью, то демон борол последней и самой страшной борьбой, веришь ли, если бы не помощь Божия, не вынес бы я этой борьбы. Тут-то и бывают самоубийства. Но Господь всегда близ человека, смотрит Он, как борется и едва увидит, что человек изнемогает, как сейчас же посылает Свою благодатную помощь. Так и мне в самые решительные минуты попущено было пережить полную оставленность, покинутость, заброшенность, а потом даровано было подкрепление. Вдруг ясно, ясно стало на душе, мирно. Серафим так кротко и нежно глядел на меня своими ласковыми, голубыми глазами (знаешь образок, от которого я получил исцеление). Дальше почувствовал я, как словно ток электрический прошел по всему моему телу — это папа пришел. Я не видал его телесными очами, а недоведомым чудным образом, внутренне, духовно ощущал его присутствие. Он касался души моей, ибо и сам он теперь — дух; я слышал его ласковый, ласковый, нежный голос, он ободрял меня в эти решительные минуты, говорил, чтобы не жалел я мира, ибо нет в нем ничего привлекательного. И исполнилась душа моя необыкновенного умиления и благодатной теплоты; в изнеможении упал я ниц перед иконами и как ребенок зарыдал сладкими, сладкими слезами. Лаврские часы пробили в это время 5 1/2 час. Там... Там... Там... Там... Там... плавно, вели-

чаво, невозмутимо прозвучали они. Умирный, восхищенный стал я читать Евангелие. Открыл «Да не смущается сердце ваше, веруйте в Бога, в Мя веруйте. В дому Отца Моего обители многи суть... Да не смущается сердце ваше, не устрашается... Иду и приду к вам, грядет бо сего мира князь и во Мне не имать нищоже. Но да разумеет мир, яко люблю Отца и яко же заповедал мне Отец, тако творю, восстаните, идем отсюда». Чу... ударил колокол академического храма. А этот звук... Если бы знал ты, что делалось с душой... Потом послышался тихий стук в двери моей кельи: тук... тук... тук... отпер. Это пришел за мной инок, мой друг, отец Филипп. «Пора, пойдем». Встали мы, помолились. До праха земного поклонился я образу пр. Серафима, затем пошли. Взошли на лестницу, ведущую в ректорские покои, прошли их сквозь и остановились в последнем зале, из которого ход в церковь. В зале полумрак, тихо мерцает лампада... Дверь полуотворена, слышно, поют: «Господи, Боже мой, возвеличился еси зело, во исповедание и велелепоту облекся еси... Дивны дела Твои, Господи». Вошел я в зал, осмотрелся... Тут стоял о. Христофор, поклонился я ему в ноги, он — мне, и оба прослезилась, ничего, ни слова не сказав друг другу. Без слов так было все понятно. Потом я остался один, несколько в стороне стояли ширмы, за ними аналой, на нем образ Спасителя, горящая свеча. Я стою в студенческом мундире, смотрю, на стуле лежит власняница, носки. Господи, куда я попал? Кто, что я? (помнишь, папа говорил?). Страшно, жутко стало... Надо было раздеваться. Все снял, остался в чем мать родила, отложил ветхого человека, облекся в нового. В власнянице, да в носках стоял я всю ночь за ширмами, перед образом Спасителя. С упованием и верою взирал я на Божественный лик, и Он, кроткий и смиренный сердцем, смотрел на меня. И хорошо мне было, мирно и страдно. Взглянешь на себя: весь белый стоишь, власняница до пят, один такой ничтожный, раздетый, необутый, в сознании этого ничтожества, этой своей перстности, ринешься ниц, припадешь, обхватишь голову руками и... так лежишь... и исчезаешь, и теряешься, и утопаешь в Божественном... «Святой Боже», последний раз, тихо, плавно, как при погребении. «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас». Мерными, величавыми какими-то торжественными шагами приближался ко мне сонм иноков в клобуках... в длинных мантиях, с возжженными свечами в руках подошли ко мне. Я вышел из-за ширмы и меня повели к солее, где на амвоне стоял у аналая с крестом и Евангелием преосвященный ректор. «Объятия Отчие отверсти мне потщися»

тихо, меланхолически, грустно пел хор. Едва вошел я в притвор, закрытый мантиями, как упал ниц на пол — ниц в собственном смысле, лицом касаясь самого пола, руки растянув крестообразно... потом... потом... не помню хорошо, что было... все как-то помутилось, все во мне пришло в недоумение. Еще упал, еще... вдруг, когда я лежал у амвона, слышу: «Бог Милосердный, яко Отец чадолюбивый, зря твое смирение и истинное покаяние, чадо, яко блудного сына приемлет ты кающегося и к Нему от сердца припадающего». Преосвященный подошел ко мне и поднял меня. Дальше давал всенародно перед лицом Бога великие и трудные иноческие обеты. Потом облекли меня в иноческие одеяния, на рамена мои надели параман, черный с белым крестом, а кругом его написаны страшные и дивные слова: «Аз язви Господа моего Иисуса Христа на теле моем ношу». Порою так сильно, так реально дают ощущать себя эти слова. Надели на грудь деревянный крест, «во всегдашнее воспоминание злострадания и унижения, оплевания, поношения, раны, заушения, распинания и смерти Господа Иисуса Христа», дальше надели подрясник, опоясали кожаным поясом, облекли в мантию, потом в клобук, и на ноги мои дали сандалии, в руки вручили горящую свечу и деревянный крест. Так погребли меня для мира! Умер я и перешел в иной мир, хотя телом и здесь еще. Что чувствовал и переживал я, когда в монашеском одеянии стоял пред образом Спасителя, у иконостаса с крестом и свечой, не поддается описанию. Всю эту ночь по пострижении провел в храме в неопишемом восторге и восхищении. В душе словно музыка небесная играла, что-то нежное-нежное, бесконечно ласковое, теплое, необъятно любвеобильное касалось ее, и душа замирала, истаявала, утопала в объятиях Отца Небесного. Если бы ты в эти минуты вдруг подошел бы ко мне кто-нибудь и сказал: «через два часа вы будете казнены», я спокойно вполне спокойно, без всякого трепета и волнения пошел бы на смерть, на казнь и не сморгнул бы. Так отрешен был я в это время от тела! И в теле или вне тела, был я — не вем. Бог весть! За литургией 27 сентября приобщался Святых Таин. Затем старец отвез меня в Гефсиманский скит. Тут я 5 суток безвыходно провел в храме, каждый день приобщаясь Св. Христовых Таин. Пережил, передумал за это время столько, что не переживу, наверное, того и за всю последующую жизнь. Всего тут было: и блаженство небесное, и мука адская, но больше блаженства. Кратко скажу тебе, родной мой, о моей теперешней новой, иноческой жизни, скажу словами одного отца Церкви — инока: «Если бы мирские люди знали все те радости и душевные

утешения, кои приходится переживать монаху, то в миру никого бы не осталось, все ушли бы в монахи, но если бы мирские люди наперед ведали те скорби и муки, которые постигают монаха, тогда никакая плоть никогда не дерзнула бы принять на себя иноческий сан, никто из смертных не решился бы на это». Глубокая правда, великая истина... 22 октября я рукоположен в сан иеродиакона, и теперь каждый день служу литургию и держу в своих недостойных руках «Содержащего вся» и вкушаю бессмертную Трапезу. Каждый день праздник для меня...

О, какое счастье и какой в то же время великий и долгий подвиг! Вот тебе, родной, мои чувства и переживания до пострига и после. Когда я сам все это вспоминаю, что произошло, то жутко становится мне: если бы не помогла благодать Божия, не вынес бы я этого, что пережил теперь.

Слава Богу за все!

Октябрь 31, 1908 г. Сергиев Посад

СЛОВО ПРИ НАРЕЧЕНИИ ВО ЕПИСКОПА

ПУТЬ АРХИЕРЕЙСКИЙ

Во имя Отца и Сына и Св. Духа

«Христос оставил нам образ да последуем стопам Его, сего ради да течем на предлежащий нам подвиг, взирающе на Начальника и Совершителя веры Иисуса, Архидierea Великого, прошедшего небеса».

(I Петра 2,21. Евр. 12, 1,2,4)

Святители Божии, Ангелы церквей Христовых, Бога Триипостасного, «неисповедимую благодатью и богатым промыслом» (6 свят, молит. на веч.), святейшего и чадолюбивейшего отца нашего Патриарха изволением, Богомудрых святителей Богомудрым советом аз, недостойный, призываюсь ныне к служению архиерейскому, призываюсь «к почести вышнего звания Божия во Христе Иисусе» (Филипп. 3,14).

В предпразднество Рождества по плоти, Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа предпраздненствую архиерейство свое,

в день памяти Св. священномученика Игнатия Богоносца готовлюсь стать носителем великой благодати архиерейской. В сей священный для меня час и достопамятный день, о чем скажу и о чем возглаголю? С чего начну слово мое? С чего? Дабы не услышать из уст Божественной Истины того же упрека, который обращен был к девяти, «не десять ли очистишася, да девять где?» «Како не возвратишася воздати славу Богу», но дабы уподобиться тому, который «видев, яко исцеле, возвратися, славя Бога и падениц при ногу Его, хвалу Ему воздая» (Лк. 171, 15,-18) и я с ним возвращуся назад, мысленным взором взираю на путь, мною уже пройденный. Взираю... и видя чудно благодеящую мне на сем пути десницу Божию, тако жеде «славя Бога, падаю ниц при ногу Его, хвалу Ему воздая» Славою и хвалою слово мое предначинаю «от избытка сердца» (Мф. 12,34), аще восклицаю гласом евангельским и глаголом пророческим: «исповедаются, Господи, Отче небес и земли, яко Ты влек меня и я увлечен. Ты сильнее меня и превозмог... И было в сердце моем как бы огонь горящий, заключенный в костях моих, и я истомился, удерживая его и не мог (Мф. 11: 25. Иерем. 20: 7,9). Ты влек меня, Господи, к служению Тебе и гласом хлада тонка, тихим веянием ветра «благодати Твоя», влек и бурею земною, вихрем крепким (3 Цар., 19; 11,19). Вихрем крепким и бурею земною влек ты меня, когда я сопротивлялся влечению Твоему, спорил с Тобою, противоречил Тебе. Гласом хлада тонка влек Ты меня, когда я слушался Тебя, покорно следовал влечению Твоему, со страхом и трепетом повиновался Тебе. Ты влек меня к служению Тебе с самых юных годов, влек через дивные, сладчайшие, умиленные, древние напевы, среди которых я вырос. Влек через Божественную Литургию, стоя за которой еще в юности я всегда расплялся сердцем: «Твоя от Твоих Тебе приносить». Влек через доброшумный блавест колоколов Лавры Сергиевой, под кровом которой 4 года воспитывался я в Академии. Влек через чудодейственную, цельбоносную раку мощей Сергия Преподобного, приходя к которому и челом моим к Нему припадая, я всякий раз слышал внутри меня сильный призыв: «Иди, служи Христу»... Влек Ты меня к служению Тебе чрез знакомство со многими духовно настроенными иноками, примером жизни своей заставлявшими меня «иноческого жития правила принимать и с любовью лобызать». Влек ты меня особенно через одного святителя-инок, отсутствующего здесь телом, но верою присутствующего сейчас со мною духом, который ежедневным, огнепламенным служением Божественной Литургии углублял всегда мой ум в глубо-

чайший смысл Жертвы Безкровные, заставляя трепетать и воздыхать мое сердце, воздыханиями неизглаголаннми, заставлял повергаться меня ниц, перед неисповедимым величием сего таинства странного и преславного. Завершил Ты влечение мое к служению Тебе, Господи, через старца-затворника, в обители Зосимовой подвижающегося, который властным и решительным, полным благодати словом своим окончательно исторг меня из мира. Так влек Ты меня гласом хлада тонка. А когда я дерзнул сопротивляться Тебе, послал Ты мне болезнь лютую, от которой восстать живым я не чаял, будучи приговорен к смерти двумя врачами: гомеопатом и аллопатом. И когда врата смерти раскрылись уже предо мною, предстал у одра болезни моя врач небесный, чудно меня исцеливший, и в память чего и воспет был святой сей в песнях духовных, покойным отцом моим, протоиереем Иоанном. Так влек Ты меня и бурею землею! «Исповедую благодать, проповедую милость, не таю благодетельства» (из мол. вел. осв. воды). И не отступил еси Ты, все творя и Себе меня влача, донде же и на высоту архиерейства привлек мя еси. Ей, Отче, яко тако бысть благоволение пред Тобою» (Мф. 11: 26). И се ныне стою пред высотой архиерейской. Восходя на нее, хочу рассмотреть, что такое за высота эта, из каких сторон она слагается? Восхожу и вижу на высоте сей св. Григорием Богословом начертано, как бы огнем горящие, сии слова: «Завидная и опасная высота!» Так две стороны, две дороги... два пути указывает в архиерействе вселенский учитель: один путь — завидный, другой — опасный; один — по-видимому — радостный и просторный, другой — исполненный скорби и тесноты. Первый — внешний, второй — внутренний. Смотрю на первый — завидный и вижу то, что всем и каждому видно в епископе: вижу встречи... поклонения, обоняю воню благоухания дыма кадильного... слышу пение и лики «Достойно есть», «Исполла эти деспота», «Да возрадуется душа твоя», вижу облачение.. горé подъятые руке с дикарием и трикарием... Слава... слава... честь... честь... Завидная высота, вожденная! Но ни на этой чести и славе, ни на этих встречах, поклонениях, ни на этих ликах, ни на этой внешней, видимой всем стороне архиерейства, останавливаюсь я своим вниманием. В наши скорбные и тяжкие дни видная для меня становится вторая, далеко не всем видная сторона архиерейства, второй тернистый путь его. Смотрю на этот второй путь и вижу на нем то же, что видел некогда ветхозаветный пророк, и, видя, со страхом воскликнул: «Кто сей исходящий от Эдома в червленных ризах от Воссора, столь величественный в одежде своей, выступающий в полноте силы Сво-

ей? «Аз есмь, изрекающий правду, силен еже спасати». «Почто убо червлены ризы Твоя и одежды Твои, как от топтания в точиле?» «Аз, глаголет, един истоптах точило и из народов никого не было со мною» (Исайа, 63; 1-3). За Сим, от Эдома исходящим, за Сим Архиреем Великим, прошедшим небеса (Евр. 4, 14) и следует сейчас мысль моя, сердце мое, все существо мое, дабы видеть истинный подлинный путь архиерейский, Сим Архиреем Великим проложенный. «Владыко мой Господи, Архиерею преславный, Учителю, где живеша?», — вопрошаю Его с Андреем и Иоанном. И слышу ответ Его: «Прииди и виждь» (Иоанн, 1: 33, 35). Се по глаголу Твоему прихожу и хочу видеть Архиерейство Твое: кое оно, кое величие его, кая слава его, кая честь его? Нарекемый ныне во архиерея, хочу видеть наречение Великого Архиерея Иисуса: како и где бысть оно? Облекаемый ныне в светлый чин архиерейский, хочу видеть и светлость Архиерея Иисуса, встречу Ему оказанную, облачение Его Архиерейское... Хочу слышать: «Да возрадуется душа Твоя «Исполла эти деспота». Ему пение. Кое это есть? Восходя ныне на кафедру архиерейскую, хочу видеть и ту кафедру, на ней же стоясе нози Сего Великого Архиерея Иисуса... Хочу видеть и первую Архиерейскую резолюцию, Сим Архиреем начертанную... хочу видеть... И что же вижу? О, смущается дух, трепетом священным объемлется, исполняется и переисполняется сердце... Вижу прежде всего наречение Его: Глубокая ночь... Гефсиманская весь... Дремлющий масличный сад... Петр, Иаков и Иоанн... и «яко вержением камене» (Лк. 22,41). Иисус, от них отошедший...» Да, святители Божии, здесь именно, в Гефсиманской веси свершилось первое наречение Новозаветного Архиерея, здесь, именно в Гефсиманском саду, десница Отчая ткала первый архиерейский омофор, и возглагала омофор сей — заблудшее, яко овца, человечество, грехи всего мира на плещи Архиерея Искупителя. И, о, посмотрите, сколь тяжел, сколь невыносим омофор сей для Самого Богочеловека... Вижу, как под тяжестью его сгибаются божественные рамена... Вижу, как под бременем его, Архиерей Иисус, «поклонь колена» (Лк. 22,41, «паде на лице своем» (Мф. 26,29), «паде на земли» (Мф. 14,35). Вижу, как возложивши омофор сей на плещи Свои, возложивший «начат ужасатися, скорбети и тужити» (Мф. 26,37. Мф. 14,32) Слышу и самые скорбные глаголы Его, из глубины сердца болящего исходящие: «Прискорбна есть душа Моя до смерти», «Пождите, будите зде и бдите со Мною» (Мф. 26,37. Мр. 14,34). Таинственное страшное наречение! Наречение: «с воплем крепким, со слезами» (Евр. 5,7); наречение с мольбою:

«Отче Мой, аще возможно есть, да мимо идет чаша сия» (Мф. 26,39), наречение, потребовавшее явления ангела «с небеси» укрепляющего Нарекаемого. Се наречение Архиерея Иисуса! Хочу видеть и первую встречу, оказанную Сему Архиерею, Гефсиманский омофор на Себя подъявшему. «Прииди, глаголет, виждь!» Что же вижу? Вижу, яко «Иисусе изыде со учениками Своими на он пол потока Кедрска, идеже бе вертоград», а Иуда прием спину и от архиерей и фарисей слуги, прииде там со светилы и свечами и с ним народ мног со оружием и дрекольми». (Иоанн, 18,1-3. Мр. 14,43). Какая торжественная пышная встреча Архиерея архиереев: «Иуда... слуги архиерейские и фарисейские... народ мног... Светилы и свечи... се, дикий и трикий Архиерея Иисуса!» «Оружие и дреколя» — се рипиды Его! Что же? И под руки, в знак чести, взяли Его, как обычай есть оказывать честь архиереям. Да, взяли: «они же возложили руцы свои на Него и яша Его... Елине Его ведома» (Мр. 14,16. Лк. 22,54). Се встреча Архиерея Иисуса! Хочу видеть и митру, и посох, и облачение Его, «Прииди, глаголет, и виждь». Что же вижу? Вижу, «яко волна сплетше венец от терния, возложиша и трость дана в десницу Его». (Иоанн, 19,1. Мф. 27,29). Трость... какой драгоценный посох в руках Архиерея Иисуса! Багряная риза... Какое великолепное на нем облачение! Терновый венец... Какая блестящая митра на главе, главе церкви небесной и земной — митра вместо бриллиантов, каплями крови украшенная!.. Хочу слышать, какое пели и «да возрадуется душа твоя» вслух Архиерея Иисуса. Что же слышу? Слышу: «И поклоньшеся на колену перед Ним, ругахуся Ему, глаголюще: «Радуйся, Царю Иудейский!» (Мф. 27,29). Се «да возрадуется душа Твоя» архиерея Иисуса! Хочу слышать: «Исполла эти деспота» Ему петье. Слышу их: «гда же видеша Его архиереи и слуги прилежах гласы великими, излика возопиши глаголюще: распни, распни Его». (Иоанн, 19,6. Лк. 23,23. Мр. 15,14). Какое дружное единодушие, какое громогласное «Исполла эти деспота» Архиерею Иисусу! Хочу далее видеть и ту кафедру, на ней же стоясте пречистые нози Его. «Прииди, глаголет и виждь». Что вижу? Вижу две кафедры, на них же стоял Архиерей Иисусе. Одна, на которой стоял Он в архиерейском облачении Своем облаченный, другая, на которой стоял Он совсем разоблаченный. Первая, о ней уже писано есть сие: «Пилат изведе вон Иисуса и седе на судищи, на месте, глаголемое Лифостротон, еврейски же Гаввафа... Изыде же сюда и Иисусе, нося терновый венец и багрян ризу» (Иоанн, 19,13,9). Лифостротон... Гаввафа... Се — первая кафедра, на

ней же стоял Архиерей Иисусе, тако облаченный! Вторая кафедра, о которой пишется еще: «И пришедше на место, нарицаемое Голгофа, еже есть краниево, лобное место» (Мф. 27,33. Мр. 15,22). Лобное... краниево место, Голгофа — се вторая кафедра, где разоблачили Архиерея Иисуса, «разделиша ризы Его, вергше жребия» (Мф. 27,35). Се, на сей Голгофской кафедре вижу Архиерея Иисуса, благословляющим люди Своя десницею и шуйцею на кресте распростертыми! Се на сем алтаре крестном вижу Архиерея Иисуса, Кровию Своею пишущим и первую архиерейскую резолюцию: «Отче, отпусти им, не велят бо, что творят» (Лк. 23-34). Се благословение и резолюция Архиерея Иисуса! Святители Божии! Се путь архиерейский, Архиереем Великим указанный и проложенный! Три главных стези на пути сем видны. Первая стезя, на которой написано: **самоотвержение**; вторая стезя, на которой написано: **крестоношение**; третья стезя, о которой вопиет евангельский Иоанн Богослов: «возлюби своя сущия в мире, до конца возлюби их». (Иоанн, 13,1) — **любовь необъятная**. Из самоотвержения, крестоношения и любви сотканы и все одежды архиерейские Архиерея Иисуса; из сего же и в сем же состоит и вся слава, и честь, и великолепие, и величие архиерейства Его. И, восходя на сей подвиг архиерейства, Архиерей Иисус тогда же и рек викариям Своим, слугам Своим, строителям таин Божиих (1 Коринф. 4,1): «Се восходим в Иерусалим и Сын Человеческий предан будет в руке человеком, и осудят Его на смерть и предадут Его языком, и поругаются Ему и укорят Его и оплюют Его и дальше убьют Его» (Мф. 17,22. Мр. 10, 33-34. Лк. 19, 22-23). И слыша о стей славе Архиерея Иисуса, «апостоли ужасавшись и во след идущие бояхуся» (Мр. 10,32). Аз ли немощный, малодушный и слабый, не убоюсь, восходя ныне на сию завидную, но опасную высоту архиерейства! Аз ли не ужаснусь, вступая на путь Христов тернистый и тесный! «Трепещу, приемля огонь, да не опалюся, яко воск и яко трава» (Кан. ко прич. 8). Трепещу, всенародно обращаюсь Архиерею Иисусу: «Господи, с Тобою готов есмь и в темницу и на смерть идти, ныне душу свою за Тя положу» (Лк. 22,23; Иоанн, 13,37). Да не услышу и аз из Пречистых уст горький глагол сей: «Плоть сый — не хвалися». Душу ли твою за Мя положить? Аминь, аминь глаголю тебе, не возгласит алектор, дондеже трикраты отвержишися Мене не ведете». (Иоанн, 13,37-38; Лк. 22,34). О, святители Божии, ангелы церковей Христовых, предстаньте, явитесь мне ныне святыми молитвами вашими, яко же Архиерею Иисусу, при наречении Его в саду Гефсиманском: «Явился ангел с небес, ук-

репляя Его» (Лк. 22,43), и егда прострете преподобные руки Ваша, да ими низвести на меня огнеобразную Духа благодать, вознесите тогда единодушно о мне ко Господу глас ваш молебный, да не буду я в архиерействе своем подобен тому Петру: «иже начат ротиться и клятися, яко не знаю Человека». (Мф. 26,74), но буду подобен тому Петру, иже с дерзновением рек тем, кои прещением запретию ему со Иоанном проповедовать и учить о имени Иисусове, рек: «судите справедливо ли перед Богом слушать вас более, нежели Бога? Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деян. 4: 17,15; 5: 29). О, облеките меня самоотвержением Иисусовым, да возмогу и аз с апостолом зывать: «злословят нас, мы благословляем, гонят нас, мы терпим, хулят нас, мы молим, мы отовсюду притесняемы, но не стеснены, мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся, низлагаемы, но не погибаем» (Римл. 4, 12-13; 2 Коринф. 4, 1-3). О, укрепите меня крестоношением Иисусовым, да возмогу и аз с Павлом восклицать: «Мне же да не будет хвалиться, токмо о Кресте Господа нашего Иисуса Христа, им же мне мир распяся и аз миру» (Галат. 6,14). О, вдохните в меня Духом Святым, возжегите в сердце моем любовь огнепламенную к Богу и будущей пастве моей, да во огне любви сей горя и пламенея и огненный гимн апостольский выну и устами и сердцем моим пою и воспеваю: «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? Как написано: за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, обреченных на заклание». Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни ангели, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем (Рим. 35,39), которому со Безначальным Его Отцом и Его Пресвятым, Благим, Животворящим, Единосущным и Сопрестольным Его Духом слава, честь, держава, великолепие и поклонение во веки вся несчетные — во веки веков. Аминь.

После напечатания в «Вестнике» секретного доклада В. Фурова, многие читатели обратились к нам с просьбой опубликовать Устав, по которому живет Русская Православная Церковь. Как известно, Устав был принят 31.I.1945 г. Поместным Собором, затем изменен по просьбе гражданских властей Архиерейским совещанием 1961 г. и утвержден десять лет спустя Поместным Собором 1.VII.1971 г.

П О Л О Ж Е Н И Е ОБ УПРАВЛЕНИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

В Русской Православной Церкви высшая власть в области вероучения, церковного управления и церковного суда — законодательная, административная, судебная — принадлежит Поместному Собору, периодически созываемому, в составе епископов, клириков и мирян.*

І. ПАТРИАРХ

1. В соответствии с пр. 34 св. Апостолов, Русская Православная Церковь возглавляется Святейшим Патриархом Московским и всея Руси и управляется им совместно со Священным Синодом.

2. Имя Патриарха возносится за богослужениями во всех храмах Русской Православной Церкви как в СССР, так и за границей по следующей формуле: «О Святейшем Отце нашем (имя), Патриархе Московском и всея Руси».

3. Патриарху принадлежит право обращаться с пастырскими посланиями по церковным вопросам ко всей Русской Православной Церкви.

4. Патриарх от лица Русской Православной Церкви ведет сношения по церковным делам с предстоятелями других автокефальных Православных Церквей.

5. Патриарх, в случае нужды, преподает Преосвященным Архиереям братские советы и указания касательно их должности и управления.

6. Патриарху принадлежит право награждать Преосвященных Архиереев установленными титулами и высшими церковными отличиями.

* Поместный Собор созывался всего лишь один раз, через 36 лет после принятия Положения! — Прим. Ред.

7. Патриарх для решения назревших важных церковных вопросов созывает, с разрешения Правительства, Собор Преосвященных Архиереев и председательствует на Соборе, а когда требуется выслушать голос клира и мирян и имеется внешняя возможность к созыву очередного Поместного Собора, созывает таковой и председательствует на нем.

8. Патриарх состоит Епархиальным Архиереем Московской епархии.

9. Для облегчения Патриарха в его попечениях об общецерковных делах Московской епархией управляет, по указанию Патриарха, на правах Епархиального Архиерея, Патриарший Наместник с титулом Митрополита Крутицкого.

10. В ближайшем ведении Патриарха в Москве состоит и Богословский институт — высшее духовное учебное заведение, имеющее целью давать духовное образование будущим пастырям Церкви и готовить преподавателей богословских предметов.

11. По вопросам, требующим разрешения Правительства Союза ССР, Патриарх сносится с Советом по делам Русской Православной Церкви при СМ СССР.

12. В случае смерти Патриарха или иной причины, делающей невозможным исполнение им патриаршей должности, Местоблюстителем Патриаршего Престола становится старейший по хиротонии из постоянных членов Священного Синода.

13. В период междупатриаршества —

а) управление Русской Православной Церковью принадлежит Местоблюстителю со Священным Синодом;

б) имя Местоблюстителя возносится за богослужением во всех храмах Русской Церкви;

в) послания ко всей Русской Церкви, а равно и к предстоятелям других автокефальных церквей, исходят за подписью Патриаршего Местоблюстителя;

г) Митрополит Крутицкий вступает в самостоятельное управление Московской епархией.

14. По освобождении Патриаршего Престола, Священный Синод под председательством Местоблюстителя ставит вопрос о созыве Собора для выбора нового Патриарха и определяет время созыва не позднее шести месяцев по освобождении Патриаршего Престола.

15. На Соборе, созванном для выбора Патриарха, председательствует Местоблюститель.

16. Патриарх имеет печать и штамп, зарегистрированные подлежащей гражданской властью.

II. СВЯЩЕННЫЙ СИНОД

17. Священный Синод состоит из восьми членов — Епархиальных Архидиаконов, при председателе — Патриархе.*

18. Пять членов Священного Синода являются постоянными, три — временными.

19. Постоянными членами Священного Синода состоят Митрополиты: Киевский, Ленинградский и Крутицкий, Управляющий делами Московской Патриархии и Председатель Отдела внешних сношений Московской Патриархии.

20. Временные члены Священного Синода вызываются для присутствия на одной сессии, согласно списку Архидиаконов, по старшинству хиротонии, по одному из каждой группы, на которые разделяются все епархии.

21. Синодальный год разделяется на две сессии: летняя сессия (март-август) и зимняя сессия (сентябрь-февраль).

22. Для заведывания отдельными отраслями управления Патриархии при Священном Синоде могут быть организованы особые отделы (учебный, издательский, хозяйственный и другие).

III. ЕПАРХИИ

23. Русская Православная Церковь разделяется на епархии, границы которых должны совпадать с гражданскими границами — областными, краевыми и республиканскими.

24. Во главе епархии стоит Епархиальный Архидиакон, назначенный Указом Святейшего Патриарха и носящий титул по своему кафедральному городу.

25. По мере надобности в помощь Епархиальным Архидиаконам назначаются викарные Епископы с кругом обязанностей по усмотрению Епархиального Архидиакона.

26. Епархиальный Архидиакон является ответственным главою вверенной ему Епархии, которою управляет или единолично (по местным условиям) или при содействии Епархиального Совета, пользуясь своим должностным штампом и печатью, зарегистрированными подлежащей гражданской властью. При Архидиаконе состоит канцелярия Епархиального Архидиакона.

27. Епархиальный Совет, где таковой будет Архидиаконом образован, состоит из трех — пяти лиц в пресвитерском сане.

* До изменения 1961 г., вошедшего в силу немедленно без санкции Поместного Собора, Священный Синод состоял поровну из трёх постоянных и трёх временных членов. С 1961 г. большинство в Синоде принадлежит автоматически постоянным его членам, особо поверенным властями. *Прим. Ред.*

Задача Епархиального Совета — готовить к архиерейскому решению дела, направляемые в Епархиальный Совет для сей цели Епархиальным Архиереем.

28. Епархиальному Архиерею принадлежит право обращаться с архипастырскими посланиями в пределах епархии.

29. Епархия разделяется на благочиннические округа во главе с благочинными, назначаемыми Епархиальным Архиереем.

30. Благочинные наблюдают за деятельностью и поведением приходского духовенства округа, посещая приходы не менее двух раз в год; объявляют подведомым им причтам распоряжения Епархиального Архиерея; в случае нужды делают братские указания приходским настоятелям и другим членам причта; заботятся об удовлетворении религиозных потребностей верующих в приходах, не имеющих временно священнослужителей: ходатайствуют пред Архиереем о награждении заслуживающих поощрения и представляют о своей деятельности и о состоянии вверенных округов отчет Епархиальному Архиерею в конце каждого полугодия, а об особо важных случаях доносят безотлагательно.

31. Епархиальные Архиереи представляют Патриарху ежегодно отчет по установленной форме по вверенным им епархиям.

32. По епархиям, где есть возможность, с разрешения подлежащих органов власти, учреждаются Богословско-пастырские курсы для приготовления кандидатов священства по программам, утвержденным Патриархом.

33. В целях обеспечения храмов епархии необходимыми принадлежностями богослужения — церковные свечи, ладан и пр., в епархии, с разрешения местной гражданской власти, может быть учрежден свечной завод, равно как изготовление венчиков, крестиков, разрешительных молитв и подобных предметов.

34. Имеющиеся в епархии монастыри руководятся уставом, утвержденным Патриархом.

IV. ПРИХОДЫ.

35. Православная приходская община Русской Православной Церкви, объединяющая не менее 20 членов православного вероисповедания, состоящая в каноническом ведении епископа, создается по добровольному согласию верующих для удовлетворения религиозно-нравственных нужд под духовным руководством избранного общиной и получившего благословение епархиального архиерея священника, зарегистрированная местной гражданской властью, получившая от нее в бесплатное

пользование храм и церковную утварь по особому договору и ответственная за целостность имущества перед советским законом.

36. Приходская община является частью Русской Православной Церкви, а вместе и Вселенской Христовой Церкви, и имеет самостоятельный характер в управлении хозяйством и финансами.

37. Для управления делами прихода организуются, в соответствии с общецерковным началом соборного управления, два органа: церковно-приходское собрание, как орган распорядительный (собрание членов — учредителей двадцатки), и церковно-приходский совет, как орган исполнительный, в составе 3 человек — старосты, помощника старосты и казначея, избираемых общиной из прихожан правоспособных и доброй христианской нравственности.*

38. Для постоянного наблюдения за состоянием церковного имущества, за движением церковных сумм, по-квартальной документальной ревизии наличия церковного имущества и денежных сумм и определения правильности произведенных расходов избирается ревизионная комиссия в составе 3 лиц, которая представляет свои выводы и предложения на рассмотрение общего собрания прихожан.

При наличии злоупотреблений, недостачи имущества или денежных средств, ревизионная комиссия составляет акт и препровождает его в местные горсовет или сельсовет.

39. Приходское собрание в составе лиц, подписавших договор на пользование храмом и культовым имуществом, созывается по мере надобности с разрешения местных горсоветов или райсоветов (в сельской местности) и решает все вопросы, связанные с управлением и жизнью этих общин.

40. Исполнительный орган приходской общины верующих, ответственный за свою деятельность перед общеприходским собранием, в период между двумя приходскими собраниями осуществляет руководство хозяйственно-финансовой жизнью прихода. Он несет ответственность перед гражданской властью за сохранность здания и имущества храма, ведет церковное хозяйство, заботится о содержании, отоплении, освещении и ремонте храма и утвари, о снабжении храма всем необходимым для совершения богослужения, как-то: ризница, богослужебные книги, ладан, погребальные венчики, разрешительные молитвы, нательные крестики и проч. Исполнительный орган является ответственным распорядителем денежных средств прихода и строго следит за правильным учетом и расходованием этих средств. Он делает взносы и отчисления из приходских средств на церковные и патриотические нужды; оплачивает содержание священнослужителям, если таковые состоят на

* Этот и следующие параграфы существенно отличаются от Устава 1945 г. Настоятель с 1961 г. целиком отстранен от участия в церковном Совете и в делах прихода.

определенной заработной плате, содержание рабочим и служащим храма; вносит на добровольных началах денежные суммы на содержание епархиального архиерея и его управления, на Патриаршее управление, на содержание духовно-учебных заведений при Патриархии и в пенсионный фонд, исходя из потребности и наличия средств, поступивших из добровольных пожертвований верующих на церковные нужды.

41. Церковные суммы состояются из добровольных взносов верующих при тарелочном сборе за богослужениями, таких же взносов за просфоры, свечи и др., из пожертвований вообще на нужды храма.

42. Денежные средства религиозной общины вносятся на хранение в Государственный Банк на имя данной общины и получаются по чекам за подписью председателя (старосты) и казначея церковного совета религиозной общины. Средства общины учитываются ведением приходо-расходных книг.

43. Исполнительный орган религиозной общины имеет свой штамп и свою печать, зарегистрированные подлежащей гражданской властью.

44. Настоятель прихода и прочие священники (где они есть) суть пастыри прихода, которым поручено епископом совершение в приходском храме общественного богослужения и церковных треб, преподавание церковных таинств по Церковному Уставу и руководство их в жизни христианской. Они ответственные перед Богом и своим епископом за благосостояние прихода со стороны его религиозной настроенности и нравственного преуспеяния.

45. Настоятель храма, памятуя слова апостолов: «А мы постоянно будем в молитве и служении слова» (Деян. 6, 2-4), осуществляет духовное руководство прихожанами, наблюдает, чтобы богослужения совершались в храме истово, благолепно, в соответствии с требованиями Церковного Устава, и чтобы все религиозные нужды прихожан удовлетворялись своевременно и тщательно. Он осуществляет наблюдение за дисциплиной членов причта, представляет их своему духовному начальству к наградам. Он заботится о развитии доброй нравственности в приходе. Для достижения этой цели он, прежде всего, подает добрый пример своим личным поведением на приходе. Он заботится также о том, чтобы все принадлежности богослужения были в исправном благоприличном виде и своевременно доводит до сведения исполнительного органа общины о нуждах, связанных с нормальным отправлением богослужения, треб и церковных таинств.

46. Исполнительный орган не вмешивается в распорядок богослужений и в дела взаимоотношений членов причта между собой. В случае ненормальностей в этих вопросах, он обращается к епископу, исключительной компетенции которого подлежит суждение об этом.

При приглашении на работу в храме псаломщиков, пономарей, алтарников и вообще лиц, так или иначе участвующих в богослужении, исполнительный орган согласует кандидатов на эти должности с настоятелем.

47. Строгое соблюдение как духовенством, так и приходскими общинами гражданского законодательства о Церкви, не говоря уже о церковной дисциплине, обязательно. В этом — залог общего церковного благополучия Русской Православной Церкви и приходского благополучия — в частности.

ДЕСЯТЬ ОБРАЩЕНИЙ*

(продолжение)

6.

«Как ты стал верующим?» — этот вопрос приходится слышать от сторонних едва ли не всякому, кто заявит о своей вере, и еще раньше, чем спросят: в чем твоя вера? Потому что верующий у нас страннее, чем вера: ведь что такое религия, знают как будто все (вернее, думают, что знают), а вот каким образом обычный, рядом с вами живущий человек — верующий?

Ап. Павел говорит: «Мы проповедуем Христа распятого, иудеям соблазн, эллинам — безумие». Так и сейчас — иудеи принимают Благоую весть как соблазн (измена, отход от веры отцов), а эллины — большинство (образованные и не очень) — как безумие: неужели же в это можно верить всерьез: в Бога, в Жизнь Вечную, в Христово Воскресение? И вот, как Полоний у Гамлета, хотят найти в этом безумии какую-то систему. Потому и спрашивают: «Как ты стал верующим?», прежде чем: «В чем твоя вера?».

Увы, удовлетворить любопытство эллинов невозможно. Станешь складно рассказывать — вот с того-то и того-то все началось, и чувствуешь: не то... И этот рассказ я хотел сначала написать складно, а вышли отрывки, вроде мозаики. Но, верно, так и должно быть. Здесь, и моя душа — весь путь ее — часть Божьего замысла о Своем творении. Но именно — Его замысла.

Как же я, не будучи в силах знать начала и концы, лишь приблизясь к Тому, Кто есть Альфа и Омега, начало и конец, и то по Его милосердию и любви ко мне, как же смог бы я «связно» рассказать о том, что большей частью от меня сокрыто?..

Наверное, подлинно духовная жизнь не должна полагаться на «системы». Когда-то, пытаясь объяснить все Господни пути, фарисеи — из благочестия! пришли к законничеству и, полагая в своей гордыне, что они уже недалеки от Господа, не узнали Его. Дай нам Бог так не заблудиться!

Наверное, прямым и честным (а возможно, и единственным) ответом на вопрос, как ты стал верующим, был бы: Бог привел. Я так обычно и отвечаю. Пусть это звучит еще большим безумием для «эллина», но по совести, как еще ответить? Как и у многих

* Начало см. «Вестник» № 132.

моих соотечественников, все: воспитание, образование, семья, окружение были у меня совершенно не религиозными, даже антирелигиозными. Отрицание религии почиталось как нечто само собой разумеющееся. Вот разве что неизвестно откуда взявшееся, еще с детства, отвращение от любого предрассудка помогло мне понять, что ненависть к религии — просто предрассудок, и ничего больше. Я и сейчас думаю, что веровать людям мешает предрассудок, затверженность мышления, заученность «очевидного» (совсем не очевидного!).

Стоит только этой пелене с глаз упасть — и серьезно задумываешься над тем, что раньше казалось несерьезным. А вот с чего это начинается?

У многих, я знаю, с каких-то несчастий, либо с ощущения, что запутался, не знаешь, как жить. У меня этого не было, то есть я плутал без пути и звезды, но даже не ощущал, что плутаю. (Да ведь не все приходят к Богу, кто пережил несчастье). Ничто тут не было, как говорится, «детерминировано», а вот просто — Бог привел. Уместнее было бы сказать, что сразу увиделось, как только ступил на этот путь.

Помню радость и радость от того, что многое вдруг осветилось как бы изнутри. Вдруг многое не то чтобы понял, а почувствовал. Есть такие стереометрические рисунки: простым глазом видишь только переплетение разноцветных линий, а наденешь специальные очки — и перед тобой объемный рисунок.

Вот так же было, когда я уверовал, вера — такие очки. Всего-то и надо было только — поверить. Помню — ясно стал ощущать, что весь мир — творение, что Господне творение есть во всем. И что любое творчество чем-то соприкасается с Горним миром. Еще и раньше замечал, что в любом творчестве есть что-то последнее, неисследимое нашим разумом. И вот светом веры это неисследимое, непонятное становится главным, эхом Господнего присутствия в наших душах.

Просто и невероятно — бессмертие. Как не покажется наивным — в вере главное именно поверить, т. е. — принять. И вот, приняв (а не поняв, тут слово «понять» неуместно), что мы бессмертны, и догадавшись, что и раньше это ощущал (да не смел себе поверить), что вдруг чувствуешь? Противоположные чувства возникают: радость и ответственность, тяжесть до печали, до скорби. Радость, что ты не один, что истинное твое отечество — небо, и даже твоя тоска на земле понятна: это тоска странника; но Отец наш Небесный с тобой, и это навсегда.

Одиночества я всегда боялся, бежал, и оно меня настигало. Наверное, мы и смерти потому же боимся, ведь смерть — это богооставленность, и уже навсегда. Так и было бы навсегда — навсегда одиночество в смерти, если бы не Его Воскресение, после Его страданий и Его смерти. Смертию смерть поправ...

Но какую же ответственность, даже до скорби, чувствуешь: ведь ясно теперь, что каждый твой шаг, твоё падение, твоё возвращение к Богу, даже каждое слово твоё — не просто так, не исчезают без следа, и что связалось здесь — и там свяжется. Ты теперь не один: в радости, в беде, в скорби, в пути и дома, странничество твоё не напрасно — это ты знаешь, но прежний страх одиночества сменяется другим совсем: трепетом удалиться от Бога. Это не сразу так, потом только узнается.

Что может быть безумнее: мы бессмертны, мы обрели жизнь вечную, ибо Господь и Спаситель наш жил на земле, страдал, умер и воскрес. Господь с нами, и если мы страдаем, то тем более Он с нами. Что может быть безумнее, алогичнее всего этого, но если попробовать «это» отменить, пренебречь — не бессмысленным ли станет существование нашего «разумного» мира? И чем этот мир логичнее, разумнее, тем он и вся жизнь будут нелепее: кто же строит и укрепляет дом, зная, что завтра он все равно рассыплется в прах? И это — если только предположить, что нет бессмертия.

Но вся вера такова: «безумие для эллинов», она — единственный смысл нашего «разумного» мира.

Не сразу, но при долгом чтении Евангелия я понял: о каждом слове там можно думать бесконечно много, и каждое слово объемлет все, и само — окно в бесконечность. Это и есть Богодухновенность Писания.

«В начале было Слово». Наверное, для меня одно из первых евангельских слов, потрясших, было: «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?» (Марк 8,37). Как огромно, и прямо, и непостижимо, и просто; вот — мир, а вот — душа человеческая, и душа ценнее, и нет ничего ценнее ее. Как всегда, заранее опровергнуты все лживые, соблазнительные нашептывания: что, нечего, мол, человеку терять, а приобрести — есть чего...

И вот эту-то бесценную душу, что всего мира ценнее, ее-то и положить надо «за други своя», и только так спасешься! Каждый раз, как это перечитываешь, все более понимаешь, о каких нешуточных вещах идет речь, подлинно — о спасении.

А как это — «за други своя?» Ведь не всегда так прямо жертвуешь собой, может не выйти случая за всю жизнь. А так — нам и ответ есть — «отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною» (Мф 16,24).

Наверное, никому не удастся получить полного объяснения тайны креста и Воскресения. Это и невозможно, и даже это в созерцании почувствовать невозможно, лишь в «делании», пути с крестом — всей жизнью. Стоит ощутить в наших скорбях присутствие Бога живого, понять и принять наш путь скорбей и печалей — как Его путь, так сразу отпадут вопросы: а почему я страдаю? Чем я виноват? и т. д. Находясь в пути, спрашивают: верна ли дорога, а не: почему так много камней и ухабов?

Не буду кривить душой: так редко мне удается такое приятие своих печалей! Тут молиться нужно больше — и «само» придет.

«Я есмь Путь, Истина и Жизнь» (Иоанн 14,6). Ап. Фома спрашивает: «Господи, не знаем, куда идешь, и как можно знать путь?» (Иоанн 14,5). На пути в Дамаск ап. Павел получает откровение. Мы видим, что спасение не приходит само, и хотя мы и получили его даром — не по заслугам, — но мы должны пройти путь за Христом. Только так мы познаем Истину и обретем жизнь вечную.

Апостол Павел шел в Дамаск из Иерусалима. Это глубоко символично. Апостол был верующий иудей, фарисей, ревнитель веры, как и все фарисеи. Но он и должен был прозреть, чтобы увидеть Путь, Истину и Жизнь.

Мы же все идем даже не из Иерусалима, а из глубины своего прежнего неверия. Некоторые, доходя лишь до «Иерусалима», до веры, не приходят ко Христу, или не приходят к Церкви. Будем молиться за их прозрение, и тем более за прозрение еще не идущих с нами. Но и за себя и друг за друга надо молиться, потому что мы идем не из Иерусалима, тем более долг путь и больше на нем соблазнов, так что тут не до превозношения, а — взяться за руки и как бы не упасть (так крута и тесна тропа), и пройти этот путь можно только вместе (Церковью) и одновременно — каждому: от начала и до конца.

На этом пути я испытывал два наиболее сильных чувства: радость, что Господь близко (редко), и сокрушение до скорби, до богооставленности (это чаще). Но в каждом из них просвечивало противоположное: в радости — сокрушение своим недостойнством, в скорби — радость, что все же Господь не оставляет меня любовью (как если бы приговоренному объявили о помиловании).

В обоих случаях необходимость покаяния видится даже не призывом, тем более не обязанностью, а единственным реальным мостом к спасению.

«Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное» (Мф 3,2).

И еще о пути. Когда меня спрашивают: «А что же дала тебе вера? счастье?» — я, право, даже теряюсь, насколько вопрос не о том. В пути не спрашивают, счастливы ли ты от этого пути, а — верно ли ты идешь?

Но вот если спросить: а как же изменился ты сам? — то тут можно если не ответить, то задуматься.

Часто кажется, что вся-то жизнь на этом пути, что главное в ней — освобождение от лишнего, ненужного, давящего и привязывающего к «миру сему». Я говорю не о буддийской бесстрастности, это путь в пустоту, в небо. И мы знаем, что небо не пусто, и что жив Бог Авраама, Исаака и Иакова — Бог не мертвых, а живых, но речь идет о жизни вечной. Для этой-то жизни, наверное, недостойны наши душа и тело. И вот с каждым подлинным освобождением вдыхаешь как бы глоток воздуха этой вечной жизни и трудно от непривычности дышать, как выпущенным из тюрьмы непривычно ходить на воле.

И каждое освобождение — потеря, и потеря — освобождение, и как издали чувствуешь запах моря, вдруг ощущаешь воздух подлинной свободы — жизни вечной.

Никого не нужно убеждать верить, а только — себе поверить, себе самому. Как Царство Божие внутри нас есть, так и вера, я думаю, уже есть от рождения у любого человека — нужно лишь себе поверить, самого себя не обманывать, не прятаться от своих подлинных чувств. Для того и нужно освобождение — чем более свободен от лишнего — тем более места вере, Богу, Любви — в твоей душе.

В.

7.

По национальности я еврейка. Родители мои, врачи, были убежденными атеистами. Когда в семье речь заходила о Боге, всегда говорили, что в Бога могут верить только «темные» люди, что вера — это признак некультурности и т. п.

Детей у родителей было двое: я, младшая, и брат Митя, на два с половиной года старше меня. Мама все свое время отдавала нам, горячо любила нас и старалась оградить от внешней жизни.

Мы жили, как большинство семей состоятельной интеллигенции того времени, с жизнью не соприкасаясь, в отдельной детской, со своими игрушками и книжками, в обособленном детском мире. Особенно мама следила за тем, чтобы не было никакого религиозного влияния. «Я не хочу, чтобы детские головы забивали религиозными бреднями», — говорила она. Поэтому она избегала оставлять нас на прислугу. Наша последняя няня ушла, когда мне было 3 года. Я очень любила маму и брата, и безусловно верила всему, что говорила мама, — непреложная истина. Так я прожила до шести лет, ничего не зная о Боге, вернее, в твердом убеждении, что Его нет.

Когда мне исполнилось 6 лет, в моей жизни произошло событие, глубоко потрясшее меня. При доме, в котором мы жили, был большой сад. Однажды мы с братом и соседскими детьми играли в саду, бегали по дорожкам и наткнулись на большого петуха. Он лежал на боку и тяжело дышал. Мы окружили его, кто-то принес воды попить, но ему уже ничего не могло помочь. Он умирал, агония продолжалась несколько минут. Он судорожно раскрывал клюв, он задыхался. Затем все было кончено. Мы стояли как вкопанные и молча смотрели на это умирание. Кто-то из детей сказал: «теперь надо его похоронить»... И мы вырыли ему могилу, засыпали цветами — все, казалось, закончилось детской игрой. Но вечером, ложась спать, я вдруг ясно вспомнила это умирание, и мне стало страшно. Я вся дрожала от напряженного томительного недоумения: «Куда же девалось петушиное «я»? — так шли мои мысли. — Вот я — я Леночка, и Митя — у него тоже «я», и у всех есть «я», и у петуха тоже. Вот он умер, мы его закопали, а где же его «я»?»

Я заплакала, меня трясло, и я долго не могла заснуть. Утром я сразу же бросилась к маме со словами: «Мама, а где же петушиное «я»?» Мама даже растерялась и сразу не могла понять, в чем дело. Затем стала объяснять: «Что ты, Леночка, какое петушиное «я»? Петушка уже нет, его закопали в землю, и на его месте вырастет цветочек». «Нет, нет, — горячо спорила я, — мы закопали только петушка, а его «я» там не было, его нельзя закопать, оно не может умереть, где оно теперь, и где будет мое «я», митино, скажи, мама!» Я плакала, волновалась и меня долго не могли успокоить. Через несколько дней я сказала маме: «Ты неверно говоришь, что Бога нет. Он есть, и петушиное «я» ушло туда». И с той поры я начала молиться. Молилась я своими словами, складывала стихи и читала их, как молитвы. В наше время в

школьные тетради в магазине вкладывали яркие картинки. Брат уже учился, и я однажды в его тетрадке нашла очень красивого ангела. Я наклеила его на голубую бумагу и повесила на спинку своей кровати. Я молилась перед его изображением, стоя на коленях. Митя всячески дразнил меня, клал старый башмак к себе на подушку и кланялся, копируя меня. Взрослые тоже смеялись надо мной, но я твердо стояла на своем. Я очень боялась, что Бог накажет Митю за его издевательства, и просила Бога, чтобы Он простил Митю. Моя молитва была такой:

Господи, помилуй и благослови,
Ты даруй мне силу, силу воли,
Мой брат в Тебя не верит,
Ты прости ему.

Я в Тебя верю, Великого Господа,
Ты даруй мне силу и терпение, труд.
Господи, помилуй, люди только врут...

(т. е. врут, что Бога нет).

Затем я прибавляла уже в прозе все свои прошения.

Мне было 8 лет, когда в доме появилась новая картина. Она изображала нерукотворного Христа, не помню, какого западного художника. Картина эта всем известна, она есть во многих христианских и нехристианских домах. Она написана так, что иногда кажется, что у Него открыты глаза, а иногда закрыты, в зависимости от того, как падает свет. Мама вставила эту картину в красивую раму и повесила в угол, как вешают иконы, в приемную для больных. Помню, монашенки-белошвейки, которые шили нам белье, когда приходили к нам, подолгу задерживались перед этой картиной. Я, конечно, тоже обратила на нее внимание, и чем дольше смотрела на нее, тем все больше хотелось смотреть. Я спросила маму: «Кто это?» Она ответила: «Это был очень хороший человек. Христиане думают, что это Бог, но это неверно — Бога нет; это был просто хороший человек, который учил добру». Я старалась при малейшей возможности проникнуть в приемную, чтобы посмотреть на Него (нас не очень-то пускали туда). Я могла смотреть на Него целыми часами неотрывно. Бывало, забьюсь в кресло в плохо протопленной приемной, вся закоченею от холода и смотрю, смотрю... Меня уводили, бранили... «Мама, я люблю Его...» — вот все, что я отвечала на вопросы. Больше ничего объяснить не могла.

Мама встревожилась. «Просто не знаю, что с ней делать, религиозный психоз какой-то». Но так как во всем остальном я была здоровым, бойким и шаловливым ребенком, она несколько успокоилась: «Ничего, подрастет, и все пройдет, все само пройдет, сама все поймет...»

Но это не проходило. Я поступила в гимназию. В то время перед началом занятий всегда была общая молитва. Девочки-христианки крестились, я же с другими девочками-еврейками должна была присутствовать при этом. С первого же дня мне почему-то тоже захотелось креститься. Я сразу почувствовала притягательную силу крестного знамения. Вернувшись домой, я осторожно медленно перекрестилась. Я волновалась, боялась, что делаю что-то недозволенное, что со мной что-то произойдет... Но ничего, вокруг все было тихо-тихо и внутри какая-то особая тишина. После этого первого опыта я стала креститься все чаще во время своей молитвы, но не каждый день. Естественно, что моими подругами были русские девушки из верующих семей. Я тянулась именно к ним. С одной из них связь не прерывалась на протяжении всей моей жизни. И до сих пор мы с ней как родные сестры.

Очень скоро я познакомилась с Евангелием, выучила свою первую молитву «Отче наш», приобрела маленький крестик и носила его. Все это тогда можно было купить в любой церкви. Сколько было у меня неприятностей дома, сколько отнятых и выброшенных крестов и Евангелий! Но неизменно кто-то из друзей моих дарил мне это опять и я опять надевала крест. Я стала заходить в церковь, но очень робко. Однажды отец пришел домой расстроенный и сказал маме: «По городу ходят слухи, что я собираюсь креститься, потому что нашу дочь видели в церкви». (Мы жили в Воронеже, отец мой был известным врачом и его знал почти весь город). Тогда мама, чтобы прекратить мои хождения в церковь, сказала: «Смотри, не ходи больше, а то тебя оттуда кадилом выгонят».

Я, конечно, поверила, и боялась этого страшно. Этот страх жил во мне очень долго, и даже когда мне было 40 лет, я часто ловила себя на том, что в церкви я с опаской отодвигаюсь, когда дьякон или священник идут с кадилом.

Для меня было большим горем, что я не могу ходить в церковь, а главное — не могу исповедоваться и причащаться. Что такое исповедь, я понимала, а что такое Причастие — не знала, но ясно чувствовала, что лишена чего-то самого главного, без чего невозможно жить.

И вот однажды в Пасхальную ночь я была одна в своей комнате и плакала. Мне было уже 11 лет, меня из общей с братом «детской» перевели в отдельную комнату. Я плакала о том, что я не в церкви, что все мои подруги исповедовались и причащались и теперь радостно встречают праздник, а я всего этого лишена. Была очень теплая апрельская ночь. Окно было раскрыто и весь город был наполнен колокольным звоном. Вдруг я решительно сказала себе: глупая, чего ты плачешь? Вот — Бог и ты. Расскажи Богу все свои грехи, потом сама окрести себя и сама причастись. Тогда я не понимала, что такое св. Тайны. Я так и сделала. Налила в чашку воды и опустила туда свой крестик. Поставила свою святую воду на маленький столик и выдвинула его на середину комнаты. Затем сказала вслух: «Господи. Я исповедуюсь Тебе!» (Мне казалось, что я должна все громко объяснить Богу, чтобы Он это принял).

Я встала на колени и рассказала все свои грехи, а их было много. Я старалась все вспомнить. Затем взяла в руки Евангелие и с ним два раза обошла вокруг столика, на котором стояла чаша, читая что придется из Евангелия и «Отче наш». Потом сказала: «Господи, вот я крещусь» и стала поливать себя своей святой водой. Потом я взяла крашеное яйцо и крошечный куличик, который мне украдкой сунула наша кухарка, и сказала: «Господи, а это пусть будет мое причастие!» Я съела яйцо и кулич, запивая все святой водой. Внезапно все стало изменяться во мне. Первые мгновения я ярко чувствовала теплоту ночи и гул колоколов, и все это входило в меня. Меня наполнило какое-то ликующее счастье, я чувствовала себя прозрачной, как бы хрустальной, и внутри меня с шумом, как от водопада, струилась жидкость — горячая и сверкающая, как огонь. Шум был похож на водопад и морской прибой. Он то нарастал, то ослабевал, ритмично перемещаясь.

Не помню, спала ли я в эту ночь. Утром я не могла ни есть, ни говорить. Что-то сдавило мне горло. Я была как в столбняке, избегая всяких прикосновений. Я так боялась запачкать эту хрустальную чистоту, потерять это чудесное ощущение.

Мама испугалась, она была уверена, что я заболела. Постепенно в течение дня шум делался все слабее и слабее, и к вечеру все во мне стихло...

Я прожила долгую жизнь. Крестилась поздно — в 37 лет. Во время крещения я с волнением ждала, что со мной повторится то чудесное, что было в детстве, но не почувствовала ничего.

...Много лет отделяет меня от той ночи. Но когда я вспоминаю, я снова и снова ощущаю ту удивительную теплоту, тот проникающий в меня гул церковных колоколов — я опять слышу этот ритмичный шум водопада и морского прибоя.

Е.

8.

Когда я умирала в детстве, бабушка меня окрестила, и я ожила. Мне скоро 30... Чем была моя жизнь? Не знаю. Я просто шла, когда с обычностью, когда с ожиданием... Любимым моим занятием было лежание на диване и жизнь в созданном мною мире. Немного рисовала. Однажды соседка сказала: «А почему бы тебе не стать художницей?». Действительно, а почему бы нет?

Я поступила в художественное училище, хотя особого призвания не чувствовала. Замуж не хотела и знала, что не смогу быть хорошей женой, но все же вышла и очень быстро развелась.

Часто тревога и страх нападали на меня, и я чувствовала какое-то враждебное начало в себе, приводящее меня в замешательство, и полное бессилие что-либо понять в своем существовании. У меня начинало бешено колотиться сердце, и мне хотелось у всех просить прощения. Я падала на колени и молилась Богу, глотала успокаивающие таблетки и читала Евангелие. На следующий день полусонная приходила в училище и тихо улыбалась. «Все смеешься...» — говорили мне...

И вот долгий период грехов, когда все мои диванные мечты стали реальностью... Потом умер отец. В день похорон я наглоталась наркотиков, которые ему выписывали от боли. За гробом я шла, вернее, плыла, и спокойно смотрела на плачущих, думая о завтрашней встрече. А бабушку утешала словами из Писания, что Бог кого любит, того и наказывает. А она, горько плача, отвечала: «Лучше бы Он меня поменьше любил...» Когда отца стали закапывать, я сняла крест с шеи, положила ему в карман пиджака и перекрестилась. А моей бабушке говорили обо мне: «Надо же, какая она у вас жестокая, слезинки не проронила!»

Ведь завтра встреча, какие слезы? Сладкие поцелуи, последний ряд в кинотеатре, совсем как в 18 лет, если конечно не смотреть на мешки под глазами. Быстро летит время. Потом кончается моя жизнь, когда я жила, как хотела. Разговор у метро. Истерика. Я одна. Дома бабушка с гречневой кашей. Есть не могу. Накладываю кашу в карманы, чтобы бабушка не ругалась, что

не ем... Душные дни и ночи. День проживаю вяло, не высыпаюсь. Завтра опять на работу. Пьяный сидит со мной в троллейбусе и непрестанно говорит: «Я же поехал не в ту сторону...» Я уже выходила, а он все говорил это. Конец. Начало.

Мои новые друзья-христиане говорили о чистоте, любви, страданиях. Я молча слушала о Христе, думая о своем. На минуты отвлекаясь от своих раздумий, я прислушивалась к их речам: о чем все-таки они говорят? чего хотят? Я ведь тоже верю в Бога и всегда верила.

Вспомнилось, как когда-то, совсем давно, впервые читала Евангелие. Я плакала и крестилась и все повторяла: «Слава Тебе, Господи, слава Тебе Господи». После этого я уже никогда не спорила о религии с отцом, который втайне от окружающих верил в Бога и ездил в церковь. А мама ругалась тогда на бабушку: «Мужа испортила, старая ведьма, теперь за дочь принялась». Но потом все утихло, забылось... И вот снова: любовь, чистота, совесть... Я внимательно смотрела в глаза говорящих о правде и думала: «Если завтра не позвонит, то позвоню сама, больше ждать не могу». Но что все-таки мучает меня? Почему я так часто плачу? Почему бросаю хлеб в лицо тому, кого люблю?..

Однажды утром, весело смеясь, мне сказали: «Эх ты, монахиня, побольше бы таких в Советском Союзе». Что-то кольнуло меня прямо в сердце, мне стало больно, стыдно и противно. Я вдруг остро почувствовала какую-то несовместимость в себе. Неделю ходила как прибитая. И тут все вспомнилось, всплыло. Мне страшно... Может, с моста броситься?.. Нет, вдруг не насмерть — буду калеккой. Господи, что же делать?.. Исповедаться... исповедаться... Это значит, отказаться от того, чем я жила. А как же луна, пощечины вперемешку с поцелуями, лошади на ипподроме, ночные такси, утренние щебетанья? Нет, не могу. — Нет, можешь, сделай только усилие над собой хоть раз в жизни. И какое-то неодолимое чувство долга побеждает. Исповедуюсь. Как будто навсегда попрощалась с тем, кого люблю, но с какой-то тайной надеждой, что так лучше для нас обоих... Слышу слова из Библии, брат читает: «Я видел пути его, и исцелю, и буду водить его и утешать его... Я исполню слово: мир, мир дальнему и ближнему». Какие хорошие слова. Это правда, Господи? Утешение разливается в сердце — правда. Несмотря на мою занятость собою, Христос все же незаметно входил в мою жизнь. «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих». Я положила бы душу за своих прежних друзей? И постепенно я

стала превращаться в комара со своей любовью. Розовый перламутр моей необыкновенной любви стал еле мерцать в липкой пучине разврата, а потом исчез вовсе... В моих руках Библия — брат подарил. Перед тем, как открыть, молюсь Господу: «Боже, скажи мне через Священное Писание слова утешения, надежды». Благодать разливается в сердце.

Открываю Библию, читаю: «Тебе дано видеть э т о, чтобы ты знал, что только Господь (Бог твой) есть Бог, (и) нет еще Кроме Его; с неба дал Он слышать тебе глас Свой, дабы научить тебя, и на земле показал тебе великий огонь свой и ты слышал слова Его из среды огня; и так как Он возлюбил отцов твоих и избрал (вас) потомство их после их, то и вывел тебя Сам великою силою Своею из Египта, чтобы прогнать от лица твоего народы, которые больше и сильнее тебя, и вывести тебя, и дать землю их в удел, как это ныне видно».

«А как родственники расценивают твоё помешательство?» — спросила подруга. «Мать плачет: отец был ненормальный и дочь такая же, ведь есть же счастливые матери, у которых дочери с мужьями, с детьми, а эта какая-то, не поймешь...»

Бабушка: «Не всем же быть, как Люда у Антонины Степановны, вот вчера видела: с мужем подручку шла... А ведь есть дети, и родителей бьют, алкоголики и воры, а наша — верующая, ну что тут поделаешь?..»

Да, теперь уж ничего не поделаешь. Вера и надежда окрыляют сердце — Любовь и Истина победят!

Н.

9.

Меня часто спрашивают, как это я в Бога уверовала? И мне трудно ответить на этот вопрос. Можно, конечно, рассказать о человеке, который... Но нет. Получится не о том, не о моей вере. Да, этот человек привел меня, уже взрослую, окончившую институт, в храм, как малого ребенка. Я стояла, искоса поглядывая на иконы и на молящихся. Сама не молилась, потому что не умела. Мне вдруг захотелось перекреститься, но почему-то не смогла, рука не поднялась...

Можно рассказывать и о долгих разговорах, которые перевернули мои представления о мире, воспитанные во мне безрелигиозной (нет, даже атеистической) семьей, пионерско-комсомоль-

ской школой и историко-педагогическим высшим образованием. О разговорах, в результате которых я поняла, что в мире нет ничего выше души человека, сотворенной по образу и подобию Божию. Но стоит забыть человеку, что он, хотя и венец творения — но все же тварное существо, грехом поврежденное — и начинаются страшные вещи.

Поняла я, что Человек — с — Большой — Буквы, «белокурая бестия» и «супермен» из нынешних западных комиксов суть родные братья, порождения дьявольского царства кривых зеркал. И даже такая простая мысль как-то не приходила мне в голову, что главный постулат материализма «материя вечна, бесконечна и никем не сотворена» в общем-то ничем не доказан и воспринимается именно на веру, хоть и называет себя материализм научным и диалектическим.

И все же это не о вере моей рассказ выходит, а о человеке, через которого Господь даровал мне прозрение. О человеке, благодаря которому я знаю очень много из того, что я знаю. Но не о вере.

Однако мне трудно сказать, когда я впервые чувством восприняла присутствие Бога в мире и в себе. Мне трудно сказать, когда я почувствовал а, что этот мир еще не есть все творение Господне. Но наиболее сильно это было во время первого моего причастия.

В своих дневниках я нашла описание этого дня: «Причащение — таинство и тайна. С утра — в храм. Свечи зажжены, но все в полутьме. Почти никого нет. Жду долго. Почти бесконечно долго. Молю Господа простить мои грехи, хоть и много их, даже те, которых сама не помню. А сколько забылось! А сколько их по неведению совершено мною, и я сама не знаю их!

Это бесконечно долгое моление о прощении, и ожидание, пока выйдет священник и пригласит к исповеди, — как напоминание о том, что будет в конце, при Страшном Суде.

Потом — исповедь, первая в жизни. Как однако же серы и многообразны грехи наши, если остается только головой кивать в знак согласия на перечисление их священником!

Странно, что после исповеди, когда я спускалась с клироса, по телу пробежала судорога — бес, что ли, вышел? А потом, перед причастием, я вдруг почувствовала, что это — Праздник, Событие, какого в моей жизни еще не было. И правда, люди смотрели на меня светло и умиленно, как смотрят на детей, приводимых к причастию...

И когда, почти в полуобмороке, проглотила я то, что было в ложечке, а после запила тем, что в чашечке, и кусочек просфоры съела и спустилась вниз — то так тихо и светло стало на душе у меня, как никогда до этого времени и не было.

Я знаю, Господь душу мою освятил Светом Своим. Бедные, несчастные безумцы, не знающие этого Сияния! Только по темной и жалкой гордыне своей, по слепоте и глухоте душевной могут они дерзнуть на Тебя, Господи! Просвети их души, помилуй и спаси их, Царь Небесный!»

... Такие озарения редки у меня, как, наверное, у всех грешных людей. И недолги. Но память о них и надежда, что Господь когда-нибудь еще осветит и освятит душу мою Светом Своего присутствия и стремление к этому дают смысл и радость жизни.

А если, как говорят атеисты, жизнь — это только биологический процесс, то все мое стремление к совершенству, и все мои надежды и мучительные поиски мысли и даже память моя — преходящи, а в вечности — так и вовсе мгновенны. Тогда — «лови мгновение», «бери от жизни все, что можно», и в конце концов «все средства хороши», — чем не моральный кодекс уголовного мрачного мира?

К.

10.

Что значит — «Бог возвращается?» По-моему, Он был все время недалеко от нас, разве нет? Просто мы были слепы и не видели Его. Прогресс и цивилизация породили безбожное общество.

После многих лет блужданий во тьме, интересуясь лишь тем, что болтают вокруг меня, я прочел несколько отрывков из буддийских текстов и тотчас понял, в чем суть религии. И тогда мне стало ясно, что все великие учителя — будь то Христос или Магомет — говорили то же, что я слышал и раньше. Но говорили по-другому. Бог — вот Он; Он ждет, чтобы каждый нашел Его. Но различные церкви и религиозные доктрины настолько запутались в схоластике, что смысл учений потерял ясность.

Разве существует более прекрасная истина, чем простое: возлюби ближнего?

Одной крошечной фразой можно разрешить все проблемы мира. Бог никогда не возвращался ко мне. Я просто блуждал и неожиданно нашел Его там, где Он был все время.

Д.

О ФЛАГЕ РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

*«Озлобившийся брат неприступнее
кретского города».*

Притчи 18.19

1

В восьмом и девятом номерах советского атеистического журнала «Наука и религия» за 1980 год была опубликована статья Д. Карпова «Под флагом РСХД». В сноске объявлено, что статья в несколько более полном виде будет напечатана в отдельном сборнике «Аргументы».* Читателям «Вестника РХД» в России было приятно убедиться в том, что проблемы движения, с которым они себя безусловно ассоциируют, оказались не чужды даже советскому атеистическому официозу. Дело в том, что в нашей стране этот журнал именуют, как правило, «Ни науки ни религии». Это не значит, что его не читают. На большей части территории страны невозможно достать никакой духовной литературы (что тут говорить о религиозно-богословских произведениях, когда советскому человеку недоступны ни Библия, ни молитвословы!) Вот и получается, что «Науку и религию» просматривают даже верующие: всё-таки в журнале иногда встречаются цитаты из Св. Писания, минимальная информация и т. д. Права на какой-либо иной религиозный журнал советские верующие не имеют. А религиозность, равно как и научность «Науки и религии» можно себе представить; отношение к журналу бытует самое юмористическое.

Советская действительность — это лабиринт шутовской гофманианы; под маской вчерашних бесов Достоевского и Михаила Булгакова вдруг обнаруживаются добродушные «отцы отечества», неустанно заботящиеся о благе страны и её духовном потенциале. Ничем иным и не объяснишь тот удивительный факт, что атеисти-

* Сборник вышел из печати в октябре 1980 года (192 стр., тираж 200 тыс. экз.). Он содержит семь статей и снабжён следующей аннотацией: «В этой книге разоблачаются враждебные акции западных религиозных центров, идущих в русле антикоммунизма, выступления фальсификаторов положения религии, церкви и верующих в СССР, с помощью которых буржуазно-клерикальная пропаганда пытается дезинформировать общественное мнение, посеять раздор между верующими и неверующими в нашей стране» («Аргументы», М., Политиздат, 1980, с. 2).

ческий журнал с необычным пафосом встал на защиту «подлинно религиозного» направления РХД, очищенного от всяческой политической заинтересованности и прочих преходящих забот века сего.

В наших условиях каждая статья, брошюра и книга являются в каком-то смысле сочинением на заданную тему. В то же время, побеждает тот, кто исхитрился вставить в свой опус как можно меньше расшаркиваний и поклонов официальной советской догме, чтобы создать иллюзию «свободной» дискуссии. Вот почему сочинение Д. Карпова донельзя невыдержанное и путанное. Однако, обойти вниманием его никак нельзя.

Статья начинается с предварительной оговорки, что цели и задачи Русского Христианского Движения за рубежом «**для объединения, созданного на религиозной основе, вполне естественны**» (№ 8, с. 62).^{*} Говоря об этой организации далее, Д. Карпов и журнал «Наука и религия» заявляют: «И если мы ведём о ней разговор, то совсем не потому что видим в ней какую-то политическую силу, представляющую опасность для нашей страны, а для того, чтобы дать отповедь фальсификаторам и дезинформаторам, стремящимся придать этому движению не свойственную ему роль в современной идеологической борьбе» (№ 9, с. 61).

Собственно говоря, здесь можно было бы остановиться. Казалось бы, советская власть сворачивает политику разрядки, перейдя к внешним авантюрам и внутреннему зажиму. И вдруг, на этом фоне неожиданный диалог, что без иронии, реально, является большой радостью. Ибо несмотря на то, что 1980 год был ознаменован репрессиями некоторых церковных деятелей, в этом же году советская власть через свой официальный атеистический рупор (ведь представить себе, что таково лишь личное мнение Д. Карпова, невозможно) во всеуслышание объявила нечто, что может послужить реальной основой для дальнейшего диалога с ней.

Имеется в виду следующее: советская власть официально признала, что не считает Русское Христианское Движение политическим, враждебным советской России. И поскольку это правда, значение подобного признания трудно переоценить.

В каком-то смысле оно открывает перед участниками движения (эмигрантами и особенно советскими подданными) новые горизонты. Мы не склонны предаваться романтическим фантазиям

^{*} Здесь и далее подчеркнуто нами (Н.А.).

на счёт власти, под которой живём, но даже нам на какой-то миг увиделась в будущем легализация РХД в России, более того — хотя и лимитированная (как всё в советской стране), но всё же открытая подписка на «Вестник»... Однако, всё это дела далёкого будущего, зависящие от того, насколько реальным и плодотворным окажется диалог между РХД и советской властью, диалог, возможность которого в каком-то смысле признана последней через «Науку и религию». А пока что вернёмся на землю.

Уже говорилось о заданности любой советской статьи, будь она научная, публицистическая или популяризаторская. Вот почему советская власть, как упрямый и капризный карапуз, сказав «да», обязательно должна на всякий случай несколько раз топнуть ногой. Применительно к рассматриваемой статье Д. Карпова это означает: признав РХД лояльным и нейтральным относительно советской власти движением, следует тотчас же оговорить его тотальную нелояльность и абсолютную ненейтральность. Тогда, согласно большевистскому мироощущению, это и будет исчерпывающей правдой. И хотя правда эта противоречит элементарной логике, опять же не будем судить строго: таково марксистское понимание диалектики и надо лишь с уважением склониться перед — пусть неадекватными — но по-своему религиозными представлениями этих причудливых верующих (тем более, что они нас тоже считают странными). Итак, это самое капризное топанье ногой является, откровенно говоря, ритуалом и носит квазирелигиозный магический характер. У Д. Карпова оно проявляется в следующем. После всех упомянутых выше разумных и, хочется надеяться, искренних фраз об РХД, автор упрекает движение в том, что оно «стало придатком буржуазного аппарата» (№ 9, с.61). Этот упрёк правомерен, поскольку явно соответствует намерению автора «дать отповедь фальсификаторам», стремящимся придать РХД «не свойственную ему роль». Быть может, этот упрёк даже справедлив? Можно ведь и возразить на него и доказать всю его беспочвенность. Разумеется, можно. Если бы Д. Карпов хотя бы аргументировал свою позицию. Но увы — вся аргументация выдохлась на названии сборника, куда включена статья из «Науки и религии». Её нет и в помине. И это очень обидно, поскольку вести диалог в таких условиях немного трудно. К счастью, мы помним, что всё это лишь магический ритуал. Так принято. Вслед за упреком идёт собственно антитезис, содержащий следующее утверждение о Русском Христианском Движении: «Это движение — одно из звеньев клерикального антикоммунизма, давний рупор

воинствующего антисоветизма» (№ 8, с.62). И вывод: у РХД, «как и у других подобных группировок, не было, нет и не будет никакого будущего» (№ 9, с.61).

Как же так? Ведь Д. Карпов вполне дружелюбно упоминает в своей статье о целых двух «подобных группировках» — Всемирной Студенческой Христианской Федерации и Христианском Союзе Молодых Людей (ИМКА). Не приходится доказывать, что будущее у этих движений «было и есть», столь очевиден этот факт любому здравомыслящему человеку. Да и Д. Карпов на их будущее почему-то не покушается. Мало того, тот же Д. Карпов собственноручно посвятил три четверти своей статьи истории РХД. Следовательно, у движения, официально основанного сразу же после русской смуты 1917-1922 годов и досуществовавшего до наших дней, в каждой конкретной временной точке **было будущее**. Д. Карпов подробно, хотя и без удовольствия, описывает растущую активизацию РХД в настоящее время. Следовательно, у движения **есть будущее**. Что до оборота «будет будущее», то эту неграмотность следует, вероятно отнести за счет упущения корректора.

2

В истории РХД Д. Карпов выделил шесть этапов. Первый из них начинается в 1923 году, когда съезд русской эмигрантской молодёжи в Чехословакии провозгласил создание Русского Студенческого Христианского Движения (РСХД). Излагая свои соображения об известном идейном разброде среди эмигрантов той поры и о становлении движения, автор статьи тут же оговаривается, что оно (движение) «исповедовало антисоветизм под прикрытием лозунгов сохранения русской культуры, русской самобытности, христианской веры» (№ 8, с.62). Весьма странное прикрытие, не правда ли! Второй этап истории движения, по мнению Д. Карпова, начался с 1926 года, когда усилилось взаимное отчуждение между РСХД, ориентировавшимся на митрополита Евлогия (Георгиевского), и карловчанами, и по сию пору представляющими наиболее правое крыло Русской Православной Церкви. Вроде бы, подобное размежевание с точки зрения «Науки и религии» должно быть «прогрессивным». Но даже «похвала» со стороны советского журнала звучит как ругательство: «Путь политиканства был беспелляционно объявлен неприемлемым для РСХД» (№ 8, с.63). Вот поди и догадайся: хорошо это или плохо? Одоб-

рует это «Наука и религия» или нет? А ведь всего лишь одно словечко — и мы в который раз ломаем голову перед «советским сфинксом». О великая магия слова! Однако вернёмся к итогам второго этапа, по мнению Д. Карпова, столь же негативным: «Вроде бы реалистично в известной мере оценивая создавшуюся обстановку, лидеры движения сплошь да рядом участвовали в акциях, проводившихся против СССР буржуазной пропагандой. Это объяснялось в какой-то мере и тем, что РСХД находилось под сильным влиянием идеологов «нового христианства», заквашенного на антикоммунизме» (№ 8, с. 63). Прежде чем перейти к характеристике следующего этапа, напомним в двух словах ту обстановку в СССР, «реалистично» оценив которую, лидеры движения принимались участвовать в упомянутых акциях. Это скоропостижная и до сих пор подозрительная смерть патриарха Тихона после вакханалии отсидок и допросов в казематах чрезвычайки. Это систематические репрессии всего церковного руководства, поочерёдный арест всех непосредственных преемников патриарха (митрополиты Пётр, Кирилл, Агафангел, Сергей, Иосиф Петровых и т. д.). Это массовые кровавые гонения на духовенство и мирян, достигшие особого размаха в 1929-30 годах и в период «ежовщины» (1937-39 гг.). Это планомерное варварское разрушение сотен храмов, монастырей, городских кремлей (Нижний Новгород, Серпухов, Кострома), и поныне представляющих огромную ценность и невосполнимую утрату для всего человечества и в первую очередь для русского народа, и даже не как культовые здания, а как памятники истории и культуры. Наконец, если обратиться к событиям чисто светского порядка, это начало беспощадной войны с крестьянством и самостоятельным населением городов («нэпманы»), а в верхах — окончательное установление единоличной диктатуры Сталина после уничтожения «правой оппозиции» Бухарина-Рыкова-Томского (1929 год).

Третий этап совпадает со Второй мировой войной и охарактеризован кратко: «Среди членов РСХД, которые своими глазами смогли увидеть, что такое фашизм, были и такие, кто принял участие в движении Сопротивления. Некоторые предпочли отсидеться, заняв позиции сторонних наблюдателей. Но были и такие, которых антисоветизм привёл на службу к фашистам» (№ 8, с. 63). И снова возникает чувство недоумения: ведь «расслоение» РСХД, как его представляет Д. Карпов, если даже оно и соответствует исторической правде, просто-напросто повторяет реальное расслоение общества любой страны во время войны и особенно оккупа-

ции. И в первую очередь — самой советской России. Да вот только в первой в мире стране социализма, где как ни в каком другом месте земного шара «так вольно дышит человек», на службу к нацистам пошли, **в отличие от всех прочих стран**, десятки, если не сотни тысяч людей во главе с православными красными военачальниками. Каждый народ России вплоть до мордвы или калмыков имел при гитлеровцах свой национальный комитет. И нам хотелось бы поимённо услышать о тех членах РСХД, которые «пошли на службу к фашистам». Даже если таковые были, мы убеждены, что всех их можно перечислить действительно поимённо. Но были ли? А вот мы «здесь», насильственно лишённые минимальной информации о чём бы то ни было, по самым неожиданным источникам, как например... филателия (французские почтовые марки с национальными героями Франции — подвижниками Соппротивления), узнаём о таких членах РСХД, как мать Мария Скобцова, которая добровольно пошла в газовую камеру вместо беременной женщины! Как отец Димитрий Клепинин, расстрелянный нацистами за укрывание евреев, как погибший в гитлеровском концлагере Илья Фондаминский-Бунаков. Как отец Андрей Сергеенко, постоянно сопровождавший, как христианский священник, группу спасаемых таким образом евреев в оккупированном Париже, среди белого дня, на улице, в самой гуще нацистского кошмара. И многих-многих других. И недаром столь немногословна «антифашистская» «Наука и религия»: ведь углубись она в разъяснения, проговорила бы ненароком о той правде, которая есть и пребудет — о том, что РСХД принимало активное участие в борьбе с нацизмом.

Как бы в виде компенсации за предыдущую ложь Д. Карпов пишет, что в течение послевоенного четвёртого этапа победа СССР всколыхнула патриотические чувства многих эмигрантов, которые пересмотрели свои взгляды, стали относиться к СССР мягче, а некоторые даже вернулись на родину. В самом РСХД «в большей степени, чем прежде, проявился дух клерикализма» (это скрытая форма похвалы?) НО! «С другой стороны ряды эмиграции пополнились тогда за счёт лиц, которые в силу тех или иных обстоятельств оказались в годы войны на западе. Были среди них и предатели Родины, унесшие ноги от справедливого возмездия за сотрудничество с фашистскими захватчиками... Представители «новой эмиграции» влились в состав РСХД (№ 8, с.63). Вот так. Благодаря словесной ловкости Д. Карпова осуществлена некая подмена и на место «раскаявшихся» в своих «грехах» перед свя-

щенным сталинским государством «старых эмигрантов» в РСХД пришли «новые», да какие!

С одной стороны, если это, конечно, правда, мы ещё раз благодаря Д. Карпову убеждаемся в том, что **у движения было и есть будущее**: через три десятка лет после «великой революции» люди советской формации, оказавшись «в силу тех или иных обстоятельств» на западе, примыкают именно к Русскому Христианскому Движению. Однако, не следует забывать и то, что среди эмигрантов «второй волны», по своевременному предупреждению Д. Карпова, было много «унесших ноги от справедливого возмездия»* и выражавших «свою злобу и ненависть в активном участии в разного рода антисоветских акциях» (№ 8, с.63). В пользу Д. Карпова надлежит отметить, что он не стал углубляться в дальнейшую паутину лжи, осознав, видимо, опасность запутаться в ней вконец. Он не говорит ни слова о том, влились ли именно такие люди в ряды РСХД, а просто кратко и «по-рабочему» бросает: в «новой эмиграции» были и такие... в состав РСХД влились представители «новой эмиграции». Мол, выводы делай сам, любезный читатель. А заключая характеристику четвёртого этапа, пишет: «Отчётливо проявилась и антикоммунистическая направленность движения. Вновь было подтверждено, что РСХД видит свой христианский долг «в борьбе с безбожным материализмом» (№ 8, с.63).

Пятый этап, как и шестой, «Наука и религия» связывает с конкретными событиями (с современностью велено обходиться непримиримо и бескомпромиссно, применяя любые средства). «Особенно отчётливо политиканство лидеров РСХД стало проявляться после того, как заметную роль в его руководстве начал играть ярый антисоветчик Никита Струве. Его деятельность в качестве редактора «Вестника РСХД» окончательно превратила это издание в рупор откровенного антисоветизма» (№ 8, с.63). Напомним только Д. Карпову о том, что в современной «свободной» России все средства массовой информации, все журналы, газеты, радио и телевидение являются не чем иным, как рупором откровенного советизма, т. е. одной насильственно навязываемой сверху идеологии, иначе говоря — пребывают в состоянии абсолютной несвободы.

* Совершенно очевидно, что всякий эмигрант из нынешней России с точки зрения советского государствоведения не может рассматриваться иначе, как «унесший ноги от», будь то «справедливое возмездие» или советский строй вообще. (Н.А.).

Наконец, шестой этап, являющийся продолжением пятого: «С февраля 1974 года «Вестник» несколько сменил своё название. В нём исчезло слово «студенческое», и он стал именоваться просто «Вестником Русского Христианского Движения... В ряды движения влились покинувшие Советский союз отщепенцы,* именовавшие себя «инакомыслящими», которые предприняли попытку превратить «Вестник», так сказать, в рупор инакомыслия, рассчитывая таким образом сделать его действенным оружием в борьбе против сил социализма... Правда, РСХД продолжает именоваться христианским, что обуславливает специфику его антисоветизма» (№ 9, с.60).

3

Перед нами характерная эклектика советского сочинения на заданную тему. Такой обусловленный псевдонаучным магическим мировоззрением ритуализм содержания и формы именуется в советской печати «партийностью». С одной стороны, Русское Христианское Движение — движение не политическое, а религиозное, опасности для советской власти не представляет, цели и задачи его вполне естественны. С другой — оно «антикоммунистическое», т. е. остро политическое. Мало того, будучи таковым, оно с одной стороны то и дело выходит за рамки чисто религиозных интересов, поскольку подогревается отщепенцами, инакомыслящими или «унесшими ноги от». С другой стороны — постоянным измерением каждого отдельно взятого периода его истории является «антисоветизм» (неясно, зачем в таком случае нужен упомянутый «подогрев»?)

В чём же состоит «антисоветизм» движения и его печатного издания? Каковы будут «аргументы» сборника «Аргументы»? Поначалу кажется, что продолжается шутовской хоровод: в «антисоветизме» «Вестника РХД» Д. Карпов предлагает... «убедиться, ознакомившись с номерами этого журнала за последние годы» (№ 8, с. 63). Разумеется, постоянным читателям «Науки и религии» и в голову не придёт посылать в её редакцию письма с прось-

* Д. Карпов постоянно свидетельствует, что как только появляется возможность эмиграции из СССР, в ряды РХД постоянно вливаются новые силы. Этим самым «Наука и религия» ещё раз подтверждает, что у движения есть будущее, а также признаёт, что в советской России существуют загнанные на дно православные круги, равно как и люди, стихийно солидарные с РХД и всегда готовые к нему присоединиться (Н.А).

бой указать, где можно «ознакомиться» с номерами «Вестника РХД». Как и все живущие «здесь», эти читатели знают с пелёнок, что подобные присказки советских журналистов — лишь ритуальные выкрики, призванные разукрасить всю сказку в целом. И всё же трудно удержаться и не вывести Карповым и иже с ними в план сознания ту инфантильную дребедень, на которой они всегда строили и строят свою идеологическую Борьбу. А именно: в «свободной» советской России невозможно ознакомиться даже с номерами официально издающихся в СССР «Журнала Московской Патриархии», «Православного вестника» или баптистского «Братского вестника» ни в одном официальном государственном учреждении. Что уж тут говорить о журналах, издаваемых русскими христианами за рубежом! В силу чего этот главный «аргумент» Д. Карпова (он даже является связующим звеном между двумя частями статьи) теряет какой-либо смысл и обретает чисто заклинательный характер.

Так что же, мы так и не найдем ответа на наш вопрос? Такой ответ есть. И достаточно исчерпывающий. По заявлению Д. Карпова, об «антисоветизме» РХД «красноречиво свидетельствует та активность, которую оно проявляет в последнее время» (№ 8, с.62). Эта самая активность русских христиан за рубежом, т. е. неподвластных советскому контролю, вызывает неизменное раздражение Д. Карпова на протяжении обоих номеров. Так и кажется: стань РХД чуть «пассивнее» (храм, свечечки, благолепие... ведь молиться же вам никто не мешает!), ограничь оно свою деятельность лишь изучением, к примеру, жизни и деяний патриарха Иоакима Савелова либо установлением личных имён всех еретиков-стригольников, полемизируй оно только с Матвеем Башкиным или молоканскими проповедниками — вот тогда те, кто направляют перо Д. Карпова, будут довольны и даже назовут позицию РХД реалистической. Особенно если движение ещё и включится в борьбу за разрядку и начнёт вести просоветскую пропаганду. А вместо этого — активность РХД как движения христианского! А это уже советской власти подозрительно и страшно, ибо привыкшая и у себя и за рубежом десятилетиями планировать, разжигать и направлять все очаги напряжённости, все лево-экстремистские партии и группировки, все движения и направления, которые ей на руку, советская власть не может понять, что активность движения, которое ей не на руку, вызвана самим фактом существования подобного движения, а не чарами сидящего в угрюмом замке колдуна-антисоветчика. Отсюда утверждение: «Эмигрантскую моло-

дѣжь направляла опытная рука. Свидетельство тому — **активность** международных молодѣжных организаций» (№ 8, с.62).

Что же это за активность РХД, свидетельствующая об «анти-советской» и «антикоммунистической» деятельности движения? Быть может, эта деятельность и вправду имеет политический характер? Предоставляя слово Д. Карпову, приведѣм для начала целый абзац из «Науки и религии».

«Лидеры движения делали упор на ту часть его программы, где долгом РСХД провозглашалось свидетельство «о подлинном лике России, **в нападении о страданиях русского народа**». Практически речь шла о злобной клевете на первое в мире социалистическое государство, совершаемые в нём преобразования. С этой целью:

— среди эмигрантской молодѣжи велась активная миссионерская работа;

— организовывались специальные лагеря, где молодые люди подвергались соответствующей идеологической обработке (т. е. религиозной — Н.А.);

— был основан Свято-Сергиевский богословский институт в Париже для подготовки новых православных пастырей из рядов РСХД;

— в 1925 году начал выходить журнал «Вестник Русского Студенческого Христианского Движения» (№ 8, с.62).

Итак, напоминание о страданиях русского народа есть злобная клевета на советское государство. Но поскольку эти страдания — увы! — есть исторический факт, к тому же длящийся по сей день (спаивание населения и его деградация в мертвечине абсолютного идеологического контроля и тотальной бездуховности), то остаётся лишь принять утверждение Д. Карпова в его подлинном, расшифрованном виде: **всякая правда о Советском Союзе есть злобная клевета на Советский Союз**. В этом-то и состоит один из аспектов «антисоветизма» РСХД. **Антисоветизм — это говорить правду о советизме**. И мало того: по неожиданному заявлению Д. Карпова, именно с целью «клеветы» подобного рода и была осуществлена целая программа, включавшая основание богословского учебного заведения. Добавим: программа, даже в изложении «Науки и религии» не имеющая никакого политического характера и естественная для любой религиозной организации. Здесь представитель «Науки и религии» совсем запутался, так как во вступлении к своей статье собственноручно чёрным по бело-

му написал, что устремления движения «помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и подготовить защитников церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом... — **вполне естественны**» (№ 8, с. 62). Продолжим цитирование.

«Со временем религиозный аспект в деятельности РСХД отошёл на задний план, играя лишь формальную роль, а на первый выдвинулся аспект политический. (...) Постоянно печатаются реакционные философы-идеалисты Н. Бердяев, С. Булгаков, С. Франк, В. Зеньковский и другие. Публикуются и соответственным образом интерпретированные сообщения о «гонениях на религию» в СССР». И вывод: «Антикоммунистическая и антисоветская направленность «Вестника» той поры несомненна» (№ 8, с.62).

Советская публицистика не страдала логикой и ясностью с самой ранней поры своего возникновения. Но даже мы, живущие «здесь» и привыкшие ко всяким кунштюкам советской действительности, не перестаём всякий раз изумлённо разводить руками (тем более, можно себе представить, в каком глубоком недоумении перед «тайной советской души» постоянно пребывает запад). Ведь не то что смехотворность — бредовость! — приведённых высказываний совершенно очевидна. Кого же печатать русскому христианскому журналу, как не современных ему русских христианских мыслителей? Или быть может, «Вестник РХД», равно как и столь же недоступный советскому читателю «Журнал Московской Патриархии», должны печатать Плеханова, Луначарского и Емельяна Ярославского? Что касается публикации сообщений о гонениях за веру в СССР, то интерпретировать их можно только в одном смысле: это есть зло, беззаконие и неправда в культурном, историческом, юридическом, политическом, этическом и всех прочих смыслах. Но «антисоветизм» состоит, ясное дело, даже не в их «интерпретировании», а в самом акте публикации подобных сообщений, в информировании широких кругов зарубежной общественности (и в первую очередь эмигрантской) о преступлениях советской власти против верующих россиян всех исповеданий и прежде всего — против православия, этого основного духовного стержня русской национальной стихии. В подтверждение вышесказанного приведем возмущённое заявление Д. Карпова о том, что курс РСХД определяли в ту пору идеологи эмиграции, «делавшие ставку на воинствующий антисоветизм — на апелляцию к общественному мнению западных стран» (№ 8, с.62). Коммента-

рии к этому весьма откровенному заявлению были бы, думается, излишней роскошью.

Мы видим, таким образом, что согласно «Науке и религии» «антисоветизм» и «антикоммунизм» Русского Христианского Движения — это его **активная христианская позиция**. Так например, в статье открыто заявляется, что Никита Струве — «ярый анти-советчик» только потому, что «утверждает, что христиане должны активно вмешиваться в общественно-политическую жизнь, требовать от власти, чтобы она соблюдала законность и общественную справедливость» (№ 9, с. 60).

Так вот что такое «антикоммунизм»? Делаем из слов Д. Карпова естественный вывод: не-антикоммунизм — это когда от власти покорно и сознательно не требуют соблюдения законности и осуществления справедливости.

И ещё одна оговорка. Д. Карпов ошибся. Разоблачая Никиту Струве, он, видимо, не знал, что приписал ему точку зрения, которую не Струве первый высказал. Ибо всё, что утверждает в данном случае Струве, уже утверждал Христос, Который призывает нас, не страшась гонений, стоять за правду и мир (а подлинный мир основан на справедливости и законности): «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся... Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня» (Мф. 5.6,9-11). Христос предупреждает, что стояние за правду сопряжено с тяготами и борьбой: «Не думайте, что Я пришёл принести мир на землю; не мир пришёл Я принести, но меч... Сберегший душу свою потеряет её; а потерявший душу свою ради Меня сбережет её» (Мф. 10.34,39). Насколько не соответствуют эти огненные слова той картине сытого благополучия обрядоверческого замыкания на культе ради культа, какую хотели бы иметь в церкви не только карповы, но и некоторые из наших православных братьев, запуганные этими самыми карповыми и их хозяевами!

Христос даёт нам критерий определения людей неправедных и творящих беззаконие: «Или признайте дерево хорошим и плод его хорошим; или признайте дерево худым и плод его худым; ибо дерево познаётся по плоду. Порождения ехиднины! как вы можете говорить доброе, будучи злы?» (Мф 12.33-34).

К этим словам Христа, содержащим безусловный призыв к обличению всяческой несправедливости и беззаконий, в том чис-

ле и от властей, надлежит добавить: «Молитесь за обижающих и гонящих вас (Мф 5.44); отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мф 22.21). Требовать от власти, чтобы она была справедлива, соблюдала ею же установленную законность и брала с нас, её подданных, только своё, кесарево, — не только право, но и обязанность христианина (иное дело, что каждый христианин, поставленный в тяжёлые условия, по-своему решает, каким образом осуществить это право и эту обязанность). На самом деле Д. Карпов уже слышал обо всём этом, так как сам напоминает об апостоле Павле, который «выступал как гражданин римского государства и требовал от властей строгого соблюдения законности» (№ 9, с.60).

Аргументы автора статьи нелогичны и ненаучны в принципе, ибо строятся по законам магического статичного мироощущения с использованием многозначительных недомолвок и запугиваний истрёпанными жупелами советской квазимифологии («предатели родины», «ярые сионисты», «лица, уже давно неладившие с советской властью» и т. д.). Попробуйте взглянуть в лицо этим извечным «букам» советской ночи, и вы увидите, что под «сионистом» скрывается православный Михаил Агурский (да, еврей по национальности, да, живущий в Израиле и любящий свою страну). Под условным наименованием «лиц, давно неладивших с советской властью» на деле скрываются лица, с которыми давно неладит сама советская власть за то, что они говорят о ней правду. Наконец, о «предателях родины». Уже не раз высказывалось обоснованное и справедливое мнение (со временем оно станет общепринятым), что предатели родины в России советского периода — это те, кого предала сама советская Родина. Даже если и не учитывать вышесказанного, по меньшей мере нелепым выглядит сентиментальный всхлип «Науки и религии» о том, что редакторы «Вестника» не останавливаются даже перед кощунственными (это что ещё за категория в устах «безрелигиозного» журналиста?) попытками «возвести в ранг героя-освободителя предателя Власова, а заодно и обелить его приспешников, сотрудничавших с гитлеровцами в годы Великой Отечественной войны» (№ 8, с.60). Вопрос о власовском движении достаточно сложен и, разумеется, не имеет пока что однозначного разрешения. Но тем более неправомерны и совершенно не верны «канонизированные» советские выдумки о власовцах, как о предателях и бандитах. Любому непредвзятому и объективному исследователю ныне ясно, что если Власов кого и предал, то только Сталина и партию, а не Россию.

А то, что в конкретно-исторической обстановке того периода у русского антисталинского движения не нашлось иного союзника, кроме гитлеризма — не вина, а беда генерала Власова, да и не столько его, сколько прежде всего свободного западного мира, не понявшего русского Сопротивления и отдавшего его на съедение «кремлёвскому горцу». Что до вынужденного союза Власова с Гитлером, то ведь в самой России до сих пор бытует поддерживаемая сверху тенденция возвести в ранг героев и обелить палачей России — Сталина и его приспешников, сотрудничавших с гитлеровцами в годы перед Великой Отечественной войной. Сотрудничать накануне или во время войны — в этом нет никакой разницы, разве что те, кто сотрудничал накануне, должны нести ту же степень ответственности за подготовку и развязывание мировой бойни, что и нюрнбергские подсудимые.

А вот ещё один блестящий образчик аргументации Д. Карпова. «Реальные заслуги движения на ниве антисоветизма» состоят в том, что оно «в последнее время активизировало заброску религиозно-пропагандистской литературы в СССР под видом «помощи верующим» (№ 9, с.61). Далее автор разъясняет, что это, мол, вовсе не религиозная литература, не Священное Писание то есть, а «книги богословские, философские, журналы типа «Вестника», сочинения Франка, Бердяева и др.» (№ 9, с.61).

Но ведь всё, что перечислил Д. Карпов, и есть религиозная литература! Ведь это и есть реальная и прямая помощь нам, верующим, в условиях советских «свобод» не имеющим возможности достать никаких книг богословского и религиозно-философского характера. Впрочем, «Наука и религия» — журнал «научно-популярный», ему вполне простительно не знать, что Св. Писание — это Св. Писание, а религиозная литература — это и есть богословские книги и журналы.

Одно хорошо: «Наука и религия» как бы заявила этим самым во всеуслышание, что как раз Св. Писание пересылать в СССР можно, что такую помощь верующим оно признаёт. И признание это также свидетельствует о начале диалога.

4

Напомним, что «Наука и религия» и в начале и в конце статьи заявила, что РХД — организация не политическая и не антисоветская. Но довлеет ритуал. И после всего, что написано Д. Карповым о Русском Христианском Движении, кажется, что по срав-

нению с ним монархисты-карловчане — просто дети.* Иначе говоря, автор статьи «пересолил». И не удивляют выводы о том, что «РСХД на деле солидаризируется с карловацкими раскольниками», что движение «всё более смыкается с карловацким расколом», так как «проповедь антисоветизма более откровенная и настойчивая, чем несколько десятилетий назад, свидетельствует о неизбежном, в конечном счёте, смыкании путей всех организаций, которые стоят на одних и тех же позициях» (№ 9, с.61). Что же это за общие позиции? И что же это за «флаг РХД»?

Подведём некоторые итоги, чтобы ответить на поставленные выше вопросы. Д. Карпов утверждает:

— «традиционное» русское православие отличается крайним политическим консерватизмом и закостенелой атмосферой (№ 8, с.62);

— «новое христианство» Булгакова, Франка, Бердяева и т. д. заковано на антикоммунизме (№ 8, с. 63);**

— «карловчане» (Русская Зарубежная Церковь, правая эмигрантская группировка в РПЦ) ориентированы на монархию и являются белоэмигрантами (№ 8, с.62);

— РХД выступает с откровенной проповедью «антисоветизма». При этом об «антикоммунизме» и «антисоветизме» всех этих направлений свидетельствует не политическая их активность (основание Свято-Сергиевского института, издание религиозного журнала, хотя бы и затрагивающего проблемы социальные, или подготовка миссионерских кадров суть акции чисто церковного характера), а их **активность как христианских организаций вообще.**

Остаётся задать вопрос: что же в христианстве «чисто» от претензий коммунистов? Какое же направление в Русской Православной Церкви признают Д. Карпов и выдавшая ему мандат на вступление в диалог советская власть?

Мы уже знаем: во-первых, пассивное, бездеятельное. Во-вторых, такое, которое не имело бы «никаких связей с русской действительностью» и уж тем более на таковые связи не претендовало бы (№ 9, с.60, 61). В-третьих, покорно принимающее всё,

* В каком-то смысле это верно, т. к. откровенный консерватизм Зарубежной Церкви гораздо менее опасен для советских антирелигиозников, чем лояльное «непредрешенство» РХД (Н.А.).

** Кстати, термин «новое христианство», возникший в начале века, относится вовсе не к этим авторам, а к Д. Мережковскому, З. Гиппиус и др. (Н.А.). См. Н. Бердяев, Типы религиозной мысли в России. «Русская мысль», книга VII, Москва-Петроград, 1916, с. 52.

что советская власть провозглашает о себе самой, «преобразованиях» в стране и положении верующих. В-четвёртых, сознательно не говорящее правды о советской власти и её отношении к христианской вере, не повторяющее «домыслов о войне, которую якобы советская власть объявила религии и церкви» (№ 8, с.63).*

Быть может, именно такой идеал Церкви советская власть обрела в так называемом «сергианстве» — Московской Патриархии, которая существует на территории нашей страны и которой мы все, живущие «здесь» члены Русской Православной Церкви, территориально и организационно подчиняемся? Но после того, как стал доступен гласности закрытый доклад В. Фурова, заместителя председателя Государственного комитета по делам религии («Вестник РХД», 1980, № 130, стр. 275-314), широкие круги общественности узнали о том, что даже из числа архиереев Московской Патриархии, полностью подвластных советскому контролю, лишь одна треть епископов удовлетворяет требованиям хозяев тов. Карпова, Фурова и Куроедова. Что уж говорить тогда о рядовых священниках и мирянах! Доклад Фурова окончательно явил всему миру реальное отношение советской власти к пленённому сергианскому епископату: **даже Московскую Патриархию советская власть лишь терпит**, даже с ней пребывает в состоянии постоянной борьбы, ведущейся на данном историческом этапе скрытыми методами, «исподтишка».

Советский строй «представлял в глазах его противников практическое претворение принципов «безбожного коммунизма», — возмущённо пишет Д. Карпов (№ 8, с.62). Но разве только в глазах противников? Разве сторонники советского строя не исповедуют атеистический, т. е. безбожный коммунизм, и не считают, что в России этот коммунизм претворяется практически? Кто из

* В период 1917-1941 гг. эта война была столь реальной и жестокой, что убеждённые в скорой победе большевики выдали себя с головой статьёй в Большой советской энциклопедии о Церкви, где своё заветное «желаемое» изобразили как действительное состояние православия: «Когда под руководством Ленина и Сталина была разгромлена белая контрреволюция, Православная церковь вступила в полосу окончательного разложения. Единая П. Ц. разбилась на несколько соперничавших одна с другой организаций. Эти «церкви» постепенно растеряли свою прежнюю паству, по мере того, как победоносно двигалось вперёд социалистическое строительство... Превратившись в мелкие, замкнутые организации, не имеющие никакой опоры в массах, обломки П. Ц., как и других религиозных организаций, вступили на путь шпионажа, измены и предательства. Такова последняя позорная страница истории Православной церкви». (БСЭ, т. 46, 1940 г.).

«марксоидов», как иронически именуют в советском обществе преподавателей марксизма-ленинизма, осмелится утверждать, что коммунизм не атеистичен? Следовательно не христианство — будь оно «новое» или «старое» — заквашено на антикоммунизме, а **коммунизм заквашен на антихристианстве** и давно уже объявил войну религии и Церкви, причём всегда открыто это провозглашал.* Вот почему все направления и группировки в РПЦ, даже ему подвластные, он рассматривает, как враждебные себе.

И тогда окончательно проступают те самые «специфические» черты «антисоветизма» как РХД, так и всех без исключения прочих направлений русского православия, с которыми движение «в конечном счёте смыкается», поскольку все они (в том числе и Московская Патриархия) стоят «на одних и тех же позициях».

Позиции эти — активное христианство. Антисоветизм и антикоммунизм РХД и иных церковных организаций — в том, что на первом месте у них стоит не Ленин и не культ советской государственности, а ХРИСТОС.

Таков флаг РХД. Тот самый стяг «Всемилоостивейшего Спаса», под которым Святая Русь выиграла с амаликитянами Мамая битву, начавшую великое дело созидания России в Народ Божий — в христианское государство. В «Поведании и сказании о побоище Великого князя Дмитрия Донского» читаем: «Князь же Великий Дмитрий Иванович, видев полки свои достойно оуражены, обвеселился сердцем, исшед с коня, паде на колено прямо великому полку и чермному знамению, на нем же бе воображен образ Владыки нашего Иисуса Христа».** Стоим коленопреклонные перед стягом с образом Иисуса Христа, Господа нашего, и мы, русские христиане. И с этим советской власти придётся смириться. Ибо христиане — это и есть те, у кого на первом месте стоит Христос. А до тех пор, пока понимание «антисоветизма» остаётся у советских идеологов чисто магическим, удовлетворить их требованиям «советизма» не сможет самый верноподданный верующий.

* «Марксизм есть материализм, — писал Ленин в статье «Об отношении рабочей партии к религии». — В качестве такового, он... беспощадно враждебен религии... Это несомненно. (...) Мы должны бороться с религией. Это — азбука *всего* материализма, и следовательно, марксизма. Но... надо *уметь* бороться с религией. (...) Марксист должен быть материалистом, т. е. врагом религии». (Соч. Изд. 5-е, т. 17, с. 418-419). Кстати о «домыслах о войне советской власти против религии и церкви»: коммунизм никогда и не пытался скрыть, что его цель — полное уничтожение религии. См. об этом: Ф. Лужин. Государствобесие, «Вестник РХД», 1976, № 118, с. 258-260 и далее.

** Цит. по: К. А. Иванов. Флаги государств мира. М., 1971, с. 35.

Ибо даже если по советским праздникам он будет вывешивать над своим окном красный флаг, а за каждым застольем первый тост поднимать за генерального секретаря, всё же молиться он по-прежнему будет Христу, а не Ленину или Брежневу. И в этом — проявление злостного «антисоветизма» христиан.

«РСХД совершенно отвергает коммунизм, как антихристианское и богоборческое начало, противостоять которому должен каждый член церкви Христовой», — с негодованием жалуется Д. Карпов и тут же комментирует таковую позицию «Вестника»: — «Нужно ли говорить о том, что эта последняя формула перечёркивает все рассуждения о том, будто это движение стоит вне политики, не имеет политической программы» (№ 8, с.63). Сомнения Д. Карпова обоснованны. Не нужно. Ибо это движение действительно стоит вне политики, а коммунизм отвергает только как мировоззрение в той мере, насколько он сам провозглашает своё антихристианство и богоборчество. В официальных книгах и статьях о коммунизме и религии советские идеологи пишут следующее:

«Научный коммунизм глубоко безбожен, непримиримо враждебен религии». (Краткий научно-атеистический словарь, М., 1964, с. 281).

«Материалистическое и религиозное мировоззрения несовместимы между собой и глубоко враждебны друг другу. (...) Коммунистическое мировоззрение решительно враждебно всем и всяким религиозно-идеалистическим концепциям и теориям. Иначе говоря, безбожие органически входит в коммунистическое мировоззрение. (...) Коммунистическая партия не только провозглашает непримиримость своего мировоззрения религиозному, она ведёт последовательную борьбу за победу научно-материалистического, следовательно безбожного мировоззрения, связывая эту борьбу с борьбой трудящихся за социализм и коммунизм» (Л. Н. Коновалов. К масовому атеизму. М., 1974, с.35).

«Все партийные, общественные организации должны рассматривать безбожное воспитание как одну из актуальных задач». (Карманный словарь атеиста, М., 1979, с. 27).

Во всех вышеприведённых цитатах добавлено лишь одно: слово «атеизм» и его производные переведено с языка наукообразного на русский. Получается какая-то клоунада. Коммунисты сами открыто говорят о себе, что они воинствующие безбожники, и тут же обиженно надувают губы: «Чего это они нас смеют не любить,

эти верующие! Да ещё, представьте, за то, что мы, по их утверждению, — воинствующие безбожники! Вот ведь злостные антикоммунисты!»

Да, мы, христиане, не можем принять советизм и коммунизм как своего рода религиозное мировоззрение, требуемое советскими вождями от всех граждан России. Но при этом мы совершенно лояльны к советизму в смысле государственности — к советской власти. Мы исповедуем конкретную религию, поэтому не можем исповедовать ещё одну. Мы ходим в «сергианские» храмы, ощущая их своими, и в то же время чувствуем себя членами РХД. Мы вовсе не считаем «карловчан» раскольниками. Русская Православная Церковь для нас едина. И Божие советскому кесарю мы не отдадим.

В этом всё дело. Коммунистический кесарь требует от нас ещё и Божьего. Ибо коммунизм — это не просто политическая доктрина, а квазирелигиозное мировоззрение, навязывающее себя и требующее себе поклонения и сверхбожественных почестей. Но христианство признаёт только подлинную тайну, подлинное откровение, подлинную религиозность. Коммунизм и советизм мы признаём только как формы государственности. Поэтому мы стоим и будем стоять на том, что «антисоветизм» и «антикоммунизм» — это только политическая борьба с коммунистической властью в целях её насильственного свержения. Иного определения нет. А под это определение ни Русская Православная Церковь вообще, ни Русское Христианское Движение в частности, по признанию самой «Науки и религии», не подпадают. И с этого и надо начинать диалог, открытый Д. Карповым.

5

Советская власть, видимо, настолько некрепко держится в седле, что панически боится всего, что свободно от контроля и влияния её идеологических аппаратов. Вот почему оказывать сильную поддержку христианским кругам в России значит «экспортировать чуждые советским людям идеи, подстрекать к сопротивлению государственной власти. Иными словами, на повестку дня встал вопрос о прямом вмешательстве в жизнь нашего государства» (№ 9, с.60).

Характерный предрассудок советских идеологов — рассматривать Россию как «их» государство, «их» вотчину. С этой точки зрения вообще всё, что не «советизм», есть «антисоветизм». Но ведь это не так, опять же, по словам Д. Карпова: «Неприятие

советской власти ещё не означало неременной борьбы с ней» (№ 8, с.62). Однако, пленники магического мировоззрения, советские идеологи из «Науки и религии» на каждом шагу проговариваются так, что диву даёшься: неужели такая откровенность возможна? Неужели им разрешено, наконец, открыто писать о себе не как об «авангарде общества» (до недавнего времени таков был официально «канонизированный» советский миф), а правду — как о партии профессиональных заговорщиков, силой и обманом захватившей власть в стране в тяжёлые и судьбоносные для неё годы и распоряжающейся здесь по своему усмотрению! Д. Карпов вместе с «Наукой и религией» словно бы сознаёт, что Россия постоянно норовит сбросить цепкого седока и вернуться на свой национальный исторический путь. Сознаёт он, если судить по его словам, и то, что основная цель «седоков» — не допустить этого возвращения любой ценой.

«Тщетны упования на то, что «религиозное возрождение» даст импульсы для перемен в Советском Союзе, ожидаемых почти шесть десятилетий. (...) Нет надежд на перемены», — с пафосом заканчивает статью Д. Карпов (№ 9, с.61). Комментируя призыв к верующим, опубликованный в первом номере «Вестника» за 1979 год и подписанный председателем движения архиепископом Сильвестром, вице-председателями о. Александром Шмеманом и о. Алексеем Князевым и секретарём Никитой Струве, где утверждается, что в России «ширится процесс духовного раскрепощения, избавления от страха перед режимом», журнал «Наука и религия» с партийной наивностью восклицает: «Разумеется, подобные сказки рассчитаны на людей, которые не знают Советского Союза!» (№ 9, с.61). Мол, не знаете вы наших: так и дадим мы раскрепоститься и избавиться от страха перед режимом!

А чего стоит подобное заявление: нечего «расписывать будущее в радужных тонах» (!), ожидая, что «семидесятилетие революции в СССР праздноваться не будет». Вы не знаете наших, — снова ликует Д. Карпов, — будет праздноваться. Так что приготовьтесь к самому мрачному будущему, мы по-прежнему в седле.

Если у советской власти настолько мало подлинной уверенности в себе, что даже в христианах она видит силу, потенциально способную её «свергнуть», это, как говорится, её проблемы и не нам их решать. Однако, раз уж мы, христиане, живём при советской власти, постоянно провозглашающей своё безбожие; раз уж в советской России всё-таки существуют законы, которые должны соблюдать не только мы, но и сама власть; наконец, коль

скоро эта самая советская власть через свой орган «Науку и религию» и лично Д. Карпова вознамерилась вступить в диалог с РХД, ей следует усвоить два простейших тезиса.

1) Советская власть не основана на откровении свыше; более того, мировоззренчески она в принципе отвергает саму идею подобного откровения. Следовательно, всяческие попытки навязать себя как религию, санкционированную «небом» (заменяемым в советской магии на «науку») нелепы. Тем более, что то, что казалось последним словом науки сегодня, может стать антинаучным завтра, и наоборот. Советская власть — такая же власть, как и все прочие, и в этом смысле, с одной стороны, она имеет право отстаивать себя, а с другой — может существовать сколь угодно большое и разнообразное число её убеждённых противников. В этом нет ничего «кошущественного».

Даже находясь на позициях предельного коммунизма и крайнего советизма, нет никаких нравственных оснований отрицать за индивидом право на антикоммунизм и антисоветизм, как существует право быть антифашистом, антирелигиозником, антимонархистом, антимилитаристом и т. д.

2) Церковь никогда не выступала и не будет выступать против земной власти. Наоборот, Христос учит во всём повиноваться властям, если только они не требуют себе и Божие. О том же говорят и Св. Апостолы: «Будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа, царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро. (...) Слуги, со всяким страхом повинуйтесь господам, не только добрым и кротким, но и суровым» (1 Пет 2.13-14,18); «Всякая душа да будет покорна высшим властям; ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению; а противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро и получишь похвалу от неё. (...) Надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести» (Рим 13.1-3,5).

Человеческая история знает, что нет более лояльных подданных, чем верующие. Чем же так пугает советскую власть активная христианская позиция? Перед нами обычный механизм советского идеократического мышления: советская власть постоянно переносит на других свои собственные методы и свою собственную острую враждебность к этим другим. Вопрос не в том, что

активное христианство не принимает советской власти, а в том, что она не приемлет активное христианство. Это ей следует понять, и от этого ей следует наконец отказаться. Ибо политической борьбы христианство вести ни за, ни против советской власти не собирается, а нравственной закваски общества, каковой оно могло бы стать в гораздо более широких масштабах, нынешней подсоветской России слишком уж явно не хватает. Активная христианская позиция подразумевает и политическую лояльность, и даже вооружённую защиту родной земли от подлинного врага. Но активное христианство, действительно, требует реального обеспечения свободы совести, конституционно признанной советской властью. Или даже это требование является «антисоветским»?

Советской власти пора понять, что христиане вовсе не собираются её «свергать» и с ней «бороться». И в то же время — мы никогда не станем молиться Марксу или Ленину. Мы гарантируем советской государственности свою лояльность, но требуем от советской власти соблюдения ею же установленных законов о свободе вероисповедания.

*
**

Таким образом, советской власти следует раз и навсегда прекратить бессмысленное наклеивание ярлыков на своих оппонентов. Ибо, во-первых, если они и «антикоммунисты»... ну и что с того? Это их дело и они имеют на это полное право. Во-вторых, христиане — не «антикоммунисты»; таковыми их искусственно делают сами коммунисты. Но христиане — и не «прокоммунисты». Христиане — христиане. Сколь активной ни была бы наша позиция, мы не враги советской государственности, но, естественно, никогда не сможем принять «советское» и «коммунистическое» мировоззрение, исповедуя Евангелие Царства. Мы не враги советскому кесарю до тех пор, пока он требует с нас, пусть даже самым суровым образом, но своё, кесарево. **А Божие мы отдаём только Богу.** И всегда помним слова Святого Петра, именем которого когда-то называлась наша столица: «Если и страдаете за правду, то вы блаженны. Ибо если угодно воле Божией, лучше пострадать за добрые дела, нежели за злые» (I Пет 3.14,17).

Именно эти слова и начертаны на флаге Русского Христианского Движения, как видим мы его отсюда, из России. Иного флага у движения нет.

Москва, октябрь 1980 г.

ПИСЬМА З. Н. ГИППИУС Е. ЛОПАТИНОЙ и С. ЕРЕМЕЕВОЙ *

(публикация Т. Пахмусс)

22 Ноября 30

Париж

Дорогая моя Катя, поздравляю с днем Ангела, без конца целую и очень огорчаюсь, что не с вами в этот день! Непременно бы приехала в Клозон, если б не столько километров отделяли меня от него! Поздравляю О. Л. с именинницей. Думаю, вы нынче хорошо помолились. Когда же получу мерку для престола?

Здесь холод зимний, трава вся белая, — мороз. С непривычки неуютно! Никого еще здесь не видели, ни Илюшу, ни Амалию, только Т. Ив., которая меня удивила: слухи говорят, носятся, что вы — в Париже!!?

Очень меня поразила сегодня смерть Марии Сергеевны, этой элегантной «Мани», с которой Вера Ник. так дружила и которую я помню на Mont Fleuri. Оказывается, у нее была серьезная операция (женская) и благополучно. Но вдруг почему-то сделался заворот кишок. Как это неожиданно.

Но в поздравительном письме нестати об этом распространяться. Да только приятных новостей нет. Володя нас покидает, переезжает куда-то на другой конец города, по рекомендации своих знакомых. От старухи его высадили, а вблизи все очень дорого, он же с претензиями, как вы знаете, да и вообще давно в лес куда-то глядит. Т. Ив. здорова. Ася бедствует, но за то стала тихенькая.

Еще раз крепко вас целую, от Дм. С. тоже поздравления и поцелуй. Христос с вами.

Ваша Зина Г.

* Продолжение. Начало см. «Вестник» № 132.

Милая Катенька, большое вам спасибо за ваше хорошее, длинное, милое письмо. Я, ведь, куда перед вами виновата: к празднику ничего вам не написала. Но очень думала о вас, верьте. Спасибо и за обращение: я знаю теперь, где нужно искать подходящего, и недорого (точь в точь такого вряд ли удастся найти, да и очень хорош.) Как только выберется приличный день — отправлюсь. До сих пор сплошь идет дождь, или проливень, или накрапывает, или в виде грязного снега. И я даже к Тат. Ив. не всегда попадаю. Вот и сегодня не могла выйти, а сегодня ее рождение.

Дождались ли вы вашей сестры? Какая она? Она очень меня интересует. Вы уж очень хорошо о ней рассказывали. Видели ли Амалию и беспардонного Илюшу? Буниных, верно, давно не видели, они редко с горы сползают. Ваше бытие, а вернее — житие, именно таково, как я и думала: труды и трудности, и все это беспросветно. Насчет трудностей — вот уж когда вы не одиноки: мы все, русские, скоро упремся в тупик. Об Ив. Ал. вам нечего рассказывать, как он бедствует; но и все приблизительно так же. Притом хуже и хуже. Чехословакия нам всем прекратила поддержку, — устала! Для меня это особенный удар, ибо я сейчас безработная и только деньги чехов считала с в о ю м и, и сплошь их, ежемесячно, отправляла в Россию, сестрам. Что будет сейчас — я уж и не знаю... Ведь подумайте, целое лето мы работали над фильмой, а фильму, из-за кризиса, в Америке не купили, притом фильмовик наш оказался таким мошенником, что даже удивительно и страшно... Ко всему этому и Ася в ужасном положении, без работы, так что нужно хоть ей давать на пропитание и платить за квартиру. Я себя все-таки очень виню, что не изживаюсь ужом перед кем попало из редакторов, могла бы, еслиб захотела очень, комунибудь «потрафить...» Теперь уж нечего смотреть, Милюков так Милюков... Но и Милюков меня больше не хочет, подозревает, что я как-нибудь прорвусь, он не усмотрит... Эдакое несчастье, слава беспокойного характера!

А вот, дорогая моя, что я вам скажу насчет ваших огорчений по поводу книги Д. С-ча и евангельских чудес.

Я вам немножко уж говорила в Cannet, как я думаю об этом, — вообще, — т. е. на каком фундаменте я строюсь. О двух реальностях (двух мирах) и что они между собою соединены, но **как** — мы не знаем (быть может, один в одном). Не зная, мы и не видим, обычно, второго мира, он для нас под плотной завесой.

Лишь в редчайшие моменты для некоторых совершается разрыв этой завесы, по Божьей воле, и тогда видно, что будучи **здесь**, мы и **там**. Преображение Господне было, ученики видели не видение, а то, что подлинно **было**, т. е. соединенно оба мира, обе реальности.

Я не могу, конечно, все это так ясно рассказать, как понимаю, а потому очень была рада, прочтя в **Пути** Салтыкова,⁴⁵ где он вкратце пересказывает, на какой «третий путь» ныне вступает богословедение (он приводит имена). Это как раз то, что я говорю. Особенно ясно он говорит, что когда двое спорят о чудесах, один все принимает, другой все отвергает, то оба они стоят на одной и той же **материалистической** точке зрения. Это очень верно! Ведь подумайте: они спорят оба о «законах природы»: один говорит: они были нарушены! Ну, и оба неправы, потому что «на неверно поставленный вопрос **любой** ответ будет неверным».

Ходил ли Христос по водам? материалист скажет: нет; вы скажете: да; и оба, в это время, будете заняты **этим** миром, одним, материалист — ненарушимостью его законов, вы — нарушением. А все дело в том, что и вопрос-то неверно поставлен. Для того, кто считает Христа только человеком и мир — только одним, перво-реальным, — вопроса этого вообще нет, как бы ни ставить. Но для другого, для кого Христос Бого-Человек, — для того и вопрос, и ответ — ясны: мог ли Он, находящийся в двух реальностях (в двух мирах и естествах) открывать глазам любви и веры это свое нахождение и соединение, прорывая для них завесу? Ответ — конечно, мог. И так это **было**. Объективно было, как объективно есть то, чего мы не видим. **Что** мы видим и **как** мы видим, и **когда** видим или не видим, это зависит от глаз. Ведь иначе и слепой станет уверять, что того нет, чего он не видит.

Чистые церковники, требующие абсолютной веры во все чудеса, признаваемые церковью и так именно признаваемые, материально (насыщение хлебами — умножение материи) — они рискуют сделать христианство, современем, приемлемым только в детском возрасте, или людям, которые просто живут, о христианстве вспоминают в редкие моменты и об этом не задумываются. А других, со слабой, но все-таки современной мыслью, можно оттолкнуть в полное неверие. А ведь Христос для всех пришел, и для всех времен, — неправда ли?

Много я вам еще хотела бы сказать, но и так целый трактат вышел. Я не знаю, как Д.С. напишет о Божьей Матери, но уж наверно знаю, что ни у кого Ее не «отнимает». Напротив, часто вот такое, чисто-материальное опять чудо, просто, мол, тело под-

верглось действию Духа святого, наталкивало на кощунства, вроде пушкинской «Гаврииады», и соблазняло.

Простите, родная, что я так записалась об «отвлеченном» (но разве уж очень отвлеченное?) и теперь спешу кончить. Глубоко уважаю я и святую детскую веру, каждому дается в полноте, как ему нужно. Надо лишь, веру не разрушая, ее приумножать и преображать. Целую вас без конца, и милую Ольгу Львовну, дай вам Бог утешения и бодрости и сил побольше. Когда будет минуточка, черкните строчку.

Ваша Зина

Видите ли Амалию и Илюшу? Что — они?

15 Апр. 31

Париж

Воистину воскрес! бесценная моя Катенька.

Уж такое-то вам спасибо за письмо. Чтобы вы не думали о моем, будто бы, забвении, скажу вам, как перед праздником все время я на себя ужасалась, что все пишу вам, и тут же нагло себя утешала, что на праздниках все равно, мол, напишу, а «вся неделя за один день...» Но, конечно, будь я на вашем месте, я бы это за оправдание такого поведения не приняла. Это уж вы умеете за все добром платить (научились!). А я, глядя на себя, по совести прескверной себя нахожу. Только и есть, что **понимаю** других: Терезу читаю — ее, терезину душу, понимаю; ваше письмо читаю (о «посещении» и радости) и вас понимаю. Даже больше, чем вы могли сказать (хотя хорошо и много сказали), и больше, чем я вам свое понимание могу выразить; так что уж на слово поверьте. Перед отъездом сюда, в Cannet, я кое-что, близкое к этому, записывала в тайной тетрадке, мои размышления о «Пути» Христовом, ⁴⁶ как он открывается и что на нем дается. Но, конечно, я слишком «вперед простиралась», это уж мое свойство. Если же «простиранья» откинуть мои мысленные, то многое верно. Я вам как-нибудь при свидании почитаю.

Дм. Серг. шлет вам троекратный поцелуй и поздравление. Он теперь пишет об Иоанне Кр. и о крещении, и так много неожиданного в греческих Евангелиях. Например, нигде Дух Святой не «голубь», а определенная «голубка». Кроме того не в перьях, а в чешуе, — как ее и св. Тереза видела... Ну, об этом долго, а теперь пока о «делах жизни» поговорим.

Не очень-то видно, когда мы приедем. Дела наши из рук вон плохи. Все «фильмы» провалились, отцвели, не успев расцвести, Д.С. работает для неизвестно какого будущего, я — совсем без гонорара, иностранную помощь у литераторов отняли (кризис), и так мы, неизвестно как, и живем. У меня было подряд 4 гриппа, один хуже другого, и наконец оторвалась почка (Ив. Ив. говорит — от похудения). Так что двигаться неприятно, надо заказывать особый корсет-бандаж. И все так, одно за другим. О России-то каково думать! В три месяца раз получишь открытку, а в ней пустые строки... за которыми агонию читаешь. Но не хочу в сороковой раз жаловаться, тем более, что надо, ведь, **сверх** этого быть счастливыми, и это счастье, одно, и есть «сверх-счастье», подлинное.

Я нашла вам чудесную материю на престол, в **Bon Marché** (Тат. Ив. привезла образчик), но хочу, когда выйду, сама еще поискать вроде, т. к. вы не хотите дорогой, а эта дороговата, 30 fr. метр. А ее нужно, по вашему письму, не меньше 4-х метров. Но хочу найти и купить **о б я з а т е л ь н о**. Если выяснится, что мы скоро приедем, то привезу (и портфель для писем вам), а то пришло. Знаете ли, что я вашу статью читала, и то по случаю, одну первую часть? Эту газету **н и г д е** не достанешь, так распоряжаются! Все мои старанья добыть конец (а мне все очень понравилось, кроме заглавия) были ни к чему. Сегодня видела во сне Сену, так ярко, и живую, только похудевшую. Даже рассердилась, зачем говорили, будто она умерла! Была такая хорошая...

Но кончаю, целую вас, родная, без конца, О. Л. целую и поздравляю с праздником. Еслиб не грешно — завидовала бы вам; но нет, больше радуюсь за вас, что вам хорошо.

Зина

Елизаветушке от меня поклонитесь.

28-7-31

Париж

Милая Ольга Львовна, и дорогая Катенька!

Прежде всего, радуюсь за вас, что удастся вам нынче из-за этого лица хоть немножко вздохнуть. А затем, как всем нам ни грустно расстаться с мечтой пожить вместе, Бог лучше знает, что надо, Катя в этом права. Мало ли что мы предполагаем и рисуем себе: если не выходит, а мы все-таки упорствуем, то на деле по-

лучаем совсем другое. Сколько бы, правда, внесли мы в вашу жизнь лишней тревоги и беспокойства, благодаря вашему сердцу и желанию сделать, чтоб нам было хорошо! Понимаю Катини страхи вполне; и как это раньше сама я об этом не подумала! Но, право, не из эгоизма, хотя бы наивного, а из какой-то моей психологической непрактичности. Я больше воображала, как буду писать воспоминания о Поликсене Соловьевой, с помощью Кати, освежающей мою память, чем думала о вашей, Ольга Львовна, и Катиной работе и занятости, при 18 детях-то! и усугубленной заботе о нас; такой заботе, которую мы не могли бы, конечно, оплатить вам во все меры ее ценности.

Теперь наша судьба устроена: мы решили остаться в Париже. На время отъезда нашей Катерины — возьмем какую-нибудь *femme de ménage*; может быть Тат. Фв. порекомендует, они скоро приезжают. А в конце месяца, когда вернется прислуга и будет убирать квартиру, поедем дней на 9 куда-нибудь в пансиончик под Парижем. Если б Ася была другая, она бы нам хорошо помогла справиться это время без прислуги; но вы знаете, какое от нее искушение, особенно для меня; побеждать его непрерывно — очень много сил берет, нужных на другое. И Д. С-чу, при его работе, с ней тоже было бы трудно. Она же сама теперь устала и раздражена, — наш «кризис», ведь, и на ней отзывается.

Дай Бог, чтоб у вас теперь поскорей устроилось с лицеем. Хочу верить, что уже устроилось, и передышка ваша недалеко.

Катю прошу написать мне, только не раньше, чем все у вас утрясется, наладится, и у нее будет немножко больше свободного времени; а то меня совесть мучит, когда она, усталая, каракулит мне что-то, отрывая время от сна.

Ну, целую вас крепко обеих, низкий поклон от Д.С., еще раз спасибо вам за все. Да хранит вас Господь.

Ваша Зин. Гиппиус

Суббота, Сентябрь 31.

Париж

Катенька моя безценная! Это еще не письмо, извещающее о дне приезда (ибо билеты еще не взяты), к моему огорчению и стыду перед вами за подобную волокиту. Мы эти дни живем, как на угольях: должно решиться одно дело, которое могло бы

стать серьезной подмогой, и должно оно было решиться, так или иначе, неделю тому назад; но все идет непредвиденная тянучка, каждый день является что-нибудь новое; и каждый день мы переходим от надежды к унынию, и обратно. Окончательный финал назначен на ближайший в т о р н и к, таким образом нас не будет далее уже ничто задерживать; хотя бы дело и провалилось, мы все же приедем; но до вторника еще есть надежда, и невозможно, психологически, двинуться. Очень огорчаюсь за вас, верьте, я понимаю, как наша неаккуратность для вас неудобна; но простите, отпустите Бога ради; мы, ведь, не ждали, и самим это невесело, измучились.

Я все время плохо себя, к тому же, чувствую. Не диво — каждый день, б у к в а л ь н о, под дождем; сырость такая, что все мои перья, иголки и ножницы заржавели. А по ночам, все эти недели, я за работой; одну, слава Богу, кончила, а другую, довольно противную, еще не совсем, но ей передышка.

С Тат. Ив. вижусь каждый день, как ей ни жалко, что я уезжаю, а все-таки и она гонит скорее, глядя на наши физиономии. Сегодня, после дождя, такой наступил холод, что без шубы выйти нельзя, а я сижу в шерстяных чулках и дрожу.

Милая Катенька, все Клозонские «неудобства» чистые пустяки, одно я хотела спросить: будет ли мне утром и вечером кувшин горячей воды? Если трудно, — обойдемся, а то я спиртовку привезу.

Целую вас, дорогую мою, без конца, обнимаю Ольгу Львовну, храни вас Господь, а вы нас за беспокойство простите.

Ваша Зина

P.S. Если бы, дал Бог, устроилось наше дело, привезу вам давно обещанные подарки.

14 Ноября 31

Париж

Бесценная моя Катенька, пишу вам (ни на секунду не забывая о милодорогой Ольге Львовне, с которой, в мыслях моих, вы неразделимы; ведь так удивительно и чудесно: обе совсем разные, и обе — одно. Должно быть, сама «разность»-то ваша — чудесная).

Итак — мы в Париже. Но еще до такой степени в Клозоне, что мне, Катенька, грезится, вот вы к чаю придете, и я вам все расскажу, а писать, синим по голубому, даже и странно, и будто бы не стоит. Пока я здесь не привыкла, длинного обстоятельного письма, пожалуй, и не напишется; кстати и фактов интересных, новых, еще не знаю. Кроме Манухиных и Аси никого не видала, да и тех начерно. Но кое о чем все-таки напишу, только по порядку. Сначала, простите, о нас... да и прощения не прошу, ибо знаю, что мы для вас не пустой интерес.

Д. С. нервничал о своем лице; но уже сейчас ему много лучше. Но теперь заботят дела, которые в улучшение не пришли. Половцев ничего не написал, т. ч. Д. С. ему позвонил уж по телефону. Тогда, на другой день, он приехал и сказал, что для нас у него ничего не вышло, полный отказ везде. Но для Клозона — он очень надеется получить помощь от Монтекарловского мэра, — по возвращении. Ну, хоть это, все-таки радость за вас, если ему удастся.

Милюков чуть не умер (холерина), но Ив. Ив. его отходил. К счастью, ему понравилось мое «Светлое Озеро», будет его печатать и даже обещает аванс. За последний фельетон мой в «Посл. Новостях» они послали 314 fr. в Клозон, когда мы уже уехали, верно скоро это нам вернется от вас. В «Илл. России»⁴⁷ тоже напечатали маленький мой рассказ. Конечно, все это гроши одни, но присутствия духа я нисколько не теряю, увлеченная вашим Клозонским примером. Да здесь все в «кризисе». С удивлением услышала, будто Бунин в Париже. Приходил, говорят, к Амалии, но не вошел, т. к. она еще лежит (была гастрическая инфлуэнца), а он боится. К нам носу не показал. С Галиной,⁴⁸ что ли, приехал?

Но это неинтересно, — а вот про всякое другое. С Ив. Ив. Вениамин говорил не как с Катей. Тот ему: «что же, ваша церковь, значит, большевицкая?» А он: «ну да, конечно большевицкая!» — «А прихожане-то, не понимают? — «Дураки — не понимают. А кто поумнее...»

Да еще и про ГПУ — не протестовал: «да, да, да...» Потом (последнее идиотство!) — испугался и спрашивает: «А вы меня не убьете?» Это доктору, к которому лечиться пришел!! (Он и раньше у Ив. Ив. лечился, притом успешно; теперь опять пришел — и такое вдруг спрашивает, да серьезно!) Там, вообще, линия извращения чуть не до хлыстовства: что в России — то и мы! Там лгут — и мы будем лгать. Закрутились. Понятно, что Кал-

лаш⁴⁹ уже «доходит до апогея» и готова, по образу древних вакханок, растерзовавших Диониса, растерзать Евлогия. Конечно, и Евлогий со своим «грекосом», не малина и не идеал, однако хоть не посягает на собственноручное разтерзание других, и то слава Богу. Председатель Имки перешел тоже к Елавер. Теперь, в куче Бердяева,⁵⁰ Имки и т. д. — вьется Илюша (которого мы еще не видали, но который, вы знаете, не поймет).

Асю видела вчера. Очень жадно о Клозоне спрашивала. Обе они с Татá вашей, в бедственном, конечно, положении. Насколько я могла понять, вся беда и сомнения Татá из за того, что вы, Катя, ей чего-то (или совсем ничего) не написали. Но я хочу эту Татá позвать, — подол мне переделать, — и тогда сама с ней поговорю и посмотрю. Я через других мало понимаю, особенно если особа такая фантастичная (или истеричная). Письма от О. Л. она еще не получила.

За пакетом пока не приходили. Туфли Ростика я сама передам Варв. Конст-ве — завтра, я думаю. Я не могла понять, зачем их посылает О. Л., а теперь, после разговора с Т. Ив., многое поняла. И вам расскажу по порядку.

Дело в том, что всякие глупые и нищие русские мамы с не менее глупыми дочками, или бабушки со внучками, побывав в Клозоне, начинают недовольства распускать. Что это, мол, за Preventorium, коммуна какая-то! Одной девочке семья наскребла — конфет на рождение послала, а девочка и не увидела ни одной: всем раздали. И вообще, все одинаково понимаем, что такое **русские**, особенно теперешние русские женщины, и «сестры», и не сестры.

Когда я Т. Ив-не о Клозоне и о вас рассказывала и кое-что из записи мсей читала, она меня вдруг прервала: «да ведь они сами не знают, а они уж по духу как бы в Cambrai...» На что я хотела ей ответить моим стихотворением в вашей книжке... и вдруг его забыла (как все мои стихи забываю, я их обычно лишь в о с с т а н о в л я ю, когда хочу, но этого нельзя сделать вмиг, сразу).

Бросим, однако, эти мешанские русско-сплетнические души с ихними «prouesses», это сокрушительно и, мне, вашей добротой не обладающей, даже противно. Вот вам, Катенька, и Кроля в последний момент стало «жалко», мне же нисколько, меня от него издали, и то все время отвращало. А здесь о нем такое известно (и без сплетни), что повторять не хочется, и понятно, что меня от него точно веревкой прочь тянуло. Хороши бы вы были

с таким, кому что пришлют родители, если у другого нет, — ему отдают, чужому. А Ростик, будто, бабушка 60 fr. на башмаки 2 месяца тому назад послала, он же все время ходил босиком. Кроме того — за детьми не смотрят, никого нет для призора, гулять не водят, а мальчики, особенно один, еврей, (Марк?) к девочкам «пристают». Одна девочка даже убежала...

Тат. Ив. говорит: «ты знаешь, как я к ним (к вам) отношусь: всей душой! И я всем отвечала, что ничему этому не верю, лишь твоим одним рассказам могу поверить. И прекрасно понимаю, откуда являются все эти толки милые. Эмигрантские нищие скудоумные мамы претendent, по наслышке, на какой-то внешний модернизм для своих отпрысков: чтобы стройно-вымуштрованные дети, элегантно прибранные, занимались спортом, гимнастикой, современными играми и — уж не знаю, что еще, для показа и самоудовлетворенья. В проспектах, мол, вон как расписано; а тут капризная девчонка какая-нибудь и злится, что не по ее, и мамы грязную лапу показывает, и что еще слушаться надо...»

Впрочем, все и без объяснения понятно вам, Катя, да и мне, и Тат. Ив., — мы, ведь, «настоятелем!» Да, впрочем, довольно и письма было его, чтоб иметь понятие, остальное прикладывается.

Милая Катюша моя, я, видно, не могу кончить это письмо, все пишу да пишу, а уж пора спать, иначе все клозонские привычки потеряю. Придется все остальное, что еще имею сказать, до следующего письма оставить. От ДС. — «с любовью низкий поклон» (так он говорит, и хотя это на солдатское письмо в деревню похоже, но это сейчас — точно, да и дальнейшее): еще кланяемся мы оба ю. Иллариону, с просьбой нас не забывать, и простить, если у меня «вид, не свойственный благочестию»; хоть благочестием своим я не хваюсь, а все же по виду прошу меня не судить. Посылаю привет Аничке; из ее гимназии Каллашиху уволили за «неуметную пропаганду»; ни о какой монахини из Сов. России (она писала) никто здесь и не слыхал. Всем детям, вплоть до Сазончика (если он послушен и не кривляется) тоже от меня добрую память передайте.

Как Заикины дела? А собачка у Амалии умерла, бедная, — от чумы.

Катя милая, я вас постоянно «обдумываю», и остановиться не могу. Много уж надумала, только смотрите: вдруг я вам такое длинное письмо напишу, что вы за статью его примете и... не прочтете, как статей не читаете?

Ну, шучу, я знаю, что вы только по печатному не читаете.

Прощайте пока, умница моя хорошая, целую вас без конца, поочередно с Ольгой Львовной. Зная, как вы ничего не успеваете, и какие ваши дни, боюсь даже просить ответа, но ей Богу очень хочу знать, что у вас там происходит, и внешне, и внутренне!

Привет Клозону, целиком. Храни вас Господь!

Зина

P.S. ДС. надеется, что Ол. Л., когда увидит Половцева, насядет на него и относительно нас.

26-27-Ноября 31

Париж

Друг мой милый, хорошая моя Катенька! Так много нужно мне написать вам, на все ответить и свое сказать, что просто хоть пункты ставь, по Кролю, но и то не упишется все. И, как вы, в один раз не кончу, будет с перерывами.

Однако, и это письмо еще «так себе», сравнительно с тем, в а ж н ы м, которое вскоре намеревалось вам написать и к которому буду требовать вашего и О. Л. особого внимания. Вы все хотели, чтоб я вас «обдумала». При обдумывании что-то и придумалось. Напишу вам в виде проекта, с обоснованиями, а к первой реализации (только первый!) можно будет приступить, если он вам понравится.

Но теперь о злободневии и о ваших двух письмах. Они, особенно сегодняшнее, такие — ну точно я в Клозон перелетела, сижу на ваточном одеяле, в кресле, и слышу вас, про все мне рассказывающую.

(Жаль только, что перо мне гадкое попало, и все я мажу, чего не люблю).

Видела я вашу невропатку басистую, два раза. Она сначала отказалась, потом согласилась притти, подол мне перешить. В первый раз она была веселее, имела ваше письмо в сумочке и говорила, что поедет к вашим именинам. Во второй раз оказалось, что «трудно», что выберется, разве, к Николину дню. Препятствия. Две американки, и тетя больна гриппом, и еще что-то. Я к ней со всех сторон подъезжала, чтобы иметь понятие о ее «непонятности». Вы, говорю, знаете, что там будете нужны, что Е. М.

устаает, что в прошлый приезд вы им, по словам Е. М., очень помогали; и сами вы хотите ехать, — чтож медлить? Трудно — все трудно; нужно решать все не по трудности, а по верности... Я, отвечает, денег хочу скопить, — не капитал, конечно, составить, а чтоб не очень им дорого стоить... Зубы надо лечить... И оставлять ли комнату за собой? Сестра не согласна...

Все это я из нее клещами вытягивала. Наконец, говорю: да внутренне-то решили вы ехать? Твердо? Могу я об этом написать Е. М.? — Говорит, да.

Если хотите мое резюме, то вот: по-моему, она даже не психопатка, а скорее вырожденка. В ней наверно есть куски доброго, но между ними лежат провалы какие-то, не то бессознательности и безволия, не то просто глупости. Она не может за себя отвечать, и в том н е в и н о в а т а; если бы кто-нибудь, около, держал ее в твердых рамках, и она поняла бы, что рамки твердые, на каждую минуту, и притом окончательные, она бы и не растекалась, не расплзалась вся идиотски, могла бы там сидеть; себе, — и другим даже, — на пользу. То она будто что-то понимает — то вдруг ничего, пассивная глупость. Если вы, Катя, хотите с ней, как с равной быть, то кроме беспокойства для себя и чепухи для нее, ничего не будет. Еще, впрочем, опаснее для нее подчинение вашему л и ч н о м у авторитету; она очень склонна делать все для в а с, притом искренно не понимая этого, а думая, что для Бога.

Но будет пока о ней. Я хочу спросить вас поскорее, как здоровье, — вы написали, что простудились. Вот, и привычка к холоду, оказывается, не мешает. Совсем точно вам, приходится и мне прерывать письмо. Сейчас мы ходили с Тат. Ив. в нашу «Благовещенскую» церковь (Annonciation). Это неделя St. Sacrement, и во всех церквях идут непрерывные службы, горят свечи, народ не уходит, только на ночь остаются в церкви одни мужчины и двери тогда запираются.

Но продолжаю о вашем письме. Ничуть не удивил меня ваш конфликт с батюшкой. Видно же было, что он, такой спор, между вами неизбежен. Я его будто сама слышала. М. б. и права О. Л., что «не стоило», но я, в сущности, рада, что спор этот произошел, потому что в а м оказался он на пользу, и громадную. Благодаря ему, ведь, вы написали мне, сама, то, что я о вас отлично понимала раньше (могу доказать, так как есть запись моя об этом, — в Клозоне сделанная). Это про гнет над «убеждениями», про «свободу» и даже про то, что свободу, оказывается, надо искать...

в иезуитской конгрегации. Я, как раз, записывала, что моя Катя ищет, в сущности, свободы, но той высочайшей свободы духа, какую она почувствовала в Cambrai. Только надо еще было, чтоб вы, кроме всей правды и силы чувств ваших, и знали, чего именно ищете, и что можно, поняв, вынести из Cambrai и насадить в Клозон. Вот оно и случилось, и вы сами мне написали, что нужно было написать. Еще имела бы многое сказать вам, но не хочу пока затрагивать главную тему моего следующего письма и вдаваться в реальные проэскты, которые имею вам предложить. Это нужно особо и очень обстоятельно. Притом потребуется и не мало змеиной мудрости... учитывая всю данную обстановку и данное положение, иерархическое, православия...

Я так много рассказывала о Клозоне Татьяне Ивановне (только внутреннее только ей одной) и так, должно быть, съумела ей свое передать, утверждая, что ей, как там она хочет, но необходимо тоже побыть в Клозоне, что она поняла, согласилась, и — мало этого, — вдруг прибавила: «мне даже нужно съездить с Е. Мих. в Cambrai». Сказала с убеждением. И это, права, будет хорошо!

Другим, непонимающим (вроде Аси) я, конечно, ничего, кроме им надобного, не говорю, и о «внутреннем» Клозоне не рассказываю.

В первом письме, Катенька, вы мне про Каллаш писали и все ее от меня защищали. Да я ее «разрывать» нисколько не собираюсь. Насчет елевфеврицев теперь уж все, кажется, ясно; после «послания» сего «лубянского» митрополита (вы его читали и оценили) я прочла книгу Михаила священника, от которой прямо оторваться, ведь, нельзя, так это поразительно. Фактически дано все, о чем мы здесь (не многие) верно угадывали, догадывались! После этой книги уже нет спора, что в этой елевф. церкви могут находиться только: 1) бесстыдные (как Бердяев), 2) темпераментные и взбалмошные истерички (вроде Каллаш) и 3) наивные и обманутые невежды. Последних мне очень жалко (двое из них уж с ума сошли), отчасти жаль и несчастных Каллаших, т. к. они над собой не властны, и лишь бесстыжие очень противны, ибо соблазняют «малых сих».

Илюша — равнодушен; меня, говорит, это все не интересует. Составил себе особый кружок, где много елевфеврицев (и даже евразийцев — большевизантов, вроде Шаринского). Д.С. говорит: «как же ты не интересуешься, ведь ты с елевфеврицами-чекистами за одним столом сидишь? Ведь ты читал Михаила?» А он: «это максимализм! Кому дело, кто в какой церкви? И почему?» Это

«частное дело», значит, выходит... Что вы с ним будете рассуждать? Он не о том думает...

О п я т ь п е р е р ы в.

Получила письмо от Ю. Л., которую нежно целую, но в письме кое-чего не понимаю: я 314 fr. с копейками исправно и во время получила, так что не знаю, в чем она извиняется, причем шоффер и мои стихи. А за пакетом только сегодня какой-то юноша еврейский (кажется) пришел. Огорчило меня известие, что вы, Катенька моя, все еще больны, даже в постели лежите (читаете!). И разве есть у вас книга Михаила? И какой ее конец вас «возмутил»? Не могу догадаться. Вот статья о ней Карташова, кот., Катя, вы мне давали, и, правда, ничтожная, какая-то виляющая. Что касается наших обстоятельств, то они не блестящи, конечно, но кое-что стало, время от времени, перепадать, из Америки тысячу антибский жиденок послал, я аванс получила, да обещания из Сербии взять книги ДС. и обещание 200 марок прислать из Германии. Хлопоты еще о вечере; не знаю, удадутся ли. Но у Володи — *suprême faillite*: от этой... «девицы», где он квартировал, не то его высадили, не то сам ушел, навалился на нас, спит в моей рабочей комнате. К тому же болен, лечится у Ив. Ив. (Оказалась серьезная экзема на руке, еще с Клозона). ДС. лицо свое очистил, ничего, сейчас только живот болит.

Если я сейчас не пошлю этого письма, я его никогда не кончу. Ведь десятой части всего не написала! Катенька, родная моя, я всегда с вами, всегда будто в Клозоне — и «обдумываю» вас, вместе с О. Л. и Клозоном. Целую без конца обеих, привет всем от всех, до скорого опять написания! Храни вас Господь.

Зина

И Заику не забываю, хорошо, что вы и о ней не забыли мне написать.

Декабря 31

Париж

Любимые друзья мои Катенька и Ольга Львовна,

Хочу, наконец, написать вам о том, что непрестанно занимает меня с тех пор, как я уехала из Клозона; явилось оно в результате и наших разговоров, и моего собственного, любовного,

приглядывания к вашей «горе» и вашей жизни. Я, как о том говорила Кате, многое даже записала, зная, что из этого отрывочного должно получиться, для меня, какое-то цельное сознание и какой-то вывод.

Все ваши деланья, желанья и стремленья я считаю верными и праведными; не говоря уж о главной чувствомысли Кати — **о вселенскости**, — которую я всем существом моим разделяю (считаю своей *idée-mère*). Но даже в подробностях, в оценках современной жизни, я с вами совпадаю. Например, как права Катя, ужасаясь всеми нашими русскими «сестрами» — растапами, безответственными, самовольными истеричками, искренно, может быть, не понимающими, что они могут быть связаны хотя бы собственным словом, собственной волей... И какая вопиющая разница со всяким здешним сообществом, группой, конгрегацией, начиная с *Cambrai, Marie Passion* и т. д. и т. д. без конца! Наши — воплощенная **бесформенность**, вот главное. Пусть вина в них, но с другой стороны — где найти форму? Где место, чтобы они могли хоть понять, что жизнь во имя Божье не путешествие с остановками в гостиницах, пока гостиница нравится и хозяева приятны. Никто у нас, в данную минуту, с Евлогия начиная, первого ABC не понимают, как и на чем основываются бесчисленные *fondations*, почему около двух скромных зачинательниц Ордена хотя бы св. Нины (нашей, кавказской, называемой также *Ste Chrétienne*) появились завтра три сестры, через полгода 30, а теперь общины все множатся, разнообразясь по «делам». Мы, вот, возмущались Гейден. А к у д а посвятил ее Евлогий? И зачем, и для чего, и что такое было это «посвящение»? Апостольник и мантию надел, и гуляй по улицам, сама не зная, почему она в этом наряде щеголяет? К Митрофановой он ее просто «сунул», своей волей (считая, что раз «посвятил», значит — его воля над ней) — и сунул так себе, потому что и приют Митрофановой — только приют; как община религиозная, Конгрегация (уж не говорю о монастыре) Митр-ва также бесформенна. Конгрегация (религиозная, даже «тайная», т. е. н е монастырь официально) должна иметь 1) *Constitution* 2) *Règles* 3) *Coutumiers*. Желаящие войти в общество должны знать эти *Règles* и сознательно принять их к исполнению, сознательно и свободно, — на известный срок. А затем уж дело учредительницы судить, годна эта сестра, или нет... и дело самой ее, конечно, по силам ли ей дальнейший обет послушания. Даже не «обет», — тут эти слова не берутся, — а «обещание».

И вот теперь я перехожу к вам и конкретности.

Мысль, собственно, такая. Сейчас я вам все расскажу, но раньше вот что: пусть, как бы вы к этому предложению ни отнеслись, оно останется пока совершенно между нами. О нем и я ни с кем не говорила даже намеком, кроме Т. Ив., которая очень все это понимает и с которой вместе мы очень можем быть полезны для выработки этих правил и конституции. Мы уже просмотрели около 16 книг всяких конгрегаций; собственно статуты каждой очень трудно достать (они их не опубликовывают), но мы постараемся. Кроме того, у Т. Ив. есть церковные связи, которые вы сейчас увидите для чего будут нужны.

Мысль, значит, такая: Клозону нужно дать форму, но отнюдь не внешнюю, официальную, а внутреннюю, однако явную и строгую. Если форма будет официальная, т. е. если Евлогий наденет на вас обеих, как на Гейден, манатейки, и объявит, к тому же, что Клозон — «обитель», — конечно: не сомневайтесь, вы будете «чурками» в руках церковного управления; **такова реальность**. Уж даже теперешнее положение лучше, вы от натисков с разных сторон хоть своими силами, по данному случаю, обороняетесь; а тогда у вас руки и ноги будут связаны. В том же порядке, о котором говорю я, вы будете опираться на вашу собственную конституцию и правила, на вашу, вами же созданную и устроенную общину, которую епископ должен, — правила и конституцию рассмотреть, — **благословить**. И только.

Очень важно, чтоб в этих основах был заложен принцип действительной свободы от усмотрений, церковного управления. Основа должна быть, конечно, очень похожа на основы католических конгрегаций, — власть настоятельницы, строгость подчинения сестер, выбор духовника и т. д. Но так как важно и от православия не отступать, то надо в формы эти влить только содержание православное. П о с у щ е с т в у от этого не страдает ни католичество, ни православие (ибо как раз в существе-то — один Христос и там, и здесь). Тут кстати сказать о брошюре Троицкого, где он пишет что в 1860 свящ. Гумилевский в Петербурге уже сделал попытку «образовать нечто вроде католической конгрегации, почти независимой от церковной власти». В то время проект не получил одобрения, но о. Гумилевский все-таки создал нечто подобное «и лишь ранняя смерть о. Г. помешала развитию этого дела». И впоследствии попытки повторялись, но, конечно, не в том виде, в каком это нужно вообще и Клозону в частности. Да теперь время другое, и у меня есть

основания полагать, что Евлогий примет, что нужно, не путая сюда слова «дьякониссы», которое ни к чему (как и сами диаконы, которых у него довольно).

Пишу вам все это, как проект; обдумайте его и скажите откровенно, что в нем видите. Клозон должен остаться Клозоном и только приобрести, для непонимающих, свое лицо и Божью печать. Если Катя думает, что роль настоятельницы трудна, что, требуя исполнения правил, необходимо самой первой их исполнять, что нужно иметь твердость и спокойствие и что она не чувствует для всего этого сил в себе — я осмелюсь сказать, что ей и не нужно сил, и не может быть на это сил: только силой Божьей это делается. Так и Marie Passion, и все они всегда говорили, верили, знали. Наверно и Mère Cambrai тоже. Неужели Катя может верить иначе?

Просматривая же всякие эти Règle и Coutumiers — я постоянно возвращаюсь мыслью к О. Л.: ну точно она их давно все, с рождения, знала и читала — так она сейчас уже в них живет, действует, и сама — и по отношению к другим, своим.

Если в проекте что-нибудь не ясно, нужно дополнения, — спросите. Я лишь в общем написала, не зная, как еще он вам покажется. Если почему-нибудь вам это не покажется совсем — мы нашу работу насчет проекта «конституции» приостановили. При свидании, потом, поговорим. А на этом я пока это письмо кончу, несколько слов еще Кате прибавлю (и так письмо толстое). Храни вас обеих.

Зина

P.S. Ваша Николаевская община было совсем другое. По-моему, не надо как бы ее восстанавливать, — надо другое, н о в о е дело. В рисунке Cambrai.

27-12-31

Париж

Дорогая моя Ольга Львовна,

Получила утром ваше письмо и спешу, еще до Катиного (очень я тревожусь ее болезнью, жду вестей, поправилась ли) — вам ответить.

Ответ мой будет касаться одного пункта, шли соображенья,

которые явились у меня после внимательного чтения вашего письма. Это — насчет вашей Никольской Общины. Мне помнится, что я, в конце первого письма, прибавила, что, по моему разумению, не надо было бы возрождать Никольскую Общину, что дело должно бы начаться новое: — я, однако, не объяснила, почему, собственно, мне так кажется, какие у меня к тому основания. Кое-что я о Никольской общине знала, — по рассказам и мемуарам Кати, — кое-чего, конечно, не знала, — например того, что в основу ее был положен (или не в основу, а хотя бы в виде подобия) статуты конгрегации *Les petites soeurs des pauvres*. Но об этом можно поговорить подробнее после. Мне показалось, что когда вы мне писали, у вас явилась (очень естественная) мысль, нельзя ли все это «оформление» приурочить к той же Никольской общине, возродить ее, сильно реформировав, конечно. Вы об этом не говорите, но и я ничего не говорю, кроме «показалось»; тем более, что писала я вам о «невозрождении» вскользь, а явиться у вас этой мысли было так естественно! Во всяком случае, этот вопрос нельзя обойти, надо его углубить, взвесить все «за» и «против». Даже уж потому, — я понимаю, — не могла у вас не явиться мысль о Ник. О-е, — даже уж потому, сверх всего, что письмо мое пришло как раз под Николин день, и сделалось это помимо моего намерения!

Итак, все что вы обе в этом направлении уже думали, или не думали, вы мне скажете прямо и обстоятельно в следующем письме, а я ограничу свое на этот раз лишь одним, очень важным, основным взглядом на проект общины, какой она мне представлялась; и затем еще практическими соображениями насчет вашей прежней, вытекающих просто из моих наблюдений над ее судьбой в данный момент истории. Заранее признаю, что многое мне фактически неизвестно, а потому и выводы мои могут быть ошибочны.

Начнем с первого.

Всякая религиозная община, конгрегация и т. д. — если мы не будем серьезно отступать от нашего образца католических конгрегаций (а этого, думаю, не следует, и вы, думаю, со мной согласны) — имеет п е р в о й основой и целью своей, — цель чисто религиозную. Все разнообразнейшие жизненные и практические работы и цели связаны, конечно, с этой первой целью; но они — в т о р о е, а не первое. Они связаны, как тело с лицом, но л и ц о м определяется Община, и лицо у каждой свое, сколько их ни есть. Это бы лучше всего пояснить примерами, да

примеров этих тысячи! Это и «лицо», и, в то же время, «сердце» общины. Сердце, которое вот так, или вот так, вот с этой, или вот с этой стороны — почувствовало Христа. Одно чувствует постоянную обиду, наносимую Христу миром (*Réparatrices* всех оттенков), другое крестные Его страдания, третье — Его оставленность людьми (миссионерство), четвертое — любовь Его к людям и завет любить друг друга, пятое — Христа, служащего миру (*charité*), шестое — Христа распятого и воскресшего и чистоту Его Матери... И так без конца, в неисчислимых подробностях и оттенках, но в каждой общине христианской (т. е. в полноте) есть на чем-нибудь у д а р е н и е, какое-нибудь, отличающее религиозное сердце ее, «во имя». И не то, что и з него вытекает ее жизнь и деятельность, но как-то вместе они рождаются. Но никогда и з влечения к той или другой д е я т е л ь н о с т и у самых даже религиозных (вообще) людей не рождалась община или конгрегация, или монастырь. Так же, как не рождалась она из личного симпатизирования, из общих склонностей к какому-нибудь делу, даже при жертвенности этому общему делу. Я говорю сейчас, конечно, т о л ь к о о религиозных общинах, только. То (то, что я говорю) не легко понимается, даже и после близкого изучения предмета; но, может быть, мне-то и не легко было понять, и сотни книг для этого понадобились, да и объяснить я, как следует, этого не могу, а другой, — хотя бы Катя, — во мгновение ока поймет изнутри все, о чем я косноязычно вам лепечу. Прибавлю еще, что удивляющее нас быстрое разрастание конгрегаций, верность раз вошедших сестер, стойкость общин католических, несмотря на всевозможные перевороты, казни, революции, гонения (есть современные, родившиеся в т р е т ь е м веке, да еще в Лотарингии!) — это во многом объясняется «р е л и г и о з н ы м сердцем» общины, т. к. первое, что влечет, — оно. И если действительно привлекло оно — уже редкую заставят испугаться те или другие «*règles*», та или другая, ему соответственная, деятельность.

Наши русские, всякого рода, общины, все ли, всегда ли совпадали в таком строении с католическими? Нет; по каким причинам — дело сложное, мы этих причин касаться сейчас не будем. Многие на такое совпадение и не претендовали. Всякие общины сестер милосердия, Красный Крест, вплоть до бесчисленных «сестричеств» и до дьякониссы вел. кн. Елизаветы.⁵¹ Монастыри были строже, но, как общее правило (опять по тысяче всяких русских причин) и они, кроме отдельных исключений, особенно женские,

в ряд католических конгрегаций итти не могли и, во всяком случае, ко времени нашему, без реформ, не подойдут.

Теперь, значит, являются у меня к вам два вопроса, относительно которых мне нужна даже просто информация. На первый, — хотите ли вы основания конгрегации, по формам (внутренне-внешним) совпадающей, или приближающейся к католическим, — я уже отвечала себе «да», исходя из всех, без исключения, разговоров наших в Клозоне, из проникновенной тяги Кати к *Cambrai*, из ее реального чувства церковной и христианской вселенскости. Взяв это «да», предположительно, за верное и не забывая вот тех первых основ, о которых я только что говорила, я теперь и хотела бы от вас информации относительно Никольской Общины: отвечала ли она, в смысле первично-религиозной основы своей, построению любой католической конгрегации? Или же выросла она на другой почве, на которой вырастали у нас другие, и самые хорошие иногда, и значительные, но не на той почве? Что статут ее приближался к статуту *Petites soeurs* — еще ничего не говорит мне. *Petites soeurs* и сейчас все на лицо, каждый день их вижу. Двадцать одну в революцию даже казнили, и ни одна не убежала от своей «*mère*». А слушая рассказы Кати о ваших никольских, старых и молодых, о Натусях, глядя на истерическую в корне — Татá, я как-то сомневаться начинала: ну да, русские растяпы, некультурные, бесформенные, — русские, словом; но ведь может и русская душа быть так **религиозно-плененной**, до сердца, что уж никуда не уйдет; и, если помощь оказать, — и форму свою найдет?

Я очень прошу вас, милая Ольга Львовна, и вас, Катюша, постараться вникнуть в то, что я вам так плохо, — но со всем старанием, — пыталась объяснить насчет п е р в о о с н о в всякой католической организации; и, вникнув, сказать, имелась ли эта первооснова в Никольской общине? Для меня тогда будет яснее, возможно ли возродить последнюю, или же держаться в *fondation* новой — нового принципа. Кроме того, для меня (все «для меня!») выяснятся более и ваши желания. А это очень важно. Я, ведь, могу ошибаться во многих моих «книжных» соображеньях; могу и не понимать своих ошибок; но и оставаясь «при особых мнениях» — я всегда готова взять на веру ваши желания и помочь вам во всем, в чем только помощь моя пригодится. Тут уже вы мне должны верить.

Жду вестей — и скорых — о Катином здоровье, веря, что вы, Ольга Львовна, без всяких «статут» связали ее в бараний

рег, из «кельи» не выпускаете и никаких «подвизаний» — сохрани Боже! — не позволяете. Настоящей obéissance у нее нет, и еслиб не вы...

Зная, что ответы на столь предлинные трактаты мои требуют времени, которого у вас нет теперь, с родными гостями, — я буду терпелива. Но не скрою, что буду их все-таки ждать. А пока — целую вас обеих, я и ДС. (он часто Клозон вспоминает!), крепко-крепко.

Христос с вами.

Ваша Зина Г.

[Без окончания]

7 Мр. 32
Париж

Дорогой мой друг Катенька!

С тех пор, как письма наши разошлись, я чуть не всякий день хотела вам писать, а потом не решалась из страха, как бы они снова не разошлись. Получив сегодня утром ваше — уже ни дня не откладываю, как видите.

«Обдумать» ваше письмо нелегко; но с помощью чувства и моего вас понимания (м. б. и не полного, но мне-то кажется, по чувству, что очень внутреннего) я кое-что вам сказать на него, на письмо это, могу.

Но раньше: о какой книге Соловьева вы говорите? «Eglise universelle?» Она есть у Т. И., я ее перечту. Насколько помню, он именно говорил не за католичество, а за Ц. вселенскую, в химическом соединении всех существующих. И не был за переход из одной в другую. Он был, сам-то, у ж е в этой церкви; тут у меня почти и сомнений нет! Но не настали сроки, а потому он был еще «сам-один». Но это даром не пропало, все-таки.

Ваше горение, Катенька милая, и все вы, тоже не должны пропасть даром, хотя для вас это непропадание должно воплотиться совсем по-другому. Не для того вам Cambrai было «послано», а потом письмо брата (именно послано), чтобы прибавилась одна лишняя «soeur» у Рима, хотя бы самая пламенная, хотя бы даже «святая», нашедшая д л я с е б я самый совершенный свет и высокую любовь. То, что вы русская (настоящая) и православная (до глубины), а притом поняли и, подкожно как-то, существом всем, ощутили свет, любовь, правду духа в Cambrai (в католичестве) — это-то и важно, это-то и послано, и с этим-то

даром и нужно сделать, что нужно, ни кусочка не отрезывая, ни от чего не отходя, ничего в землю не зарыв. Там, в католичестве, есть дух, благодать, веками накопленная, и вот, если вам это открылось, — вам, как вы есть, — значит, вы должны, к ней приобщившись, внести ее в наш, в ваш, пустеющий дом. Тут я вижу прямо указание. Не искать, себе-одной, правды, успокоения вот в этом, или другом, доме, а нести огонь любви и благодати туда, где его еще нет, или он едва мерцает. Это будет то действие с н и з у, наиболее сейчас реальное, не теоретическое, без которого и соединения Церквей все равно никогда не будет. Каждый из нас очень мало может сделать; незаметно мало; но из этих незаметностей большое и вырастает.

Катенька, друг мой, не верьте утешителям вашим; сейчас такой момент, что с в е р х у ни о каких соединениях даже сближениях церквей и мечтать нечего. Вы очень верно пишете о положении православия; но Римская церковь, как церковь, сейчас в полном склерозе, это я з н а ю. Я прочла одну удивительную книгу, из которой мне многое стало видно, как на ладони (книгу просто информационную, о том, чего мы в русском захолустьи и не знали вовсе). Дело вовсе и не в папе; папа лишь символ, а реально — пленник. Дело в этом окаменении церковного и н с т и т у т а; Рим на верхах — это та страшная «бюрократия», где живому Христу уже и места нет. Он и ушел в низы, в сердца вот таких *mères*, как все эти огненные подвижницы. И оттуда не уйдет. Оттого не умрет и католичество. Но сейчас т а м надо искать этот огонь, зажечь от него свою свечу, у кого она есть, кому дано ощутить и приблизиться к нему — как вам.

Оттого матушка и сказала вам, чтобы вы не оставляли Клонзон. И сказала, что будет молиться о вас, и клариссы тоже. Она б о л ь ш е знает, чем говорит и даже чем может, вероятно, всеми словами сказать. Но вот малыми словами, в коротком свиданье, она, по-моему, ужасно много сказала вам!

(Перерыв. Поздно. Завтра кончу письмо).

[Без начала]

и вообще-то считаю, что для нас н е п р е р ы в н ы й юг — телесное развращение, а в данных обстоятельствах даже и душевное; если мы что-то имеем — мы должны что-то д е л а т ь; не

только «искусством» (или медитацией, как Володя) заниматься, но делать в общении с людьми. Время наше очень острое, Бердяев со своей подозрительной проповедью не устает, а мы все молчим, да мечтаем в келье под елью своим творчеством заниматься. И даже не под елью, а под пальмой... Пальму надо заслужить.

Впрочем, эта воркотня — так себе, к случаю. Увы, все кончится все таки «пальмой».

Мы пока еще никого почти не видели, из-за болезней и домашнего неблаголепия. Даже мало видим Ив. Ал-ча: он пустился в свет во всю. Если не с визитами, не в клубе Осоргина⁵² Бердяева — то в кинематографе. Мельком видели Манухиных, теперь, из-за гриппа, не сообщаемся, хотя очень хотим обе, я и Т. Ив., повидаться. Дела их в блестящем положении. Ив. Ив. опять едет в Берлин. Я — видела и еще нескольких людей, но вы их не знаете. А что Бельведер? Они мне мало пишут, а Совр. Зап. уже сделали мне новый афронт. Просто беда, как не везет. Видела Серг. Ник-ча, он мне очень понравился. А ваша *hôtesse* — все к «зубному врачу»?

Да, вообразите: Ася — подружилась с Маклаковой! Не то, чтоб «подружилась», — с кем она подружится! Но бывает у нее, очень любезничали.

Сегодня было известие, что б-ки реквизируют, с соизволения Эррио, русскую церковь «Даги»; на том основании, что она — посольская (в Берлине им ее отдали же). Впрочем, я этому пока еще не верю.

Французы (вся мелкота) очень недовольны Эррио. Он свалится, но только, увы, слишком поздно. Помощь студентам и ученым уже прекращена (тоже требование б-ков). Невесело.

Но страшно засиделась я, спешу кончить это бесконечное письмо. Не пишу Кате отдельно, во-первых — она «ничего не читает», а во-вторых вы это письмо ей прочтете. Но целую ее крепко, о т д е л ь н о, и вас отдельно. Буду ждать вашей Терезы, — вы не забыли? Если напишете мне, успеете (вы всегда все «успеваете») — очень меня обрадуете.

Ваша Зин. Гиппиус

P.S. Часто жалею, что так и не успела с Катей как следует о ее вещах поговорить. Да ведь она не признает «свободы слова и мнения»; не успеешь собрать все мысли — а она уж спорит. Тогда я теряюсь и соглашаюсь. Не спорю, во всяком случае.

Дорогая моя Катенька, сегодня получила письмо ваше и хочу только, по вашему желанию, пока несколькими словами, но сейчас же, ответить. Хотя это и трудно, потому что уж очень много в вашем письме такого, что требует отклика. Одни ваши «искушения» чего стоят!

Но я воздерживаюсь пока, а то все затянется. Со здоровьем моим все еще ни шатко, ни валко; то ничего — то хуже, курить не хочу, и сплю скверно. Но это, конечно, пройдет, когда справлюсь с настроением. Не думаю, чтоб для вас не было новостей в п о л н о й истории с Володией. Он, ведь, никогда в с е не расскажет, а лишь понемногу открывает из своих деяний то, что уже все равно наружу выходит. Я его не жалею, чтож, раз он сам себя так жалеет и притом так глупо, что сам же идет на свою погибель; и того не сознает. Пока что растратчицей чужих денег, мне доверенных, да еще человеком, теперь умершим, выхожу я; с этим пятном, наложенным на меня неожиданно и невинно, жить мне чрезвычайно трудно. Это одно. Другое, и отдельно, это его растрата последних денег Дм. С-ча, который ему доверял слепо, как ребенок. Это он растратил уже во время Клозона, на свои... За ДС. мне еще труднее «простить», чем за себя; но можно, конечно, только не думаю я, чтоб «прощение» полезно было для самого Володи, т. к. он, очевидно, не сознает, что он этим **для себя и с собой делал**. Надо бы не его, а человека в нем жалеть. И это еще опять не все, только довольно, на бумаге не стоит многого писать, даст Бог увидимся, тогда при случае поговорим. Вот только насчет «любви» к нам... Любовь то и позволила ему, что ли, такое с нами устроить? С чужими побоялся бы, что откроют, в суд притянут, а «любимые» — ничего, на себя возьмут. Я и то хранила это все от ДС. до последней возможности. Но потом уж нельзя было, все равно бы открылось. Тысячи, которую еще требовал у меня В. сверх растраченных (на свои дела), я не имела, дала ему лишь 400, а затем пришлось открыть все Д. С-чу, для кот. это был большой удар, — внутренний, помимо внешнего. Пока живем со дня на день, отказываясь от всего, от чего можно. Из Германии денег получить нельзя: всякая не то что пересылка — перевозка свыше 50 мр. в месяц карается долгосрочной тюрьмой. Осадное положение!

О Ростике слышала. А слышали ли вы о пострижении Скобцовой⁵³ сразу «великим постригом»? Развелась с мужем, детей

куда-то отдала, а сама постриглась... никуда, просто. В миссионерки, но «лично», без всякой «общины».

Насчет Митрофании здесь странные и противоречивые слухи. Но это все, как и многое другое, до след. письма. Сами хотели хоть недлинное, да скорое.

Видите ли Илюшу и Амалию? Ася жадно все Клозоном интересуется. Она, бедная, голодает, 3 раза в неделю только обедает (не дома), а дома, подозреваю, не обедает... Но упрямая, не приходит всякий день. Целую без конца, до скорой весточки, Катюша. Христос с вами, обнимаю.

З. Г.

Страстная Пятница
Париж 1932

Катенька, душенька, сердце мое, да что вы выдумываете, как я могу, и за что, на вас сердиться, да еще не прощать, если б даже было за что??! Нет, если б вы знали суету и работу, которая на меня навалилась, вместе с болезнями, так это вы бы простили мое молчание. А мне давно и страшно нужно написать вам, спросить вас, — не насчет всяких жизненных (житейских) неприятных разностей пустых, которые забыть надо, — а насчет важного и главного. Но оно такое важное, что я и сейчас не соберусь, пожалуй, все, как надо, изложить, весь этот нам — **вопрос**. У меня еще голова пустая, только вчера кончила одну вещь длинную, — сушила-сушила, и все-таки не знаю, пройдет ли через духовную (Манухинскую) и светскую (Милуковскую) цензуру.

А сейчас, несмотря на дождь, поедem мы с Д.С. на rue Daug, на плащаницу. Сегодня, ведь, вел. Пятница. Письмо хочу вам отправить без замедления, чтоб не очень поздно пришло. Хочу наиболее живо вообразить (и вы тоже вообразите) что стою перед вами в телесном виде, говорю вам «Христос Воскрес!» и трижды целую вас во уста.

Вы уж эти поцелуи передайте от меня милой Ольге Львовне. И кому заблагорассудите еще, как моя доверенная.

Вспомнила, что Вл. Сол. рассказывал, как кто-то телеграмму получил: «Христос воскрес, подробности письмом». (!) Нам с вами нечего таких писем ждать, мы, ведь, подробности сами очень хорошо знаем, неправда ли?

Грушу, что не попасть к заутрени, на Daru такая толпа, что и на дворе задушат, куча полицейских, больше ничего. Даже Манухины ездят лишь к обедне, но она начинается в 2 часа, ДС. не может всю ночь не спать. Вот когда бы нам у вас быть, в Клозоне!

Еще поцелуй от меня и от Д. С-ча, и обещаюсь свято скоро вам, миленькая сестренка моя Катя, по существу написать.

Зина

Среда. 24 ноября 33

Катенька, друг дорогой, сегодня день вашего Ангела, думаю о вас, крепко-крепко целую и радостно желаю вам мира душевного и всякого Господнего утешения. И солнечного луча, и здоровья вам и всем, кого вы любите. Пишу всего несколько строк, но непременно хочу сегодня, именно в день, когда чувствую вас и вашего Ангела; и знаю, что вы тоже вспомнили, хоть разок, обо мне. ДС. тоже обнимает и поздравляет вас.

Еще целую без конца.

Ваша Зина

О. Л. поздравляю с дорогой именинницей.

23 Апр. 34, Париж

Друг любимый, Катенька. Вы не поверите, как мне грустно ничего о вас не знать так долго, о жизни вашей ни внутренней, ни внешней. Только из вторых рук все сведения, — о внешней, конечно. Сведения, впрочем, все сходятся, все печальные, и, думаю, верные. Положим, и без них не трудно представить себе тягость Клозонской жизни. Недавно я встретила Сазонову;⁵⁴ она говорила, что платных детей у вас всего трое, на этом не далеко уедешь. Были еще слухи о нездоровье Ольги Львовны, но Амалия писала мне, что недавно получила от вас весточку, и что вы оба здоровы. Но вы мне как-нибудь урывочками да напишите обо всем подробно. Испанка, очевидно, ухнула, так я и полагала, уж слишком ее обещания были заманчивы. Такое никогда не выходит. Главное же, напишите мне о в н у т р е н н е м, где вы находитесь сейчас на новом вашем пути? Одного я боялась бы

для вас в католической церкви: той железной *obéissance*, дисциплины, к которой мы, русские, не привыкли, и которая, быть может, не совсем в нашей натуре. Ведь есть даже в правилах: «повиноваться, как труп». Наши «старцы» тоже требовали повиновения; но и старцы — русские, да и вольно принять послушание личности не совсем то, что лежит в организации.

Впрочем, я говорю это так, без особых оснований, а в виде попутного соображения, пришедшего мне в голову. Я вас хорошо знаю, но те, кто будут иметь к вам непосредственное отношение, знают людей, умеют узнавать каждого. Нужно это помнить. Не будем же дальше рассуждать, я жду новейших от вас вестей.

О нас писать почти нечего. Все то же; материально — постепенное ухудшение, обветшание. Перспектива лета в Париже (которое это будет?) с той разницей, что нынче и на лекции никуда не поедem, не приглашают. Дм. С. пишет Франциска Ассизского, очень, слава Богу, увлечен, когда не одолевает мысль о катастрофе; ведь может случиться, что мы и квартиру не сохраним, к тому идет. Живем мы очень одиноко, буквально никого не видим, кроме нескольких молодых литераторов (маяров, шофферов, землекопов и т. д.), которые приходят по воскресеньям. И приходят все голодные. За неделю же мы сидим одни, теперь я не выдаюсь даже с Манухиными, — странные очень они люди! Бывает Ася, тоже всегда в трансе от обнищания и безработицы, — ну, вы ее знаете!

Напишите мне, что Бунин, часто ли бывает у вас Верочка. Здесь у всех впечатление, что Бунин как-то скрылся, по советскому выражению — «смылся»; ни о нем, ни о его присных, — ни слуха; впрочем, никто о нем много и не думает. Удивительно вы о нем написали тогда, в письме, что мне О. Л. переслала. Я нахожу, что там нет «осуждения», а только большая горечь — за него. Но, может быть, мы чего-то не знаем, не понимаем, может быть, Бог ему так все и назначил, а нам не только в чем-нибудь осуждать его, но и судить не подобает. Розанов⁵⁵ очень верно сказал раз: «ни один человек не достоин суда, всякий достоин только жалости». И вот это я часто к Бунину чувствую.

Я видела «жену вредителя», Чернавину,⁵⁶ знаете, которые так ужасно бежали, с ребенком, из Сотовок. Она оставила больного мужа и сына в Гельсингфорсе, приехала сюда одна, лекциями подработать. Ее слушают, но все это все знают, и что весь народ извергов ненавидит, и что они не сваятся без катастрофы (войны)... Но иностранцы не хотят ничего знать, нам же она словами

главного (духа) рассказать не может, мы только чувствуем этот смертный дух, которым она еще обвеяна. Что делать, иной раз и возопиешь из преисподней: доколе, Господи?

Каждое воскресенье ходим мы с Дм. С. к маленькой Терезе. Я так привыкла к тихому свету этой *Chapelle*, что мне там как-то уютнее, чем на *rue Daru*. Об о. Стефане я слышала. Его, кажется, особенно любит манухинская Варв. Кирилловна. Однако... впрочем, Бог с ним, хорошо, что он от вас уехал. И как будто раньше, чем сам хотел... Но я ничего не знаю. Катюша милая, родной друг, целую вас без счета, и С. Л. милую. Когда приведет нас Бог увидаться? Вот будь испанка... но что жалеть о неосуществимом? Жду весточки, не забывайте меня. Христос с вами.

Ваша всегда
Зина

Холод у нас собачий, после трех дней ужасной жары. А у вас?

31-1-35

Париж

Дорогой друг Катенька.

Давно уж хотела писать вам, каждый день намечала для отчета, и все не выходило. По Парижу ходят сплетни, что мы какие-то богатые милости получили в Риме, то это все вздор, и мы сейчас находимся в одной из самых зlostных *impasses*, в самом близком общении с францисковой *Dame Pauvreté!* Впрочем, это дело такое обычное, что не стоит останавливаться. Лучше о другом, более интересном. О том, о чем я (все время думая о вас и об О. Л.) говорила в Риме с Вяч. Ивановым⁵⁷ и потом, здесь, долго с Извольской.⁵⁸ Все это сходится, а Извольская сообщила мне, что подробно вам тоже писала. Не знаю, со всех ли сторон, как мне, известны ей не только вы, но и ваша «история», и все данные обстоятельства сегодняшней вашей жизни (впрочем, о вас лично она не без проникновения сказала, что вы человек не только религиозный, но и «литургический»). Я же, оставляя в стороне мое собственное мнение насчет «переходов» (которое за общее правило не выдаю) — хочу рассмотреть ваш план со всех точек зрения, вплоть до реальных. Как вы теперь знаете, папа не е ж е л а е т перехода православных в «латинство»; должен быть принят ими «восточный обряд», и директивы Ватикана тут совер-

шенно определенны. И не вы, конечно, могли бы пойти против них, ибо ваше воздыхание слишком искренно и глубоко. Между тем, — как вы опять знаете, — церковь католическая в этой стороне, т. е. в «восточном обряде», находится в состоянии первой реализации, требует дальнейшего и дальнейшего творчества; до такой степени, что обычный католич. *clergé* (не говоря о правосл. священниках) крайне мало тут знает и понимает. Может даже случаться, что иной, без разбора, будет переводить православных прямо в латинство, с соответственными, чисто-внешними, требованиями. Надо, чтобы вы все время имели это ввиду. И дальше, о вас. Переход ваш в кат. восточного обряда обставлен реальными трудностями, особыми, благодаря именно вашему пребыванию на Ривьере, в Клозоне, и не имением там ни нужных руководителей, ни церквей, вообще редких. Из-за этого не только факт присоединения, но и дальнейшая церковная жизнь ваша останется вне руководства и священников (Извольская писала вам о Марселе? Но он там, священник, один, и это далеко). Теперь, допустим, что вы все-таки переходите в латинство (о чем, кажется, до сих пор еще шла речь). Этим вы, во-первых, лишаетесь многого, что навеки праведно и дорого в православии и, тем самым, веры, что вступаете во вселенскую церковь; во-вторых — вы будете знать, что идете против желания Рима. А это желание я вполне понимаю. Когда первосвященник дает право, принявшему «восточный обряд» католику, приобщаться и по латинскому обряду, и по православному (даже прямо у любого священника, за неимением своего) — он думает именно о **кафоличности**, т. е. о единстве церкви.

Наконец — о вас в самом в н е ш н е м, но его надо же иметь ввиду, даже если решиться не учитывать: в обоих случаях, — присоединения к восточному ли обряду, к латинству ли, — вы наверно лишитесь всех русских детей. Другое дело, справедливо ли это, или нет; в вопрос, который и вы затрагиваете, как отразится ваша перемена на детях, — я пока не вхожу тоже. Я только считаю, что в данный момент, при данном уровне эмиграции, более, чем вероятно, что русских детей у вас вовсе не будет.

Катенька, родная моя, об одном прошу: не думайте, что я в чем-нибудь вас убеждаю, или разубеждаю; я попрежнему верю, что Господь вас ведет по вашему пути. Но Он же дает и знаки, их надо понимать, как ап. Павел говорил о молитве, — и сердцем, и умом. Угадать Его волю. Вот тут-то на вас с О. Л., на ваш

сердце-ум, я и надеюсь. Не мне вам указывать и советовать, хотя п о с л у ж и т ь вам, чем могу и как могу, всегда готова.

В отношении фактической информации Извольская вам может быть очень полезна, как и здешняя Белобородова.⁵⁹

Теперь, дорогая, стану ждать весточки о том, как живете, когда переезд в «усадьбу», что Инес, и вообще что у вас делается. Холодно, я думаю. У нас — совсем мороз. Ася бросила квартиру, свою рухлядь свалила ко мне, а сама устроилась в пустой кухне своего родственника. Нищета повсюду; а большевики сидят-посиживают и международной любовью гордятся. Получаете ли вы что-нибудь из России? Хотя больш-ки и фанфаронят, а внутри им, кажется, уже не сладко, — боязно.

Целую вас без счета, сколько люблю, обнимаю О. Л., и жду строчки... или строчек.

Христос с вами

Зина

10 Мар. 35

Поздравляю со [неразб.]

Катюша, друг мой! Force majeure! Писать — для меня **физическое** страдание. (Неужели иначе давно не написала бы, не поздравила, а в другом — не утешила, как могу?) После пяти гриппов и 2-х ангин у меня, вот уже больше 6 недель (нет, 10-ти) болит правая рука, да так, что едва могу спать ночью! Я терпеливо это принимаю, но подумайте, ведь это мое «орудие производства», и как ни мало могу заработать, а все-таки! Теперь же и письма не написать. Никому 2 месяца не могу ни строчки.

Когда, дней 5 тому назад, нога болела — куда лучше, ведь мы тогда уехали в Cannet — солнечные ванны; теперь надо покоряться.

Но довольно об этом, надо лишь, чтобы вы знали, что я вас не «бросила» и ничего подобного вообще не может случиться. Много-много чего хотела бы вам написать, и чуть будет лучше руке — непременно все скажу. Амалия о ч е н ь плоха, Илюша в психозе, ничего не понимает и никто его не видит. Ее уже не лечат, доктора отказались, а Ив. Ив-чу еврейский кагал (окружение) сам отказал, несмотря ни на что. Бунина тоже никто не видит, а когда раз, на улице, мы его заметили в семи шагах, он,

как заяц, перебежал на другую сторону, чтобы не встретиться (??). Целую крепко-крепко, еще раз, дорогие, поздравляю с переходом (illegible).

Д. С. кланяется. Молодцом переносит наши «pauvreté», — да и я тоже, как ни трудно.

Ваша Зина

Как только руке станет лучше, так хочу о Сене написать. Она точно «просит» меня.

Напишите, как у вас и все вообще подробно.

29-8-35

Paris

Катенька, друг милый! Всякий день собиралась писать вам еще раньше получения вашего письма. Уже очень давно мы не перекидывались вестями. Теперь хочу вам на все ответить, да не знаю, успею ли сразу. Вы меня не совсем поймете, если я вам скажу про мою занятость: ибо такими делами, как я сейчас, вы годы занимаетесь и умеете их делать; я же — ничего не умею, никогда не умела, всю жизнь занимаясь писаньем! К тому же у меня такая несчастная психология, что я за что ни примусь, все хочу сделать в наибольшем, по силам, совершенстве. От этого я трачу, на нынешние свои дела, вдвое дольше времени, притом, т. к. физических сил мало, то мало чего достигаю, все равно! Лезу мыть зеркало — ничего не выходит; стираю мохнатую простыню — и не только выжать, а почти поднять ее не могу. Еслиб не Володя варил суп, то вышло бы много несчастий: что вода кипит, я, по глухоте, не слышу, а по близорукости и не вижу. У Володи же, кроме супа, еще по горло дела: он чистит прислужью комнату, куда должен переехать. Мы бы давно бросили квартиру, но нет с чем сняться: надо все налоги вперед заплатить, и вперед, на другой. У нас же... ну, что́ об этом! Сами это слишком знаете. Пишу для того, главным образом, чтобы сказать: Володя непременно пойдет, куда надо, по поводу *carte d'id.* вашей, но не раньше нескольких дней. К тому же сейчас никого нигде нет: Париж на редкость пуст. Только вот такие, как мы, сидим, в полной покинутости. Куда уж, дорогая, к вам ехать, какой уж отдых, какой 3-й класс до Ниццы, хоть бы на билет

в автобусе во 2-м, до Etoile хватило после 19 Сентября, а до 1 Окт. на Володин суп. Однако, мы не унываем; т. е. унываем, но не в одно время с ДС. Когда он беспокоится — я бодра; и обратно. Каждое воскресенье ходил к Терезе: *confiance!* В будущее воскресенье поставлю ей свечку от вас, а вы вспомните меня и ее: (2 Сент., часа в 4 1/2-5) Хорошо? Может быть, она попросит за нас и вас, чтобы нам еще свидеться.

Очень радуюсь я, что Господь дал вам такое ясное состояние души, такое счастливое. Не понимаю я ваших друзей — противников вашего «перехода»; кажется, большинство обиделось, что вы им этого заранее не объявили. Реагируют же по-разному. Слезы Каллаш мне все-таки симпатичнее (хотя много в них и «досады»), нежели реакция Аси. Но что об Асе? Она не столько христианка, сколько клерикалка. И она не виновата, что многого не понимает. Я, ведь, тоже не скрывала от вас моего личного мнения насчет «переходов»; но это другое, и вы ни моего взгляда, ни другого чьего-нибудь подобного, в грех, я знаю, не ставите. Именно потому, что я п о н и м а ю, что я душу человеческую отдаю на суд одному Богу, а воли Его не знаю.

Оцупа⁶⁰ я, правда, давно не видала. Какого это мальчика он вам привез? Из братьев Николай Оцуп более симпатичен. И он ловкий, умеет оборачиваться. Если еще приедет к вам, попеняйте ему, что он нас забыл.

По вашим, Катенька, описаниям — вы меня простите — я мало-что поняла о Ведипе. Нет ли у вас фотографии? Мне так бы хотелось поживее вас вообразить теперь!

Пусть милая Ольга Львовна меня простит, что я не прислала ей поздравления к 11 Июля. Все числа русские у меня перепутались, поздно узнала. Обнимаю вас обеих с любовью, храни вас Господь.

Ваша Зина

Воскресенье

Катенька дорогая моя, два словечка: мы взяли билеты на субботу 19-го, будем, значит, в Антибах в соответственное время 20-го, в воскресенье.

Из дела нашего ничего не вышло, напрасно только сидели и ждали. Английский кризис съел, а германский нас и вовсе, ка-

жется, доглодает. Ну да чтож делать, все мы все время погибаем и погибнуть не можем! Вот Володя очень уж духом пал, это нехорошо. Все, ведь, в Божьей воле.

Здесь холод ужасный; конечно не будет очень тепло и в Клозоне, но я уж знаю, что в этих случаях надо маленькую Терезу вспоминать: она всю жизнь от холода страдала, ей даже и покрываться не позволяли, — и ничего! Но я рада, что хоть от Парижа отдохну! И вас увижу наконец. До скорого свиданья, целую без конца.

Зина

1 Июля 39 [?]

Париж

Катенька, дорогая! Столько времени не писала вам. Все это из-за руки противной. Хотя ей гораздо лучше, но писать нормально еще не могу. Написала о бедной Амалии⁶¹ (вы читали в П.Н.?) и стало на время хуже. Поэтому и вам сейчас пишу не так длинно, как бы хотела. Только поцеловать вас крепко и сказать, что помню всегда и верно люблю.

О вашем переходе я никому ни слова не говорила, — вы просили, да я и сама желала, пока, не выслушивать возможных суждений от посторонних. Но это уже известно: вчера пришла Ася и сообщила мне эту «сенсационную новость», переданную ей Каллаш, которая «в полном возмущении!» Тут я, признаться, поразовалась: пусть она позлится, попортит крови, так ей и надо, не лезла бы с большевицким Петелем^{61bis} к вам, в свое время. Ну да что теперь прошлое поминать, все отошло без возврата. Мои же мысли и о Петель, и о переходах вообще, вы всегда знали; как и то, что я, прежде всего, уважаю чужую свободу в таких серьезных делах.

5 Июля

Вот и я прервала мое письмо на целых 5 дней! Не могу вам рассказать даже, отчего перерыв этот получился: так все нездоровилось, все из рук валилось. И тут же надо было сопровождать Д. С-ча в некоторых его демаршах — в смысле «борьбы за су-

ществование». Но уж скоро, кажется, всякая борьба прекратится, такие сюрпризы каждый день. Французы пенсию уменьшили **вдвое** (т. е. остаток вдвое), и это без предупреждения, т. ч. Куприной⁶² чуть дурно не сделалось: у них 2 терма не плачено, а он почти ослеп. Удивляюсь, как Бунин хоть ему свою часть, — гроши, не уступит, а все требует, чтоб ДС. за него получал и ему отправлял.

Никто не знает вашего Беиод, но направление, как будто, я себе представляю. Не между ли Moujín и Vence где-то? Там леса, но не такие высокие, как в Клозоне. Буду ждать вашего письмеца с громадным нетерпением, хочу все знать о вашей жизни как внешней, так и внутренней. Очень грущу, что не увидимся: мы не только никуда уехать не можем, мы и без движения-то не понимаем, как выживем. Прислуге я отказала, а с квартирой — придется в этот месяц что-нибудь подыскать и переехать, если на переезд найдем. Нас Рим подкосил, — никакого ответа не получили на запросы издателю. А Муссолини ввязался в войну, и там довольно скверно.

Самое тяжелое — это всесветный триумф большевиков. Все им лижут пятки, особенно французы, и они в полном самоупоении наглости. И подчас — нет-нет — а возропщешь: доколе же, Господи?!?

Православное моление об Амалии, не панихида, а что-то вроде, — очень мне не понравилось: служил Булгаков,⁶³ и все время будто «оправдывался», что говорит о еврейке. Да и никому не понравилось.

Илюша был очень бодр (А. перед смертью обещала, что все время будет с ним). Теперь как-то загрустил... Да, уж он не женится, как Милюков — через 2 недели после похорон жены: переменил квартиру и в мэрии повенчался.

Вот, душенька моя, письмецо, за которое прошу не рассердиться: я стала прегадкая «писательница». Обнимаю О. Л-ну, крепко-крепко целую вас и о ч е н ь жду строчки, — нет, странички; — ваша «строчка» скажет мне мало, при разгонистости.

Ваша Зин.

ПРИМЕЧАНИЯ

45. Вероятно граф Александр Александрович Салтыков (1865-194?), автор нескольких сборников песен и сонетов, а также воспоминаний о Владимире Соловьеве (см. *Встречи*, №5 [1924], 214-218).
46. См. Темира Пахмусс «Зинаида Гиппиус: Выбор?» *Возрождение*, № 222 (1970), 50-57, а также *Between Paris and St. Petersburg*, *op. cit.*, 257-278.
47. *Иллюстрированная Россия* (Париж, 1924-1939), двухнедельный литературный иллюстрированный журнал. Ред. М. Миронов — с 1931 г.
48. Галина Николаевна Кузнецова (1898-1975), автор воспоминаний *Грасский дневник* (Вашингтон, США, 1967) о жизни с Бунным в Грассе и нескольких сборников стихов. Печаталась в журнале *Новый дом* (Париж, 1926-1927) и других русских журналах в эмиграции.
49. Мария Александровна Каллаш (литер. псевдоним М. Курдюмов). Автор книги *О Розанове* (Париж, 1929), *Сердце смятенное* (Париж, 1934) и т. д.
50. Николай Александрович Бердяев (1874-1948), выдающийся русский философ, автор многих трудов, например, *Миросозерцание Достоевского* (Париж, 1923). См. о нем в *Intellect and Ideas in Action*, *op. cit.*, 141-167.
51. Августейшая настоятельница Марфо-Мариинской обители, Великая Княгиня Елизавета Федоровна, старшая сестра Императрицы Александры Федоровны. Убита, заживо брошена в угольную шахту, вместе с Великими Князьями Сергеем Михайловичем, Иоанном Константиновичем, Константином Константиновичем и Игорем Константиновичем, большевиками в ночь на 18-ое июля 1918 г.
52. Михаил Андреевич Ильин (1878-1942; литературный псевдоним М. Осоргин). Автор романов *Сивцев вражек* (Париж, 1928), *Повесть о сестре* (Париж, 1931), *Свидетель истории* (Париж, 1932), *Книга о концах* (Берлин, 1935) и других произведений.
53. Мария, мать, монахиня Мария, Кузьмина-Караваева, Елизавета Юрьевна, во втором браке Скобцова-Кондратьева (1891-1945; урожд. Пиленко). Автор сборников стихов *Лирические черепки* (Скт. Петербург, 1912), *Руфь* (Петроград, 1916), повести о вероучителе-чудотворце *Юрали* (Скт. Петербург, 1915) и т. д. В 1932 г., после развода со вторым мужем, приняла монашество. Арестованная Гестапо, погибла в концентрационном лагере Buchenwald.
54. Юлия Леонидовна Сазонова (род. 1887; урожд. Слонимская), сотрудник ежемесячного литературно-художественного журнала *Новоселье* (Нью-Йорк, 1942-1950; ред. С. Прегель).

55. Василий Васильевич Розанов (1856-1919), философ, писатель и публицист. Гиппиус с восхищением читала книги и статьи Розанова, видя в них «блеск и гениальность мысли». Большой друг Мережковских.
56. Татьяна Ивановна Чернавина, автор статьи «Об условиях литературной работы в СССР», *Современные записки*, № 56 (1934), 403-413, и нескольких рецензий о дневниках М. Шагинян, И. Солоневича «Молодежь и ГПУ», М. Никонова-Смородина «Красная картога» и т. д.
57. Вячеслав Иванович Иванов (1886-1949), выдающийся ученый, поэт и драматург. Автор сборников стихов *Кормчие звезды* (Скт Петербург, 1903), *Прозрачность* (Москва, 1904), *Прометей* (Петроград, 1919) и множества других произведений, как, например, «Родное и вселенское» (Москва, 1917). Профессор славянских языков в Римском университете, большой друг Мережковских со времен его знаменитых «Ивановских сред» в Петербурге 1905-1907.
58. Елена Александровна Извольская (1895-1977?), преданный друг Марины Цветаевой (см. ее статью «Поэт обреченности: из воспоминаний о Марине Цветаевой», *Воздушные пути*, № 3 [1963], 150-160, и «Тень на стенах», *Опыты*, № 3 [1954], 152-159). Автор книг *Американские святые и подвижники* (Нью-Йорк, 1959), *Явление Гваделупской Божьей Матери* (Лафетт, Орегон, 1965) и др. произведений на русском, французском и английском языках.
59. Вероятно Белобородова, автор сборника для детей *Вечно родное* (Стокгольм: «Северные огни», 1923?).
60. Николай Авдеевич Оцуп (1894-1958), автор сборников стихов *Град* (Берлин, 1921), *В дыму* (Париж, 1926), *Дневники в стихах*, 1935-1950 (Париж, 1950), драмы в стихах *Три царя* (Париж, 1958) и воспоминаний *Современники* (Париж, 1961). Арестованный Гестапо во время Второй мировой войны, он сбежал и принял участие в итальянском Сопротивлении. Гиппиус очень дружелюбно относилась к нему как к поэту и человеку большой культуры.
61. См. статью Гиппиус «Единственная» в сб. *Памяти Амалии Осиповны Фондаминской* (Париж, 1937).
- 61bis. Улица в Париже, на которой находится до сих пор церковь, оставшаяся в юрисдикции Московской Патриархии.
62. Елизавета Маврикиевна Куприна, жена писателя Александра Ивановича Куприна (1870-1938).
63. Протоиерей Сергей Николаевич Булгаков (1871-1944). Декан в Сергиевской духовной академии в Париже с 1925 г.
-

I.

ПИСЬМО ОТ о. Д. ДУДКО

Дорогой Никита Алексеевич!

Со мной случилось несчастье, в несчастьи всегда сочувствуют. Я делал попытку найти общий язык с покинувшими меня в несчастьи, но, к сожалению, не достиг цели.

Я очень нуждаюсь в молитвах.

Помолитесь обо мне.

Чтоб и еще кто-нибудь помолился, прошу опубликовать в Вашем журнале это мое письмо.

С любовью во Христе

7 марта 1981 г.

Свящ. Дм. Дудко

P.S. Следствие надо мной не прекратилось!

II.

ВЕСТНИК ЧИТАЮТ В РОССИИ

Замечательные стихи Инны Лиснянской в № 132. Новые главки Солженицына — настоящие перлы, и по психологичности тона, и стилистически. Все публикации читаются с большим интересом.

И только огорчил отзыв из Москвы (стр. 311-312). Ибо за этим — целый стиль, самоуверенность, что позволительно судить-рядить о чём угодно и притом в двух строках. На ниве неопитства сейчас много таких: покровительственно «державших в руках» «Вестник» и самодовольно муссирующих свой «православный консерватизм». А вынырнет — и смотрит Хлестаковым или Опискиным. Пеняет журналу за «бесконфликтность», «приглаженность», а через абзац — что слишком много уделено полемике о Солженицыне. От напечатанных стихотворений отмахивается, как от «непрофессиональных». (Да объяснись хоть, что ты под этим понимаешь). Предостерегает редакцию от «соскальзывания в гуманизм римского Папы. Конечно, это самое страшное).

И охотная публикация такой анонимной критики только раздувает бессмысленные амбиции «рецензента».

Ю. Кублановский. Москва.

III.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

«Да будут все едино: как Ты, Отче во Мне и я в Тебе, так и они да будут в нас едино, — да уверует мир, что Ты послал Меня.»

(Ио. 17,21).

1.

129-й номер «Вестника РХД» поднимает крайне важный вопрос о современном состоянии Движения русских христиан. Вопрос, как он поставлен в статьях Н. Струве и о. Александра Шмемана, относится как будто главным образом к состоянию Движения за рубежом, где оно зародилось и имеет организационное оформление. В то же время, совершенно справедливо подчеркивается то обстоятельство, что Движение русских христиан стало включать в себя также и тех, кто живет в самой России и кто имеет счастливую возможность узнавать о нем и так или иначе в нем участвовать. Нам отсюда, естественно, трудно судить о том, как это наше участие сказывается на судьбах Движения. Что же касается нас самих, то для нас существование Движения и наши, пусть незначительные, контакты с ним являются источником утешения и огромной радости. Для нас Движение — почти единственный мост, связывающий нас с религиозным и культурным прошлым России, а точнее с тем духовным и культурным течением, которое получило название русского религиозного ренессанса. Это религиозное и нравственное возрождение русской интеллигенции, начавшееся с Достоевского, Вл. Соловьева и (не побоюсь сказать) Л. Толстого, было продолжено в творчестве таких русских религиозных мыслителей, как Н. Бердяев, о. С. Булгаков, С. Франк, о. В. Зеньковский и многие другие. Как мне представляется, область религиозных изысканий, обозначавшаяся в творчестве этих мыслителей, представляет собой то духовное богатство, которое, пройдя очистительный огонь русской революции, стало той дверью, через которую для русского народа возможно возвращение от греха и смерти — ко Христу. Наследником и продолжателем этого же направления религиозных исканий является для нас «Вестник РХД». Именно через него мы ощущаем и свою причастность к данной духовной традиции.

Поэтому на вопрос, поставленный в статье о. А. Шмемана, — нужно ли сегодня Движение, и если нужно, то для чего? —

ответ может быть только один: не просто нужно, Движение становится сейчас для России просто необходимо. Оно необходимо для того, чтобы ваш и наш опыт стали единым опытом людей, принадлежащих волею Божией к русской культуре и осознавших, что Христос есть Путь, Истина и Жизнь. Движение, если оно сумеет правильно поставить конкретные цели и осуществлять их, будет и впредь оставаться для Русской Церкви в России и за рубежом авангардом следования нашего народа за Христом. Но авангард, естественно, не может быть обращен к прошлому, каким бы оно ни было милым и дорогим, а только к будущему. Христианин — странник в этом мире, всегда готовый выйти из Ура халдейского в землю, которую укажет ему Господь. Русская Церковь сейчас действительно на перепутьи, и в этом отношении Движение лишь разделяет с ней свою судьбу.

2.

Что касается определения новых задач, стоящих перед русскими христианами, то в этом отношении, как мне кажется, следует серьезно отнестись к тем мыслям, которые были высказаны о. Сергием Булгаковым в опубликованных «Вестником» отрывках из его Дневника (№ 129). Я имею в виду переоценку о. Сергием роли и значения Римско-Католической Церкви в мировом христианстве. Можно двояко отнестись к этим записям нашего замечательного священника и мыслителя. С одной стороны, можно считать их результатом отчаяния и видеть в них лишь «Римский соблазн». С другой, однако, можно видеть в этом порыв глубокой, давно наболевшей тоски о несправедливом разделении Церкви Христовой, каким оно несомненно представляется в свете Евангелия. «Из глубины воззвах к Тебе, Господи!» — именно в положении отчаяния, когда все «человеческое» пошатнулось, изменило и отступило на задний план, чуткому христианскому сердцу стало ясно, что выход из трагизма исторических неудач Церкви именно в реальном соединении Восточной и Западной Церквей. То, что о. Сергей вскоре «преодолеет» этот свой горячий порыв к единению Церквей, отнюдь не ставит под сомнение истинность самого устремления.

Я смею надеяться, что публикация этих дневниковых записей о. Сергия тоже не случайна, а есть некоторый вопрос к православной общественности. Что думают об этом верующие русские люди? Со своей стороны я могу только приветствовать саму постановку вопроса. При этом я знаю, что я не одинок в выска-

зывается здесь отношении к данной проблеме. Симпатии к Католической Церкви и огромный интерес к католическому богословию разделяются многими православными христианами в России. Причины этого совершенно очевидны. Если о. Сергей мог писать о несомненном культурном и богословском превосходстве католичества в 1923 году, то есть тогда, когда едва минуло время, когда в России существовали Духовные Академии с целым рядом блестящих богословов, когда русская культура только что пережила замечательный подъем начала девятисотых годов, то что можно говорить сейчас, когда в России всякая богословская мысль почти полностью парализована, а две Духовные Академии и три Семинарии в государстве с 250 миллионами человек выпускают лишь мало-мальски образованных по учебникам прошлого века священнослужителей, едва покрывая острую нехватку в приходском духовенстве. И такое положение продолжается не год и не два, а уже более 60 лет.

Несомненно, что на этом печальном фоне с великой радостью мы прочитываем большинство книг, написанных в русском зарубежье. И дело здесь, конечно, не в контрасте, а в подлинно глубоком религиозном и культурном значении творчества русской эмиграции. Но это был итог тому пути, который прошли русские христиане к середине XX в. Сейчас уже наступают 80-е годы. Необходимо идти дальше. Куда? По моему глубокому убеждению, определяющим должно стать стремление к подлинному единству всех христиан и прежде всего — православных и католиков. Речь здесь конечно не идет об унии, поскольку все решения, принятые где-то сверху, лишенные реальной народной поддержки или хотя бы симпатии, приведут только к новым расколам. Речь идет о преодолении вражды, предубежденности, о переоткрытии того факта, что все мы, верующие христиане, — братья.

Кто-то очень хорошо сказал, что единства Церквей не добиваются, а его открывают. То есть вдруг, в какой-то сокровенной глубине своего «я», человек начинает понимать, что братская любовь между всеми, кто идет за Христом, — это и есть самое главное. «Если имею... всю веру, так, что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто» (I Кор. 13,2). Перед этой любовью становятся совершенно незначительными даже такие камни преткновения, как «филиокве» или «догмат о папской непогрешимости».

В чисто практическом плане мне представляется необходимым осуществление с и н т е з а нашего православного созна-

ния с современным католическим богословием. Для этого, вероятно, прежде всего желательны были бы переводы трудов наиболее выдающихся католических богословов и религиозных писателей, таких, как Ж. Даниелу, Л. Буйе, К. Ранер, Т. Мертон, Херинг и др., имена которых и достоинства известны православному зарубежью лучше, чем нам в России. Этот синтез может выражаться в доброжелательном поиске того, что нас объединяет, а не разделяет, в написании православными богословами обзорных работ, посвященных современному состоянию католического богословия, экзегетики, духовности, истории Католической Церкви, истории усилий, направленных на воссоединение Восточной и Западной Церквей. И самое главное — все это в духе благожелательности, не скрывая трудностей, но и не объявляя их непреодолимыми, помня о том, что «человекам это невозможно, но не Богу; ибо все возможно Богу» (Мк. 10,27).

Этот процесс должен идти как у равных с равными — без унижения, но и без превозношения. К сожалению, само название нашей Церкви Православной, как мне кажется, слишком часто носило и носит какой-то нездоровый оттенок горделивого самоутверждения, помимо простого конфессионального значения. Мы — православные! Нередко это бывает слишком похоже на известную притчу, которую так и слышишь в перефразированном виде: «Слава Богу, что мы — право славные, а не как прочие, — всякие там баптисты, пятидесятники или, как вот эти — католики». Не слишком ли самоуверенно утверждать, что именно мы правильно славим Бога? А вот другие славят Его неправильно! «Не всякий говорящий Мне: «Господи! Господи!» войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного» (Мф. 7,21). И если подумать — то нечем нам особенно гордиться. При всем своем православии не смогла Русская Церковь удержать наш народ от невиданного разгула безбожия и самоуничтожения. «Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство? Вся голова в язвах, все сердце исчахло» (Ис. 1,5). Судьба России представляет собой наглядный урок того, к чему приводит курс на национальную Церковь, оторванную от вселенского христианства.

И если действительно настало время для обретения единства с Католической Церковью, то именно наше зарубежье должно стать во главе этого процесса. Так как именно русские христиане рассеяния обладают для этого всем необходимым: свободой, знанием иностранных языков, и в то же время живым ощущением русской проблематики, православным религиозным сознанием.

Ориентация Движения на открытость к Римской Церкви даст Русской Церкви возможность избежать превращения в археолого-этнографическое учреждение, — болезнь, уже в значительной степени захватившая некоторые восточные Православные Церкви, как мы можем, например, видеть из впечатлений Дневника о. Сергия Булгакова.

3.

Уже сейчас можно видеть многочисленные тревожные симптомы этого процесса. Не следует переоценивать многолюдство в наших храмах. Просто храмов ничтожно мало. Даже в Москве, в городе с 7 млн. жителей — 40 храмов, — то есть 1 храм на 175 000 чел. Москва по нашим масштабам город благополучный в отношении числа храмов. А возьмите, например, такие города, как Харьков или Горький, население которых сейчас более миллиона. В первом из этих городов, по-моему, 2 храма, во втором 3 или 4, так что там уже получается 1 храм на 0,5 млн чел. На всем Дальнем Востоке кажется 3 или 4 храма: 1 на Камчатке, 2 (кажется) во Владивостоке, 1 в Якутске и 1 в Комсомольске на Амуре (открыли чуть ли не по инициативе партийного руководства — уж слишком много стало сект, т. е. для противовеса). Приблизительность оценок (в общем очень близких к истине) объясняется тем, что сведения о числе храмов в епархиях являются строго секретными (!), так что точных цифр узнать легальным путем почти невозможно.

Контингент прихожан в наших церквях — это на 90% женщины старше 50-ти лет. Молодежь лишь там, где священник ориентирован на нестандартное отношение к пастырству, — т. е. часто и хорошо проповедует, открыт для общения, имеет что сказать современному человеку, а не прячется за елейное пустословие. В то же время, богослужение в его современном виде для большинства посещающих храм остается почти нацело непонятным — люди слышат лишь отдельные благочестивые «божественные» слова, умиляются свечами, пением и т. п. Отсюда понятно, почему у нас центр тяжести все больше переносится с литургии на водосвятные молебны и акафисты, отношение к которым часто носит отчетливый магический характер. Это ослабление литургического сознания наличествует не только у пасты, но, к сожалению, и у самих пастырей. Многие священники уже за месяц, например, до Великого Поста причащают верующих лишь в виде исключения, полагая, что для причащения подходит лишь

время поста и именин. Церковно нелепой выглядит такая литургия, когда при полном храме причащают двух-трех больных, а то и вовсе никого. Диакон лишь «показывает» верующим св. чашу, выходя с ней из царских врат и торжественно произнося: «Со страхом Божиим и верою приступите!» После чего св. чаша уносится в алтарь — никто так и не приступил. Нельзя — через две недели пост! И здесь инициатива непричащения исходит исключительно от священников, а не от верующих.

Особенно ярко проявляется магическое отношение к Церкви и таинствам в стремлении многих наших соотечественников крестить детей, отнюдь не связывая это с последующим религиозным воспитанием или с собственной религиозностью. Это стало чем-то вроде экзотического древнего обычая. Спросите молодых родителей, ожидающих в церковном дворе своих детишек с крестными (родителей, как правило, на крестины не допускают, хотя паспорта с них требуют) — для чего они крестят своих детей? Никто из них не скажет, что делают это для того, чтобы дети стали членами Церкви Христовой. Самые частые причины: нас крестили — ну вот и мы...; чтобы у ребенка были крестные; бабушка говорит, что надо «покрестить», чтобы не болел (чаще всего!). Восприемники также вообще не имеют представления о том, что, собственно, совершается. Все участники, кроме разве орущего младенца, однако, твердо убеждены, что это для чего-то нужно. Скорее всего здесь доминирует неосознанное стремление задобрить какие-то неведомые силы на случай их реального существования. В отношении последующего религиозного воспитания здесь нет никаких намерений ни со стороны пастырей, ни со стороны плотских и духовных родителей новопросвещенного младенца. Если только в силу каких-то обстоятельств такой младенец, став взрослым, сам не заинтересуется религиозными проблемами (чаще всего наперекор когда-то крестившим его родителям), то второй раз его принесут в храм разве уже по завершении его жизненного пути — для отпевания.

4.

В заключение еще раз необходимо подчеркнуть, что речь сейчас может и должна идти не об унии, а о с о ю з е с Католической Церковью. В этом союзе, если Господь его благословит, будет идти взаимное обогащение горячей, но неоформленной веры русского народа и церковно-богословской культуры

Римско-Католической Церкви. Вместе с о. Сергием Булгаковым я горячо верю в наш народ, в то, что он не потеряется и не растворится в этом союзе, как не растворились в Католической Церкви поляки, итальянцы, испанцы и др. народы, но напротив — сможет гораздо полнее реализовать свое национальное призвание, которое есть у каждого народа, также как у каждого человека есть свое призвание и личная ответственность перед Богом.

Д.А.
Москва.

Комментарий

Это письмо в Редакцию поднимает ряд важных вопросов.

Нам не совсем понятно, почему автор ожидает возрождения Православной Церкви от союза с Католической Церковью, которая на Западе переживает сейчас один из самых острых кризисов за всю свою историю. Возрождение, какое бы то ни было, приходит только изнутри, совокупностью длительных усилий. Не совсем понятно, что конкретно разумеет автор письма под «союзом»: признание римской юрисдикции (тем самым и догмата папской непогрешимости) для всего мира? Но тогда союз ничем не отличим от унии.

Если «союз» означает отсутствие вражды (что не исключает богословского спора), совместные действия, сотрудничество в определенных областях, то такого рода союз осуществлен на Западе (красноречивый пример: один номер «Вестника» частично оплачивается католической организацией помощи). Честное сознание ошибочности новейших католических догматов (начиная с Тридентского собора) не должно мешать признанию духовных ценностей и достижений западной Церкви (это относится и к протестантизму).

Для православной Церкви пожалуй самая насущная задача восстановление единства с так называемыми до-халкидонскими восточными Церквами: армяно-григорианская, коптская, эфиопская, сиро-малабарская (в Индии). Все эти Церкви являются на деле Церквами вполне православными.

Как это ни странно и ни печально, но богословская мысль сейчас на Западе стоит выше у горстки православных, чем у обширнейшей, многомиллионной католической Церкви. Все перечис-

ленные в письме католические богословы или уже умерли, или находятся в преклонном возрасте.

Среди последних о. Буйе несколько лет назад написал крайне резкий памфлет о «разложении католичества». Во всех Западных странах, за последние 15 лет, наблюдается резкое снижение посещаемости церквей (во Франции оно составляет 7%, по отношению к населению и продолжает падать). Поэтому надеяться на Западную Церковь для возрождения христианства в России сейчас не своевременно. Но наш корреспондент прав: нет ничего опаснее самозамыкания и горделивой отчужденности.

Н. С.

Русское Студенческое Христианское Движение за Рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

РСХД утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к Русской Православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лике России, в напоминании о страданиях русского народа.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От Редакции. Достоевский, Польша и наши дни — Никита Струве	3
БОГОСЛОВИЕ	
На рождество Божьей Матери — Николай Кавасила (вступление, перевод и примечания архим. Амвросия Погодина	5
Бури в Евангелиях — Анри Волохонский (Израиль)	33
Возрождение монашества в Египте — Е. Демина (Дания)	38
Един Христос и едина Церковь — О. Матта-эль-Мескин (Египет)	50
Смещение языков — Алэн Безансон (Париж) ..	57
■ Столетие со дня смерти Достоевского	
Владычествующая идея — К. Неклюев (Москва)	73
Достоевский и западное религиозное воображение — Чеслав Милош (США)	79
Савлы, не ставшие Павлами — Юрий Иваск (США)	95
Победа благодати — Ришард Пшибыльский (Варшава)	105
ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ	
Три стихотворения (в переводе Н. Горбаневской) — Чеслав Милош	112
Неизвестный солдат (15 стихотворений) — В. Шаламов (Москва)	115
Хлебная петля (Из Узла III, "Март Семнадцатого") — А. Солженицын	121
■ Памяти Н. Мандельштам	
Последние дни Н. Мандельштам (из частного письма)	144
Из переписки Н. Мандельштам с Н. А. Струве	149
Нежданные встречи в Ульяновске — Нина Кривошеина (Париж)	165
Два письма А. Любичева к Н. Мандельштам	177

СОДЕРЖАНИЕ

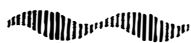
	Стр.
СУДЬБЫ РОССИИ	
■ Истоки духовного возрождения	
Жизненный путь Владыки Серафима (Звездинского) 1883-1937 ..	186
Письмо о. Серафима о постриге (1908)	201
Слово его же при наречении во епископа (1921)	207
■ Русская Церковь сегодня	
Положение об управлении Русской Православной Церкви	214
Десять обращений — (Самиздат)	221
О флаге Русского Христианского Движения — Николай Алексеев (СССР)	235
■ Вопросы и история эмиграции	
Письма З. Гиппиус Е. Лопатиной и С. Еремеевой	257
■ Письма в Редакцию	
Письмо от о. Дмитрия Дудко	293
Вестник читают в России	293

SOMMAIRE

	Pages
<i>Dostoïevski, la Pologne et les événements d'aujourd'hui — N. Struve</i>	3
THEOLOGIE, PHILOSOPHIE	
<i>Sur la Nativité de la Mère de Dieu — Nicolas Cabasilas (traduc- tion et commentaire du P. Ambroise Pogodine)</i>	5
<i>Les tempêtes dans les Evangiles — A. Volokhonski (Israël)</i>	33
<i>La renaissance du monachisme en Egypte — E. Demina (Danemark)</i>	38
<i>Le Christ est Un, l'Eglise est Une — P. Matta-el-Meskine (Egypte)</i>	50
<i>La confusion des langues — Alain Besançon (Paris)</i>	57
POUR LE CENTENAIRE DE LA MORT DE DOSTOÏEVSKI	
<i>L'idée maîtresse — C. Nekliouev (USSR)</i>	73
<i>Dostoïevski et l'imagination religieuse en Occident — C. Milocz (USA)</i>	79
<i>Des Saul qui ne sont pas devenus des Paul — Ingvar Ivask (USA)</i>	95
<i>Le triomphe de la grâce — R. Przibylski (Pologne)</i>	105
LITTERATURE ET VIE	
<i>Trois poésies (traduites par N. Gorbanevski) — C. Milocz</i>	112
<i>Le soldat inconnu (15 poésies) — Varlam Chalamov (Moscou) ..</i>	115
<i>Le pain étrangle (Un chapitre du 3-e noeud «Mars 17») — A. Soljénitsyne</i>	121
■ In memoriam Nadejda Mandelstam	
<i>Les dernières semaines de N. Mandelstam</i>	144
<i>Neuf lettres à Nikita Struve</i>	149
<i>Rencontres insolites à Oulianovsk — Nina Krivochéine</i>	165
<i>Deux lettres de A. Lioubitchev à N. Mandelstam</i>	177

SOMMAIRE

	Pages
LES DESTINEES DE LA RUSSIE	
■ Aux sources de la renaissance religieuse	
<i>Vie et martyre de Mgr Séraphim Zvézdinski (1883-1937)</i>	186
<i>Lettre du P. Séraphim à l'occasion de sa prise d'habit</i>	201
<i>Discours de Mgr Séraphim à l'occasion de son sacre épiscopal</i> ..	207
■ L'Eglise russe aujourd'hui	
<i>Les statuts de l'Eglise orthodoxe russe</i>	214
<i>Dix conversions (URSS)</i>	221
<i>Le drapeau de l'Action Chrétienne russe</i> — Nicolas Aleksév (URSS)	235
■ Problèmes de l'émigration	
<i>Lettres inédites de Zénaïde Guippius</i> (présentées par T. Pachmuss)	257
■ Lettres à la Rédaction	
<i>Lettre du P. Dimitri Doudko</i>	293
<i>Le «Messager» est lu en Russie</i>	293

ИЗДАТЕЛЬСТВО

11, rue de la Montagne Ste Geneviève

Н О В Ы Й Е И !!

Вышли из печати

Мамонтов С. : ПОХОДЫ И КОНИ

476 стр. 79,00 фр.

С. Мамонтов возвращает нас в эпоху революции и беспощадной братоубийственной войны. Он восстанавливает все случившееся с юнкером, прапорщиком, потом поручиком Мамонтовым в 1917-1920 гг. Чудесный дар рассказчика, поразительная свежесть, искренность и наивная вера в будущее превращает в захватывающее чтение записи о походах по дорогам России.

Мандельштам О. : СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Т. 4, 200 стр. 75,00 фр.

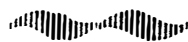
Под редакцией Г. Струве, Н. Струве, Б. Филиппова

Четвертый том дополняет первые три тома и доводит издание до почти академической полноты. В него вошли стихи с 1909 по 1937 г., переводы, очерки и статьи и подборка писем. Все тексты снабжены подробным комментарием. Дана также библиография основных работ о Мандельштаме за последние 10 лет. Книга включает 12 фотографий.

Выходит в свет собрание всех пьес
среди которых
пьесы ПИР ПОБЕДИТЕЛЕЙ
и сценарии ЗНАЮТ ИСТИНУ

Заказы направлять: LES EDITEURS RÉUNIS

Ymca - Press

75005 Paris, France - Tél. : 354-74-46

Выходят из печати

Н О В Ы Й Н Ё М !!

Струве П. Б. : ДУХ И СЛОВО

Статьи о литературе. 300 стр.

Кн. Д. Святополк-Мирский назвал П. Б. Струве (1870-1944) мастером маленького эссе. В газетных и журнальных статьях, написанных в эмиграционный период и впервые собранных воедино, перед глазами читателей проходят сжатые характеристики самых разнообразных русских писателей, от Екатерины Великой до Николая Гумилева. Но главная часть книги посвящена духу и слову Пушкина. Ценность вклада П. Б. Струве в постижение Пушкина несомненна.

Зернов Н. : ЗАКАТНЫЕ ГОДЫ

Эпилог Хроники семьи Зерновых.

Эпилог заканчивает хронику одной из выдающихся семей России и эмиграции на высокой и просветленной ноте. Христианская жизнь заканчивается христианской старостью, принятой с благодарностью, несмотря на болезни и немощи. Примиряющий свет разлит во всей книге, и в рассказе об экуменической деятельности, и в описании встречи с третьей эмиграцией, и в самом преддверии смерти: последние страницы были продиктованы Н. М. Зерновым за два дня до кончины.

киносценариев А. СОЛЖЕНИЦЫНА,
публикуются впервые
ПЛЕННИКИ
АНКИ и ТУНЕЯДЕЦ

, rue de la Montagne Sainte Geneviève, 75005 Paris, France.

"РУССКАЯ МЫСЛЬ" « LA PENSEE Russe »

РУССКАЯ МЫСЛЬ - самая большая русская еженедельная газета на Западе. Она выходит в Париже, каждый четверг на 16-ти страницах.

Главный Редактор: Ирина ИЛОВАЙСКАЯ

Адрес РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

«La Pensée Russe». 217, rue du Fg Saint-Honoré - 75008 Paris

Tél. 561-05-79, 563-21-83, 563-94-47

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: (во франц. франках)

	3 мес.	6 мес.	12 мес.
ФРАНЦИЯ	45	85	150
ЗАГРАНИЦА	54	95	170

Почтовый счет: С.С.Р. 5883-44 К Paris

Цена отдельного номера 5 фр.

Новое Русское Слово

ЕДИНСТВЕННАЯ ЕЖЕДНЕВНАЯ РУССКАЯ ГАЗЕТА ЗА РУБЕЖОМ

66-й год издания. Выходит 6 раз в неделю в Нью-Йорке

Главный редактор: **АНДРЕЙ СЕДЫХ**

Свыше 200 сотрудников во всех странах мира. В Новом Русском Слове печатают свои произведения виднейшие эмигрантские писатели, поэты и публицисты.

Полная информация о жизни эмиграции.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: Воскресное и ежедневное издание:

один год — 70 амер. долларов

6 месяцев — 38 амер. доллара

Воскресное издание только:

один год — 30 амер. долларов

Подписку и объявления направлять по адресу:

NOVOE RUSSKOYE SLOVO

461 8th Avenue — New York, 1001, N.Y., USA.

или по адресу парижского представителя газеты,
с уплатой во франках:

Mr. Perepelovsky, 108, rue Michel Ange, 75016 Paris

КОНТИНЕНТ

№ 27

Литературный,
общественно-
политический
и религиозный
журнал

Главный редактор : Владимир МАКСИМОВ

СОДЕРЖАНИЕ

Чеслав Милош — Особая тетрадь: Звезда Полян.

Перевод с польского Н. Горбаневской.

Евгений Козловский — Диссидент и чиновница

Виолетта Иверни — Стихи

Вячеслав Сорокин — Визит сенатора. Парн. Банкнота

Владимир Адмони, Кирилл Померанцев

Борис Брикер, Анатолий Вишевский — Короткие рассказы

Ина Блинецова — Пейзаж с ангелом

Эрнст Неизвестный — Лик — лицо — личина. Новые главы из
одноименной книги

Игорь Бурихин, Юрий Кублановский, Сергей Петрунис

Михаил Хейфец — Русский патриот Владимир Осипов.

Предисловие и примечания Эдуарда Кузнецова

Иржи Ледерер — Почему мне все-таки пришлось покинуть родину

Зигмар Фауст — По эту сторону Берлинской стены

Гейтер Стюарт — Испания 1980 года

Ян Вальц — Мы, Свободная Вальковая...

Виктор Каган — В. Г. Короленко "ан фас". (К семидесятилетию со
дня смерти Л. Н. Толстого.). Дмитрий Егорович рассказывает...

Публикация и комментарии Марка Поповского.

Лидия Шатуновская — Час расплаты. Глава из книги воспоминаний

ЛИТЕРАТУРА И ВРЕМЯ

(К столетию со дня рождения Александра Блока)

Дмитрий Бобышев — Покой и воля

(К столетию со дня смерти Ф. Досоевского)

Владимир Максимов — Духовной жаждой томим...

ИСКУССТВО

Семен Черток — Художник Александр Окунь

Жан-Пьер Симон — Выход — вверх. Заметки о живописи

Юрия Жарких

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Л. Алексеева — Дело Орлова. (Рецензия составителя) \diamond Василий

Бетаки — Сталин без загадок \diamond Эммануил Штейн — "Перемена

ветра..." \diamond Виолетта Иверни — Время странствовать и время

вспоминать... \diamond Вадим Нечаев — Красный террор в России \diamond Фе-

ликс Кандель — Теплая книга \diamond Вадим Рыбаков — Нужно долго

собрать свою смерть. \diamond КОРОТКО О КНИГАХ \diamond ПО СТРАНИ-

ЦАМ ЖУРНАЛОВ \diamond НАША АНКЕТА: Беседа с писателем Василием

Аксеновым.

Цена отдельного номера: 35 фр. фр.

С заказами обращаться в русский книжный магазин

LES EDITIONS REUNIS

11, rue de la Montagne Ste-Geneviève 75005 PARIS

ВЕСТНИК

Издание Русского Христианского Движения

56-ой год издания

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЕСТНИКА

В Америке:

Mrs Ludmila Toman, 85, Tobey Road, Belmont, Mass. 02178, USA.

San Francisco:

Mrs Olga Raevsky-Hughes, P.O. Box 1207, Berkeley, Ca 94701, USA.

В Канаде:

« Parish News », 1175 Champlain St. Montreal P.Q. H2L 2R7,
Canada.

В Англии:

Aid to the Russian church (Miss Ellis) Schoolhouse, Heathfield Rd,
Keston, Kent.

Directeur responsable : Nikita STRUVE.

Tous droits de traduction réservés.

